

ТЕЛЕГРАФНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

ТОКИО Лондон, 13 час. 30 мин. 17 июля 1941 г.
Получено в 18 час. 50 мин. 17 июля 1941 г.

адресатом и реципиентом

По радио

НАЧАЛЬНИКУ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 15 июля 1941 года

Германский курьер сказал военному аташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный аташе не знает - будет война или нет.

Д. видел начало сообщений из Геттингена; что в случае возникновения германо-советской войны, Япония поведет себя около 5 недель, чтобы начать наступление на советской Дальней Восток, но наемники считают, что японцы потребуют больше времени потому, что это будет война на суше - японцы-формы-исходный.

Габриэль
Городецкий

МИФ

«ЛЕДОКОЛА»

Габриэль Городецкий

МИФ

«ЛЕДОКОЛА»

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Перевод с английского

«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»
Москва
1995

ББК 63.3(0)62

Г 70

Переводчики: Галкин В.А., Петренко А.И.

Редактор: Фоменко А.П.

Городецкий Г.

Г 70 Миф «Ледокола»: Накануне войны: Пер. с англ. — М.: Прогресс-Академия, 1995—352 с.

История вступления СССР во вторую мировую войну продолжает оставаться «больной» темой для России. Яркий пример тому — коммерческий успех крайне тенденциозной книги В. Суворова (Резуна) «Ледокол». Одним из главных оппонентов Суворова с середины 80-х годов является автор данной книги, известный историк профессор Г. Городецкий, директор Каммингсовского Центра по изучению России и Восточной Европы Тель-Авивского университета. Полемизируя с Суворовым, Городецкий на огромном фактическом материале доказывает несостоятельность и провокационность версий Суворова.

Г $\frac{0503020500 — 026}{8A7(03) — 95}$ без объявл.

ББК 63.3(0)62

ISBN 5-85864-065-6

© Прогресс-Академия, 1995

ОТ АВТОРА

Все нации вскормлены мифами, но политические системы, порожденные революциями, буквально упиваются ими. Символы французской и американской революций до сих пор освящают политические системы этих стран. В России, в рамках официально созданного культа Великой Отечественной войны, была сформулирована и развита конформистская версия ее истории. В течение полувека созданная официозом память о войне была одной из серьезнейших сил, объединяющих и цементирующих российское общество. Она не была направлена ни на фиксирование событий прошлого для потомков, ни на увековечение памяти павших. Первоначально были забыты грехи Сталина — воспевался лишь его вклад в Победу. Позже это было использовано Коммунистической партией в попытке создать представление о национальном единстве, сложившемся под воздействием героического опыта войны.

Коллективную память, травмированную войной, поставили на службу идеологии — и не важно, что это не всегда делалось с умыслом. История войны в результате превратилась в некую причудливую смесь, где были и правда, и ложь, а зияющие пустоты скрывали истину от целых поколений. Особенно пострадало от руки историков освещение событий, которые привели к катастрофическому для Советского Союза началу войны.

История Великой Отечественной войны, ставшей неприкосновенной святыней, оказалась последней из того, что было подвергнуто пересмотру после распада Советского Союза. Было бы, разумеется, более правильным с точки зрения нравственности, если бы мертвых оставили в покое, и какое-то время не тревожили бы память о Великой Отечественной войне. К сожалению, однако, бурный переходный период породил поколение иконоборцев-ниспровергателей мифов. Результатом их действий становится столь же искаженная и политизированная версия истории Великой Отечественной войны. Бывшие «белые пятна» ныне заполняются набором лжи, тенденциозными подборками фактов, которые общественность склонна принимать за истину.

Возможно, тем не менее, что разрушение культа Великой Отечественной войны приведет к положительному побочному результату. Расчищается путь к появлению настоящей памяти, познанию неподдельной правды. Я приехал в Оксфорд с целью заняться во время академического отпуска завершением своей крупной работы — переработкой истории Великого союза времен второй мировой войны. Однако мое внимание привлек шумный прием, который был оказан в России «Ледоколу». С В. Резуном («Суворовым») я скрещивал мечи постоянно с 1985 г., когда он впервые обнародовал в Париже свои нелепые писания. В обстановке, когда российские военные историки и историки дипломатии не давали Резуну сколько-нибудь серьезных ответов, я счел своей жизненно важной задачей дать подробное и объективное описание критических событий 1939—1941 гг. Надеюсь, что результат моих трудов, венец пятнадцатилетних исследований этого периода, даст читателю возможность сориентироваться во всем разнообразии фактов прошлого, увидеть их именно такими, какими они были, прежде чем составить собственное мнение об истории.

Друзья и коллеги помогали в моей напряженной работе над рукописью. Генерал Дмитрий Волкогонов оказывал неограниченную поддержку в ходе моих бесконечных поисков новой информации и материалов. Доктор Лев Безыменский из «Нового времени» был бесценным источником информации, критических замечаний и помощи. Я хочу выразить особую благодарность доктору Игорю Лебедеву, директору Историко-Документального Управления Министерства иностранных дел Российской Федерации, позволившему мне изучить соответствующие материалы, без чего было бы невозможно разобраться в чрезвычайно сложной дипломатической обстановке кануна войны. Генерал-майор В. А. Золотарев, начальник Института военной истории, и капитан I ранга В. Н. Вартанов любезно разрешили мне ознакомиться с их еще не опубликованными трудами, касающимися этого периода.

Постоянную помощь мне оказывал мой старый друг профессор Джон Эриксон, являющийся общепризнанным специалистом по советским военным проблемам кануна войны. Он внимательно прочитал текст, и мне принесли

большую пользу несколько весьма поучительных бесед с ним. Подполковник Дэвид М. Гланц из Форта Ливенорт (Канзас), чьи высоко профессиональные труды по этому периоду послужили для меня источником вдохновения, любезно разрешил мне воспроизвести ряд карт, составленных им для своих работ по советской военной истории. Генерал Шимон Наве, эксперт по советским военным доктринам, помог мне сориентироваться в наиболее сложных нововведениях в этой области, исходивших в 30-е годы от В.К. Триандафиллова и М.Н. Тухачевского; он помог мне и в некоторых вопросах, где требовались очень специальные экспертные познания.

Особую благодарность я приношу сотрудникам Сент-Антони-Колледжа в Оксфорде Аверэху Макдональду, бывшему политическому редактору «Таймс», и моим друзьям, профессорам Тимоти Гартону Эшу и Гарри Шукману, за их замечания и поддержку. Я признателен также лорду Ральфу Дарендорфу, ректору колледжа, и членам совета колледжа за интерес, проявленный ими к моей работе, и за благожелательную атмосферу, которая оказалась чрезвычайно благотворной. Доктор Зара Стайнер из Кембриджского университета прочитала рукопись, и ее предложения послужили существенному улучшению книги. Сэр Морис Шок, ректор Линкольн-Колледжа Оксфордского университета, был столь любезен, что разрешил мне работать с личными документами и дневником сэра Стаффорда Криппса, британского посла в Москве накануне войны, которые хранятся у него; его познания в области британской политики этого периода оказались для меня очень ценными.

Я выражаю далее личную благодарность доктору Петре Маркан-Бигмен, которая, не жалея сил, помогала мне в исследовании немецкого аспекта событий. Большое содействие в работе мне оказали доктор Бьянка Пьетров-Энкер из Тюбингенского университета, профессора Шуламит и Александр Волков из Тель-Авивского университета. Особо теплую личную благодарность хотелось бы выразить доктору Борису Морозову, моему коллеге по Центру Каммингса в Тель-Авивском университете, который приложил значительные усилия, чтобы помочь мне в трудоемких поисках соответствующих материалов и их

оценке. Мне хотелось бы также выразить свою признательность доктору Вере Каплан за помощь в подготовке русской редакции текста к опубликованию.

И, наконец, хотелось бы сказать о том, как вдохновляли меня частые поездки в Россию в ходе моей работы над рукописью. Муза истории всегда здесь была со мной, где бы я не был — шел ли к Кремлю с его возвышающимися над горизонтом башнями, окутанным драгоценным сиянием, — стоял ли на берегу реки Москвы в парке имени Горького, прогуливался ли по Тверскому бульвару; наслаждался ли видом величественных дворцов вдоль каналов Санкт-Петербурга или бродил в березовых рощах Царского Села, шумящих у ворот Екатерининского дворца.

*Гэбриэль Городецкий,
Колледж Сент-Антони
Оксфордский университет,
лето 1994 г.*

Глава I

Введение

Полемика

Немногие события оказали такое влияние на ход второй мировой войны и ее последствия как план «Барбаросса». Истории его возникновения посвящено немало исследований, однако изменения политического климата вызывают трансформации взглядов и оценок ученых. Согласно традиционному взгляду, Германия стремилась под влиянием экономических, расовых и территориальных интересов установить гегемонию в Центральной Европе. Противоположная интерпретация видит причину войны в претворении замыслов, изложенных Гитлером в книге «Майн Кампф». Третья точка зрения объясняет действия немцев «демонической» природой Гитлера. Идеологизированные интерпретации либо рассматривают план «Барбаросса» с марксистских позиций, объясняя его экономическими причинами, либо считают его логическим итогом непримиримых противоречий между фашизмом и коммунизмом. Кроме того, ряд историков объясняет кампанию на Востоке внутренней борьбой между армией, традиционным истеблишментом и нацистской партией.

Дискуссии приняли неожиданное направление весной 1985 года, когда мало известный до той поры «Виктор Суворов» поместил в издаваемой в Париже газете русских эмигрантов «Русская мысль» сенсационную статью. Суворов избрал интеллектуальный орган белоэмигрантов, чтобы начать крестовый поход против святыни святынь русской истории — Великой Отечественной войны. Автор изобразил Советский Союз не жертвой, а виновником войны, утверждая, что в июле 1941 года Сталин был готов к неожиданному нападению на нацистскую Германию, а Гитлер лишь опередил его.

Опубликованная затем в английском журнале статья не вызвала здесь большого интереса и была забыта¹. Вряд ли выступление Суворова было бы серьезно воспринято в академических кругах, если бы оно не совпало по времени

со «спором историков» — бурными дебатами о характере и ходе развития немецкой истории и природе германского национализма. Признание в Германии его взглядов — в основном по политическим соображениям — вдохновило автора на изложение их в виде книги².

Книга с незначительными поправками и изменениями была в конце концов издана на русском языке, будучи перед этим опубликованной в Польше, где ее провозгласили историческим шедевром. Как же поляки могли не приветствовать русского офицера военной разведки, ублажившего своей книгой их националистические чувства? Заключенный между Польшей и Германией пакт о ненападении был забыт, так же как и упорный отказ поляков от реальных мер по обеспечению безопасности во время роковых переговоров летом 1939 года. Высказанное Суворовым упоение своим успехом в Польше лучше всего свидетельствует о том, как его книга воздействует на национальные чувства в различных странах. Его слова производят неприятное ощущение: «Я чувствую себя великолепно. Я попал в совершенно необычную атмосферу. Меня узнают на улице, дарят цветы. Вчера полиция сдерживала напор читателей, которые хотели получить автограф на книге. Попасты в такую ситуацию приятно каждому»³.

Последним достижением Суворова является следующая книга под названием «День-М», в которой на Советский Союз возлагается ответственность не только за вторжение немцев в Россию, но и за развязывание второй мировой войны. Война, по его мнению, была вызвана советскими мероприятиями по мобилизации, систематически проводившимися с лета 1939 года. «Сталин это понимал, — утверждает Суворов, — и сознательно отдал приказ о тайной мобилизации 19 августа 1939 года. С этого дня при любом развитии событий войну уже остановить было нельзя. ТОЧНЫЙ ДЕНЬ, КОГДА СТАЛИН НАЧАЛ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ — ЭТО 19 АВГУСТА 1939 ГОДА»⁴.

Однако еще до того, как Суворов вторгся в «спор историков», русский мотив стал основным в проходящих дебатах. Профессор Нольте отказался считать нацизм необычным и не имеющим оправданий явлением, ссыла-

ясь на существование «азиатских» прецедентов, например, резня армян в 1915 г., и особенно «классовые убийства», совершенные большевиками, и искоренение Сталиным целых групп населения. Нольте утверждал далее, что жестокость Гитлера была вызвана естественным страхом перед Советским Союзом и осведомленностью о демонических методах Сталина. Кроме того, рассуждал теперь Нольте, если Гитлер искренне верил в угрозу, исходящую от евреев, не было ли вполне логичным для него двинуться на Восток, где существовала большая концентрация еврейского населения, и ликвидировать эту грядущую опасность?⁵ Следует отметить, что дебаты по этому важнейшему вопросу проводятся как в Германии, так и в России любителями, а не серьезными историками: Нольте — философ, а Суворов — разведчик.

В этих условиях идеи Суворова, полностью отвергнутые в Англии, были подхвачены в Германии и вызвали бурные споры, которые привлекли внимание известных немецких ученых⁶. Грубо говоря, аргументы Суворова привлечены для поддержки утверждений Нольте о рациональности и обоснованности политического курса нацистской Германии. Если Сталин действительно намеревался «освободить» Центральную Европу, то решение Гитлера воевать с Россией не может более рассматриваться как выполнение идеологических замыслов, содержащихся в книге «Майн Кампф», и считаться стратегическим безрассудством или откровенно агрессивным актом. Наоборот, война Гитлера в Европе превращается в «превентивную войну», оправданную с точки зрения традиционных германских геополитических интересов и угрозы, которую представлял для Германии и цивилизованного западного мира отвратительный сталинский режим. Таким образом, парадокс заключался в том, что книги Суворова, цель которых прежде всего заключалась в том, чтобы поднять на Западе тревогу относительно коммунистической России и подорвать процесс разрядки, были использованы для оправдания нацизма.

Горя желанием опрокинуть все «советское», Суворов проявляет неразборчивость в средствах, то потакая польскому национализму, то реабилитируя нацизм. Фактически вся теоретическая база Суворова непосредственно

почерпнута из тех необоснованных посылок, которые изложил Гитлер перед своими генералами 22 июня 1941 года накануне войны:

«...теперь наступил момент, когда выжидательная политика является не только грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, а следовательно, и всей Европы. Сейчас приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на крайнем севере Европы и Румынии. Советские летчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы нам доказать таким образом, что они считают себя уже хозяевами этих территорий. Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки»⁷.

Документы германской разведки, цитируемые далее в этой книге, определенно свидетельствуют о том, что развертывание советских войск носило оборонительный характер и не представляло никакой опасности для вермахта⁸.

Далее Суворов делает безапелляционное заявление о том, что судьба нейтральных стран полностью зависела от прихоти Сталина, в то время как Гитлер играл роль пассивного наблюдателя. Нет смысла говорить, что если бы аргументы Суворова подтверждались объективными фактами, история развивалась бы совершенно иным путем. Утверждение о том, что нацистская Германия «имеет больше оснований считаться нейтральной в 1939—1940 годах», является абсурдным⁹. Также безосновательно заявление, что глава советской военной разведки генерал Голиков не был наказан Сталиным за приниженные данные о наращивании германских вооруженных сил 21 июня, так как он «докладывал Сталину правду. Гитлер действительно к войне против Советского Союза не готовился»¹⁰.

Влияние идей Суворова не стоит недооценивать. Метаморфозы, которые претерпела в последние годы немецкая

историография войны на Востоке, поразительны. Покойный профессор Хильгрубер, один из ведущих немецких историков, неожиданно заговорил об угрозе, которую Советский Союз представлял для Германии в 1941 году, хотя в 1965 году, пользуясь теми же самыми источниками, он рисовал образ индифферентного Сталина, стремящегося умиротворить Гитлера, до самого начала войны перевыполняя советские обязательства перед Германией¹¹. В книге под названием «Война Сталина» австрийский профессор Эрнст Топич утверждает, что, концентрируя внимание на агрессивных действиях Гитлера, — особенно нападении на Советский Союз, — мы просмотрели истинного преступника — Сталина. Вторая мировая война, утверждает Топич, «была по сути дела нападением Советского Союза на западные демократии, а Германии... отводилась роль лишь военного заместителя»¹².

Еще более настораживает тот факт, что Суворов фактически подтверждает мысли, выраженные недавно Иоахимом Хофманом в официальной германской военной истории второй мировой войны. Немецкие историки во Фрейбурге, показав исключительно высокий уровень профессионализма в изучении немецких материалов, не смогли преодолеть разногласия относительно политического аспекта войны на Востоке. Это заставило их прибегнуть к необычной практике и произвести на свет две диаметрально противоположных версии происхождения плана «Барбаросса». Профессор Месссершмидт придерживался традиционных взглядов, Хофман же фактически солидаризировался с Суворовым, говоря об исходящей от Советского Союза стратегической угрозе, которая не могла не убедить Гитлера, что июнь 1941 года — последняя возможная дата начала превентивной войны¹³.

Общим для Хофмана и Топича, как и для данных дебатов вообще, является неспособность представить новые доказательства для обоснования приводимых ими голословных утверждений. Пока что дебаты вызвали серьезные возражения в основном по поводу военного аспекта теории. Однако они также не были последовательными, и позиции Суворова не были поколеблены. Дискуссии совершенно не касались политических и дипломатических структур, в рамках которых принимались военные реше-

ния. Изучение военных аспектов проблемы, в основном ограниченное теоретическим рассмотрением советской внешней политики накануне войны, свидетельствует о сильной идеологической предвзятости участников¹⁴.

Серьезным пробелом большинства историков, изучающих военные и дипломатические вопросы, является неспособность рассматривать различные аспекты под единым углом зрения. Это особенно ярко бросается в глаза, когда речь заходит о руководстве Сталина. Почти никто не отрицает, что работа Генштаба, Коминтерна, Центрального Комитета и Наркоминдела сводилась воедино в Кремле. Хотя наверху допускалась относительная свобода мнений, учитывались различные альтернативные предложения, окончательной, последней инстанцией всегда был Сталин. С середины мая 1941 года Сталин даже формально стал первым человеком страны, заняв пост председателя Совета народных комиссаров; в этой должности он осуществлял всестороннее руководство как в военных, так и в дипломатических вопросах. Не следует доводить дело «до абсурда» и полагать, что по утрам Сталин рассматривал военную доктрину, после обеда обсуждал вопросы дипломатии, а вечерами погружался во внутривластные проблемы. Все эти вопросы были тесно взаимосвязаны.

Приведем в качестве примера предложение Жукова от 15 мая 1941 года о контрнаступлении с целью предотвращения концентрации германских войск на границе с Советским Союзом. Сталин должен был рассматривать этот вопрос, увязывая его с разговорами о грядущей советско-германской войне и таинственном полете Рудольфа Гесса в Англию несколькими днями ранее, с учетом поражений английской армии на Балканах и в Северной Африке, а также подписанного незадолго до этого Пакта о нейтралитете с Японией. Все эти факторы увязывались воедино, и на основании их Кремль принимал решения. Поэтому очень важно постараться понять настроение людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня. Нельзя упускать из виду драматизм событий, полных неопределенности, когда недоверие, предвзятые мнения и слухи оказывались сильнее десятков дивизий, развертываемых на фронтах.

Другим фактором, ограничивающим объективное суждение, является тенденция рассматривать тот или иной

эпизод лишь с точки зрения советско-германских отношений, не учитывая отношений Советского Союза с Англией, что важно для правильной оценки событий. Акцент на теоретических основах и идеологических корнях конфликта увел дебаты далеко в сторону от действительных событий, приведших к войне на Востоке.

Невозвращенцы становятся историками

Ни ошеломляющие гипотезы Суворова, ни свидетельства в их поддержку сами по себе не являются откровением¹⁵. Именно принадлежность Суворова к ГРУ (советской военной разведке) придала его аргументам вес и достоверность. Поэтому прежде чем обсуждать проблему, необходимо сказать несколько слов о феномене «Суворова». Теперь известно, что Виктор Суворов — псевдоним Владимира Богдановича Резуна, капитана ГРУ, попросившего политическое убежище в Англии в июне 1978 года. Романтический и таинственный ореол, окружавший Суворова, усилен его издателями, которые акцентировали внимание западного читателя на том факте, что Москва вынесла ему смертный приговор и поэтому его настоящее имя и местонахождение являются большим секретом. Самому Суворову льстит этот романтический ореол: «Это на самом деле совершенно потрясающее чувство освобождения. Я знаю, что я мертв, поэтому у меня нет никаких проблем. Каждое новое утро я встречаю благодарностью Богу и судьбе за то, что мне подарено еще одно утро. Господи, как это прекрасно. Я должен был 14 лет назад уже быть в ящике, а я все еще живу»¹⁶.

Никто из ученых, увлеченных теориями Суворова, не счел за должное осведомиться о его мотивах или усомниться в достоверности полученной от перебежчика информации. Ведущие специалисты по вопросам разведки утверждают, что перебежчикам, как правило, трудно расстаться с секретами, и поэтому они находятся под сильным эмоциональным давлением. Им мало доверяют, и они знают, что когда от них получают всю необходимую информацию, они станут не нужны. Единственное, что им остается, это «отдалять тот ужасный день, когда с ними будет покончено, когда они будут выжаты, как лимон, дело их жизни закончится, а они станут чужими в свободной,

но непонятной им стране». Предусмотрительный перебежчик преувеличивает свою роль в советской разведке, намекая на доступ к досье и архивам, которых он никогда не видел, или утверждая, что знает о чем-то из первых рук и имеет нужных знакомых. Такие личности, как правило, выступают с весьма спекулятивными и потому сенсационными заявлениями, привлекающими внимание читателя, хотя на самом деле они чаще всего были всего-навсего мелкими функционерами, не посвященными в процесс принятия Кремлем решений. Их информация зачастую черпается из сплетен, распространяемых их коллегами по работе¹⁷.

Суворов пошел по стопам тех перебежчиков, которые даже во время войны пытались добиться признания и внимания с помощью дезинформации. Леон Гельфанд, оставшийся в Риме в 1940 году, проинформировал англичан, что «Сталин с 1933 года добивался заключения соглашения с Гитлером»¹⁸. Таким образом, Суворов не является исключением. После своего бегства он опубликовал несколько книг о советской военной разведке и своей собственной работе¹⁹. Однако можно с уверенностью сказать, что он имел весьма ограниченный доступ к секретной информации во время своей непродолжительной службы в военной разведке в качестве младшего офицера, а затем краткого пребывания в Генштабе.

Стало знамением времени, что такие люди, как Резун, ранее пользовавшиеся привилегиями, полагающимися «номенклатуре», стремятся в заново родившейся России быть приравненными к истинным диссидентам и критикам режима, как например, Андрей Сахаров — людям, дорого заплатившим за свои убеждения. Суворов предал систему, и его действия, естественно, заставляют поставить вопрос о моральной чистоплотности личности. Чтобы опровергнуть какие-либо обвинения в предательстве, Суворов рассказывает о себе в приукрашенных тонах: «Я уже полностью отдавал тогда себе отчет, что у этого режима нет никакого будущего. Я понимал, что он рухнет. С другой стороны, я был фанатически влюблен в армию, в оружие, в сильные, мощные организации, такие, например, как ГРУ. И я гордился тем, что я офицер. Это шло параллельно. Я ненавижу режим и страшно люблю ар-

мию»²⁰. Как мы вскоре увидим, вольное обращение с источниками стало его товарным знаком. Отягощать себя доказательствами — занятие для него совершенно чуждое.

Перебежчики, чтобы удержать интерес к себе, часто используют свои знания для пропаганды политических идей своих новых работодателей. Подобно Кривицкому и другим перебежчикам 30-х годов, работы Суворова сильно окрашены политическими и идеологическими предрассудками, имеющими цель разжечь «военный психоз» и предостеречь общественное мнение Запада от возобновления разрядки²¹. Книга Суворова написана в процветающем жанре заговорщицкой психологии. Она внушает читателю, что значимые события нельзя объяснить обычными категориями; теория заговора, или заговорщический менталитет превосходит обычные свидетельства. Заговорщицкая психология, или «история, рассказанная в виде народного мифа»²², исключительно действенна во время перехода от тоталитаризма к демократии. Теория заговора в том или ином облике легко завоевывает умы и не воспринимает опровержения, с особой силой она проявляется при объяснении ключевых моментов истории, насыщенных информацией и фактами, и тем самым подверженных постоянным ревизиям.

Период между началом второй мировой войны и немецким вторжением в Россию представляет собой особо благодатную почву для теории заговора, поскольку он включает в себя основополагающие мифы, такие, как договор между Риббентропом и Молотовым, полет Рудольфа Гесса в Англию и предупреждение, направленное Черчиллем Сталину. Суворов правильно понимает, что самые старые, заскорузлые теории заговора живут дольше других. Они воскрешаются, едва успев стереться из памяти, имитируя истину, а на деле скрывая ее новыми нагромождениями лжи. Теория заговора, будучи исключительно привлекательной для обывателей, пропагандирует мифы, преднамеренно и настойчиво скрывает истину, упрощая сложные ситуации. Это особенно применимо к России, где период 1939—1941 гг. оставался еще несколько лет назад «белым пятном» в советской историографии. Суворов не удосужился изучить появившиеся в изобилии новые материалы, так как правильно рассчитал, что идеи, внушенные с помощью теории заговора, сильнее фактов.

Кто на кого собирался нападать в июне 1941 года?

Почти полное отсутствие данных о намерениях и стратегии Сталина накануне войны заставляет нас или приписывать ему заговор сомнительного свойства, или согласиться с Черчиллем, объявив Сталина и его генералов «полностью обведенными вокруг пальца неудачниками второй мировой войны в вопросах стратегии, политики, предвидения и компетенции»²³. Вскоре после смерти Сталина появились немногочисленные свидетельства, в основном советских армейских кругов. Маршалы, воспользовавшись своим влиятельным положением после прихода к власти Хрущева, отмежевались от ответственности за катастрофические события 22 июня и взвалили всю вину на Сталина. Но даже тогда в многочисленных военных мемуарах, появившихся в виде книг и статей, развертывание советских войск рассматривалось в качестве оборонительной меры²⁴.

Отсутствие фактов завело в тупик большинство западных историков, включая ведущих экспертов по советской военной политике, например, Джона Эриксона, которые стремились найти рациональное объяснение политике Сталина в последние месяцы перед немецким вторжением. В своем замечательном исследовании «Путь к Сталинграду» Эриксону пришлось ограничиться следующим личным предположением:

«Вплоть до апреля 1941 года политика Сталина все же была в определенной степени осмысленной ... Слабость Советского Союза — хотя Сталин никогда бы это не признал — требовала проведения политики частичного умиротворения и до самого последнего времени она давала отличные плоды. Однако кризис, связанный с событиями на Балканах, знаменует собой поворотный пункт в советско-германских отношениях, который вынудил Сталина целиком перейти к политике умиротворения, и такое поведение трудно объяснить»²⁵.

Другая широко распространенная версия, — также весьма гипотетическая, — опирается на хорошо известный теперь факт, что в распоряжении Сталина находи-

лись точные разведывательные данные о развертывании и намерениях немецких войск, полученные из различных источников²⁶. Полагают, что военная оценка разведданных принизила их значение, полностью поддержав концепцию Сталина о том, что Англия пытается вызвать кризис в советско-германских отношениях, распространяя слухи о наращивании войск на границе²⁷. И тем не менее мы по-прежнему плутаем во тьме, пытаясь понять, как Сталин истолковал и использовал эти разведданные.

Где-то посередине находится версия, до сих пор весьма скупо подкрепленная данными, которая объясняет катастрофу начальных этапов войны политическим параличом, который разбил Сталина, когда он понял, что война с Германией действительно неизбежна. Принимаемые им беспорядочные полумеры, которые Суворов ошибочно расценил как тайную подготовку вооруженных сил к наступлению, отражали тревогу и неуверенность, демонстрируя признание опасности, а также понимание, что у него нет возможности ликвидировать ее. Но даже такая внешне объективная интерпретация зачастую объясняет плохое понимание Сталиным ситуации «коммунистической логикой», явное противоречие, выхолащивающее в его действиях здравый смысл²⁸.

Отсутствие бесспорных данных, а также расхождения в различных мемуарах, вышедших в свет в России, создали вакуум, который удачно заполнили теории Суворова. Единственное преимущество, которым он, по его словам, обладает перед другими западными историками: непосредственное знание советских сил безопасности и опыт работы в них. Удивляет высокомерие, с которым Суворов отмечает архивный материал и полагается только на мемуарную литературу. Он с готовностью признает, что «немного поработал в архивах Министерства Обороны СССР», но «совершенно сознательно архивные материалы почти не использую»²⁹. В ответ на мои возражения по этому вопросу, Суворов утверждал, что сверил свою информацию «с секретными советскими источниками». Отказ от использования архивов объясняется тем, что в них, очевидно, не содержалось такого материала. Нет оснований не доверять Дмитрию Волкогонову, который, будучи членом комиссии, работающей с секретными доку-

ментами Политбюро, удостоверяет, что ему попадались документы по соглашению Риббентропа-Молотова и Катынской бойне, но не было документов, свидетельствовавших о воинственных намерениях Сталина в отношении Германии³⁰. Было бы наивно полагать, что такую гигантскую операцию можно было провести без соответствующего планирования и подготовительной работы и без каких-либо документальных свидетельств.

С наступлением «гласности» появилось огромное количество новых материалов, проливающих свет на события, приведшие к войне. А ведь еще в 1990 году отрицалось даже само существование секретных протоколов к пакту Риббентропа-Молотова³¹. Уверенный в своей правоте, Суворов не удосужился сверить свои работы с имеющимся новым обширным материалом или как-то отреагировать на него. Он отмечает факты, не согласующиеся с его концепцией, приписывая их вызывающим всеобщую ненависть «коммунистическим историкам».

Не следует забывать, что аргументы Суворова были придуманы, когда советский режим еще прочно держался. Переход от подавления к свободе, сопровождаемый полным осуждением прошлого, заставил советских историков мучительно бросаться из одной крайности в другую. Достижение национального уважения и восстановление международного признания зависят прежде всего от способности объективно оценивать прошлое и отвергнуть теории заговоров, которые возрождаются в «смутное время». В настоящее время Россия живет и дышит историей. Однако опасность заключается в отказе по идеологическим убеждениям от советского периода и в поисках неясных, а то и архаичных корней в имперском прошлом России. Ведь даже большевикам пришлось вскоре после войны разбираться с царским наследием. Несмотря на попытки порвать все связи с прошлым и достичь утопии, Ленину и Сталину все более приходилось считаться с национальными интересами страны. На место чисто идеологических догм пришла ответственность перед государством, и историки должны внимательно изучать взаимозависимость между ними.

«Ледокол» стал первой попыткой Суворова обуздать историю и использовать ее в своих политических и идео-

логических интересах. Рассчитывая на западных читателей, Суворов построил свою аргументацию на грубых идеологических постулатах. Он стремился показать, что внешняя политика Советского Союза целиком определялась идеологией и следовала марксистским догмам, которые всегда имели целью мировую революцию. Суворов не принимал в расчет национальные интересы, которым следовало советское руководство накануне войны. На протяжении всей книги он размахивает жупелом коммунизма, как красной тряпкой перед быком; этим методом пользовались еще историки периода «холодной войны», пугая Запад тем, что «красные у нас под кроватью». В «Ледоколе» Суворов прибегает к такой же тактике, играя на понятном отвращении русского народа к режиму, принесшему ему так много страданий.

Россия как агрессор во второй мировой войне

Развернувшиеся дебаты имеют огромное значение, вращаясь вокруг вопроса об особом характере советского внешнеполитического курса. Суворов использует на все 100% дезинформацию и пропаганду времен «холодной войны», когда писали о наличии грандиозного плана Советов, основанного на революционном предвидении Лениным неизбежности «империалистической войны», в которой Советский Союз не примет участия. Эта война истощит капиталистический мир и явится катализатором мировой революционной ситуации. Эта пропагандистская кампания утверждала, что целенаправленная и последовательная политика Советского Союза на создание мирных условий для завершения экономического, промышленного и военного возрождения после революции 1917 года, была ему необходима, чтобы осуществить территориальную экспансию в Восточной Европе в конце второй мировой войны. Такой подход позволяет сторонникам этой точки зрения сделать вывод, что предпринятые Англией в 1939 году попытки создать действенный антигерманский союз были обречены на провал. Суворов утверждает, не приводя серьезных аргументов, что еще в 1927 году Сталин пытался разжечь империалистическую войну, поощряя забастовочное движение в капиталистических странах и поддерживая международную нестабильность.

Таким образом, Суворов пытается представить агрессивным ключевое направление советской внешней политики, которое единодушно рассматривается, как оборонительное. Читателя пытаются убедить в том, что Сталин еще в 20-х годах замысливал «освободительные войны» (термин, используемый автором для характеристики советской политики в Чехословакии в 1968 году и спроецированный им на 30—40-е годы)³².

Концепция Суворова целиком построена на определении стратегических намерений Сталина и основана на выборочных и неубедительных свидетельствах. Она выводится из изучения характера мобилизации и развертывания советских войск весной 1941 года, когда, по его утверждению, велась систематическая подготовка к нападению на Германию. Настоящей сенсацией является утверждение Суворова о том, что на 6 июля планировалась операция «Гроза» — нападение на Германию³³. К такому выводу Суворов пришел на основе весьма произвольного толкования двух, очевидно, тесно связанных между собой событий. Первое — стремительное, неожиданное и скрытое выдвижение Красной Армии к границам, которое он рассматривает, как развертывание для наступления, и второе — публикация Сталиным, казалось бы, «невразумительного» заявления ТАСС от 13 июня, в котором опровергались слухи о предстоящем столкновении между Советским Союзом и Германией. Суворов настойчиво подводит к ложному выводу о том, что приказ о наступлении был окончательно дан «12—15 июня», и тесно связывает его с опубликованием заявления ТАСС. Итак, 13 июня становится одной «из самых важных дат советской истории. По своему значению она, конечно, гораздо важнее, чем 22 июня 1941 года»³⁴.

Это утверждение Суворова зиждется на еще более шатком основании, подкрепленном в книге «День-М» неуклюжими доводами. Он отмечает, что за 19 дней до начала агрессии Сталин принял принципиальное решение мобилизовать в ряды армии высший эшелон «номенклатуры». М + 19 (19 дней после мобилизации) было не случайным сроком, утверждает Суворов, а принципиальным положением. За девятнадцать дней до вторжения в Польшу Сталин призвал в армию 4000 работников высшего

партийного эшелона. Затем Суворов делает «очевидный» вывод: «Сценарий повторяется. Если от даты нового постановления отсчитать 19 дней, то как раз попадем в 6 июля 1941 года. Эту дату я называл раньше. В этот день Красная Армия должна была нанести удар по Германии и Румынии.»³⁵

В книге «День-М» Суворов утверждает, что Сталин не только несет ответственность за нападение Гитлера на Россию, но и является инициатором второй мировой войны. Еще в «Ледоколе» Суворов заявлял, что, не уверенный в том, что Англия и Франция будут воевать за Польшу, Сталин готовился к войне, созвав в середине августа Политбюро, на котором был решен вопрос о призыве в армию резервистов. Мобилизация насторожила Гитлера и вынудила его выступить против Польши. Суворов признает, что не видел протоколов Политбюро, но события нескольких последующих дней, по его мнению, подтверждают то, что сказал Сталин³⁶. К июню 1941 года, по мере того, как мы приближались к «дню М», были уже мобилизованы 5 300 000 человек. По мнению Суворова, Сталин завершил подготовку к наступательной войне. Итак, перед читателем нарисована полная картина происходящего: «Тайная мобилизация началась 19 августа 1939 года. Поэтому День «М» — это не начало мобилизации, а только момент, когда тайная мобилизация вдруг громко объявляется и становится явной. День «М» — не начало мобилизации, а начало ее финального открытого этапа»³⁷.

Несомненно, вдохновленный успехом и пренебрегая резкой критикой ученых в его адрес, Суворов в своей новой книге теряет контроль над фактами. В то время как написанная ранее книга сохраняла определенные композиционные и научные претензии, теперь для доказательства своей правоты он приводит несущественные и едва ли связанные между собой события и теории. Так, например, он бездоказательно утверждает, что знаменитый плакат «Родина-мать зовет» и не менее знаменитая песня «Священная война» были заказаны Сталиным в конце 1940 года в преддверии агрессивной войны³⁸. Такие абсурдные утверждения часто сопровождаются эффектными сравнениями событий, имеющих между собой очень мало общего.

Разительным примером этого являются воспоминания Суворова о том, как, будучи молодым офицером, он получил новые сапоги накануне вторжения в Чехословакию в 1968 году. Он приводит слова одного старика, рассказавшего, что когда его дивизия разворачивалась на границе в Карпатах в 1941 году, им также выдали по новой паре сапог. Правомерна ли такая аналогия? Конечно, нет. В 1941 году солдатам выдавали новые сапоги в ожидании немецкой агрессии, а в 1968 году снабдили новыми сапогами в совершенно иных обстоятельствах для вторжения в Чехословакию³⁹.

Бремя доказательства

Навязывая свои аргументы, Суворов очень бесцеремонно обращается с важнейшими фактами, хотя, ничтоже сумняшеся, называет некоторых замечательных русских военных историков, как например, Анфилова, «коммунистическими фальсификаторами»⁴⁰.

Аксиомой для Суворова, на которой зиждется вся его концепция, является уверенность в том, что Сталин готовил войну. Теория Суворова избегает сложных построений; он игнорирует запутанную международную обстановку кануна войны. Девиз Суворова, иллюстрирующий его концепцию, неотразим своей простотой: **«Германский фашизм для Сталина — это инструмент. Германский фашизм — это Ледокол Революции. Германский фашизм может начать войну, а война приведет к революции. Пусть же Ледокол ломает Европу! Гитлер для Сталина — это очистительная гроза Европы. Гитлер может сделать то, что Сталину самому делать неудобно».** Это положение основывается на выступлении Сталина, в котором он якобы раскрыл свои планы покончить с нацистской Германией за пять лет до прихода Гитлера к власти. В нем он поклялся разгромить фашизм, свергнуть капитализм, установить Советскую власть и освободить от рабства колонии. Суворов утверждает, что уже в 1927 году Сталин предвидел приход нацистов к власти и считал это положительным явлением: «Именно тот факт, что капиталистические правительства фашизируются, именно этот факт ведет к обострению внутреннего положения в капиталис-

тических странах и к революционным выступлениям рабочих»⁴¹. Суворова не смущает то, что в своем выступлении Сталин вообще не упомянул Германию.

Концепция Суворова держится на бесконечных коротких цитатах, выхваченных из Сочинений Сталина. Большая часть приводимых Суворовым отрывков взяты из выступлений Сталина в 1927—28 гг., в последние, решающие годы его борьбы за власть. В 1927—28 гг. мощная коалиция бывших товарищей Сталина — Зиновьев, Каменев и Троцкий — обвинила его в забвении революционных принципов Ленина ради прагматизма, проявившегося в его теории «построения социализма в одной стране». Поэтому Сталину пришлось потратить много усилий, чтобы утвердиться в качестве наследника Ленина. И в это время Сталин столкнулся с внешнеполитическим кризисом, который грозил подорвать строительство «социализма в одной стране». Летом 1927 года отношения с Англией обострились до крайности, произошел разрыв отношений. Из Парижа был выдворен советский посол, а посол в Варшаве был убит. Германия вступила в Лигу Наций и подтвердила свои обязательства соблюдать Локарнские договоренности. В Москве создалось впечатление, что против Советского Союза замышляется новая интервенция. Поэтому в выступлениях Сталин балансировал между революционной позицией и умеренным подходом. В целом их содержание характеризовалось не стремлением к войне, а откровенно осторожным подходом и тревогой⁴².

Если бы Суворов продолжил цитату, то читатель смог бы сам убедиться, спускал ли Сталин в 1928 году на воду «ледокол» или был озабочен угрозой для России извне:

«Отсюда задачи коммунистических партий:

Во-первых, неустанная борьба с социал-демократизмом по всем линиям, и по линии экономической, и по линии политической, включая сюда разоблачение буржуазного пацифизма с задачей завоевания большинства рабочего класса на сторону коммунизма.

Во-вторых, создание единого фронта рабочих передовых стран и трудовых масс колоний для того, чтобы предотвратить опасность войны, или, когда война наступит, превратить империалистическую войну в войну гражданскую».

данскую, разгромить фашизм, свергнуть капитализм, установить Советскую власть, освободить колонии от рабства, организовать всемерную защиту первой в мире Советской республики»⁴³.

Для обоснования своей позиции Суворов выборочно приводит цитаты из политического отчета Сталина Центральному Комитету в декабре 1927 года. По словам Суворова, Сталин рассматривал возникновение ситуации, когда Германию можно было направить против Англии и ослабить, прежде чем Советский Союз выступит против нее: «Очень многое в деле нашего строительства зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна... до того момента, пока капиталисты не переделаются между собой»⁴⁴. Начальная часть отрывка, который Суворов не приводит, рисует совершенно иную картину: «Отсюда задача — учесть противоречия в лагере империалистов, оттянуть войну, «откупившись» от капиталистов, и принять все меры к сохранению мирных отношений». Ситуация полностью отличается от той, которую стремится изобразить Суворов.

Наиболее вопиющим искажением текста является стремление Суворова доказать, что Сталин еще в 1927 году предвкушал выгоды, которые можно будет извлечь из войны между капиталистическими странами. Дело представляется так, что Сталин предвидел заключение «пакта Риббентропа — Молотова»: «Решительное сражение можно считать вполне назревшим, если все враждебные нам классовые силы достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам». Здесь Сталин цитирует работу Ленина, в которой тот призывал массы в 1917 году сбросить Временное правительство:

«Решительное сражение, говорит Ленин, можно считать вполне назревшим, если «1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно перемешались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам»; если «2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т.е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед

народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством»⁴⁵.

Суворов прибегает к такой же уловке, когда выбирает эпиграф для главы, в которой говорится о тайном выдвижении советских войск к линии фронта весной 1941 года. Замысел Сталина, представлялся следующим: «Надо заставить противника врасплох, уловить момент, когда его войска разбросаны». В этом случае Сталин также цитировал Ленина, излагавшего тактику захвата власти в 1917 году⁴⁶. Сам Сталин не упоминал о Германии, а лишь оценивал революционные перспективы Англии после общей забастовки, проходившей в 1926 году⁴⁷. В своей речи он неоднократно подчеркивал угрозу, которую война несет Советскому Союзу, а отнюдь не приветствовал революционный потенциал войны. Упор делался не на наступательных аспектах, а на защите «социализма в одной стране», т.е. защите «отечества» в будущей войне. Домыслы Суворова строятся на анахроническом подходе к сталинским текстам; это равносильно утверждению, что знаменитая пушкинская строка «Ура! Октябрь уж наступил» возвещает о русской революции⁴⁸.

То, как Суворов представляет свою концепцию, можно проиллюстрировать множеством других цитат, которые, если их вырвать из контекста, представляют советскую внешнюю политику коварной и агрессивной. Примером зловещей угрозы Сталина могла бы стать следующая цитата, взятая из одного его выступления: «Мы делаем дело, которое в случае успеха перевернет весь мир и освободит весь рабочий класс»⁴⁹. Но эти слова сказаны в 1931 году в речи о задачах хозяйственников на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. Ее целью было добиться увеличения промышленного производства и выполнить пятилетний план. Под словом «дело» понималось создание в СССР социалистической экономики, которая являлась бы образцом для международного рабочего класса⁵⁰.

Основным источником, из которого Суворов черпает свои аргументы, являются объемистые мемуары советских генералов. Однако он превратно истолковывает и эти свидетельства. Маршал Василевский, утверждает он, откровенно оценивал ситуацию: «Опасения, что на Западе

поднимается шум по поводу якобы агрессивных устремлений СССР, надо было отбросить. Мы подошли ...к рубикону войны, и нужно было сделать твердо шаг вперед»⁵¹. Опущенные им в середине слова «волей обстоятельств не зависящих от нас» полностью изменяют смысл предложения, подразумевая, что война была навязана развертыванием немецких войск. В статье Василевского содержится в общем-то обычная критика Сталина за его неспособность подготовиться к нападению немцев и принять твердые меры, продиктованные развертыванием немецких войск на границе с СССР.

Так же относится Суворов и к трудам ученых. В одной из редких ситуаций, когда он привлекает сравнительно новый материал 1986 года, он пишет: «Генерал-майор А.И. Михалев прямо признает, что Южный и Юго-Западный фронты советское командование не планировало использовать для оборонительных или контрнаступательных действий. Стратегические цели предполагалось достичь переходом войск фронтов в решительное наступление»⁵². Однако статья фактически посвящена организации обороны в Южном секторе. Если привести цитату целиком, то смысл ее будет прямо противоположным тому, что приписывает ей Суворов: «Как известно, советское командование для отражения вторжения агрессора не предусматривало проводить здесь стратегическую оборонительную операцию. Прикрытие государственной границы планировалось осуществить силами стрелковых корпусов первого эшелона. Вторые эшелоны армий, прежде всего механизированные корпуса, предназначались для нанесения контрударов и развития наступления. Стратегические цели предполагалось достичь переходом войск фронтов в решительное наступление».

Очень жаль, что историки игнорировали работы Суворова из-за поверхностного характера и несерьезности его аргументов. Поступая таким образом, они, по иронии судьбы, предоставили ему исключительную возможность ознакомить русских читателей с важнейшим этапом советской истории, который замалчивался в прошлом. Общественная дискуссия осложняется тем, что рассматриваемый период чреват мифами, многие из которых тогда преднамеренно распространялись. Позднее их некритически восприняли историки из-за отсутствия достоверной

информации и политической поляризации времен «холодной войны», способствовавшей такому подходу. Приведенная ниже интерпретация событий накануне войны с помощью недавно раскрытых архивных материалов по-новому представляет бесплодные попытки предотвратить немецкое вторжение. Автор изучил множество русских документов Министерства обороны и Министерства иностранных дел, а также широкий круг опубликованных документальных материалов. В книге кроме того широко используются английские и немецкие архивные материалы.

Достоин сожаления тот факт, что из-за террора окружение Сталина не оставило ни дневников, ни других заслуживающих внимания письменных свидетельств. Даже те, кто чувствовал себя в относительной безопасности за границей, — понимали свою уязвимость. К примеру, для Майского, несомненно, было унижительно передавать свой дневник по собственной инициативе на суд Сталина в конце 1941 года со следующим сопроводительным письмом:

Лондон, 6.12.41.

т. Сталину.

«Дорогой Иосиф Виссарионович, завтра вместе с Иденом я отправляюсь в СССР. Так как морские путешествия в наши дни — дело довольно рискованное, то на всякий случай обращаюсь к Вам с этим письмом.

В настоящем портфеле находится дневник, который я, правда, не очень аккуратно вел в течение последних 7 лет. С точки зрения литературной этот дневник, конечно, требует еще значительной обработки, ибо писался он в разных условиях и почти всегда наспех. Однако с исторической точки зрения этот дневник, несомненно, представляет известный интерес. Как ни как, за указанные 7 лет я все время находился на крупнейшем наблюдательном пункте мировой политики и имел возможность входить в сношения с крупнейшими политическими деятелями Англии и др. стран. Направляю мой дневник Вам. Делайте с ним, что найдете нужным.

...С товарищеским приветом
И.Майский»⁵³.

Человеческий фактор, столь важный в советской политической культуре, представлен на страницах дневника мало, в отличие от очень личностной и выразительной для читателей оценки политической жизни Лондона.

Некоторые факты были почерпнуты мною из дневников Майского и Димитрова и других документов личного характера: например, о встрече Жукова и Тимошенко со Сталиным на заседании Политбюро в середине июня и др. Можно надеяться, что в будущем появятся новые интересные материалы.

Отнюдь не собираясь в последующих главах скрещивать с Суворовым шпаги, я хочу лишь дать альтернативную интерпретацию событий накануне операции «Барбаросса», которая бросает серьезный вызов теории «превентивной войны» и позволит читателям составить об этом собственное мнение.

Примечания

¹ «Еще раз о сообщении ТАСС», *Русская мысль* 16 и 23 мая 1985; «Who was planning to attack whom in June 1941, Hitler or Stalin?», *Journal of the Royal United Services Institute for Defence Studies* 130², 1985.

² Viktor Suvorov. *Der Eibresher: Hitler in Stalins Kalkül*, Stuttgart, 1989. Книжный вариант добавляет мало существенного к предшествующим статьям. Возможно, использовано больше фактов из мемуаров высших советских командиров, но не архивных и точных свидетельств, как об этом говорит даже такой благожелательно настроенный критик, как Günter Gillissen. «Der Krieg zweier Aggressoren», *Frankfurter Allgemeine Zeitung* 27.04.89. Суворов также не удосужился познакомиться со все более обширной и полезной вышедшей на Западе литературой об этом периоде, из которой он мог бы почерпнуть необходимую информацию о поставленных им проблемах.

³ «Связь времен: Виктор Суворов о себе и о своей жизни», *Русская мысль*, 3 июля 1992. Wiktor Suworow. *Lodolamacz*, Warsaw, 1992.

⁴ Суворов В. *День-М*, М., 1994, с. 249.

⁵ Nolte. «Vergangenheit, die nicht vergehen will». Нольте выступает с теми же идеями в «Between Myth and Revisionism? The Third Reich in the Perspective of the 1980s», в кн. H.W. Koch (ed.). *Aspects of the Third Reich*. London, 1985, pp. 35—36. Eberhard Jäckel, «Die elende Praxis der Untersteller: Das Einmalige der nationalsozialistis-

chen Verbrechen lässt sich nicht leugnen», *Die Zeit*, 12 Sept. 1986, оспаривает существование у Гитлера связи между «окончательным решением» и идеологическими догмами теории «жизненного пространства». Нольте получил косвенную поддержку в последних трудах известных советологов, ставящих знак равенства между уничтожением Сталиным кулаков и «окончательным решением» Гитлера. Характерным примером является R. Conquest, *The Harvest of Sorrow*. New York, 1986. Подробное обсуждение связи между различного рода геноцидами см. Charles S. Maier, *The Unmasterable Past: History, Holocaust, and German national Identity*. Cambridge Mass., 1988, ch. 3. Полемиическая оценка с левых позиций взаимосвязи между русским вопросом и дебатами дана в кн. Hans-Ulrich Wehler, *Entsorgung der deutschen Vergangenheit? Ein polemischer Essay zum «Historikerstreit»*. München, 1988, p. 152—93. Большие материалы, относящиеся к дебатам, собраны в «*Historikerstreit*»: *Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung*. München, 1987.

⁶ Günter Gillessen, «Der Krieg der Diktatoren: ein erstes Resümee der Debatte über Hitlers Angriff im Osten», *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 25 Feb. 1987. То, что именно эта газета создала условия для новой драмы, не удивительно с учетом того, что один из ее редакторов Иоахим Фест развивал подобные теории в книге: *Hitler, eine Biographie*. Frankfurt, 1973, p. 878. Подобная интерпретация ранее оставалась почти незамеченной, см. H. Seraphim, *Die deutsch-russischen Beziehungen, 1939—1941*. Hamburg, 1949, p. 38; P. Fabry, *Der Hitler-Stalin Pakt, 1939—1941*. Darmstadt, 1962, pp. 427—30; H. Koch, «Hitler's Programme and the Genesis of Operation Barbarossa», *Historical Journal* 26 (4), 1983.

⁷ *50 лет Великой отечественной войны*, М., 1991, с. 32—3.

⁸ См. наст. изд. с. 115—119.

⁹ Суворов В. *Ледокол*. М., 1992, с. 48.

¹⁰ Там же, с. 312.

¹¹ A. Hillgruber, *Hitlers Strategie*. Frankfurt, 1965, p. 105. Попытка возложить вину на русских откровенно проявляется в кн.: *Deutschlands Rolle in der Vorgeschichte der beiden Weltkriege*. Göttingen, 1967, p. 97. Объективности ради необходимо подчеркнуть, что Хильгрубер слишком умудрен, чтобы некритически воспринимать идеи Суворова. В его «*Zweierlei Untergang*» делается акцент на дурном обращении Советов с немецким населением в конце войны и создании с молчаливого согласия стран Запада советского «санитарного кордона» на «освобожденных» территориях, чтобы воспрепятствовать гегемонии Германии в центральной Европе. Знак равенства между страданиями, которые перенесли «восточные

немцы» от русских и Холокостом является несомненно слабейшим местом его очерка. О близости его взглядов к Нольте убедительно говорит Г. Момсен, однако это мнение подвергается сомнению в ст. Martin Broszat, «Wo sich die Geister scheiden», *«Historikerstreit»*, p. 190. См. также Richard J. Evans, «The New Nationalism and the Old History: Perspectives on the West German *Historikerstreit*», *The Journal of Modern History*, 59¹, Dec. 1987, pp. 707 f. Подробную критику работы Хильгрубера см. O. Bartov, «Historians on the Eastern Front. Andreas Hillgruber and Germany's Tragedy», *Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte*, XVI, 1987, pp. 325—45.

¹² E. Topitsch, *Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik*, München, 1985, перевод на английский язык: *Stalin's War: A Radical New Theory of the Origins of the Second World War*, New York, 1987.

¹³ «Die Rote Armee bis Kriegsbeginn 1941», в кн. *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, herausgegeben vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt. Bd. 4: Der Angriff auf die Sowjetunion*, Stuttgart, 1983. Предрасположения и предубеждения Хофмана проявляются со всей откровенностью в его ранней книге: *Die Geschichte der Wlassow-Armee*. Freiburg, 1984, особенно на с. 307—308. Довольно критический разбор того, как центр проводил в жизнь план «Барбаросса» содержится у Berghahn, «Das Militärgeschichtliche Forschungsamt in Freiburg», *Geschichte und Gesellschaft*, 14, 1988.

¹⁴ Лучший критический обзор современных интерпретаций содержится в ст.: Bianka Pietrow, «Deutschland im Juni 1941 — ein Opfer sowjetischer Aggression?», *Geschichte und Gesellschaft* 14, 1988. Пьетрова верно отмечает (с. 119), что Хофман приводит в качестве свидетельств главным образом допросы военнопленных, которые являются весьма сомнительным источником.

¹⁵ См. Pietrow, «Deutschland im Juni 1941», pp. 116—17.

¹⁶ «Суворов о себе и книге своей жизни». — *Русская мысль*, 3 июля 1992.

¹⁷ P. Knightley, «The Defection Game», *The Second Oldest Profession*. London, 1986.

¹⁸ О беседе между Гельфандом и Батлером 13 сентября 1940 г. см. Uldricks, «Soviet Security Policy in the 1930s» в кн.: G. Gorodetsky (ed.), *Soviet Foreign Policy: 1917—1991 A Retrospective*. London, 1994.

¹⁹ *The Aquarium* (о подготовке советских шпионов), *Spetsnats: The Story Behind the Soviet SAS, The Liberators* (о его участии в советском вторжении в Чехословакию в 1968 году), *Soviet Military Intelligence* и *Inside the Soviet Army*.

²⁰ «Суворов о себе и книге своей жизни».

²¹ К такому выводу можно прийти из обзоров его книг. См., к примеру, «Файнэшл таймс»: «Это вызывает озабоченность Запада, особенно его мысль о том, что советские генералы не верят в решающую роль ядерного устрашения» или «Он занимает уникальное положение, детально вскрывая ужасные факты о наращивании русскими вооружений». О книге «*Inside the Soviet Army*»: «Необходимо прочитать всем людям, обеспокоенным проблемами сохранения мира на земле», а также: «Эта важная книга разоблачает систему, с помощью которой организована ударная сила мировой революции ... мрачное предостережение Западу».

²² См. превосходное разоблачение Nicholas Fraser, «A Bit of a Long Shot», *Sunday Times*, 21 November 1993.

²³ W. Churchill, *The Second World War*, Vol. 3, p. 316.

²⁴ Лучшее собрание их взглядов у S. Bialer, *Stalin and his Generals, Soviet Military Memoirs of World War II*. New York, 1969.

²⁵ J. Erickson, *The Road to Stalingrad*. London, 1975, p. 77.

²⁶ B. Whaley, *Codeword Barbarossa*. Cambridge, Mass., 1973, F.H. Hinsley, *British Intelligence in the Second World War*. London, 1979, Vol. I, Ch. 14.

²⁷ Некрич А.М. 1941 22 июня, М., 1965, с. 124—25; Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*, М., 1969, с. 229—30, 233, 248. Не имеющий аналогов русский материал приведен в статье «Накануне, или трагедия Кассандры: повесть в документах»/ *Неделя*. NN 42—44, 1988. Полный текст знаменитой речи Хрущева 1956 г. «О культе личности в истории»/ (*Неделя*, N 16, 1989 г.) подтверждает эти высказывания.

²⁸ A. Seaton, *Russo-German War 1941—1945*. London, 1971, p. 21.

²⁹ Victor Suvorov, «Yes, Stalin was Planning to Attack Hitler in June 1941», *Journal of the Royal United Services* 131². 1986; Суворов. *Ледокол*, с. 13.

³⁰ Волкогонов Д. «Эту версию уже опровергла история», *Известия*, 16 января 1993.

³¹ Л. Безыменский. В кн. G. Gorodetsky (ed.), *Soviet Foreign Policy, 1917—1991: A Retrospective*. London, 1994.

³² Суворов допускает ошибку (в основном из-за незнания той обширной литературы, которая в избытке имеется по этому вопросу на Западе). См. например, R. Tucker, «The Emergence of Stalin's Foreign Policy», *Slavic Review* 4, 1977. Его аргумент, в котором он опирался на выступление Сталина в 1927 году как на подготовку мировой революции, был опровергнут западными экспертами по советской внешней политике.

³³ Суворов В. *Ледокол*, с. 317, 333; см. также Suvorov, «Who Was Planning to Attack Whom?», p. 54.

³⁴ Suvorov, «Who Was Planning to Attack Whom?», p. 50. Суворов, *Ледокол*, с. 196. Если бы Красная Армия действительно развертывалась для наступления, а коммюнике ТАСС было дезинформацией, то трудно было бы объяснить замешательство, которое оно вызвало среди высшего командного состава, о чем свидетельствуют в частности: Анфилов В. А. *Бессмертный подвиг*, с. 178—184, Баграмян И. *Так началась война*, М., 1971, с. 68—76, Азаров И. *Осажденная Одесса*, М., 1966, с. 8—10.

³⁵ Суворов. *День-М*, М., 1994, с. 81.

³⁶ Суворов. *Ледокол*, с. 51—54.

³⁷ Суворов. *День-М*, с. 157—158.

³⁸ Там же, вступление к рус. изданию.

³⁹ Там же, с. 15—20.

⁴⁰ Там же, с. 15—20.

⁴¹ Суворов. *Ледокол*, с. 24. Сталин И.В. *Сочинения*, М., 1954, т. 10, с. 49.

⁴² См. ниже, с. 36—39.

⁴³ Сталин И.В. *Соч.*, т. 11, с. 202.

⁴⁴ Суворов. *Ледокол*, с. 44; Сталин. *Соч.*, т. 10, с. 288-289

⁴⁵ Сталин И.В., *Сочинения*, т. 6, с. 158.

⁴⁶ Суворов. *Ледокол*, с. 186; Сталин. *Соч.*, т. 6, с. 158.

⁴⁷ См. мой комментарий далее в главе.

⁴⁸ Сталин. *Соч.*, т. 10, с. 49. Я благодарен Б. Морозову за эту аналогию.

⁴⁹ Суворов. *Ледокол*, с. 36.

⁵⁰ Сталин. *Соч.*, т. 13, с. 39—40.

⁵¹ Суворов. *Ледокол*, с. 260; цитата из «Военно-исторического журнала» № 2; 1978, с. 68.

⁵² Суворов. *Ледокол*, с. 331—332; цитата из «Военно-исторического журнала» № 5; 1986, с. 49.

⁵³ АВП, РФ, Ф.017-а, оп. 1, д. 8, п. 2. — *Дневник И. Майского*, 1941.

Глава 2

Рождение советской внешней политики. Идеология и прагматизм

Красная дипломатия.

Хотя в данном исследовании главный акцент делается на решающих 1939—1941 годах, необходимо кратко ознакомить читателя с основами советской внешней политики в период между двумя мировыми войнами. Первое десятилетие после революции характеризовалось активной переоценкой внешней политики. Большевики столкнулись с огромными трудностями, пытаясь примирить две противоположные задачи: экспорт революции за пределы границ России и прозаичную необходимость выживания в рамках существующих государственных границ. Первоначально в основу внешней политики была положена теория перманентной революции Льва Троцкого. Эта концепция основывалась на том, что революция в России, слабейшем звене в цепи капитализма, не будет надежно защищена, пока революция в промышленно развитых странах Запада не устранил опасность империалистической интервенции. Поэтому построение социализма в экономически отсталой России зависит от успеха революций в этих странах.¹ И тем не менее с самого начала советская внешняя политика характеризовалась постепенным, но последовательным переходом от откровенной враждебности по отношению к капиталистическим странам к мирному сосуществованию с ними, основанному на взаимной выгоде. Вначале это рассматривалось как тактический и потому временный шаг. Однако временная и реалистическая новая экономическая политика (НЭП) оказалась первой в серии «передышек», которые были облачены в разные идеологические одеяния: «социализм в одной стране», «единый фронт», «народный фронт», «великое содружество», «оттепель», «разрядка» и совсем недавно — «гласность». Удлинение таких «переходных» периодов приводило к постоянной и последовательной эрозии идеологических постулатов советской внешней политики.

Пока сохранялась вера в неизбежную мировую революцию, большевики воздерживались от формулирования принципов внешней политики. Троцкий презрительно относился к своей должности комиссара по иностранным делам. Он не придавал значения установлению дипломатических отношений с капиталистическими государствами, судьба которых, по его мнению, была уже решена. «Победоносная революция, — утверждал он, — и не подумает добиваться признания со стороны представителей капиталистической дипломатии». В зажигательной речи перед изумленными работниками вновь созданного Комиссариата иностранных дел он объявил о своем намерении опубликовать секретные договоры с империалистическими правительствами, напечатать революционные памфлеты, а затем «закрыть лавочку» и всех уволить². Но уже к 1926 году Министерство иностранных дел Англии отметило восхождение «сильного, сурового, молчаливого» Сталина в качестве бесспорного лидера партии. «Не удивительно, — говорилось в документе министерства, — что поражение фанатичной большевистской оппозиции свидетельствует о переходе к внешней политике с использованием «национальных инструментов»³.

Расхождение между заявлениями Троцкого и мнением Министерства иностранных дел Англии отражает перемены, которые претерпела советская внешняя политика в первое десятилетие после революции и которые заслуживают рассмотрения. Основная посылка Суворова, на которой он строит свою концепцию, состоит в том, что существует прямая связь между воинствующей и идеологически заряженной программой Ленина, выработанной в Швейцарии во время первой мировой войны, и гипотетической революционной войной Сталина 1941 года, которая воплощала эту политику в жизнь. Невежество Суворова проявляется в том, что он представляет Брестский мир «началом жесточайшей гражданской войны»⁴. Истина же заключается в обратном. Первоначальное мнение, что внешняя политика и официальное признание капиталистическими странами не нужны в мире, сотрясаемом революцией, начало меняться с конца 1921 года, а с 1924 года утвердился трезвый взгляд о необходимости достижения «модус вивенди» в отношениях с другими странами. Как

ни странно, уже во время внутрипартийных дебатов по Брест-Литовскому договору в 1918 году Сталин был единственным большевистским лидером, поддержавшим Ленина во мнении, что «революционного движения на Западе не существует, нет фактов, один только потенциал, но мы не можем рассчитывать на потенциал». Он также пессимистически относился к перспективам революционных событий в Германии в 1923 году⁵.

Брест-Литовск означал начало медленного, но последовательного смягчения революционной фразеологии. В 1921 году последовало введение НЭПа, в 1922 году Россия участвовала в Генуэзской конференции, на которой была сделана попытка восстановить экономическую систему Европы. Слабое развитие торговли и нехватку внешних займов, необходимых для перестройки советской экономики, удалось преодолеть путем провозглашения правовых и политических реформ, которые подорвали идеологические ценности, но проложили путь иностранным концессиям. Провозглашение Лениным и Георгием Чичериным дипломатии, основанной на «мирном сосуществовании» и отказе от вооруженных конфликтов, серьезно ослабили революционные доктрины⁶. Главной задачей армии стала защита достижений революции в России, а не экспорт революции на штыках в другие страны⁷. Несмотря на свое революционное происхождение и организацию, большевистское руководство предложило Западу концессии и стремилось к заключению длительных экономических, торговых и политических соглашений, которые привели бы к реинтеграции России в европейское сообщество⁸.

Совершенно очевидно, что Сталин следовал курсу, выработанному Лениным. Как мы видели, все ссылки Сталина на войну как на средство для распространения революции проистекали от «страха перед войной» и имели исключительно оборонительное звучание. Вопреки утверждениям Суворова, Исполком Коминтерна смягчил свою идеологическую линию в соответствии с политикой коммунистической партии и советского правительства. Он открыто заявил, что коммунистическое движение в Европе может сыграть «важную роль в борьбе со всеми попытками интервенции против СССР»⁹.

Стремление Сталина установить приоритет умеренной дипломатии, вместо того, чтобы поощрять идеологическую непримиримость, проявилось в замене Чичерина на Литвинова, сторонника прозападной ориентации в Наркоминделе, что официально произошло в 1928 году. Несмотря на различия в складе ума, темпераменте и социальном происхождении, Литвинов и Сталин с самого начала выступали за осторожный, прагматический подход во внешнеполитической деятельности.

Вскоре после смерти Ленина Сталин высказал свою точку зрения на внешнюю политику, которая отразила его темперамент и сильную националистическую ориентацию:

«Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране, — оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России говорит не за, а против этой теории. Теория эта неприемлема не только как схема развития мировой революции, ибо она противоречит очевидным фактам. Она еще более неприемлема как лозунг, ибо она связывает, а не развязывает инициативу отдельных стран...»¹⁰

Разумеется, было бы упрощением полагать, что коммунистическое руководство за ночь отказалось от веры в пролетарскую революцию. Мировая революция по-прежнему считалась неизбежной даже в период НЭПа и лишь постепенно стала рассматриваться, как утопия. Революционный запал достиг апогея во время открытой поддержки Советским Союзом восстания в Гамбурге в октябре 1923 года. Однако полный разгром восстания серьезно подорвал теорию о том, что безопасность Советского Союза целиком зависит от пролетарской революции в Европе¹¹.

Революция идет на компромисс

Разочарование по поводу несостоявшихся революций в Центральной и Восточной Европе и огромное удовлетворение от неожиданного признания в 1924 году Советского Союза «де-юре» Италией, Англией и Францией убедили

наследников Ленина в необходимости продлить тактику «передышки». Однако, молчаливое признание даже частичной и временной политической стабильности явилось противоречивым актом для режима, продолжавшего выдавать себя за динамичный и интернационалистический. В 1924—27 гг. большевики предприняли отчаянные попытки сохранить свои революционные принципы путем проведения двойственной внешнеполитической линии. Этот дуализм выразился в стремлении укрепить национальную безопасность путем развития дипломатических связей с Западом, одновременно прибегая при благоприятных обстоятельствах к подрывной и революционной деятельности.

Начиная с 1924 года широко практиковалась манипуляция марксистской теорией, чтобы оправдать отход от выработанных Лениным в 1915 году в Швейцарии идеологических тезисов, в которых война, развязанная капиталистами, рассматривалась в качестве катализатора мировой революции. Такая тактика была одобрена V конгрессом Коминтерна в начале 1924 года. Теперь Зиновьев нехотя признал наступление «эры стабилизации капитализма» и призвал к переориентации деятельности коммунистических партий и прогрессивных организаций на защиту России¹².

Однако опыт первого десятилетия, прошедшего после революции, доказал, что дуализм в политике не мог более сохраняться. Прямое вмешательство Советского Союза в общенациональную забастовку в Англии в 1926 году и поддержание революционного фасада подрывали внешнеполитические позиции Москвы. Было ясно, что русские и не рассчитывали, что забастовка перерастет в полномасштабную революцию. Но, столкнувшись с сильной оппозицией, обвинившей его в предательстве мировой революции, Сталин не мог, видимо, не оказать поддержки классовой борьбе такого масштаба, даже если и не ожидал от нее слишком многого¹³.

После 1924 года правительства европейских стран пытались ослабить советское влияние в Восточной Европе и Азии. В этом им способствовала деструктивная политика Коминтерна¹⁴. Серия неудач на дипломатическом и идеологическом фронтах первого десятилетия существо-

вания советского государства продиктовала настоятельную необходимость пересмотра приоритетов. Иллюзия безусловной поддержки со стороны мирового пролетариата теперь была разрушена до основания. Ввиду этого Коминтерн перешел теперь на откровенно воинствующие позиции, объявив об окончании стабилизации капитализма и возрождении революционного потенциала на Западе. Тактика единого фронта была заменена воинственными лозунгами «класс против класса». Однако, основательно советизировав слабое коммунистическое движение в Европе, Коминтерн 30-х годов стал не похож на Коминтерн первых десяти послереволюционных лет. К 1941 году он потерял свое значение и практически перестал играть какую-либо роль, хотя официально был распущен только в 1943 году¹⁵.

Перемена курса отразилась в лихорадочных дипломатических попытках улучшить отношения с Англией. Осенью 1926 года серьезно больной Леонид Красин, за которым закрепилась репутация дипломата по чрезвычайным поручениям, был срочно послан в Лондон, чтобы попытаться предотвратить кризис. Однако подобные чрезвычайные меры слишком запоздали и не могли предотвратить цепь дипломатических неудач 1927 года. Германия переориентировалась на Запад. В апреле того же года китайская полиция, действовавшая по инициативе Англии, произвела налет на советское представительство в Пекине, а возглавляемый Чан-Кайши Гоминьдан устроил побоище коммунистам. В мае английская полиция совершила налет на «Аркос» — советское торговое представительство в Лондоне. Заявив, что обнаружены компрометирующие документы, свидетельствовавшие о подрывной деятельности Советского Союза, Англия разорвала дипломатические отношения с СССР. Одновременно Британский конгресс тред-юнионов прекратил деятельность Англо-Русского комитета единства и отказался принимать помощь от ВЦСПС. В июне был убит советский посол в Польше, а спустя месяц левый гоминьдановский режим Ханькоу разорвал отношения с коммунистической партией Китая. В сентябре экономические переговоры между Францией и Советским Союзом зашли в тупик, и советс-

кий посол во Франции Христиан Раковский был объявлен «персоной нон грата»¹⁶.

Этот мрачный год привнес в Москву атмосферу пессимизма и подозрительности, временами граничившую с паранойей, и породил страх перед неизбежностью новой интервенции против Советского Союза. Даже если согласиться с мнением некоторых ученых, что Сталин лишь использовал «военный психоз» для подавления внутренней оппозиции и подготовки населения к жертвам, которых потребует от них коллективизация и индустриализация, само обращение к нему фактически означало признание провала политики дуализма. Была провозглашена политика автаркии, изоляции и сделан акцент на внутренних проблемах¹⁷.

Есть основания полагать, что взаимная подозрительность, положившая конец попыткам соединить оба направления в начале 20-х годов, явилась важным фактором в медленном, но верном скатывании к нестабильности 30-х годов и к событиям, приведшим к войне. Провал политики дуализма оказался также важнейшей причиной насильственной индустриализации и коллективизации, цель которых заключалась в достижении с помощью грубой силы экономических результатов, которых можно было бы добиться путем нормальных торговых отношений с Западом. То, что потом стали называть «третьей революцией», вызвало необходимость различных дипломатических маневров. С учетом реальности капиталистического окружения и страха перед новой интервенцией защита от внешней угрозы стала «обязательным условием» для победы «социализма в одной стране».

Вместо того, чтобы спускаться на воду «ледокол», Сталин извлек определенные уроки из провала «политики дуализма». Он стал теперь упорно стремиться к налаживанию отношений с ближайшими соседями и странами Запада, отодвигая революционную активность на второй план. Поиск возможности заключения пактов о взаимопомощи с ближайшими соседями России таким образом предшествует приходу Гитлера к власти и, начиная с 1931 года, набирает обороты.

Усовершенствованная военная доктрина: продвигая мировую революцию?

Военные теоретики Красной Армии разработали новые положения военного искусства, которые революционизировали современную военную доктрину и на десятилетия опередили Запад. В какой-то степени новое мышление было продиктовано всеобщим признанием важности преодоления тупика, в котором оказалась военная стратегия в первую мировую войну. В конкретных условиях России оно основывалось на уроках, полученных в гражданской войне. Необходимость преодолевать большие расстояния и одновременно действовать на различных фронтах требовали быстрых и стремительных результативных ударов. Кроме того, численное превосходство войск сводило на нет стратегическую оборону как независимую концепцию. Оборона велась лишь на второстепенных направлениях и зачастую приводила к отступлению из стратегических соображений. Необходимость противостоять многочисленным угрозам в конечном итоге привела к созданию концепции «стратегического наступления», которой было суждено стать символом советской военной стратегии. Она предусматривала умение гибкого широкомасштабного рассредоточения и концентрации сил за счет высокой степени маневренности и мобильности. Целью этих действий была концентрация войск и техники на приоритетных направлениях¹⁸.

Ко времени, когда различные теоретические разработки слились в единую концепцию, Русская революция переживала период термидора, и на смену идеи экспорта революции силой оружия пришло более здоровое и ответственное стремление обеспечить выживание государства. Несмотря на то, что новаторская военная доктрина была возвращена в «революционном парнике», ее основные положения исходили не из марксистско-ленинского учения о «войне». Армии предписывалось защищать революцию в границах государства, и успех зависел от умения вести военные действия на нескольких фронтах одновременно, переносить их на территорию противника. Такая тактика, основанная на маневренности моторизованных и механизированных соединений, придавала доктрине явно насту-

пательный характер. Но она ни в коей мере не носила агрессивного характера, так как была направлена лишь на отражение реальной угрозы.

Реформы, проведенные в вооруженных силах, соответствовали сталинскому плану построения «социализма в одной стране», а не теории «перманентной революции» Троцкого. Вместо того, чтобы насаждать революции в других странах, необходимо было в первую очередь укреплять ее базу — СССР. Следует отметить, что даже Троцкий не был против традиционного военного мышления и привлекал царских специалистов к перестройке армии. Хотя Фрунзе и называл советскую армию «средством распространения революции в интересах мирового пролетариата», после его смерти такие заявления раздавались редко, основной акцент делался на маневренности и наступательных действиях¹⁹. Почти во всех армейских директивах конца двадцатых годов рассматривалась вероятность ожесточенной империалистической войны, в ходе которой Красная Армия будет вынуждена «отражать империалистическую агрессию», направленную против Советского Союза, а не занимать позицию стороннего наблюдателя, как вытекало из идеологических догм²⁰.

Военная угроза 1927 года, возникшая после провала попыток Советского Союза урегулировать отношения с европейскими странами, подтверждает это положение. Историческая память коротка. После неожиданного восхождения Советского Союза как сверхдержавы в результате второй мировой войны многие, видимо, забыли, что все годы до войны умами политиков и военных руководителей СССР владел страх перед новой капиталистической интервенцией. В 1928 году, когда разрабатывалась доктрина, Генштаб Красной Армии занимался анализом европейских стран по степени угрозы, которую они представляли. Опасность представляла не война между империалистическими государствами, а вооруженный поход против Русской революции. Вплоть до 1927 года, в основном из-за слабости Красной Армии и в надежде на достижение «модус вивенди» с Западом, полагали, что рабочий класс европейских стран сможет удержать свои правительства от развязывания войны. Но к 1927 году революционные ожидания отошли на задний план, и

перед Красной Армией была поставлена задача сорвать угрозу интервенции. Революционная риторика по-прежнему преобладала, но революционные цели существенно изменились и об этом не следует забывать. Констатировалось, что «без серьезных усилий и побед Красной Армии разложение наших противников не может принять размеры, достаточные для того, чтобы война империалистов против СССР превратилась в гражданскую войну, в революцию». Разумеется, не составляет особого труда извратить подобные заявления и представить их в виде агрессивных замыслов. Однако они отражали разочарование перспективами мировой революции и страх перед новой интервенцией против Советского Союза. Они свидетельствовали о том, что взят курс на оборону страны, что поддержка рабочих Запада играла лишь второстепенную роль в борьбе Советов за выживание. И действительно вслед за этим в 1928 году были проанализированы все случаи проявления враждебности по отношению к Советскому Союзу. Начальники штабов рассматривали возможные коалиции участников крестового похода против большевизма, и определяли пути борьбы с ними²¹. Полагали, что в конце 20-х годов главная опасность исходила от коалиции Англии с Францией, а Германии отводилась роль пешки — любимая метафора, используемая русскими после вступления Германии в Лигу Наций в 1925 году и признания ею Локарнских соглашений о безопасности.

Примечания

¹ Лучшей биографией Троцкого по-прежнему остается: Isaac Deutscher, *The Prophet Armed: Trotsky: 1879—1921*. Oxford, 1979, Chs. 8 and 9.

² Л. Троцкий. *Моя жизнь*. т. 2, Берлин, 1930, с. 62—63.

³ Minutes, Public Record Office, Foreign Office (FO) 371/11779 N319 and N560/53/38, 27 Jan. and 11 Feb. 1926.

⁴ Суворов, *Ледокол*, с. 15—18.

⁵ См.: *The Bolsheviks and the October Revolution: Central Committee Minutes of the Russian Social Democratic Labour Party (Bolsheviks) August 1917-February 1918*. London, 1974, p. 177, также Е.Н. Carr, *The Interregnum 1923—1924*. London, 1965, pp. 202—3.

⁶ См. Carole Fink, *The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921—1922*. Chapel Hill, 1984; Stephen White, *The Origins of Détente*.

Cambridge, 1985. и «В.И. Ленин и Генуя», *История СССР*, 1970, N 2, с. 30—50.

⁷ Richard B. Day, *Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation*. Cambridge, 1973. См. дискуссию по военному вопросу ниже с. 61—69.

⁸ Об изменении советской внешней политики в первые годы Советской власти см. Richard Ullman, *The Anglo-Soviet Accord*. Princeton, 1972.

⁹ Пути мировой революции: VII расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, т. II, М-Л, 1927, с. 182 и выступление Молотова на XV конференции ВКП(б) (XV-ая конференция ВКП(б), М-Л, 1927, с. 669.). Лучшим обзором советской внешней политики в 20-е годы является: Teddy J. Uldricks, «Russia and Europe: Diplomacy, Revolution, and Economic Development in the 1920s», *The International History Review* 1, 1 1979.

¹⁰ Сталин И.В. Сочинения, т. 6, с 395-396

¹¹ E.H. Carr, *The Bolshevik Revolution, 1917—1923*, Vol. 3, London, 1953; W.T. Angress, *Stillborn Revolution: The Communist Bid for Power in Germany, 1921—1923* Princeton, 1963.

¹² Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. (Стенографический отчет) М. 1925, т. 2, с. 33—34, 66.

¹³ О различном отношении к забастовке см. Г. Зиновьев, «Великие события в Англии». «Правда», 5 мая 1926. См. также передовые статьи в «Экономической жизни» и «Правде» 5 мая 1926 и статьи Лозовского в «Труде» и «Известиях» 6 и 8 мая 1926 г.

¹⁴ Этот период хорошо исследован в кн. Teddy J. Uldricks, *Diplomacy and Ideology. The Origins of Soviet Foreign Relations 1917—1930*. London, 1979; Timothy Edward O'Connor, *Diplomacy and Revolution, G.V. Chicherin and Soviet Foreign Affairs, 1918—1930*. Iowa, 1988; Richard K. Debo, *Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918—1921*. Montreal/Kingston, 1992; Чубарьян А.О. *Брестский мир*, М., 1964; Чубарьян А.О. *В.И. Ленин и формирование советской внешней политики*. М. 1972. О критическом периоде в англо-советских отношениях см. Stephen White, *Britain and the Bolshevik Revolution: A Study in the Politics of Diplomacy 1920—1924*. New York, 1980 и G. Gorodetsky, *The Precarious Truce: Anglo-Soviet Relations, 1924—1927*. Cambridge, 1977.

¹⁵ См. ниже с. 183—184.

¹⁶ См. Uldricks, «Russia and Europe», pp. 72—75.

¹⁷ Sontag J.P., «The Soviet War Scare of 1926—27», *The Russian Review* 1, 1975.

¹⁸D.M. Glantz, *The Military Strategy of the USSR*. London, 1992, pp. 71—21.

¹⁹Суворов использует это единственное заявление как отражающее позицию военных кругов.

²⁰Glantz *The Military Strategy of the USSR*, pp. 34—36.

²¹Савушкин Р.А., *Развитие советских вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период 1921—1941гг.* М. 1989, с. 9—10. (Я признателен полковнику Д. Гланцу за то, что он передал мне эту редкую публикацию).

Глава 3

Коллективная безопасность. Русификация Революции.

Россия в осаде.

Поздно ночью 23 августа 1939 года в Кремле советский комиссар иностранных дел Вячеслав Молотов подписал с германским министром иностранных дел Иоахимом Риббентропом пакт о ненападении. Хотя это был лишь договор о нейтралитете, он, как правило, рассматривается историками как наиболее очевидная, непосредственная причина второй мировой войны. Это событие привело к военным действиям и потому заслуживает внимательного рассмотрения. До какой степени разделяет Советский Союз с нацистской Германией вину за возникновение войны? Некоторые историки идут в своих аргументах дальше. Они уделяют первостепенное внимание подписанным месяц спустя совершенно секретным протоколам, разделившим Восточную Европу на сферы влияния. Именно секретные протоколы, утверждают они, а не пакт о ненападении, отражают истинные цели советской внешней политики. Договор заложил основы прочного союза между Германией и Советским Союзом. Как мы видели в первой главе, Суворов в своих аргументах заходит еще дальше. Он считает, что Сталин стремился к такому соглашению с середины 20-х годов, рассчитывая, развязав войну, создать благоприятные условия для революции. После того, как Германия и страны Запада истощат себя, Россия вступит в войну и расширит свою территорию за счет Европы.

Было бы явной ошибкой категорически отрицать этот аргумент и разделять противоположное мнение советских историков, которые постоянно утверждали, что в своей внешней политике в 30-е годы Сталин руководствовался высокими моральными соображениями¹. Тенденция разделить эти два соглашения — пакт о ненападении и секретные протоколы — не выдерживает критики, так как они являлись составной частью единой политики и

служили одной цели. Хотя окончательное решение подписать пакт, возможно, было принято лишь в августе 1939 года, ориентация на Германию произошла не в результате срыва переговоров с Западом. Переговоры с Германией были начаты весной 1939 года и велись одновременно с переговорами со странами Запада.

Чтобы яснее и объективнее оценить советскую внешнюю политику 30-х годов, необходимо определить основополагающие принципы этой политики. Проанализировав постепенную эволюцию советской внешнеполитической доктрины в первое десятилетие после революции, нельзя не прийти к выводу, что в своей внешней политике накануне войны Сталин вряд ли руководствовался антинацистскими настроениями, восхищением или враждой лично к Гитлеру или желанием совершить коммунистическую революцию в Европе. С учетом враждебного окружения, которое все больше смыкалось вокруг Советского Союза в 30-е годы, а также огромного ущерба, нанесенного индустриализацией и коллективизацией, советская политика ни в коей мере не определялась экспансионистскими соображениями. Сталин явно старался укрепить национальную безопасность. Изменения в советской политике были вызваны не столько отвращением к фашизму по моральным и идеологическим соображениям, сколько растущей немецкой угрозой, проведением Германией активной политики и отказом от духа Рапалло. Для определения нового курса потребовалось время, но уже к декабрю 1933 года Политбюро выработало политику коллективной безопасности. Она была расчетливой и осторожной, чтобы не оттолкнуть Германию и одновременно обеспечить безопасность России. Идеология осадного положения и акцент на экономическом подъеме страны, так ярко проявившиеся во время военной угрозы в 1927 году, были возрождены Сталиным на XVII съезде Коммунистической партии в начале 1934 года:

«У нас не было ориентации на Германию, так же, как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР»².

Ясная и последовательная, с небольшими тактическими отклонениями, политика строилась на осознании по-

тенциальной опасности, исходящей от всего капиталистического мира, будь то фашистская Германия или западные демократии. Стремясь в отношениях с державами к балансу, столь чуждому для марксистской теории, отвергающей идею поддержки одной капиталистической державы против другой, Сталин стремился защитить российскую революцию. Это было достигнуто в 20-е годы сотрудничеством с Германией в духе Рапалло, а после прихода Гитлера к власти — попытками воздвигнуть барьер против появившейся серьезной опасности со стороны Германии. Один из ведущих авторитетов Запада пришел к выводу, что Сталин «виновен, видимо, в целом ряде ошибок во время проведения курса на коллективную безопасность, но сам курс, несомненно, был искренним»³.

Дилемма

Мотивы, которыми руководствовался Сталин, заключая пакт с Германией, нельзя рассматривать в отрыве от целей советской внешней политики после 1917 года. Неспонсаемые, напряженные дебаты по этому вопросу зачастую носят язвительный характер. Согласно общему мнению, мотивы подписания Сталиным пакта могут быть верно определены, если установить точное время его переориентации на Германию. Сложилась две противоположные точки зрения, резко отличающиеся друг от друга. Согласно одной, Советский Союз проводил ясную, четкую, даже благородную политику европейского щита коллективной безопасности против нацистской агрессии. Провал коллективной безопасности объяснялся не отсутствием искренних усилий со стороны Советского Союза, а политикой «умиротворения» — нежеланием западных демократий выступить против гитлеровской агрессии. Согласно этой точке зрения, русские стали всерьез рассматривать ориентацию на Германию лишь в августе 1939 года, когда поняли, что Запад цепляется за политику умиротворения, в то время как Гитлер намеревался оккупировать Польшу.

Другая крайность — это утверждение Суворова, что коллективное обуздание агрессии никогда не было настоящей целью Кремля, а являлось лишь приманкой, которой Сталин в течение десятилетия стремился завлечь не желающего этого Гитлера в агрессивный союз. Эта точка

зрения делает акцент на идеологических принципах советской внешней политики. Суворов заявляет, что еще в 1927 году Сталин пытался вбить клин между капиталистическими государствами и подтолкнуть их к межимпериалистической войне на взаимное уничтожение, в результате которой Советский Союз мог добиться территориальных приращений вдоль всех своих границ. Чтобы развязать такую войну, Сталин, по утверждению Суворова, помог приходу Гитлера к власти, намеренно направляя политику Коминтерна и германской коммунистической партии по гибельному пути. Согласно этой точке зрения, нацистско-советский пакт всегда присутствовал в планах Сталина, а курс на коллективную безопасность был всегда лишь ширмой, скрывающей его замыслы от Запада. Фактически Суворов старается приписать Сталину проведение агрессивной политики в стоворе с Германией начиная с Рапалльского договора 1922 года⁴.

Однако, советская внешняя политика в конце 20-х годов была намного более продуманной и осторожной. Аргументы Суворова свидетельствуют о непонимании им трансформации внешней политики СССР от революционной в 20-ые годы в эволюционную в 30-е годы. Хотя целью рапалльской политики был раскол империалистического лагеря путем заигрывания с веймарской Германией, эта стратегия была оборонной, направленной на предотвращение новой интервенции против Советского Союза, а это могло произойти, если бы отношения между Германией и Западом нормализовались. Согласно одной из версий этой теории, Сталин рассматривал коллективную безопасность как вынужденную альтернативу, пока Гитлер продолжал отвергать его многочисленные попытки заключить соглашение. Переговоры, которые, как утверждает, вел в 1937—38 гг. глава торговой миссии в Берлине Давид Канделаки, являются основным доказательством советских намерений. О размахе зондажа и степени вовлечения в переговоры Сталина свидетельствовал Кривицкий. Однако Кривицкий, подобно Суворову, был мелкой сошкой в ГПУ, а до этого в ГРУ; он, к примеру, не мог иметь доступ к протоколам Политбюро, на которых он основывал свои аргументы. Однако, его утверждение было с готовностью подхвачено теми политическими силами Запада, которые

в условиях «холодной войны» были слишком заинтересованы в том, чтобы продемонстрировать общность целей между нацистской Германией и Советской Россией⁵.

Из этих второстепенных контактов сделаны далеко идущие выводы⁶. Те, кто стремится представить советскую внешнюю политику преимущественно агрессивной, видят в них доказательство преемственности между Рапалльским договором и пактом Риббентропа — Молотова. Они просто не замечают, что по объему и интенсивности эти контакты были минимальными по сравнению с главным направлением советской дипломатии, которая, несомненно, была нацелена на достижение коллективной безопасности⁷. К тому же недавно было установлено, что эти тайные контакты были в значительной степени иницированы германским лобби, по-прежнему стремившимся возродить «остполитик», а с русской стороны представляли собой жалкую попытку противостоять антисоветским элементам в германском Министерстве иностранных дел⁸.

Переговоры фактически зашли в тупик в середине апреля 1937 года. Русский посол в Берлине проинформировал Литвинова, что «все без исключения члены дипкорпуса упорно останавливаются на вопросе о возможности изменения советско-германских отношений. Слухи о возможности сближения с Германией лишены каких бы то ни было оснований. Мы не ввели и не ведем на эти темы никаких переговоров с немцами, что должно быть ясно хотя бы из одновременного отозвания нами полпреда и торгпреда. Очевидно, слухи лансированы немцами и поляками для целей, нам не совсем понятных»⁹. Основы советской политики были отражены более точно в большой статье Тухачевского, опубликованной с полного согласия Сталина в «Правде» 31 марта 1935 года под названием «Военные планы нынешней Германии». Тухачевский утверждал, что Германия постоянно готовит против Советского Союза войну, причины которой проистекают в основном не из заповедей «Майн кампф», а из экономических и других, более земных соображений¹⁰. За отсутствием нужных данных Суворов и другие используют ложный исторический метод, который приводит к сомнительным предположениям. Полагая (и это соответ-

ствовало действительности), что Сталин был дьяволом, они сделали вывод, что коварный человек всегда проводит вероломную внешнюю политику, не соответствующую истинным национальным интересам России¹¹.

Более банальное объяснение состоит в том, что надежды, которые Кремль, возможно, связывал с Западом, рухнули во время мюнхенского кризиса 1938 года. Следует помнить, что Россия имела обязательства, вытекающие из договоров о взаимопомощи, заключенных как с Францией, так и с Чехословакией, и потому ожидала, что ее пригласят участвовать в Мюнхенской конференции. Исключение России из числа участников и свобода рук, данная Германии в Чехословакии, казалось, подтвердили глубоко укоренившиеся в СССР подозрения, что Чемберлен и Даладье пытаются отвести угрозу от своих стран, поощряя экспансию Гитлера на Восток¹². Хотя, несомненно, Мюнхенский договор явился сильным ударом по системе коллективной безопасности, Сталин не считал его вечным. Да у Сталина и не было выбора. В азартной игре, рассчитанной на дальнейшие уступки западных стран, Гитлер не зондировал позицию Москвы после Мюнхена. Более того, Мюнхенское соглашение встретило сильную оппозицию в Англии, которую возглавили Антони Иден, бывший министр иностранных дел, ушедший со своего поста в знак протеста против умиротворения, и Уинстон Черчилль, вновь ожививший идею коллективной безопасности.

Большинство историков считают водоразделом оценку Сталиным советской внешней политики на XVIII съезде партии 10 февраля 1939 года. При этом часто ссылаются на знаменитое предостережение Сталина в адрес западных демократий, что он не собирается «таскать для них из огня каштаны». Под влиянием происшедших затем событий историки усматривают в этом решение Сталина пойти на сближение с нацистской Германией. Однако достаточно даже поверхностного ознакомления с полным текстом выступления Сталина, чтобы стало ясно, что антинацистская направленность его очень сильна. Если бы Суворов ознакомился с этим выступлением, он бы заметил, что Сталин отказался от ленинской идеи революционной войны и предупредил, что война представляет собой угрозу для всех. Кроме того, отказ Гитлера от Мюнхенских

соглашений, выразившийся в аннексии оставшейся части Чехословакии неделю спустя, породил надежды на возрождение идеи коллективной безопасности. Действия Гитлера были осуждены — во всяком случае публично — Чемберленом, и противники умиротворения укрепили свои позиции. Именно на этом фоне Советское правительство выступило с предложением о заключении военного соглашения с Англией и Францией.

Таская из огня каштаны

Односторонние английские гарантии безопасности, данные Польше 31 марта 1939 года, являются важной вехой на пути к пакту Риббентропа — Молотова и первым залпом второй мировой войны. Они привели к драматическому изменению международного статуса Советского Союза. Этот аспект ускользает от внимания большинства ученых, изучающих этот период¹³. Примечательно, что хотя гарантии вызвали непредвиденный драматический переворот в международных отношениях, английское правительство отказалось считаться с его непосредственными и трагическими последствиями. После прихода Гитлера к власти Советский Союз потерял возможности для маневра, которых он с таким трудом добился в 20-е годы. Отсутствие альтернативы делало его верность коллективной безопасности, по нашему глубокому убеждению, твердой. После Мюнхена СССР резко ослабил свою дипломатическую активность, лишившись единственного выбора. Чемберлен продолжал отчаянно цепляться за традиционно принадлежавшую Англии роль гаранта равновесия сил в Европе. Ни Франция, ни Германия не могли, видимо, ничего предпринять на европейской сцене без поддержки Англии.

Гарантии, данные Англией Польше, одним ударом изменили ситуацию. Выступая с этим заявлением, Чемберлен едва ли консультировался с Форин оффис и собственными советниками. Этот шаг был спонтанной реакцией на немецкую оккупацию Чехословакии, и одновременно эмоциональным ответом на личное унижение, нанесенное ему Гитлером. Давая гарантии Польше, Англия фактически бросала вызов Германии, тем самым полностью отказываясь от ключевой роли в равновесии

сил в Европе. Последствия этого шага могли быть двоякого рода. Как сдерживающий элемент этот шаг имел своей целью вернуть Германию за стол переговоров. Однако Гитлер мог отказаться и по-прежнему предъявлять Польше территориальные притязания. В этом случае уроки предыдущих войн диктовали Германии необходимость избегать войны на два фронта и, соответственно, добиваться нейтрализации Советского Союза. В конечном итоге перед Советским Союзом открывалась возможность выбора. С другой стороны, когда Чемберлен понял, что путь ко «второму Мюнхену» не гладок, а угроза войны является реальной, он был вынужден, скрепя сердце, заручиться хотя бы видимостью советских военных обязательств, необходимых для выполнения данных им гарантий. Таким образом без всяких тайных замыслов Советский Союз стал основой равновесия сил в Европе¹⁴.

Пакт Риббентропа — Молотова вошел в историю, как «шок» и «неожиданность». Он свидетельствовал о вероломном характере русских. Суворов прибегает к такой яркой метафоре, чтобы подвергнуть сомнению искренность русских во время переговоров о трехстороннем соглашении 1939 года. Он утверждает, что «Сталин такого союза не искал... Сталин мог бы оставаться нейтральным, но он вместо этого бил топором в спину тех, кто воевал против фашизма»¹⁵. Позиция Сталина представляется Суворовым результатом идеологического плана, разработанного им в 20-х годах. Оба мифа: «топор в спину» и «план» — были растиражированы в период «холодной войны» и основывались на упрощенном понимании событий, приведших к заключению пакта. Исходя из преобладавших в 50-е годы взглядов на тоталитаризм, Суворов стремится доказать существование общности интересов и политической близости между нацистскими и коммунистическими режимами, представляющими огромную угрозу западной демократии и цивилизации. Подобная интерпретация, целью которой было свалить большую часть вины за начало второй мировой войны на Советский Союз, завоевала большую популярность после публикации мемуаров Черчилля о войне. Она активно использовалась в политических целях для сохранения изоляции Советского Союза и установления «особых отношений» с Соединен-

ными Штатами, столь важных для послевоенного возрождения Англии¹⁶.

В действительности англичане быстро уяснили логические последствия влияния гарантий на внешнеполитический курс Советского Союза. Едва были даны гарантии Польше, как английский посол в Москве сэр Уильям Сидс предупредил Уайтхолл о последствиях: «Россия надавала много обязательств и впредь она будет держаться подалее от каких-либо обязательств». В середине апреля он предостерег Уайтхолл, что если автоматические гарантии Польше останутся в силе, Россия может «поддаться соблазну остаться в стороне и в случае войны ограничить свою разрекламированную поддержку жертвам агрессии выгодной продажей им припасов». Далее он предупреждал, что если Германия выйдет на общую границу с Россией, то можно ожидать заключения соглашения о будущем прибалтийских государств и Бессарабии. Точно так же заместитель министра иностранных дел Англии был вынужден признать, что «теперь, когда правительство Его Величества дало гарантии, советское правительство будет наблюдать, не вмешиваясь в дела»¹⁷. В день подписания пакта сэр Невилл Гендерсон, посол Великобритании в Берлине, заявил, что он не сомневался, что английская «политика по отношению к Польше сделает это в конце концов неизбежным»¹⁸.

Поэтому для Суворова было большим соблазном прийти к заключению, что пакт Советского Союза с Германией стал неизбежен и что печальной памяти советские переговоры с Западом, начатые по инициативе России несколькими днями спустя, 10 апреля 1939 года, велись нечестно и служили лишь приманкой, чтобы выторговать лучшие условия у немцев. Итак, вместо того, чтобы защитить Польшу, гарантии, как это ни парадоксально, отвели угрозу от России, вынудив Гитлера воевать на Западе. Какой бы тонкой ни была такая интерпретация, она слишком упрощена.

Венцом успеха любой внешней политики является маневренность, получение возможностей выбора, а не обмен одних обязательств на другие. Восстановив возможности для маневра, русские не спешили повторять ошибки Англии и тотчас связывать себя теми или иными обяза-

тельствами. Однако существовал и более серьезный довод в пользу продолжения политики, направленной на достижение коллективной безопасности. Концепция безопасности, лежащая в основе советской внешней политики, опиралась на весьма передовую и тщательно разработанную стратегию¹⁹, которая предполагала в случае необходимости проведение военных операций глубоко на территории противника в поясе безопасности. В протянувшуюся с севера на юг буферную зону входили Эстония, Литва, Латвия, Польша, Румыния и частично Болгария. Основой коллективной безопасности было заключение договоров о взаимопомощи с этими государствами при поддержке Англии и Франции. Такие договоры диктовались угрозой со стороны Германии, а так же неизбежностью войны и предусматривали тесное военное сотрудничество в случае ее возникновения. Со своей стороны, англичане, давая гарантии, пытались сохранить основные принципы «умиротворения» и удержать немцев от агрессивных действий, не уточняя мер, которые должны быть приняты в случае начала войны.

В новых обстоятельствах Сталин теоретически мог бы взять на себя обязательства в случае агрессивных действий Германии. Однако, памятуя о судьбе Чехословакии, он, очевидно, опасался, что Англия может продолжить свою политику умиротворения даже в случае нападения Германии на Польшу и поощрить ее к дальнейшему движению на восток. Не следует упускать из виду, что серьезные опасения по поводу того, что Германия и Англия могут договориться о действиях против коммунистической России, постоянно присутствовали в советской внешней политике в период между мировыми войнами. Эти опасения были порождены военной интервенцией союзников в 1920—21 годах. В том же ключе интерпретировались и события, не имевшие непосредственного отношения к России, как например, Локарнский договор 1925 года, вступление Германии в Лигу Наций год спустя и, разумеется, Мюнхенская конференция. Советские историки по-прежнему объясняют провал переговоров 1939 года зловещими попытками западных держав возродить после первой мировой войны германский милитаризм, вступить в сговор с немецким фашизмом и направить агрессоров на восток²⁰.

Хотя не имеется достоверных сведений, что такой план когда-либо рассматривался английским кабинетом, все большее число авторов в последнее время приходят к выводу, что стратегия Чемберлена была направлена на сдерживание и не отвергала — а наоборот поощряла — все новые попытки ослабить международную напряженность дипломатическими методами. Поэтому он продолжал противиться заключению связывающих руки военных соглашений, которые могли быть провокационными по сути, и отказывался требовать от Польши решения принять советскую помощь²¹. И наконец, русские, видя многочисленные нарушения договоров немецкой стороной, не доверяли соглашениям.

После 31 марта Сталин столкнулся с серьезной дилеммой, не имеющей идеологической окраски. Будучи осторожным и прагматичным в международных делах, Сталин опасался, что Англия, несмотря на данные гарантии, пожертвует Польшей, как пожертвовала Чехословакией, и тем самым подтолкнет немцев к агрессии на востоке. Эта угроза диктовала необходимость заключить с Германией соглашение. С другой стороны, если Англия не отреагирует на вторжение в Польшу, Германия может нарушить соглашение и продолжать наступление на восток. Такой прогноз вынудил Советский Союз предпринять отчаянные усилия, чтобы вместо предоставления односторонних гарантий заключить официальный военный союз с западными державами²².

Однако с самого начала это предложение встретило трудности. Польша отказалась пропустить в случае войны через свою территорию советские войска, а Англия не желала признать Советский Союз своим главным союзником в Восточной Европе. Коллективная безопасность по-прежнему рассматривалась ею в качестве более подходящей и реальной альтернативы. Переговоры тянулись несколько месяцев, но из-за разногласий, возникших с самого начала, зашли в тупик, что в конце концов бросило русских в немецкие объятия. Советские и западные историки часто отказываются признать, что Англия и Советский Союз фактически предполагали разные соглашения. Русские, проводя линию на достижение коллективной безопасности, упорно стремились к договору о взаимопо-

мощи. Его главным пунктом должно было быть четкое определение военных мер, которые будут приняты каждой из сторон в случае войны, которую они считали неизбежной²³.

Переход от политики сдерживания к поискам военного союза произошел после мюнхенской конференции. Он был вызван сведениями военной разведки, внимательно следившей за намерениями немцев. В донесении от 19 августа 1938 года надежный источник подробно описал встречу между Герингом, Рундшtedтом и другими высокопоставленными военными, посвященную военным планам Германии, необходимости перевода всей германской экономики на военные рельсы и осуществления мобилизационных планов. На встрече Советский Союз был прямо назван основным противником Германии: «Германии нужны колонии, но не в Африке, а на востоке Европы, ей нужна зерновая житница — Украина»²⁴. В этих условиях сдерживание представлялось бессмысленным, поскольку война вдруг оказывалась неминуемой.

Придерживаясь политики сдерживания, Англия не могла удовлетворить основные требования безопасности Советского Союза. Пространство для торга и маневра было очень узким. Галифакс с самого начала не ждал многого от переговоров с Россией. Он хотел от нее не обязательств, а поддержки своих постоянных усилий убедить Гитлера отказаться от амбициозных планов, все еще надеясь вновь усадить его за стол переговоров. Поэтому он старался ограничить действия русских формулировкой «по их собственной инициативе», умело прибегнув к оговорке, что «в случае какого-либо агрессивного акта в отношении европейского соседа Советского Союза, *против чего выступает заинтересованная сторона*, Советское правительство предоставит помощь, *если будет выражено такое пожелание*, и она будет оказана *в наиболее удобной форме*» (курсив мой — Г.Г.). Галифакс верил в то, что заявление Советского правительства, названное им «положительным», «окажет стабилизирующее воздействие на международную обстановку»²⁵. Оздоровляющее стабилизирующее воздействие, равносильное устрашению. Он практически не отошел от своей позиции в течение напряженных летних месяцев 1939 года. Однако с самого начала

создать такой союз оказалось трудно ввиду отказа Польши обсуждать вопрос о проходе в случае войны советских войск через ее территорию и нежелания Англии признать Советский Союз своим главным союзником в Восточной Европе. Внешняя политика Сталина была продиктована национальными интересами, а не принципами или моральными факторами, подобно политике его западных партнеров.

Суворов всплыл на волне негодования, характерного для сегодняшней оценки русскими историками событий 1939 года. Однако их осуждение вызвано моральными соображениями и ограничивается секретными протоколами, приведшими к разделу и захвату Польши и оккупации Прибалтийских стран²⁶. Неспособность примириться с реалистической политикой ведения переговоров одновременно с Германией и Западом — первопричина позиции современных критиков и данного критика конкретно. Усиленно проводится мысль, что, подобно западным державам, «Кремль проводил в жизнь дипломатическую линию, которая была морально и идеологически несостоятельна. Политика Москвы, как и демократических стран, не была ни бескорыстной и благородной, ни дьявольски хитрой»²⁷.

Пакт

В своей новой книге «День-М» Суворов утверждает, что уже к середине 1939 года Сталин узнал, что Франция и Англия приняли решение объявить Германии войну, если она нападет на Польшу. С другой стороны, Гитлер по-прежнему считал, что ему удастся безнаказанно совершить этот акт. По словам Суворова, Сталин настолько спешил начать войну, что подталкивал Гитлера к ее развязыванию: «Так ключ к началу Второй мировой войны попал на сталинский стол. Сталину оставалось только дать зеленый свет Гитлеру: нападай на Польшу, я тебе мешать не буду (а Франция и Британия объявят тебе войну). 19 августа 1939 года Сталин сообщил Гитлеру, что в случае нападения Гитлера на Польшу Советский Союз не только не останется нейтральным, но и поможет Германии»²⁸.

На самом же деле ситуация была диаметрально противоположной. Сталину неоднократно докладывали, что

Гитлер намерен напасть на Польшу независимо от позиции Запада. К 9 мая у Сталина в руках был подробный доклад начальника канцелярии Риббентропа Клейста, в котором в общих чертах содержались немецкие планы дальнейшей экспансии. В нем ясно говорилось, что цель Германии — расширить свою территорию за счет Советского Союза по идеологическим и экономическим соображениям. В нем конкретно указывалось, что если Польша не капитулирует в ближайшем будущем, Германия к августу прибегнет к силе. Очевидно, Сталин был особо озабочен тем, что, по мнению немцев, война будет локальной, а в распоряжении Англии и Франции не окажется достаточно войск, чтобы эффективно вмешаться в нее до окончания боевых действий. Это предположение могло лишь усилить его глубоко укоренившееся подозрение относительно позиции западных держав, учитывая их поведение на трехсторонних переговорах. Клейст разъяснял далее, что через три месяца наступит наиболее удачный момент для нападения на Польшу, так как будут завершены проводимые Германией военные приготовления. В меморандуме кроме того подчеркивалась особая заинтересованность Германии в Украине и говорилось о ведении в данном регионе подрывной деятельности, которая может дать предлог для его оккупации. В идеале Германия постарается аннексировать Украину, добившись советского нейтралитета — нейтралитета, который в тех условиях, как это необходимо подчеркнуть, считался само собой разумеющимся²⁹.

Итак, поскольку Польша явно была выбрана следующей жертвой, в Лондоне и Берлине прекрасно понимали, что заключение пакта о ненападении было неизбежно. Миф, представляющий пакт как «топор в спину», родился при других обстоятельствах, для того чтобы скрыть это самое понимание. Он стал символом «холодной войны», так как уравнивал Советскую Россию с нацистской Германией.

Меморандум также позволял понять намерения Германии в Прибалтике, которые, несомненно, содействовали растущему интересу Сталина к этому региону. В нем перечислялись «мирные» средства, которые должна была использовать Германия в Прибалтийских странах, чтобы

подчинить их себе и добиться «решительного отхода от Советского Союза»³⁰. Вслед за этим были получены точные разведданные из того же источника за май, в которых подтверждались и дополнялись более ранние сведения³¹. Следующая подробная информация Клейста была передана Сталину 19 июня. Она убедительно свидетельствовала о стремлении Гитлера во что бы то ни стало решить польскую проблему, несмотря на риск получить войну на два фронта. Сталин был встревожен тем, что Гитлера не останавливала возможность создания англо-советского союза. Наоборот он считал, что Москва будет «вести с нами переговоры, так как она совсем не заинтересована в конфликте с Германией и не заинтересована также в том, чтобы биться за Англию и Францию». Этот выдающийся разведывательный документ позволил Сталину узнать долгосрочные и краткосрочные цели Гитлера. Гитлер полагал, что «в германо-русских отношениях должен наступить новый рапалльский этап и что по образцу германо-польского соглашения нужно будет в течение известного времени вести с Москвой политику сближения и экономического сотрудничества. Миротлюбивые отношения между Германией и Россией в ближайшие два года, по мнению фюрера, являются предпосылкой разрешения проблемы в Западной Европе». Информация ясно свидетельствовала об эфемерной природе «второго Рапалло». Относительно Прибалтийских стран, находившихся в центре внимания России, было заявлено, что они «не будут подвержены германскому военному давлению ни во время нашего конфликта с Польшей, ни в последующий за этим двухлетний срок (курсив автора), который будет характеризоваться хорошими германо-русскими отношениями»³².

Ясно, что на ближайшие два года политика Сталина определялась этой блестящей разведывательной информацией. Он полностью осознал опасность, подстерегавшую Россию в связи с решимостью Гитлера любой ценой добиться своих целей в Польше, и понял, что все попытки помешать такому развитию событий путем заключения военного союза обречены на провал. Стратегический план Гитлера требовал краткосрочного «модус вивенди» с Россией, пока он будет связан на Западе. Таким образом,

движущей силой этих событий — фактически сразу после Мюнхенского соглашения — стала Германия. Подобно Англии Сталин, даже не замышлявший агрессивных действий, не имел времени для маневрирования и был вынужден отреагировать на немецкие требования, равносильные ультиматуму³³.

Когда Сталину стало ясно, что англо-франко-советские переговоры по военным вопросам не дадут результатов, он сделал выбор в пользу пакта, который так настойчиво предлагал Берлин. Во многом его шаг был продиктован пониманием, что Германия может поддаться искушению двинуться после разгрома Польши против Советского Союза, а Англия и Франция присоединятся к ней. Телеграмма Гитлера Сталину от 20 августа была составлена в ультимативной форме, что не ускользнуло от внимания Сталина. Он тщательно отметил толстым синим карандашом «совет» Гитлера принять проект соглашения в ситуации, когда отношение Польши к Германии таково, что «кризис может разразиться в любой день». Далее следовал комментарий Гитлера о том, что Сталин поступил бы мудро, если бы «не терял время»³⁴.

Эти соображения, а не планы агрессии или революционной войны, привели к заключению пакта. Советская политика в основе оставалась уравновешенной «реалистической политикой». Формулируя дальнейшие шаги, Сталин, по обыкновению, долго колебался. В этих условиях неминуемо проявились противоположные взгляды. Главными противниками Литвинова, а следовательно и коллективной безопасности, были Молотов и Жданов. Однако их изоляционизм был продиктован искренним желанием отгородить Советский Союз от войны, которая вот-вот должна была вспыхнуть в Европе, а отнюдь не стремлением к революционному выходу из положения³⁵. Сталин же исходил из конкретных возможностей. На протяжении почти всех 30-х годов он выступал за коллективную безопасность, стремясь уберечь Россию от разрушительной войны, пока в конце десятилетия не разуверился в успехе. Напрашивается вывод, что Сталин выбирал не оборонительный союз с Англией и Францией и не пакт с Германией, а такую политику, которая бы наилучшим образом отвечала безопасности Советского Союза.

Принимая во внимание его вполне понятные постоянные подозрения относительно возможности примирения между Англией и Германией, приходится усомниться в том, чтобы Сталин считал пакт стопроцентной гарантией западных границ России. Он не привел ни к скрепленному «кровью и сталью» братству с Германией, ни к возрождению давно забытой мечты о революционной экспансии. Он отразил относительную слабость России и прекрасное понимание того, что рано или поздно России придется встретиться с Германией на поле боя. Как мы увидим, политический курс после подписания пакта 1939—1941 годов дает основания для подобной интерпретации. Сталин сделал выбор в пользу меньшего из двух зол. Было бы ошибкой принимать за чистую монету собственное объяснение Сталина, что, подписывая пакт, он знал, что ему придется воевать с Германией и он стремился лишь к передышке. У Сталина не было альтернативы подписанию пакта. Динамичный ход событий 1939—1941 годов, часто по ошибке рассматриваемых как статический период, вызвал большие перемены в подходах и взглядах. Сталину пришлось реагировать на возникновение германской угрозы дипломатическими и военными средствами. Подготовка к войне началась, когда развернулись события, рассматриваемые в этой книге.

В конечном итоге явной целью договора было стремление использовать передышку. Но нельзя забывать, что в ходе этого процесса перед Сталиным обнажились долгосрочные замыслы Гитлера. Лишь в течение краткого периода во время «странной войны» Москва тешила себя иллюзией, что передышка достигнута. Но когда победоносный вермахт двинулся вперед, хладнокровие и самоуверенность уступили место тревоге и беспокойству.

Военная сторона коллективной безопасности

Во время «холодной войны» было принято исходить из того, что Сталин последовательно проводил заидеологизированную политику, направленную на разжигание войны, которая проложила бы путь к мировой коммунистической экспансии. Суворов, конечно, изучал в военных заведениях курс марксизма-ленинизма, и тем удивительнее ложная интерпретация им основных марксистских положений

ний. Общеизвестно, что ни Маркс, ни Энгельс ни оставили развернутой «военной доктрины». Исходя из пацифистских традиций утопического социализма XIX века, Маркс и Энгельс приветствовали революционную ситуацию, возникшую во время войн, но одновременно поддерживали пацифистские настроения европейских социалистических партий. Это хорошо видно из уклончивого отношения I Интернационала к франко-прусской войне 1870 года и неспособности II Интернационала принять единую платформу об отношении к войне, начиная со Штутгартского конгресса 1907 года вплоть до самого начала первой мировой войны. Лишь один Ленин считал войну средством ускорения революционных действий. Авторитет Ленина в Интернационале объясняется тем, что он связал революцию 1905 года с поражением России в войне с Японией. Его аналитический доклад, призывающий к поражению своего правительства в войне — что считалось в то время ересью — был представлен на Циммервальдской конференции как мнение меньшинства. Легко было пропагандировать такие взгляды, находясь в эмиграции на лыжном курорте в Швейцарии. Груз ответственности, связанный с нахождением у власти после 1917 года, заставил его быстро отойти от воинствующих позиций. Выработывая новую доктрину, создатели Красной Армии могли руководствоваться лишь туманными и противоречивыми заявлениями своих идеологических лидеров. Вскоре им пришлось перейти на оборонческие позиции и разработать совершенно необычную доктрину, которая отвечала как универсальным общим, так и особым советским национальным потребностям.

Чтобы разъяснить кажущуюся «наступательную» доктрину Красной Армии в 1941 году, которая, видимо, ввела в заблуждение Суворова, необходимо описать ее происхождение³⁶. «Осадный» менталитет, характерный для московских политиков до 30-х годов, способствовал дальнейшему развитию теоретических основ военной доктрины. Революционными инновациями занималась удивительная троица: Тухачевский, Триандафиллов и Иссерсон. Главной чертой доктрины был отказ от принятого согласно теории Клаузевица разделения военного дела на стратегический и тактический уровни и введение промежуточ-

ного уровня, названного «оперативным»³⁷. Основное достижение доктрины заключалось не в изобретении нового «оперативного уровня», умело втиснутого между «стратегией» и «тактикой», а в теоретическом обосновании существования неизбежных напряжений между этими двумя уровнями, между «целью» и «средствами» ее достижения, между «сковыванием» и «ударом». Таким образом она вобрала в себя оборонительные и наступательные элементы войны. Оперативное искусство заключалось в признании этого состояния напряжений и умении использовать их в конкретной ситуации. С начала 20-х годов не было сомнений в том, что основным средством разрешения внутренних трений является изучение и практическое использование обороны в качестве предпосылки для успешного наступления. В 1936 году Тухачевский опубликовал книгу «Задачи обороны СССР», содержащую анализ этих проблем. В сложном взаимодействии обороны с наступлением не было ничего зловещего, агрессивного и заидеологизированного. Стратегическая цель могла быть оборонительной по своей природе, однако оперативные маневры «глубоких операций», использованных для ее достижения, могли приобретать наступательный характер³⁸. Таким образом, советская стратегия в случае вторжения противника была весьма самоуверенно направлена на быстрый перенос военных действий на его территорию. Целью обороны был перехват инициативы у противника и создание условий для контр наступления³⁹.

С принятием в 1929 году Полевого устава перед передовыми воинскими частями был поставлен целый ряд задач: от разведки с целью перегруппировки для нанесения главного удара до реального вступления в бой с противником, чтобы помешать ему захватить ключевые позиции и развернуть силы для наступления. Таким образом, они получали боевые задачи, отличные от задач «авангарда» прошлых времен. Дальность действия передовых отрядов зависела от наличия механизированных частей, так как для поддержки авангарда было необходимо быстрое перемещение войск⁴⁰.

В 1930 году эта концепция получила дальнейшее развитие с введением такого понятия, как «глубокая операция», которая развила идеи, заложенные в «опера-

тивном уровне». Она предусматривала развертывание войск прикрытия, состоящих из бронетанковых соединений, действующих совместно с пехотой и артиллерией, для прорыва линии обороны противника и дальнейшего развития начального успеха путем развертывания оперативных действий на всю ее глубину. Эта теория создавала условия для находящихся на границе войск прикрытия в деле быстрой организации контрнаступления с целью уничтожения главных сил противника на его собственной территории. Ключ к успешному превращению тактических успехов в победу заключался в проведении последовательных оперативных маневров⁴¹. Фактически первый эшелон, или «войска прикрытия», как их часто называли, должны были препятствовать развертыванию войск противника, пока происходила мобилизация, переброска и развертывание второго эшелона⁴².

Новая концепция была включена в Полевой устав 1936 года, в котором предусматривалось «одновременное использование танковых, механизированных, военно-воздушных и воздушно-десантных сил для нанесения ударов и прорыва всей обороны противника, через его тактические позиции на всю оперативную глубину». Предпосылкой успешного выполнения таких целей являлось создание адекватных мобильных сил, что, в свою очередь, требовало ускоренной индустриализации и проведения коренной реформы вооруженных сил. Требовалось резкое увеличение бронетанковых корпусов и создание воздушно-десантных дивизий для успешного взаимодействия с наземными силами⁴³.

Не следует забывать, что целью индустриализации было не производство вооружений, как это утверждал Суворов. Новая технологическая революция в вооружении явилась результатом индустриализации, а не причиной. К 1933 году в армии появились крупные соединения механизированных и танковых войск, которые должны были рещать как оперативные, так и тактические задачи. Полагали, что бой должен начинаться с краткой артиллерийской подготовки, затем вступала в действие дальняя поддержка пехоты во взаимодействии с танковыми соединениями дальнего действия, атакуя и уничтожая передовые оборонительные укрепления противника, его резервы

и штабное управление. В то время как пехота и танковые соединения поддержки преодолевали оборонительные рубежи противника, передовые танковые соединения при поддержке авиации наносили удар по тылам противника и начинали преследование. На этой стадии развитие успеха должно начинаться с операций глубоко в тылу противника с использованием десанта, состоящего из сравнительно небольших танковых сил, за которыми следовала пехота численностью до 150 человек при поддержке 20—30 легких пулеметов. Такая динамичная сила должна была через несколько минут после прорыва развить успех. Эти войска могли действовать на расстоянии от 15—20 до 80—100 километров от главных сил.

Явная неспособность Суворова понять суть доктрины заставляет его приписывать ей на протяжении всей книги агрессивные намерения. Это заставляет нас сделать небольшое, но необходимое отступление. Суворов уделяет много места рассказу о зловещей стратегии с использованием воздушно-десантных дивизий, механизированных и танковых корпусов для наступательных действий. Например, он утверждает, что серия танков БТ была переделана по указанию Сталина в середине 30-х годов в серию А-20. По его мнению, «А» означает «автострадный». Согласно фантазии Суворова, танк должен был добираться на гусеничном ходу до современных немецких автострад, а затем сбрасывать гусеницы и устремляться прямо в сердце Европы⁴⁴. Как мы видели, маневренность и высокая мобильность были основой успеха «глубоких операций». Но мысль о том, что танк может быть «агрессивным», была чужда советскому мышлению. Создавая бронетанковые дивизии, русские признавали универсальный характер танков, сочетающих огневую мощь, оборонные возможности и маневренность. С самого начала танк считался лучшим оборонительным и наступательным оружием, и, будучи таковым, мог поддерживать глубокие операции.

В конечном счете перед танковым корпусом ставились три главные задачи. Согласно первой («непосредственная поддержка пехоты» — НПП) танки непосредственно взаимодействовали с пехотой на первых этапах соприкосновения с противником. По конструкции такие танки должны были быть тяжелыми и хорошо защищенными. При выпол-

нении второй задачи («дальняя поддержка пехоты» — ДПП) танки поддерживали пехоту, находясь на некотором расстоянии от нее и развивая прорыв. Третью задачу («дальнее действие») выполняли быстроходные танки — БТ вместе с бронетанковыми частями, перенося боевые действия в тыл противника. Тип танков, к которым принадлежали А-20, фактически выполнял роль кавалерии. Они были не более «агрессивными», чем другие, и использовались при осуществлении «глубоких операций»⁴⁵.

Проводя инспекцию танкового парка в августе 1939 года, Сталин дал согласие на продолжение строительства средних танков на гусеничном и колесном ходу, созданных Кошкиным. Недолговечные А-20 (и А-30 с более тяжелой 45-миллиметровой пушкой) реально были модификацией модели БТ-7М 1938 года, последней в серии БТ, созданной по образцу американской модели «Кристи». Если бы даже Сталин вынашивал планы захвата европейских автострад с помощью исключительно подвижного А-20 (чем он не занимался), условия и опыт ранней стадии войны диктовали необходимость использования менее быстрых, но более тяжелых танков. Если главным требованием, предъявляемым к танкам в 30-ые годы, была скорость, то теперь пришли к выводу, что «танк должен передвигаться медленнее, но иметь более мощную бронезащиту и повышенную маневренность». У А-20 была слабая броневая защита, ее можно было пробить пулями. Кроме того технические проблемы, связанные с установкой двух различных систем трансмиссий, не решены и по сей день. В итоге к началу 1940 года от колесного хода отказались, бронезащита была усилена, А-30 были переделаны Кошкиным и Морозовым в Т-32, а к концу года в знаменитые Т-34⁴⁶. Хотя было бы большим соблазном вообразить себе эти легкие А-20, на полной скорости мчащиеся по немецким автостоадам, не следует забывать, что поскольку война становилась реальностью, Сталин испытывал огромную нужду в более тяжелых танках, чтобы сдерживать немецкие бронетанковые войска и защищать артиллерию и пехоту. Поэтому в 1941 году были приняты огромные усилия, направленные на замену танков устаревших образцов более тяжелыми Т-34 и КВ⁴⁷.

Прибегая к своей обычной риторике, Суворов следующим образом представляет большие усилия, предпринятые для создания воздушно-десантных войск: «Если вам кто-то скажет, что генералы собрались на западных границах для проведения «контрударов», так вы ему про генерала Жадова напомните, который сменил горнокавалерийскую дивизию в Средней Азии на воздушно-десантный корпус в Белоруссии. Неужели воздушно-десантные корпуса предназначены для контрударов или для отражения агрессии?»⁴⁸.

Воздушно-десантный корпус был создан Тухачевским и, вероятно, по этой причине был расформирован после чисток. Он отлично вписывался в стратегию «глубоких операций». Судьба боя решалась маневренностью, умением быстро переносить военные действия в тыл противника. Воздушно-десантная дивизия дополняла маневренные действия механизированных и бронетанковых корпусов, направленные на дезорганизацию тыловых частей обороны противника и создание помех для их перегруппировки. Парашютно-десантные войска не должны были углубляться на большие расстояния, во всяком случае не в самую глубь Европы. Парашютный десант должен был приземляться в оперативной зоне, ограниченной 30—50 километрами, и действовать в радиусе не более 150 километров. В 1940 году Сталин сделал последнюю попытку восстановить их былую славу, видимо, с учетом успешных действий немецких парашютистов на Крите, в Голландии и Франции. Воссозданная на Украине бригада, на которую ссылается Суворов в качестве примера агрессивных намерений Сталина, была совершенно недостаточно подготовлена. Половина призывников не совершила ни одного прыжка с парашютом, а остальные прыгали по одному-два раза. 22 июня они были абсолютно небоеспособны и вынуждены были действовать в пешем строю, как при Халхин-Голе⁴⁹.

Восхождение Гитлера к власти привело к полному пересмотру концепции «будущего потенциального противника» и способствовало усовершенствованию доктрины. Угроза нависла не только над Советским Союзом, и идеологическая сторона конфликта подверглась быстрой эрозии. Деление на «фашистов» и силы «западной демок-

ратии» свидетельствовало об отходе от ленинских принципов, не усматривавших качественных различий в капиталистическом блоке, и способствовало созданию новых союзов. Коллективная безопасность стала ярко выраженным элементом советской стратегии. Не подталкивание к войне, которую потом можно было бы, по утверждению Суворова, использовать в качестве «ледокола» мировой революции, а сохранение мира любой ценой становилось целью политики. Германия, Италия и Япония без обиняков назывались потенциальными агрессорами. Нейтральные государства представлялись потенциальными жертвами фашистской агрессии, а принадлежавшие к четвертой группе Англия и Франция рассматривались как потенциальные союзники, несмотря на их явно империалистическую политику⁵⁰.

Коллективная безопасность стала одним из основных компонентов советской военной стратегии. До 1938 года считалось, что договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией и создание единого фронта против Германии могут предотвратить войну. Когда в системе коллективной безопасности начали появляться трещины, и война стала приближаться, открыто заговорили о наличии немецкой угрозы. В результате советские стратеги переключили внимание на создание эффективной оборонительной системы.⁵¹ Основой стратегии стал перехват инициативы на ранней стадии войны. Проигрывались различные сценарии, большинство из которых касалось действий по выходу войск из окружения, в которое они попадали после нападения на Советский Союз. Сценарий, которого боялись больше всего, рассматривал быструю и эффективную мобилизацию и развертывание войск с обеих сторон, что приводило к тупиковому положению. В этом контексте предусматривались превентивные действия. Нацеленность на превентивный удар была лишена агрессивной направленности, поскольку он считался законным лишь в случае начала мобилизации и развертывания войск противником. Самая угрожающая перспектива, заслуживающая внимания, предвосхитила реальную ситуацию 1941 года. Сталин опасался повторения 1914 года. По мере того, как приближалась война, все более зловещим казалось повторение ситуации, когда «один из противников осуществляет нападение полностью развернутыми вооруженными силами

в тот момент, когда другая сторона, опасаясь возможности «спровоцировать» войну началом мобилизации и сосредоточением войск, еще не завершила развертывание главных сил и вынуждена делать это в ходе начавшейся войны, в результате чего первый получает все преимущества захвата стратегической инициативы»⁵².

Примечания

¹ Я весьма признателен моему коллеге Т. Улдриксу за его объективный и разумный подход в работе «Soviet Security Policy in the 1930s», в кн. G. Gorodetsky (ed.), *Soviet Foreign Policy, 1917—1991*. London, 1994, откуда я беззастенчиво черпаю свои аргументы.

² Сталин И.В. Соч., т. 13, с. 302.

³ См. Kurt Rosenbaum, *Community of Fate. German-Soviet Diplomatic Relations 1922—1928*. Syracuse, 1965. О военном сотрудничестве см. S. Gorlov «Soviet-German Military Cooperation, 1920—1933», *International Affairs* 7, 1990, pp. 95—113.

⁴ Uldricks, «Soviet Security Policy», p. 65 f.

⁵ Подобная типичная для Запада точка зрения выражена в кн. Robert C. Taker. *Stalin in Power: Revolution from Above, 1928—1941*. New York, 1990, Chs. 10—21.

⁶ См. замечательный и объективный обзор этих контактов, сделанный на основе российских архивных материалов в статье: Абрамов Н.А. и Безыменский Л.А. «Особая миссия Давида Канделаки», *Вопросы истории*, N 4—5, 1991; с. 144—153.

⁷ См. Гнедин Е. *Катастрофа и второе рождение. Мемуарные записки*, Амстердам, 1977. Более тонкая версия в кн. Hochman's, *The Soviet Union and the Failure of Collective Security, 1934—1938*. London, 1984, pp. 124 and 171. См. также Gerhard L., *Germany and the Soviet Union, 1939—1941*. Leiden, 1972 и Mastny, V., *Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare and the Politics of Communism, 1941—1945*. New York, 1979.

⁸ Ingeborg Fleischhauer, *Der Pakt: Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie, 1938—1939*. Frankfurt, 1990; Geoffrey Roberts, *The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler*. London, 1989, Ch. 5.

⁹ Абрамов, Безыменский. «Особая миссия Давида Канделаки», с. 152.

¹⁰ Рукопись статьи М.Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера» с правкой И.В. Сталина, 29 марта 1935 — *Известия ЦК КПСС*, N 1, 1990, с. 161—169.

¹¹ Эта точка зрения убедительно аргументирована в кн. Ul-dricks, *op. cit.*

¹² Adam Ulam, *Expansion and Coexistence.*

¹³ Анита Празмовска выделяется среди других ученых своим критическим подходом к доказательствам особой важности гарантий в контексте британской внешней политики, см. *Britain, Poland and the Eastern Front, 1939.* Cambridge University Press, 1987. и ее же «The Eastern Front and the British Guarantee to Poland of March 1939», *European History Quarterly* 14, 1984.

¹⁴ Charmley, John. *Chamberlain and the Lost Peace,* London, 1989 и Parker, Alastair. *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War,* London, 1993.

¹⁵ Суворов В. *Ледокол,* с. 38.

¹⁶ Насколько живуч этот миф, видно из самых последних публикаций: Anthony Read and David Fisher, *The Deadly Embrace: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact, 1939—1941.* London, 1988.

¹⁷ E.L. Woodward (ed.), *Documents on British Foreign Policy, 1919—1939,* 3rd Ser. Vol. V. London, 1952, p. 104.

¹⁸ FO 800/279, su/39/221, Henderson to Sargent.

¹⁹ См. наст. изд. с. 40—42.

²⁰ Parker, Alastair. *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War,* London, 1993.

²¹ Macdonald, C.A., *The United States, Britain and Appeasement, 1936—1939.* Colorado, 1981; Mommaw, W.J., and Kettenacker, L., *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement.* London, 1983; Taylor, T., *Munich: The Price of Peace.* London, 1979. С этим были полностью согласны участники конференции, проходившей в Сурайском университете в 1979 году и посвященной 40-летию войны. См. особенно записи Lothar Kettenacker, and A.J.P. Taylor в Douglas, 1939: *A Retrospect Forty Years After,* pp. 33 and 52—53.

²² Ulam, *Expansion and Coexistence.* Относительно опасений СССР по поводу умиротворения см. например Десятков С.Г. «Уайтхолл и мюнхенская политика» — *Новая и новейшая история,* 1979, N 3, и Жуков Е.М. «Происхождение второй мировой войны», *Новая и новейшая история,* 1980, N 1.

²³ Русские предложения, переданные Галифаксу 18 апреля см.: *Documents on British Foreign Policy, 1919—1939,* Vol. V, p. 228—229.

²⁴ Документы Волгогонова — архивные материалы из ГРУ, подготовленные для ЦК, «Оценка РУ ГШ РККА планов и состояния вооруженных сил и их возможностей как будущих участников мировой войны».

²⁵ *Documents on British Foreign Policy, 1919—1939*, Vol. V. London, 1952, pp. 205—206.

²⁶ См. например статьи: «Альтернативы 1939-го» — *Известия*, 21 авг. 1989 и «Риббентроп — Молотов» — *Вопросы истории КПСС*, 1988, N 8. L. Bezumensky, «The Secret Protocols of 1939 as a Problem of Soviet Historiography», в кн. Gorodetsky, *Soviet Foreign Policy*, pp. 75—86.

²⁷ Teddy J. Uldricks, «Evolving Soviet Views of the Nazi-Soviet Pact», в кн. Richard Frucht (ed.), *Labyrinth of Nationalism: Complexities of Diplomacy*. Columbus, 1992, pp. 331—60.

²⁸ Суворов В. *День-М*, с. 57—58.

²⁹ ЦАМО, Сообщение И.И. Проскурова И.В. Сталину о «Дальнейших планах агрессии германского фашизма в оценке сотрудника германского министерства иностранных дел Клейста, 17 мая 1939».

³⁰ Спецсообщения РККА, N 472348, 9.5.39. ЦАМО, Оп. 9157, д. 2, Суворов выступает в 4 главе книги «День-М» с абсолютно смехотворным утверждением о том, что, заменяя Литвинова Молотовым на посту комиссара иностранных дел, Сталин готовился к войне с Германией. Ученые практически единодушны в том, что перемена свидетельствовала о примирении с Германией, поскольку Литвинов, будучи евреем и прозападно настроенным деятелем, являлся препятствием на пути сближения с Германией.

³¹ ЦАМО, Оп. 9157, д. 2, 11.350-60.

³² ЦАМО, Оп. 9157, д. 2, 11. 418-431. Сталину были также переданы тексты перехваченных в то время телеграмм Шуленбурга, которые подтвердили информацию. См. там же оп. 9157, д. 2, 11, 447, 453 and 454.

³³ См. замечательные обсуждения в кн. Fleischhauer, *Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa»*, pp. 14—28.

³⁴ Волкогонов Д. *Триумф и трагедия*, т. 2, М. 1990, с. 26—29. См. также «Альтернативы 1939-го», *Известия*, 21 авг. 1939. Еще одна просветляющая ситуацию интерпретация содержится в ст. «Риббентроп — Молотов», *Вопросы истории КПСС*, N 8, 1988.

³⁵ J. Haslam, *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933—39*. London, 1986. См также D.C. Watt, 1939 — *How War Came*. London, 1989.

³⁶ Генерал Шимон Наве, чья книга «*Red Strike: The Impact of Soviet Military Doctrine on the Evolution of Operational Art*» выходит в свет, помог мне усвоить сложности доктрины и дал ценные замечания на некоторые из моих высказываний.

³⁷ Glantz, *The Soviet Conduct of Tactical Maneuver*, p. 76—77.

³⁸ См. Триандафиллов В.К. *Характер операции современных армий*. М., 1929, с. 125—137 и Иссерсон Г.С. *Эволюция оперативного искусства*, М. 1937, с. 11—18. Работа Жигур М. *Будущая война и задачи обороны СССР*, (М. 1938) была посвящена полностью обороне.

³⁹ Доктрина была подробно рассмотрена в Народном комиссариате обороны, был принят Временный полевой устав РККА 1936, (М. 1937). О вкладе Тухачевского в эту стратегию см. Савушкин Р. А. «К вопросу о зарождении теории последовательных наступательных операций». *Военно-исторический журнал* 1983, N 5, с. 78—82.

⁴⁰ Glantz, *The Soviet Conduct of Tactical Maneuver: Spearhead of the Offensive* (London, 1993), pp. 80—81.

⁴¹ Glantz, *ibid.*, p. 76.

⁴² Анфилов А.В. *Провал «блицкрига»*, М., 1979, с. 162 и 178—89, а также Хорьков А.Т. «Некоторые вопросы стратегического развертывания советских вооруженных сил в начале Великой Отечественной войны», *Военно-исторический журнал*, 1986, N 1, с. 9—11. Опыт войны с Финляндией и Японией на Халхин-Голе, казалось бы, укрепил убежденность в том, что начальные операции сами по себе имеют второстепенное значение. См. «Khalkin-Gol: The Forgotten War», *Journal of Contemporary History*, 18⁴, 1983. Стратегия «глубоких операций», как ее стали именовать, о которой Суворов совершенно не упоминает, обсуждается вместе с другими проблемами в ст. K.S. Schultz, «Vladimir K. Triandafillov and the Development of Soviet «Deep Operations», *Soviet Armed Forces Review Annual*, IX, 1984—85, pp. 232—44.

⁴³ Glantz, *Tactical Maneuver*, pp. 80—82. О якобы агрессивных намерениях этих войск см. ниже, с. 257—265.

⁴⁴ Суворов В. *Ледокол*. с. 28—31.

⁴⁵ Калиновский К.Б. «Проблема моторизации и механизации современных армий» в кн. Кадишев А.Б. *Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах, 1917—1940*, М. 1965, с. 558—568; Амосов С.Н. «Танки в операции прорыва», там же с. 593—600; Игнатъев А.А. *Тактика танковых войск*, М. 1940.

⁴⁶ Erickson, *The Road to Stalingrad*, p. 33. Беседы с Анфиловым.

⁴⁷ См. Ульянов В.И. «Развитие теории глубокого наступательного боя в предвоенные годы», *Военно-исторический журнал* N 3, (1988), с. 27—33 и Glantz, *Tactical Maneuver*, pp. 97—108.

⁴⁸ Суворов В. *Ледокол*, с. 264.

⁴⁹ Erickson, *The Road to Stalingrad*, p. 65.

⁵⁰ Савушкин Р.А. *Развитие советских вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период 1921—1941гг.* М., 1989, с. 10—13.

⁵¹ Там же, с. 11—13.

⁵² Там же, с. 55.

Глава 4

Лондон и Москва. «Потенциальные враги»

Краткая передышка

Пакт Риббентропа-Молотова до сих пор рассматривается в свете последствий войны для Восточной Европы, которые едва ли можно было в то время предвидеть. Кроме того историки все еще находятся под впечатлением возмущения, охватившего Западную Европу после заключения пакта, и некритично воспринимают распространившееся в настоящее время мнение, что русские связали судьбу с Германией¹.

Для подтверждения советского попустительства немецкой агрессии западные историографы часто используют такие эпизоды, как например, тосты, произнесенные Молотовым за успехи вермахта, совместный парад Красной Армии и вермахта в Брест-Литовске после раздела Польши, выдача польских коммунистов Германии и историю о последнем поезде с стратегическими товарами, который прошел в Германию в ночь на 22 июня. Однако ни эти факты, ни оценка Молотовым пакта, как «поворотного пункта в истории Европы и не только Европы», не следует принимать за чистую монету². Какой бы циничной и неразборчивой ни была в то время советская политика, эти эпизоды отражают сложности, с которыми столкнулись русские после заключения пакта. Подписание пакта, как мы видели, было выбором наименьшего из двух зол.

Однако пакт с Германией породил у России чувство уверенности, передав в ее руки эффективный контроль над буферной зоной. Советское руководство рассчитывало повысить свою военную готовность, пока Германия и Англия будут вести военные действия³. Ошибочность этого расчета впервые проявилась, когда Польша оказалась поверженной еще до мобилизации британских экспедиционных сил. Последовавшая вслед за этим «странная война» отнюдь не рассеяла опасений русских. Они едва ли

могли исключить возможность того, что Чемберлен, которому они абсолютно не доверяли, поддастся соблазну договориться с Германией и подтолкнет ее к экспансии на Восток⁴. В результате, когда немцы убеждали Сталина вторгнуться в Польшу, он проявил осторожность и нерешительность. Отказавшись от стремления сохранить Польшу в качестве буферной зоны, он тем самым выступал заодно с Германией. Германия же могла попытаться заключить соглашение с Англией и Францией, возмущенными советской акцией. Таким образом, не исключалось, что Сталин окажется втянутым в войну с коалицией западных стран в условиях, когда положение на его восточных границах оставалось неопределенным. Кроме того, он прекрасно понимал, что Красная Армия слаба. Эта картина сильно отличается от того, что так усиленно пытается доказать Суворов: решимости Сталина двинуться на Польшу⁵.

Не следует также забывать, что рамки германо-советского Договора о дружбе и границах от 28 сентября были ограничены, и он рассматривался не как военный, а как «экономический союз». Демаркация польских границ и настойчивое стремление Сталина разграничить сферы интересов в Прибалтике и Бессарабии стали для немцев предупреждением не затрагивать здесь советские интересы. Следует также отметить, что если немцы рассматривали соглашение о разграничении сфер влияния как приглашение к их фактической оккупации и аннексии, то русские добивались политических гарантий и создания там своих военных баз⁶.

Немногим известно, что в это же время русские продолжали стремиться к достижению соглашения с Англией и недопущению «второго Мюнхена». Вторжение в Польшу представлялось как направленный против Германии оборонительный шаг. Кроме того личное вмешательство Сталина заставило Риббентропа изменить свое выступление о ходе советско-германских переговоров, из которого Запад мог предположить соучастие Сталина в немецких военных приготовлениях. Хотя историки снова пытаются представить советско-германский пакт как безнравственный, но сердечный союз, на самом деле усилия немцев заручиться политической поддержкой России и использо-

вать в своих целях пункты договора о дружбе, успеха не имели. Сталин и Молотов неоднократно отклоняли предложения немцев посетить Берлин⁷. Во время многочисленных бесед с английским министром иностранных дел лордом Галифаксом советский посол в Лондоне Иван Майский признавался, что «быстрота» немецких завоеваний «очень удивила» русских, ни в коей мере не желавших победы немцев. Кроме того было конфиденциально заявлено, что России «не улыбается будущее, когда ее ближайшим соседом станет мощная, победоносная Германия»⁸.

В этой связи следует рассмотреть резкие перемены в политике коммунистических партий, перешедших на пацифистские позиции. Первоначальную уверенность в том, что война будет затяжной, сменил пессимизм из-за военных успехов Германии. До 3 октября война рассматривалась как «империалистическая», а Советскому Союзу отводилась роль стороннего наблюдателя. Опасения по поводу продвижения немцев на востоке вызвали «кампанию за мир», чтобы положить конец войне⁹. В задачах, поставленных Коминтерном перед коммунистическими партиями после начала войны, война характеризовалась как империалистическая. Но в отличие от ленинских идеологических установок, война не приветствовалась и не выдвигался лозунг о «поражении» своего правительства, которое приведет к краху всей системы капитализма. В соответствии с занятой Советским Союзом позицией нейтралитета в задачах содержался призыв к различным коммунистическим партиям оставаться в стороне от конфликта и бороться за прекращение войны. Хотя догмы такой политики предусматривали одинаковое отношение ко всем капиталистическим государствам, в резолюции подчеркивалась опасность немецкой угрозы, а французы и англичане критиковались за их примиренческую позицию. Таким образом, Германию по-прежнему считали главным агрессором, от нее исходила угроза¹⁰.

Откровенная беседа Сталина с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Димитровым свидетельствовала о циничном подчинении Коминтерна интересам СССР. Пакт о ненападении ни в коей мере не был прикрытием для осуществления идеологических амбиций. Отнюдь не

предвидя неожиданного возвышения Советского Союза после войны, Сталин объяснял войну отсутствием воли у западных демократий. «Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и при том за это ничего не платить. Мы, конечно, не пошли в батраки...» Сталин не сожалел о судьбе Польши, которую он называл «фашистской» страной. По своему обыкновению он откровенно защищал интересы и приоритеты Советского Союза, слегка прикрывая их идеологическим флером: «Что было бы плохого, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и населения?»

Однако не следует принимать такие заявления за чистую монету. В основе указаний Коминтерну лежали интересы СССР, а не ленинские идеологические догмы об «империалистической войне». Сталин искренне стремился к прекращению войны, но не ранее, чем противоборствующие стороны основательно истощат себя. Ко всем коммунистам был направлен призыв «выступить решительно против войны и ее виновников. Разоблачайте нейтралитет, буржуазный нейтралитет»¹¹. Акцент на необходимости разоблачать миф об «антифашистской» природе войны не был напрямую связан с убеждением в ее империалистическом характере. Просто Сталин оставался при своем твердом мнении, что накануне войны Чемберлен прилагал отчаянные усилия направить германскую агрессию против Советского Союза, и полагал, что сорвал эти замыслы, заключив пакт Риббентропа-Молотова¹².

При подготовке проекта тезисов Коминтерна о новой империалистической войне, Димитров старался следовать ортодоксальным ленинским установкам, согласно которым война открывала новые революционные возможности. Однако 25 октября его вызвали Сталин и Жданов и прямо заявили, что во главу кампании за мир нельзя ставить революционные задачи. Была дана «еретическая» директива: коммунистические партии должны были проводить различие между буржуазными правительствами и выступать против тех, которые противятся миру. Димит-

рову было откровенно сказано, что «в первую империалистическую войну у большевиков была переоценка ситуации. Мы все забежали вперед, делали ошибки. Это можно объяснить тогдашними условиями, но не оправдать. Нельзя теперь копировать тогдашние позиции большевиков»¹³. В обращении к различным партиям акцентировалось внимание не на идеологических догмах, а на борьбе с антисоветским курсом их конкретных правительств. Это являлось действительным критерием их деятельности. В тезисах о войне, принятых Коминтерном и лично одобренных в конце сентября Сталиным и Ждановым, этот поворот откровенно оправдывался национальными интересами Советского Союза, хотя на словах объяснялся идеологическими мотивами. Необходимость поддержки Советского Союза оправдывалась тем, что на протяжении всех переговоров Франция и Англия «вели курс на их срыв, стремились использовать их, чтобы достигнуть соглашения с Германией за счет СССР, втянуть Германию в войну с СССР и замаскировать переговорами подготовку этой антисоветской войны в глазах масс. Убедившись, что Англия и Франция не защищают дело мира, а готовят новый, худший вариант мюнхенского заговора против СССР, Советский Союз заключил договор о ненападении с Германией и тем самым сорвал коварные планы провокаторов антисоветской войны»¹⁴. Постоянная подозрительность и страх перед возможностью сговора Германии с Англией в «странной войне» были причиной преувеличения Сталиным угрозы со стороны Англии и Франции.

На грани войны

Эйфория начального периода сменилась тревогой в связи с неудачами Красной Армии в «зимней войне» с Финляндией. Исчезли броские революционные лозунги Сталина, как можно судить по его выступлению на закрытом заседании Президиума Коминтерна в январе 1940 года. Вместо боевого призыва, с которым следовало бы обратиться, исходя из ленинской теории империалистической войны, Сталин неудачно заявил, что «действия Красной Армии — также дело мировой революции». Однако Красной Армии ни в коем случае не отводилась роль «ледокола». Напротив, Сталин поспешил заверить

делегатов в том, что «мы не хотим территории Финляндии. Только Финляндия должна быть дружественным Советскому Союзу государством». Он закончил выступление, предложив тост за укрепление Красной Армии, а не более подходящий обстановке тост за успех мировой революции¹⁵.

Поскольку секретные статьи пакта не были известны Западу, раздел Польши 18 сентября 1939 года вызвал в Англии два противоположных мнения, которые однако же привели к большим переменам в политике. Меньшинство полагало, что этот шаг был продиктован стремлением Советского Союза создать заслон против дальнейшей экспансии на восток, и предрекало «возможные трения между Германией и Россией». Такие надежды высказывал Уинстон Черчилль, занимавший тогда пост военноморского министра. Но следует иметь ввиду, что политики, подобные Черчиллю, Антони Идену и Стаффорду Криппсу, признававшие перемены и выступавшие за развитие отношений с Советским Союзом со времени Мюнхенской конференции, были тогда париями в собственных партиях, находились на обочине британской политики. Другие деятели придерживались традиционной позиции, занимаемой министерством иностранных дел и начальниками штабов — особенно после заключения германо-советского договора о дружбе от 28 сентября, — согласно которой Советский Союз «по своим намерениям и целям является враждебной державой»¹⁶.

Расхождения во взглядах имели своим следствием противоречивость политики. Примером этого является отношение Англии к советско-финляндскому конфликту. Россия мотивировала «зимнюю войну» опасностью, исходящей с севера еще со времени гражданской войны. Сталин был полон решимости прибегнуть к политическим и военным мерам в случае провала дипломатических переговоров¹⁷. Англичане, с одной стороны, демонстрировали понимание русских, а с другой откровенно поощряли финнов противиться притязаниям России¹⁸.

Разной еще более усилился в связи с неспособностью Чемберлена определить и сформулировать стратегические цели, соответствующие изменившимся реалиям. Внешняя политика по-прежнему определялась политическими

взглядами, которые помешали заключению соглашения с Россией в 1939 году. Пользовавшийся большим влиянием заместитель министра иностранных дел Александр Кадоган признавался в своем дневнике, что в последнее время он «все больше и больше размышлял над тем, стоило ли воздерживаться от выгодных, по нашему мнению, действий лишь из-за страха оказаться в состоянии войны с Россией»¹⁹. Однако оперативные работники Генштаба выступали за более осторожный подход «с чисто военной точки зрения». По их мнению, война с Россией «затруднит нам достижение главной цели в этой войне — поражения Германии»²⁰. Отдел северных стран министерства иностранных дел, занимавшийся Россией, не соглашался с мнением Генштаба и выражал сомнение в том, что Красная Армия «оказывала сдерживающее влияние на действия немцев. По мнению министерства иностранных дел, это не так, и, видимо, в наших интересах было бы полное сокрушение военной мощи России»²¹.

Кадоган жаловался, что заключение мира между Советским Союзом и Финляндией «создало ситуацию, которую мы не в состоянии использовать в своих интересах. Благодаря этому русские смогут сблизиться с Германией и поставлять ей больше сырья». В итоге весной 1940 года были разработаны планы совместного англо-французского налета на бакинские нефтяные промыслы, причем это нападение на Советский Союз имело цель подорвать экономические ресурсы Германии²². Полагали, что уничтожение нефтяных промыслов Баку и Батуми «окажет решающее воздействие на советскую военную мощь и жизнь страны». Перспективы были столь заманчивы, что Форин оффис пренебрег своим собственным предостережением, что этот акт «почти наверняка приведет к союзу между Германией и СССР». «Совсем не обязательно, — утверждал Кадоган, — что эта акция усилит какую-либо из сторон в военном отношении или что Германия сможет благодаря этому получать больше ресурсов из России, чем сейчас». Ни один из аргументов, выдвигаемых против этого плана, не принимал в расчет перспективу создания германо-советского союза. Больше опасались обострения отношений с Италией и Турцией и возможного ответного удара по позициям Англии на Ближнем Востоке.

Весьма цинично утверждалось, что «для прямого нападения на Кавказ необходимо спровоцировать Советское правительство, если оно по собственной глупости не даст нам реального повода для совершения военной акции»²³. По окончании «зимней войны» военное министерство стало проявлять крайнюю воинственность, рассматривая войну с Россией в качестве лучшего способа прекратить военные поставки в Германию²⁴. Немного времени потребовалось вездесущему Майскому для того, чтобы ознакомиться с этими планами, и он, без всякого сомнения, сообщил о них в Москву²⁵. Удивительно, как можно было рассматривать такие рискованные планы, притом что угроза со стороны России, по мнению Генштаба, была минимальной и отдаленной.

Мировая с Медведем

Всесторонняя оценка периода между подписанием пакта и операцией «Барбаросса» позволяет сделать вывод, что в руководстве Англии возобладали те, кто рассматривал пакт в качестве прелюдии к прочному германосоветскому союзу. Удивляет только, что английское правительство, как будто пренебрегая драматическим поворотом событий, не собиралось ничего менять во внешней политике страны. Пакт вызвал даже скрытое удовлетворение тем, что Россия и Германия оказались партнерами по ту сторону баррикад. О последствиях этого для Англии не думали. Как заметил заместитель министра иностранных дел Англии Р.А.Батлер, англичане — «народ гордый, и радуются, когда «мир вооружается»» против них²⁶. Сам он известен тем, что постоянно проводил мирный зондаж в отношении Германии. Итак, не перемены, а преемственность характеризовала отношения с Советским Союзом после начала войны.

Пророчество о том, что Германия и Советский Союз объединят свои усилия в войне с Англией, основывалось на двух скорее потенциально, чем действительно опасных моментах. Первый касался ущерба, нанесенного советским экспортом военных материалов в Германию британской стратегии, направленной на поддержание эффективной экономической блокады. Однако, каковы бы ни были истинные размеры этой торговли (историки еще не при-

шли к единому мнению), Уайтхолл не придавал этому особого значения²⁷. Со своей стороны Министерство по проблемам военной экономики считало, что, подвергая Россию экономическому бойкоту, Англия затрудняла Советскому Союзу возможность маневрирования, увеличивая его зависимость от торговли с Германией. Наконец Форин оффис придерживался мнения, что даже если бы Россия проявила готовность пожертвовать своими партнерскими отношениями с Германией, Англия не смогла бы предоставить ей соответствующую экономическую компенсацию²⁸.

Другой момент имел далеко идущие последствия для будущего хода событий. В условиях «странной войны», когда непосредственной угрозы Британским островам не предвиделось, особое внимание придавалось влиянию отношений Советского Союза с Германией на имперские и стратегические позиции Англии на Ближнем и Среднем Востоке. Традиционные империалистические интересы прикрывались сильными идеологическими предрассудками, которые разделяли Чемберлен и его кабинет. В день подписания пакта Риббентропа-Молотова британский посол в Берлине Невилл Гендерсон откровенно заявил об этом в частном письме:

«В настоящее время Правительство Его Величества находится на распутье. Мы должны помочь Польше, но не доводить ее до уничтожения из-за того, что ненавидим и боимся нацистов. В конце концов мы должны подумать о Британской империи ... прежде чем думать о нацистах и о зыбучих песках Восточной Европы. Там в конечном итоге бандиты переделерутся между собой»²⁹.

Точно так же и Генштаб выступал за защиту тех регионов, «которые могут быть заражены вирусом большевистской доктрины»³⁰.

Находящееся в плену предвзятых идей британское правительство игнорировало попытки зондажа со стороны Советского Союза и предпочитало проводить традиционную политику «умолчания», заключающуюся в том, чтобы «не реагировать и по возможности избегать трений»³¹. Тем самым британская дипломатия не смогла понять и исполь-

зовать в своих целях сложный дуализм политики Сталина, направленный, с одной стороны, на восстановление маневренности, с другой стороны — противодействие возможному англо-германскому блоку. Такую политику можно было успешно проводить лишь до падения Франции. После этого боязнь спровоцировать Германию, а также угроза сепаратного соглашения между Англией и Германией, парализовали Сталина.

Оценка положения, которой руководствовалась Англия, проистекала не от отсутствия информации о советских намерениях, а скорее от закоренившейся, глубоко укоренившейся концепции³². Советско-германский пакт рассматривался, как доказательство воскрешения «общности судеб» в традициях Брестского и Рапалльского договоров. Интересно отметить, что германский посол в Москве граф Вернер фон Шуленбург с сожалением проинформировал свое правительство в начале 1940 года о том, что Советский Союз искренне намерен «придерживаться нейтралитета ... и по возможности избегать всего, что могло бы втянуть его в конфликт с западными державами»³³.

Поведение Англии лишь в какой-то мере можно объяснить жесткой позицией французского правительства. В разгар острого внутривнутриполитического кризиса французам во что бы то ни стало нужна была эффектная победа, желательна подалеже от собственных границ. В начале 1940 года их отношение к Советскому Союзу стало откровенно агрессивным, советский посол был объявлен «персоной нон грата». Именно по инициативе Франции английская делегация неохотно согласилась исключить 14 декабря Советский Союз из Лиги Наций, и был выдвинут план нападения на кавказские нефтяные промыслы³⁴. Однако поддержка французских предложений объяснялась также отсутствием в рассматриваемый период у британского кабинета особого интереса к России. Это безразличие было следствием разочарования Чемберлена во внешнеполитической деятельности и неумелыми действиями Форин оффис, которое предоставило своим чиновникам необычно большую свободу в разработке внешнеполитического курса вообще и политики в отношении Советского Союза в частности³⁵. Серьезного внимания заслуживают также

разного рода попытки восстановить посреднические контакты с немцами во время «странной войны».

Эта стратегия основывалась на патологическом желании правительства Чемберлена, жертвы «комплекса Мюнхена», искупить прошлые ошибки. Основываясь на сомнительных данных о том, что Россия является верным союзником Германии, британский кабинет ухватился за возможность искупить умиротворение Германии демонстрацией твердости по отношению к действиям России в Финляндии. Когда заместитель министра иностранных дел по связям с парламентом Р.А.Батлер положительно отреагировал на просьбу Советского Союза о посредничестве в конфликте, он получил упрек от Кадогана за то, что занимается «новым умиротворением». Точно так же и Чемберлен осудил русских за их «обычные коварные и трусливые» методы, «скопированные с гитлеровских ухищрений в Польше и Чехословакии»³⁶.

Стратегия основывалась на традиционной русофобии и антикоммунизме в Форин оффис и вооруженных силах. Начиная с середины XIX века, когда англо-русские отношения стало определять их соперничество в Центральной Азии и Афганистане, в сознании англичан Россия ассоциировалась в основном с разъяренным медведем. Поэтому не удивительно, что когда Форин оффис рассматривал вопрос о переговорах с Россией, глава секретариата военного кабинета генерал Исмей, ставший впоследствии военным советником Черчилля, напомнил своему близкому другу сэру Орму Сардженту, помощнику заместителя министра иностранных дел и «идеологу» Форин оффис, о стихотворении Киплинга «Мировая с Медведем» (рассказ слепого нищего, изуродованного медведем):

«Беззубый, безгубый, безносый, с разбитою речью, без глаз,
Прося у ворот подаянье, бормочет он свой рассказ —
Снова и снова все то же с утра до глубокой тьмы:
«Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы».

Лапы сложив на молитву, чудовищен, страшен, космат,
Как будто меня умоляя, стоял медведь Адам-зад.
Я взглянул на тяжелое брюхо и мне показался теперь
Каким-то ужасно жалким громадный, молящий зверь.

Чудесной жалостью тронут не выстрелил я... С тех пор
Я не смотрел на женщин, с друзьями не вел разговор.
Подходил он все ближе и ближе, умоляюще жалок и стар,
От лба и до подбородка распорол мне лицо удар...

(Заплатите — надену повязку). Наступает страшный миг,
Когда на дыбы он встанет, шатаясь, словно старик,
Когда на дыбы он встанет, человек и зверь зараз,
Когда он прикроет ярость и злобу свинячих глаз,

Когда он сложит лапы, с поникшей головой,
Вот это минута смерти, минута мировой.
Снова и снова все то же твердит он до поздней тьмы:
«Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы»³⁷.

Фатализм, с которым Чемберлен относился к возможности войны с Россией, можно с полным основанием объяснить непониманием советско-германских отношений, двусмысленной позицией Форин оффис, давлением со стороны Франции и изначальной враждебностью в отношении Советского Союза.

Из-за этой предвзятости приход к власти Черчилля в мае 1940 года лишь в незначительной степени повлиял на изменение позиции правительства. Единственным исключением было, видимо, назначение послом в Москву сэра Стаффорда Криппса, члена парламента, занимавшего крайне левые позиции³⁸. В то время Черчилль любил цинично разъяснять, что в Москве — «наше самое дорогое посольство. Криппс у нас — единственный пригодный для занятия этого поста левый политик, который катается в деньгах, как сыр в масле». В свете их последующего соперничества Черчилль оправдывал назначение тем, что «в должной мере не понимал, что советские коммунисты ненавидят крайне левых политиков даже больше, чем консерваторов и либералов»³⁹.

Миссия Криппса могла оказаться успешной лишь в случае полного пересмотра политики кабинета и выработки новой. Криппс с головой ушел в «создание мира, который должен родиться после войны». Он предвидел восхождение Советского Союза и Соединенных Штатов как великих держав и низведение Англии до роли «аван-

поста» в Европе⁴⁰. Криппс считал, что единственная возможность оторвать Россию от Германии заключалась в гарантии дружбы и сотрудничества в послевоенной реконструкции, а не в позволении русским вытащить Англию из ужасной ямы, после чего она может покинуть их и даже присоединиться к окружающим их врагам⁴¹. Однако Черчилль парировал все попытки обсуждать военные вопросы на заседании кабинета. У Черчилля не было новых, смелых идей относительно послевоенного переустройства Европы. Не следует поддаваться упрощенному представлению о целях войны, содержащихся в его мемуарах, и считать таковыми уничтожение нацизма и возвращение к довоенному статус-кво. За этим скрывалась его изначальная империалистическая идеология и возможность, благодаря войне, восстановить пошатнувшиеся позиции Англии на мировой арене.

Даже операция «Барбаросса» рассматривалась, в основном, с точки зрения временного избавления Англии от угрозы вторжения. Война немцев на Востоке даст Англии, по мнению Черчилля, передышку, которая позволит ей проводить свою стратегическую линию на Ближнем Востоке. Действительно, отказ от союза с СССР в 1939 году вынудил Англию к поиску других союзников. В то время как Чемберлен вынашивал иллюзии разгрома Германии с помощью Италии и Испании и эффективного экономического бойкота, Черчилль усиленно выискивал альтернативных союзников в Юго-Восточной Европе и особенно в регионе Ближнего Востока. Было бы наивно полагать, что навязчивая идея организации этого фронта проистекала из чисто стратегических соображений.

В отличие от Черчилля Криппс рассматривал войну в качестве катализатора социальных и политических перемен внутри страны. Он часто высказывался против политики британского правительства, которая «на данный момент двигалась в заданном направлении: победить в войне, сосредоточив на этом все усилия». Он пренебрежительно отзывался о Черчилле, считая, что он живет «в эпоху до 1941 года и отчаянно пытается там остаться, ошибочно полагая, что можно оглядываться назад, постоянно удерживая в одном положении предохранительный клапан!!»⁴² Коренные политические расхождения между

Криппсом и Черчиллем, сглаженные в мемуарах Черчилля, очень важны для понимания событий, связанных как с вторжением немцев, так и с образованием «великого союза».

Пропагандируя свои идеи, Криппс был не одинок. Его политический авторитет возрос не после возвращения в Англию в 1942 году, когда общественное мнение связывало его имя с героическим сопротивлением Красной Армии, как это хотел представить Черчилль, а ранее — во время миссии в Москву. Предложения Криппса о послевоенном переустройстве создало основу для совместных усилий не только политиков из либеральной партии, но и мощной, набирающей силу группы «прогрессивных консерваторов». Сэр Уолтер Монктон, ставший впоследствии министром обороны, подстегнул конфронтацию Криппса с Черчиллем, дав Криппсу политический совет:

«Боюсь, что слишком длительное пребывание в таком неудобном положении может повредить вашим перспективам повести несколько позднее за собой всех нас. Дело в том, что у Уинстона нет настоящего наследника, ему нет альтернативы. Сейчас я убежден в том, что Эрни Бевин не годится для этой роли. Антони (Иден) мыслит слишком традиционно, чтобы стать великим лидером, у других также не хватает нужного склада ума и характера... Я обсуждал перспективы выдвижения вас в лидеры с самыми разными людьми, от Нэнси Астор до тех, кто выше и ниже ее по занимаемому положению. Я понял, что такая возможность всех их привлекает»⁴³.

И действительно, когда Криппс в начале июня 1941 года был отозван в Англию для консультаций, «Таймс» в передовой статье выступила за использование его «исключительных способностей поближе к дому ... повышая качество представительства лейбористской партии в высших органах власти страны».

Назначение Криппса, хотя и инициированное русскими, явилось для обанкротившегося правительства последней попыткой предотвратить образование советско-германского блока после полного разгрома Франции. Создалась необычная ситуация, когда Криппс, деятель левого

меньшинства парламента, будучи откровенным противником политики своего правительства, оказался на исключительно важном посту британского посла в единственно крупной европейской державе, которая сохраняла свою независимость.

Падение Франции и назначение Криппса не изменили, а, казалось, наоборот укрепили господствующую политическую линию. Правда, на какой-то момент потеря союзников на континенте подстегнула Англию пойти на сближение с Россией. Однако предпринятые шаги оказались слишком неадекватными и запоздалыми. Форин оффис практически противился назначению Криппса, по-прежнему представлявшего в парламенте воинствующее левое крыло, утверждая, что любой «настоящий герцог» был бы лучше принят в Москве. В середине июля Орм Сарджент, занимавшийся «идеологическими» вопросами помощник заместителя министра иностранных дел, выступил с важным меморандумом, в котором опроверг бытовавшие тогда суждения, что Германия и Россия неизбежно передерутся между собой. Россия сможет оказывать решающее влияние на ход событий только в том случае, если она непосредственно вступит в войну на стороне Англии:

«Что касается весьма решительного шага — начала превентивной войны против Германии на данном этапе, то Сталин скорее всего не решится на это из страха перед немецкой военной мощью, не желая затевать войну с великой державой, что, в основном из-за внутривнутриполитических причин, уже давно является основополагающим принципом советской внешней политики, а также учитывая, что Германия вряд ли выйдет из войны с Великобританией без всяких потерь и скорее всего воздержится от вторжения в Советский Союз в этом году, особенно если Советское правительство окажется достаточно сговорчивым».

Чтобы воспрепятствовать триумфальному шествию Гитлера, Сталину лучше всего «продолжить сотрудничать с ним и поддерживать хорошие отношения».

Этот реалистический и глубокий анализ был затем извращен детерминистским и заидеологизированным от-

ношением к России. Всякая попытка вбить клин между Сталиным и Гитлером считалась напрасной тратой времени, так как «ни один из диктаторов не посмеет отвернуться, опасаясь, что другой вонзит ему топор в спину». Поскольку и Сталин, и Гитлер считали Британскую империю «заклятым врагом», легко было предположить, что «их аппетиты приходят во время еды». Поэтому в Форин оффис господствовала точка зрения, согласно которой советско-германские отношения перерастут в союз. Так что бесполезно пытаться оторвать Россию от Германии. В конце концов диктаторы «перессорятся из-за добычи, но это произойдет, видимо, лишь по окончании войны, так что не стоит учитывать возможность ссоры при оценке трудностей и опасностей, с которыми Германия может столкнуться в ближайшем будущем». В отсутствие четкой политической линии этот меморандум, высоко оцененный Галифаксом, был представлен Черчиллю и различным разведывательным ведомствам и постепенно превратился в основополагающую линию в отношениях с Москвой⁴⁵.

Оценка, данная Майским незначительным переменам в политике Англии, в общем соответствовала действительности. Он считал, что даже если Черчилль станет диктатором, внешняя политика фактически останется в руках Галифакса, имя которого в глазах русских ассоциировалось с Мюнхеном. Повторяя знаменитое предостережение Сталина, сделанное им в марте 1939 года о том, что русские не намереваются «таскать для других из огня каштаны», Майский указал, что хотя русские не хотели бы победы Германии, «они не собираются воевать с ней ради Англии»⁴⁵.

В ходе войны на Западе русские выступали с новыми дипломатическими инициативами, чтобы поддержать решимость союзников к сопротивлению. Новый посол Франции Эрик Лабон встретил в Москве исключительно теплый прием. Здесь надеялись, что назначения Лабона и Криппса свидетельствуют о решимости Англии воевать и сводят на нет угрозу России со стороны Германии⁴⁶. Хотя контакты с Западом стали более продуманными и взвешенными, они, тем не менее, не были единственным направлением советской дипломатии. Как отмечал Криппс, Сталин «пытается участвовать в двух играх ... поручая

одну Молотову, а другую Вышинскому! (заместителю министра иностранных дел)»⁴⁷. Однако одержанные Германией победы все более затрудняли русским ведение двойной политики. В августе 1940 года они предложили Англии заключить пакт о ненападении, подобный пакту Риббентропа-Молотова. Встречные предложения Криппса были отвергнуты месяц спустя не потому, что Сталин предвидел, что переговоры Молотова в Берлине «укрепят связи между СССР и нацистской Германией», а из-за непосредственной угрозы, которую представляли для России немецкие действия на Балканах⁴⁸.

Итак, русские стояли перед дилеммой, которая становилась все более острой по мере ускорения Германией подготовки к вторжению. Открытый зондаж мог вызвать возмездие со стороны Германии. С другой стороны, было невысказано отказаться от столь трудно налаживаемых контактов с Западом, тем более, что опасность англо-германского примирения угрожающе вырисовывалась на небосклоне.

Примечания

¹ Самым последним примером этого является книга: S. Miner, *Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain and the Origins of the Grand Alliance*. North Carolina, 1988) Майнер согласен с тезисом, выдвинутым Р. Такером в «The Emergence of Stalin's Foreign Policy», *Slavic Review*, vol. 36, no. 4, 1977, pp. 563—89. Более тщательно разработанный тезис мы встречаем у G.L. Weinberg, *Germany and the Soviet Union, 1934—1941*. Leiden, 1972.

² P.M.H. Bell, «The Implications of the Soviet-German Pacts for Great Britain, August-December 1939», (неопубликованные записи, 1989); см, также прекрасные примеры у A. Hillgruber, *Hitler Strategie*. Frankfurt, 1965, p. 105, и Maury, Lisann, «Stalin the Appeaser: Before 22 June, 1941», *Survey*, 76, 1970, p. 76.

³ Erickson, *The Road to Stalingrad*, p. 77; *История второй мировой войны 1941—1945*. М., 1974—79, т. 3, с. 142—43.

⁴ Dalton papers, Box II 5/2 and II 3/2, воспоминания Бутби и Страболджи о беседах с Майским 17 сентября и 12 октября; Webb papers, diary, p. 6743, 2 Oct.; FO 371 23678 N5297/57/38, memorandum 5 Oct., 1939.

⁵ I. Fleischhauer, *Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa»*, *Die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau 1939—1941*. Berlin, 1991, pp. 29—47.

⁶ *ibid.*, pp. 48—84.

⁷ Documents on German Foreign Policy, 1918—1945. London, 1961, Series D, vol. 8, p. 76. (далее DGFP).

⁸ Далтон, британский министр по проблемам военной экономики, см. Dalton papers, Вох II 5/2, memo. by Boothby, a leading Conservative, on meeting Maiskii, 17 Sept.; FO 371 23678 N5297/57/38, 5 Oct. 1939. О незаурядной роли Майского в Лондоне см. S. Aster, «Ivan Maisky and Parliamentary Anti-Appeasement, 1938-39», в кн. A.J.P. Taylor (ed.), *Lloyd George*. London, 1971.

⁹ J. Attfield and S. Williams, (eds.), 1939: *The Communist Party of Great Britain and the War*. London, 1984; David Childs, «The British Communist Party And the War, 1939—41: Old Slogans Revived», *Journal of Contemporary History*, 1977 12¹².

¹⁰ Фирсов Ф.И., «Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939—1941 гг.», *Новая и новейшая история*, 6, 1992, с. 17—18.

¹¹ Неопубликованный дневник Димитрова, 7 сент. 1939.

¹² Фирсов, цит. соч., с. 25.

¹³ Сталин на встрече со Ждановым и Димитровым в Кремле 25.10.39, в неопубликованном дневнике Димитрова.

¹⁴ Фирсов, «Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР», с. 25.

¹⁵ Неопубликованный дневник Димитрова, 21 янв. 1940.

¹⁶ FO 371 23678 N5131/57/38, Seeds to Halifax and FO's minutes, 9—11 Oct. 1939.

¹⁷ Самая объективная оценка дана Волкогоновым в книге: *Триумф и трагедия*, М. 1990, кн. 2 с 44—45.

¹⁸ PRO, Canbinet Minutes (CAB) 65/2 67399, 31 Oct., Chief of Staff CAB 79)/2 COS 39105, 1 Nov., FO 371 23683 N6384/92/38, mins. 20 Nov., 1939.

¹⁹ Cadogan, Diaries, 19 Jan. 1940.

²⁰ CAB 84/2, 19 Feb., 1941.

²¹ M. Kitcen, *British Policy towards the Soviet Union during the Second World War*. NY, 1986, p. 19.

²² Richardson, Charles, «French Plans for Allied Attack on the Caucasus Oil Fields January — April 1940», *French Historical Studies*, 1973 81.

²³ FO 371 24846 N3698/40/38, 25 Mar 1940.

²⁴ WO 208/1754, Report by Major Kirkman, 6 Mar., 1940.

²⁵ Beatrice Webb diary, 18 Mar. 1940.

²⁶ FO 371 24855 N1523/1523/38, 11 Mar. 1940.

²⁷ CAB 66/2 and 3, WP³⁹ 90 and 134, 13 and 20 Nov. См. также досье FO 371 24851 N'/181/38.

²⁸ FO 837/1098, 25 Apr. 1940.

²⁹ FO 800/279 Su/39/221.

³⁰ CAB 84/8 JP3949 and CAB 65/1 43396, 6 and 10 Oct. 1941.

³¹ FO 371 23678 N4571 and 5240/57/38, FO mins. 18 Sept. and 17 Oct. 1941.

³² Unpublished paper by Bell, «The Implications of the Pacts on Britain», p. 4.

³³ DGFP, vol. 8, p. 79.

³⁴ Обзор франко-советских отношений см. FO 371 24853 N3413/341/38, Halifax to Campbell, 18 Mar. 1940, and CAB 21/1051, Halifax to Campbell, 11 Dec. Об исключении см. CAB 21/1051, Butler to Halifax, 22 Dec.; CAB 65/2 105 & 108, и 11239, 6 & 8, 12 Dec. 1939.

³⁵ Об отстраненности Галифакса см. например, FO 371 23678 N4571/57/38, minute by Halifax, 23 Sept.; FO 800/328, Halifax to Gort, 20 Oct. and 28 Nov. 1939.

³⁶ CAB 65/6 66401, 12 Mar.; Chamberlian papers, NC 18/1/1144, letter to Ida, 23 Feb. 1940.

³⁷ CAB 21/962, 30 Mar. 1940.

³⁸ FO 371 24847 N5689/40/38, 29475 N/941/29/38 и 24849 N/N5788/93/38, FO minutes, 2,4,10 June 1940. см. также Churchill, *Second World War*, vol. 2, p. 118.

³⁹ J. Wedgwood papers, замечание дочери Уеджвуда по поводу письма Криппса 27 февр. 1942. Churchill, *Second World War*, II, p. 118.

⁴⁰ Письма Криппса см. Monckton papers, Box 3, pp. 75—7, 115—18, 2 and 25 Sept. 1940, Box 4, p. 68, 13 Feb. 1941, и Cripps papers, letters to Monckton, 5 and 20 January 1941. О миссии Криппса см. H. Hanak, «Sir Stafford Cripps as British Ambassador in Moscow», *English Historical Review*, (370) 1979, и (383) 1982.

⁴¹ FO 800/322, Cripps to Halifax, 10 Oct. 1940.

⁴² Monckton papers, Box 3, pp. 75—7, 115—18, 2 and 25 Sept. 1940, Box 4, p. 68, 13 Feb. 1941; Cripps papers, letters to Monckton, 5 and 20 January 1941.

⁴³ *ibid.*

⁴⁴ FO 371 24582 N6029/243/38, мемо. By Sargent, 17 July, minute By Halifax, 18 July. Другие типичные примеры см. 371 28444, 24846, N2779/40/38 и N5937/30/38, FO's mins. 8, 11 and 13 Mar., 3 Jul.;

24853 N7279283/38, memorandum, 24 November 1949; 29135 W53/53/50, «Weekly Intelligence Summary», 15 Jan.; 29479 N1316 and 1324/78/38, mins., 3 Apr.; 29481 N2171 и 2466/78/38, mins. 13 and 27 May; W[ar] O[ffice] 208/1761 JIC (Joint Intelligence Committee) 41218, 23 May 1941.

⁴⁵ Webb papers, diary, pp. 6880—8, 20 May 1940.

⁴⁶ G. Gorodetsky, *Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940—42*. Cambridge, 1984, pp. 24—41. FO 371 24841 N5808/30/38 и N5840/5/38, telegrams from Cripps, 14 and 17 June; Cripps papers, letter to daughter Diane, 18 Sept. 1940.

⁴⁷ Cripps papers, letter to Knatchbull-Hugessen, British Ambassador in Ankara, 23 Oct. 1940.

⁴⁸ Hanak, «Implications of the Soviet-German Pacts» p. 21.

Глава 5

«Общность судеб» или план «Барбаросса»?

Гитлер и Сталин: идеологи или прагматики?

В решении Гитлера напасть на Россию есть загадка. Операцию «Барбаросса» трудно связать напрямую с данным в «Майн кампф» обетом «покончить с постоянным обращением немцев на юг и запад Европы и направить взоры на земли, лежащие на востоке»¹. Широко распространено мнение, согласно которому Гитлер давно хотел покончить с Москвой как с «центром “иудейско-большевистского мирового заговора”»². Другие полагают, что логика и образ «спасителя континента» не должны заслонять в военной политике Гитлера связи между расчетом и догмой, стратегией и идеологией, внешней политикой и расовой теорией³. Однако, такие утверждения едва ли помогут нам понять процесс выработки политики в конкретной ситуации и приведут к детерминизму в объяснении хода второй мировой войны. С другой стороны, практически невозможно отбросить идеологические мотивы и утверждать, что в основе внешней политики Гитлера целиком лежал прагматизм.

Большинство историков придерживаются удобной компромиссной точки зрения, которая позволяет им обойти спорный вопрос, утверждая, что «ради неумолимого следования поставленным перед собой целям (Гитлер) был вынужден соотносить свои методы с новыми обстоятельствами»⁴. Другие, как например, Эберхард Екель, считают, что в рамках своего идеологического кредо Гитлер серьезно рассматривал альтернативу установления контроля над континентом. Однако, если отбросить попытки психоанализа, искаженного предвзятыми выводами, историкам не удалось убедительно доказать, что, начиная с сентября 1939 года, Гитлер последовательно шел по тропе войны ради достижения своих идеологических мечтаний — создания благоприятных условий для завоевания России.

Совершенно ясно, что война против Англии на Западе, распространившаяся на Юго-Восточную Европу и Средиземноморье, не соответствовала устремлениям Гитлера. Он не мог пренебрегать новыми задачами, навязанными Германии ходом событий, даже если это предусматривало резкий отход от грандиозного плана, начертанного в «Майн кампф». То обстоятельство, что крестовый поход против большевизма и уничтожение евреев революционизировали ход войны в 1941 году, само по себе еще не является доказательством твердой приверженности наметенному плану. Когда было принято окончательное решение начать операцию «Барбаросса», идейные убеждения вышли на первый план и завладели его мышлением, отвлекая от более рациональной стратегической линии, которой до сих пор он следовал, осуществляя военное руководство.

Трудность заключается в том, что и у Сталина, и у Гитлера бросается в глаза отсутствие конкретных доказательств связи между идейными устремлениями режима и его военными делами. При изучении внешней политики картина становится еще более запутанной из-за постоянных сравнений этих двух деятелей и преобладания тоталитарного мышления⁵. Гитлер был авантюристом, склонным к откровенной экспансии, полностью пренебрегавшим проблемами международного права. В отличие от него Сталин, как мы уже видели, отбросил идеологические шоры и проявлял крайнюю осторожность и осмотрительность в политических начинаниях, которые способствовали укреплению безопасности и, как правило, носили оборонительный характер. Он проявлял традиционное уважение к методам внешней политики и, видимо, переоценивал возможности дипломатии⁶. Явное различие состояло в том, что если Сталина война застала в самом разгаре длительного процесса подчинения идеологических устремлений нуждам политики трезвого прагматизма, то для Гитлера она явилась началом выполнения его замыслов. Взаимосвязь идеологии с «реальной политикой» была тем самым выражена намного более ярко и чревата большими трениями в Германии.

Оказавшегося в 1940—41 гг. лицом к лицу с нацистской Германией Сталина, в не меньшей степени, чем историков

сегодня, интересовали стратегические цели Гитлера. Если для историков это является вопросом теории, то для Сталина после падения Франции он приобрел решающее значение. Если для Гитлера идеология — это «идея фикс», то война неизбежна. Если же наметки прагматической политики были искренними — а Сталин естественно распространял на Гитлера зеркальное отображение собственного мировоззрения — то войны можно еще избежать, во всяком случае отсрочить, если умело разыграть дипломатическую карту.

Возникновение плана «Барбаросса» — приверженность обязательствам?

Хотя Англия продолжала оставаться для Гитлера главной стратегической целью, на первое место в его размышлениях постепенно вышла Россия⁷. Неудовлетворительные действия Красной Армии в Финляндии и Польше продемонстрировали ее слабость в военном отношении, которая еще более увеличилась в связи с чистками. Непрочные позиции России на международной арене провоцировали Гитлера направить агрессию на восток. Россию исключили из Лиги наций, она находилась на грани военного конфликта с Англией и тем не менее стремилась расширить свое влияние в регионах, которые немцы считали для себя жизненно важными. Еще до начала кампании Германии против Франции наметилось значительное охлаждение в отношениях Германии с Россией⁸. Однако эти небольшие подвижки не обрели четкой формы даже после впечатляющей и легкой победы над Францией. Победа упрочила позиции Гитлера как национального лидера и главнокомандующего вооруженными силами, поскольку унижение, испытанное Германией из-за навязанного ей Версальского договора, было отомщено. Однако победа не была полной, так как Англия продолжала сопротивление. Гитлер не спешил предпринимать какие-либо действия, а решение двинуться против России еще не созрело.

Вначале, после капитуляции Франции в Компьенском лесу, Гитлер попытался возродить свои первоначальные планы и заключить с Англией мирное соглашение. Оно фактически совпадало с намерением сократить армию до

размеров мирного времени⁹. Однако уверенность Гитлера в том, что он может «поставить англичан на колени» и одержать либо военную победу, либо — что было бы еще лучше — заключить с ней драконовский мирный договор, не оправдалась. Демобилизация была отложена, а программа вооружений ориентирована против Англии.

Тем не менее вероятность войны с Россией встала в повестку дня одновременно с продолжением войны с Англией. Что касается Гитлера, то перед ним стояла альтернатива: либо добиваться господства в Европе политическими средствами, чтобы заставить Россию удалиться от континентальных дел и отказаться от сфер ее традиционного влияния в Юго-Восточной Европе, либо сокрушить Россию силой. Гитлер решил действовать в обоих направлениях. 21 июля он проинформировал своих генералов, что если операция «Морской лев» не завершится к сентябрю, ему придется осуществить «иные планы». Генералу Браухичу была поручена предварительная подготовка кампании против России, рассчитанной на весну будущего года.

Выбор России в качестве противника не был продиктован исключительно идеологическими мотивами. Прекрасно понимая, что германский флот уступает английскому и форсирование Ла-Манша сопряжено с большими трудностями материально-технического характера, Гитлер предпочитал повторить свой недавний блестящий успех, опираясь на сухопутные силы. Он связывал обе кампании воедино и оправдывал этот шаг тем, что демонстрация силы на Востоке могла бы убедить Англию в бесполезности сопротивления. Упиваясь лаврами победителя Франции, Гитлер, видимо, не учитывал размах нового начинания. Он успокаивал Кейтеля, утверждая, что по сравнению с предыдущими кампаниями война с Россией будет «детской прогулкой»¹⁰.

Полагают, что и ранее Гитлер говорил о кампании против России, однако это не подтверждается конкретными фактами. Генералы, выступавшие в свое время с необоснованными, как оказалось, опасениями по поводу французской кампании, теперь были на редкость сговорчивы в отношении России. Поэтому, когда Гитлер 21 июля выступил с этой идеей, Браухич смог представить ему

общий план ограниченного стратегического наступления против России в 1941 году с использованием от 80 до 100 дивизий. Спустя десять дней, выступая в Оберзальцберге, Гитлер подтвердил решение «покончить с Россией» в 1941 году¹¹.

В своих беседах и выступлениях Гитлер вводил собеседников в заблуждение. Использованный им в Оберзальцберге тезис о том, что Сталина следует сокрушить, чтобы убедить англичан в нереальности надежд на Россию, неоднократно использовался для умиротворения военных и отвлечения их от мысли о том, что нападение на Советский Союз означает войну на два фронта. В этом Гитлер не был оригинален; интересно, что Наполеон также пытался заверить своего посла в Москве, когда в 1811 году стали распространяться слухи о неизбежности войны: «Вы ведете себя, как русские; вы ничего не видите кроме угроз, ничего кроме войны, тогда как это всего-навсего передислокация сил, необходимая, чтобы заставить Англию еще до истечения шести месяцев добиваться приемлемых для себя условий»¹². Дневники Геббельса свидетельствуют, что Гитлер также прибегал к такого рода аргументам, когда считал это выгодным, в отношении Франции и Греции. Совершенно ясно, что Гитлера всегда манила война с Россией по идейным соображениям. Возможно также, что в конце лета 1940 года время стало диктовать ему необходимость такой кампании. Однако устная директива, данная в конце июля, носила весьма неопределенный характер и вместо оперативных указаний определяла лишь общие цели¹³.

Нападение на Россию не следует таким образом считать заранее решенным вопросом из-за того, что в конечном счете оно состоялось. Одновременно действовали противоположные тенденции. Вторая половина 1940 года была фактически переломным моментом войны; историки до сих пор, бросая взгляд в прошлое, недооценивают сложности стратегического и политического положения. Преобладает тенденция сбросить со счетов различные альтернативы, открывавшиеся перед Гитлером, объясняя его действия заранее выработанной политикой, исключавшей любые варианты. Однако, существование этих альтернатив означало, что в обстановке, сложившейся после

падения Франции, Сталин мог попробовать приспособиться к изменяющимся обстоятельствам, держа одновременно армию в состоянии боевой готовности.

Гитлер продолжал колебаться все лето и осень 1940 года; заключить же соглашение с Англией все не удавалось. Усиление американской поддержки Англии, неприимимость Черчилля и серьезные материально-технические трудности вторжения в Англию ставили под угрозу всю германскую стратегию. Гитлер столкнулся с проблемой, которую он не предусмотрел в своих планах: война на западе может превратиться в длительную войну на истощение, которую Германия не может себе позволить из-за недостатка сырья и ресурсов. Изоляция Англии путем создания континентального блока, как это предлагали Риббентроп и сторонники восточной ориентации из министерства иностранных дел, предполагала развитие сотрудничества с Советским Союзом. Проходило лето, а битва за Англию не давала результатов: стали сказываться последствия того, что Англия устояла. То, что поначалу выглядело несерьезным маневром, становилось реальной альтернативой. В условиях, когда Англия была зажата со всех сторон, возможность успешного «блицкрига» против Советского Союза становилась все более привлекательной.

Проблема оказалась запутанной из-за того, что Гитлеру приписывали заранее разработанный план действий. Недостаточное внимание уделялось роли и влиянию германской элиты, которую Гитлер хотел склонить на свою сторону. Сюда входили сторонники восточной ориентации, по странному стечению обстоятельств представленные теперь Риббентропом из-за его крайней англофобии, а также значительной частью военных. Едва только стали предприниматься первые шаги по разработке операции «Барбаросса», как Верховное командование вооруженных сил (ОКВ) и Риббентроп убедили Гитлера попытаться изолировать Англию, установив германский контроль над континентом. По их мнению, жесткий контроль над Юго-Восточной Европой обеспечит Германии надежный тыл. Господства же можно добиться созданием прочной коалиции от Гибралтара до Японии¹⁴.

Приглашение России принять участие в новом плане перераспределения сфер влияния в мировом масштабе

подрывает убеждение, глубоко заложенное в сознание немцев позднее главнокомандующим германским вермахтом генералом Браухичем: июльские военные планы против России носили упреждающий характер. Скорее однако создается впечатление, что Гальдер и Браухич были согласны с тем, что Россия и Германия могли бы поживиться добычей, «не мешая друг другу». Ошибка Гитлера заключалась в недооценке реакции Сталина и силы Красной Армии. Он верил, что «хотя Москва и не в восторге от огромных немецких успехов, она сама по себе не будет стремиться воевать против Германии»¹⁵.

Континентальная альтернатива

Парадоксально, но факт: план, целью которого было примирение с Россией, поставил под угрозу основные условия ее безопасности. Особенно ясно это стало, когда Россию не допустили до участия во втором венском арбитраже, состоявшемся 30 августа 1940 года. Венский арбитраж заставил Румынию уступить значительные территории Венгрии¹⁶. Молотов незамедлительно выступил с протестом относительно нарушения условий пакта Риббентропа-Молотова, который предусматривал проведение взаимных консультаций¹⁷. Немцы никогда не делали тайны из стремления обосноваться в этом регионе и открыто бросили вызов интересам СССР. Так, например, в начале 1941 года Шуленбург получил указание распространить в Москве слухи о сильном германском присутствии в Румынии (войск численностью в 680 000 человек вдоль границ) с тем, чтобы воспрепятствовать там любым советским действиям в то время, когда шла подготовка к проведению операции «Марита»¹⁸.

Ясно, что Гитлер должен был решить, пытаться ли оживить пакт Риббентропа-Молотова, договорившись по проблемам Юго-Восточной Европы, или же продолжать активную подготовку к войне. Он явно колебался, действуя в обоих направлениях. Соблюдал бы он соглашение, которое должно было исключить участие России в делах Европы и на Балканах и направить ее на Ближний Восток — вопрос явно гипотетический, однако есть все основания считать, что дипломатические возможности для этого были использованы полностью. Первым шагом

на пути принятия политического решения было подписание 27 сентября Тройственного пакта, в котором четко предусматривалось регулирование отношений всех участников с Россией. Гитлер рассматривал сближение России с пактом как самое эффективное средство, позволяющее ему поставить на колени Англию. Япония должна была сдерживать Соединенные Штаты и отвлекать их внимание на тихоокеанские проблемы. Предусматривалось, что Италия и, возможно, франкистская Испания будут бороться с английским морским господством в Средиземноморье, а Россию можно было бы направить на подрыв британских интересов на Ближнем Востоке. Румынии и Финляндии была уготована роль поставщиков сырья и нефти для Германии. То, что директива относительно России не отвлекала Гитлера от войны с Англией, вытекает из указания использовать люфтваффе против Англии для подготовки к вторжению. Это указание было дано им на следующий день после того, как он ознакомил генералов с намерением воевать с Россией. Более того, планы увеличения армии до 180 дивизий были приняты в рамках вспомогательной стратегии и отражали стремление поддержать боевую готовность. В то время, как замышлялись предварительные общие планы вторжения в Россию, ОКВ усиленно занималось подготовкой операций против Гибралтара и Египта. Гитлер надеялся провести в жизнь эти акции с помощью нового разграничения сфер интересов¹⁹.

Нерешительность явно проскальзывала и во время проходивших осенью встреч Муссолини с Гитлером и Риббентропом. Гитлер продолжал утверждать, что упорное сопротивление англичан объясняется тем, что они возлагали надежды на Россию и Соединенные Штаты. Он вряд ли ожидал, что Сталин будет проливать кровь за Англию и Францию, и рассчитывал на его здравый смысл в поисках перераспределения сфер влияния. Невозможно было даже предположить, чтобы Сталин пошел на риск войны с Японией на Востоке, когда вновь созданная «западная стена» полностью изолировала Россию от потенциальных союзников.

Балканы, бесспорно, были местом, где испытывались советские намерения, поскольку именно там происходило опасное столкновение интересов держав²⁰. В роскошной обстановке «Палаццо веккьо» во Флоренции Гитлер заве-

рил Муссолини, что в то время как отношения с Италией — это отношения «естественных союзников, ...партнерство с Россией проистекает из чисто конъюнктурных соображений». Не оставалось сомнений в том, что Молотов столкнется на переговорах с диктатом. «Настало время, — сказал в заключение Гитлер, — указать (русским), что они не должны выходить за определенные рамки»²¹. Позднее Гитлер оправдывал акцию против России возможностью превентивного удара с ее стороны. В связи с не критическим восприятием этого мнения Суворовым стоит отметить, что на предварительных переговорах Гитлер откровенно признавал, что не ожидает, чтобы Сталин использовал силу, если не добьется своих целей.

О серьезности рассмотрения проблем, связанных с политическим соглашением, можно было судить по политике Германии по отношению к Японии. В течение лета и осени 1940 года Германия убеждала Японию двинуться на юг и захватить Сингапур, подорвав тем самым стратегические позиции Англии в Юго-Восточной Азии и связав американцев в этом регионе. Использование потенциала Японии в качестве второго фронта против России даже не рассматривалось. Ситуация полностью изменилась во время визита Мацуоки в Берлин в марте 1941 года, когда основной темой переговоров стали противоречия между Германией и Россией²². Следует также учесть, что пока делались попытки решить проблемы дипломатическим путем, Гитлер и Риббентроп отвергали требования лидера Румынии маршала Антонеску, а позднее и болгар, начать войну с Россией.

Хотя Гитлер дал реальный шанс дипломатическому урегулированию, он признавался Муссолини, что «сомневается в возможности подстегнуть Россию к активным действиям в этом направлении». То, что при этом не отбрасывался военный вариант, было ясно из заключительного комментария, утверждавшего что «в любом случае русские не представят для Германии проблемы, если случится самое худшее»²³.

Молотов в Берлине — на распутье

Идея берлинской встречи зародилась у Шуленбурга во время его краткого визита в Берлин в конце сентября после подписания документов второго венского арбитра-

жа. С июня месяца Шуленбург вынашивал мысль о создании союза четырех держав. Он был также обеспокоен тем, что советско-германские отношения все больше окрашивались в мрачные тона. И действительно, к середине сентября переговоры о торговом соглашении зашли в тупик²⁴. Идеи Шуленбурга совпали с мыслями Риббентропа, но были холодно встречены в министерстве иностранных дел. Они были изложены в пространным меморандуме, написанном им совместно с ветераном службы военным атташе в Москве генерал-лейтенантом Эрнстом Кёстрингом и содержали доводы против решения русской проблемы силой. Вряд ли Гитлер видел этот меморандум, так как Гальдер очень боялся передать его по назначению²⁵.

Историки по-прежнему расходятся во мнениях относительно степени искренности Гитлера на ноябрьских переговорах с Молотовым в Берлине. Их позиция по этому вопросу совпадает с позицией по поводу идеологической мотивации политики Гитлера. Зная происшедшие впоследствии события, они склонны полагать, что в лучшем случае Гитлер использовал переговоры в качестве тактического маневра, чтобы продемонстрировать Турции, Испании, Италии, вишистской Франции и балканским странам, что Россия полностью поддерживает его планы установления господства в Европе, и тем самым рассеять их опасения. Кроме того существует версия, что переговоры были использованы Гитлером, чтобы продемонстрировать зависимым от него странам, что Россия понимает только язык силы²⁶. При этом часто приводят слова Гитлера, сказанные им генералам накануне визита, что Россия остается «величайшей проблемой для Европы»²⁷. Но проблему можно решать дипломатическими или военными средствами.

Широко распространенное мнение о том, что переговоры были обречены на провал в связи с появлением «директивы 18» в день прибытия Молотова в Берлин, является ошибочным. При этом часто забывают, что Россия лишь вскользь фигурировала в директиве, в которой рассматривался весь спектр германской стратегии и главное внимание уделялось нанесению решающего удара по Англии. Директива фактически затрагивала вопросы, касающиеся выработки стратегии континентального бло-

ка. В ней содержался приказ осуществить операцию «Феликс» (оккупацию Гибралтара) и покончить с британским присутствием в Средиземноморье. Она соответствовала целям берлинской встречи, предусматривая совместные действия с Италией в Северной Африке и на Балканах. Упоминание о России было кратким:

«Начаты консультации с целью прояснения позиции России на ближайший период. Независимо от итогов обсуждений, все подготовительные мероприятия в отношении акции на востоке, о которых уже отдан устный приказ, должны быть продолжены. Инструкции последуют, как только будут представлены и одобрены мною основные положения оперативного плана действий сухопутных сил».

План по-прежнему находился на самой начальной стадии разработки, хотя, начиная с июля, армия занималась подготовкой чрезвычайных планов, сводимых теперь генералом Паулюсом в один оперативный план. Его первый доклад, вместе с оперативными картами, был представлен Гальдеру 29 октября²⁸. Поэтому директива вновь отразила колебания Гитлера. Дверь к политическому урегулированию, которое могло бы ускорить крушение Британской империи, была по-прежнему широко раскрыта, а армию заверяли, что планирование военной кампании не должно прекращаться²⁹. Как заявил Редер, Гитлер «все еще очень хочет вступить в конфликт с Россией»³⁰. Историки, стремящиеся доказать, что решение Гитлера об осуществлении плана «Барбаросса» было продиктовано чисто идеологическими причинами, не замечают того обстоятельства, что его никак нельзя назвать произвольным и односторонним актом. Окончательное решение было принято лишь после того, как русские отвергли немецкие условия, являвшиеся предпосылкой для создания континентального блока. Принятое Сталиным решение мотивировалось не стремлением втянуть Германию в войну, а скорее желанием предотвратить войну. Продиктованные условия соглашения удалили бы Россию с европейской сцены и нарушили основные требования ее безопасности. Как только Россия была бы отрезана от Центральной и

Юго-Восточной Европы, она стала бы для немцев легкой жертвой.

Предложение обсудить «разграничение сфер взаимного влияния» было сделано Сталину в качестве предпосылки приспособления к новым условиям пакта Риббентропа-Молотова, оказавшегося «выгодным для обеих сторон». Однако, приглашая Молотова в Берлин, Гитлер явно ставил перед собой цель связать Россию с Тройственным пактом и оторвать ее от Англии. Исходной точкой для вытеснения русских с Балкан стал настоятельный совет не поддерживать англичан в этом регионе. Была поднята шумиха об «английском цинизме» и «предательстве в отношении друзей». Риббентроп довольно бесцеремонно пытался поставить под сомнение профессионализм английской армии. Далее он задел больную струну Советского Союза, подробно остановившись на политических маневрах англичан в Юго-Восточной Европе, напомнив Сталину между прочим о несостоявшихся планах Англии бомбить Баку и Батуми. Сталин получил заверения, что Германия не преследует в регионе политических целей, а заинтересована лишь в поставках оттуда нефти и других ресурсов, необходимых для ведения войны³¹.

Выдержанный в дружественных тонах ответ Сталина был осторожным, кратким и деловым. Он приветствовал представившуюся Молотову возможность обсудить в Берлине разграничение сфер интересов³². Желание Сталина распространить действие пакта Риббентропа-Молотова на Юго-Восточную Европу было скорее всего продиктовано разведданными о продолжающихся происках немцев на Балканах. «Старшина» и «Корсиканец» (немецкие антифашисты, работавшие в главном штабе ВВС и министерстве хозяйства Германии) направляли тревожную информацию о намерениях Германии. Они предупреждали Сталина, что «в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза... Целью войны является отторжение от Советского Союза части европейской территории СССР от Ленинграда до Черного моря и создание на этой территории государства, целиком зависящего от Германии. На остальной части Советского Союза согласно этим планам должно быть создано дружественное Германии правительство»³³.

Перед самым отъездом Молотова в Берлин внешняя

разведка НКВД и ГРУ забили тревогу по поводу намерений немцев. В июле в Польше находилось всего 27 немецких пехотных дивизий и 6 кавалерийских полков; теперь же эти цифры резко возросли: на советской границе были развернуты 70 немецких дивизий, а также пять моторизованных и 7—8 танковых дивизий. Согласно поступившим данным, дивизии были сосредоточены на трех основных направлениях. Из этого следовало, что «против СССР сосредоточено в общем итоге свыше 85 дивизий, то есть больше одной трети сухопутных сил германской армии. Характерно, что основная масса пехотных соединений (до 60 дивизий) и все танковые и моторизованные дивизии расположены в приграничной с СССР полосе в плотной группировке». Такое наращивание сил представлялось как мера, направленная против Греции, которая могла сыграть роль плацдарма для нападения на Турцию и английские колонии. Однако Голиков отметил также, что «одновременно с этим Германия проводит мероприятия, направленные против СССР». Он упомянул ранее имевшиеся сведения о концентрации войск в Кракове и Лодзи³⁴. Сталин был также проинформирован о том, что многочисленные заявления Гитлера о решении сокрушить Англию силой делаются с целью дезинформации, так как уже даны указания свернуть подготовку к вторжению в Англию. Однако Сталин мог предположить, что развертывание вермахта проводится для координации действий с Италией с целью нанесения удара по английским войскам в Средиземноморье и на Балканах³⁵.

Таким образом Сталин знал об опасности, но, разумеется, не был склонен к умиротворению. Еще до отъезда Молотова в Берлин многое свидетельствовало о том, что русские готовы к противостоянию. Это особенно хорошо было видно по шуму, поднятому в связи с деятельностью немцев в Финляндии³⁶. С другой стороны, несмотря на тревожные разведданные, немцы делали вид, что они искренне заинтересованы в политическом решении. Таким образом, переговоры должны были оказать губительное воздействие на Сталина, заставив его поверить, что передышку можно продлить, если он будет действовать продуманно. О его надеждах можно было судить по тому, какие огромные усилия он прилагал, чтобы ускорить ранее

сдерживаемые поставки в Германию необходимого сырья и сельскохозяйственной продукции³⁷.

Молотов прибыл в Берлин с исчерпывающими инструкциями относительно того, какого рода соглашения добивался Сталин. Интересы России простирались на севере от буферной зоны, полученной у Финляндии, через Балканы и далее до турецких проливов на юге. Ясно — и это подтверждает телеграмма, направленная Майскому по окончании переговоров — что Сталин стремился к дипломатическому урегулированию. Но если, как в случае с Польшей, немцы прибегнут к силовому решению, Сталин без каких-либо угрызений совести был готов согласиться на совместную военную оккупацию и раздел территорий, особенно турецких³⁸.

Ход переговоров Молотова в Берлине резко контрастировал с той помпой, которой был обставлен его отъезд с Белорусского вокзала 11 ноября в сопровождении многочисленной делегации. На предварительной встрече с Риббентропом Молотов понял, что немцы провели четкую демаркационную линию, однако не выработали конкретных предложений по разграничению сфер влияния. Они стремятся, озабоченно телеграфировал он Сталину, удалить Россию из Европы, отвлечь ее ближневосточными делами и создать для Англии еще одну проблему³⁹. Риббентроп допустил ряд обескураживающих высказываний относительно Англии, что могло лишь подтвердить полученные Сталиным разведанные о том, что Германия потеряла надежду сокрушить Англию силой и добивается ее капитуляции с помощью сепаратного мира. Англия, заявил Риббентроп, «разбита, но понадобится еще время, чтобы она окончательно признала поражение». Если англичане не сделают это в самом ближайшем будущем, «они наверняка запросят мира в наступающем году». Не удивительно, что Молотов скрупулезно выполнил данные ему инструкции. Как и предвидел Гитлер, Молотова не удалось ввести в заблуждение свободой рук, предоставленной России на юге. Он вновь подтвердил заинтересованность России в турецких проливах⁴⁰.

На Молотова не произвела впечатление риторика Гитлера, приветствовавшего прочное мирное урегулирование и заявившего, что «интересы и жизненные про-

странства Германии и СССР не находятся в противоречии и могут быть урегулированы и на будущее время более, чем на срок жизни человека». Молотов сказал Гитлеру, что он более озабочен тем, что заявления носят «общий характер» и не касаются конкретных проблем, как например, Финляндии и интересов России в Болгарии, Румынии, Турции. В телеграмме Сталину Молотов жаловался на поведение немцев: «Их ответы в разговоре не всегда ясны и требуют дальнейшего выяснения. Большой интерес Гитлера к тому, чтобы договориться и укрепить дружбу с СССР о сферах влияния, налицо. Заметно также желание толкнуть нас на Турцию, от которой Риббентроп хочет только абсолютного нейтралитета. О Финляндии пока отмалчиваются, но я заставлю их об этом заговорить». Когда наконец Молотову дали возможность высказаться, он огласил вопросы для обсуждения, интересующие Россию. Он подтвердил, что приглашение Советского Союза присоединиться к Тройственному пакту «в принципе приемлемо при условии, что Россия будет сотрудничать в качестве партнера, а не объекта». Это было ясным предостережением Гитлеру, что русские не собираются действовать под его диктовку⁴¹.

В целом переговоры продемонстрировали глубокое подозрение и взаимное недоверие участников. Хотя обе стороны говорили в основном о долгосрочных целях, интересовали их по-настоящему краткосрочные. Возможно, это и не проявилось столь явно, так как русские в какой-то мере заискивали перед немцами, боясь их спровоцировать. Но их позиция определялась не алчностью, а соображениями обороны. Например, во время обсуждения проявилась искренняя озабоченность Советского Союза тем, что неурегулированность отношений с Финляндией может привести к войне за Прибалтику⁴².

Берлинская встреча подтвердила скептическое отношение Гитлера к континентальному блоку. Приняв в начале декабря твердое решение осуществить план «Барбаросса», он более не отступал от него. Хотя Молотов умел глубоко оценивать ситуацию, он не мог, разумеется, знать, что его визит фактически похоронил «сердечный союз». Он откровенно признался Сталину, что хотя «хвастаться нечем» и переговоры «не дали желаемого результата», он

по крайней мере смог оценить «нынешние настроения Гитлера, которые следует учесть». Хотя Молотов и не ожидал, что Риббентроп поспешит в Москву, чтобы подписать еще одну серию секретных протоколов, он был вполне уверен, что переговоры будут продолжены. Для этого он поднял вопрос о присоединении России к пакту, и в самый последний момент Риббентроп представил ему проект договора о четырехстороннем пакте в духе первоначальной идеи Гитлера о разделе сфер влияния⁴³. Бережков утверждает, что в конце переговоров Гитлер предложил встречу со Сталиным в будущем, хотя подтверждений этому нет.

Эти заключительные жесты и оценка Молотовым переговоров способствовали ошибочному суждению Сталина. Они породили надежды, что данная встреча — лишь первая в длинной череде переговоров. Докладывая на Политбюро, Молотов выразил уверенность, что немецкую угрозу можно предотвратить⁴⁴. Беседы Димитрова со Сталиным и Деканозовым продемонстрировали уверенность русских в том, что они могут защитить свои стратегические интересы в Юго-Восточной Европе, заключив договор о взаимопомощи с Болгарией. Сам Сталин сказал Димитрову, что «тогда и мы сами присоединимся к (тройственному) пакту». На этом фоне он вновь повторил требования к Турции; советское присутствие здесь было необходимо для предотвращения растущей немецкой угрозы и возрастающего вовлечения Англии в дела этого региона. Но больше всего Сталин, несомненно, боялся объединения Англии и Германии путем заключения сепаратного мира⁴⁵.)

Настойчивые попытки Шуленбурга возродить идею четырехстороннего пакта; экономическое соглашение с Германией, заключенное в январе 1941 года; преднамеренная дезинформация, скрывавшая на ранних этапах подготовку к войне; распространение войны на Юго-Восточную Европу и желание воспрепятствовать замирению между Англией и Германией явились для Сталина достаточным основанием, чтобы сделать ставку на Германию.

Вводящее в заблуждение коммюнике, обнародованное сторонами после переговоров, служило интересам германской пропаганды, свидетельствуя о растущих разногласиях между Россией и Англией. Чтобы ослабить влияние

коммюнике, русские пошли на чрезвычайные меры. В Берлине русские ставили перед собой цель улучшить свои стратегические и политические позиции, устранив опасность со стороны Германии. Сталин постарался не попасть в ловушку, расставленную ему текстом коммюнике. Стремясь установить свое господство в Европе и создать новый мировой порядок, Гитлер пытался внушить собеседникам, что Англия фактически выбита из игры. Однако фигура Черчилля, все больше и больше усиливающего влияние, ставила под сомнение такого рода суждения. Хотя Сталин презирал англичан и не доверял им, он тем не менее не намеревался сжигать мосты в отношениях с Англией и тем более способствовать англо-германскому сближению, лежавшему в основе его страхов. Берия оперативно предупредил его, что у правительств западных стран, видимо, сложилось мнение, что советско-германский военный союз находится в процессе создания⁴⁶.

Пренебрежение к Криппсу и Англии, продемонстрированное визитом Молотова в Берлин, охладили ее отношения с Россией и, казалось, подтвердили широко распространенное мнение о том, что Германия и Россия решили соединить свои судьбы. Криппс, которого Молотов постоянно третировал и бойкотировал, очевидно, из страха, что всякая связь с ним будет рассматриваться немцами как показатель сближения с Англией, теперь стал выступать за ужесточение позиции Англии⁴⁷. С этого времени русским приходилось учитывать, что Криппс впредь объяснял свою изоляцию не только отношением к британскому правительству, но также и «контактами между Москвой и Берлином, которые гораздо теснее, чем полагали многие»⁴⁸.

Чтобы рассеять опасения Англии, Майский был в срочном порядке проинструктирован Молотовым. Ему сообщили, что на переговорах не решался вопрос о сферах влияния. «Никакого договора в Берлине не было подписано и не предполагалось этого делать». Однако Молотов не скрывал надежд, что переговоры по затронутым в Берлине проблемам будут продолжены по обычным дипломатическим каналам. Во время беседы было также сказано, что Сталин не вынашивает агрессивных намерений против Турции, а лишь пытается опередить там немцев и воспре-

пятствовать возможным английским акциям против России с юга. Немцы же стремятся связать руки туркам под предлогом предоставления им гарантий безопасности на румынский лад, одновременно заманивая русских возможностью изменения конвенции, подписанной в Монтрё. Однако русские выступают против этого, поскольку «во-первых, Турция должна оставаться независимой и, во-вторых, режим в проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за спиной Турции». В заключение Молотов откровенно заявил: «Ясно, что немцы и японцы очень хотели бы толкнуть нас к Персидскому заливу и Индии. Мы отказались обсуждать этот вопрос, так как считаем такой совет со стороны немцев неуместным»⁴⁹.

Цель — Москва

Сталин мог оценить серьезность ситуации, просто следя за интенсивной открытой и тайной деятельностью Гитлера на Балканах в целом и в Болгарии в частности. Едва закончилась берлинская встреча, как главы стран Юго-Восточной Европы совершили паломничество в Берлин и Вену. Не дожидаясь советского ответа, Гитлер подчинил своему влиянию балканские государства. Не прошло и недели со времени отъезда Молотова, как немцы объявили о присоединении Венгрии, Румынии и Словакии к Тройственному пакту⁵⁰. По свидетельству германского посла в Белграде, отношение к Германии «определялось полным признанием военного превосходства Германии на континенте, растущим пониманием бессмысленности русофильских тенденций...»⁵¹. Буферная зона, которую Сталин столь настойчиво пытался создать с помощью коллективной безопасности, а позднее путем жесткой политики, направленной на раздел сфер влияния, видимо, рухнула⁵².

Одним из главных требований Молотова в Берлине было согласие Германии на заключение договора о взаимопомощи между Россией и Болгарией. Несмотря на благоприятное отношение к Германии Болгария, упорно противилась приглашению немцев присоединиться к Тройственному пакту. Она была встревожена откровенными угрозами со стороны Англии, концентрацией турецких войск на ее южных границах, но больше всего боялась

России. С точки зрения Сталина, доминирующее немецкое присутствие угрожало доступу России к турецким проливам, что являлось краеугольным камнем оборонной политики России против Англии и Германии. В начале 1940 года русские больше всего опасались британских происков на Балканах, направленных против Советского Союза. Димитров прямо из Кремля инструктировал болгарскую коммунистическую партию, как вести пропаганду, которая, по словам британского посла в Софии, обретала «откровенно антигерманскую направленность»⁵³.

17 ноября болгарский царь Борис был вызван в Берхтесгаден, где дал ясно понять, что для его присоединения к Тройственному пакту необходимо согласие России. Один из заместителей Молотова А.Соболев был спешно направлен в Софию с предложением подписать пакт о взаимопомощи, и также получил отказ. Скрытое совпадение немецких и советских интересов наконец стало явным. Немцы продолжали обхаживать и запугивать болгар. «Важно направить интересы России на восток, — инструктировал Гитлер болгарского посла. — Сталин слишком умелый коммерсант, чтобы не изменить курс, когда поймет, что ему больше здесь ничего не перепадет. Он сделает это, чтобы не ссориться с сильнейшей в военном отношении державой мира»⁵⁴.

К началу декабря, когда Гитлер окончательно решился на проведение операции «Барбаросса», он быстро убедил болгар не принимать советские гарантии. Он пессимистически напомнил о судьбе балтийских государств после получения таких же гарантий годом ранее: «Была проведена грубая пропагандистская кампания, и очень скоро все большевизировались». Он заверил болгар, что нет оснований бояться русских, которые «пытаются пробиться на Балканы как можно дальше, но когда увидят, что им ничего не светит, они уйдут, взбешенные и недовольные»⁵⁵. Робкие попытки болгар продемонстрировать элементарную независимость не увенчались успехом. Подвергаясь непрекращающему давлению со стороны России и Турции и поддавшись на данные Гитлером обещания территориальных компенсаций в Греции, болгары сделали ставку на Германию. 1 марта премьер-министр Филов поставил свою подпись на трехстороннем пакте, и в тот же день германские войска вошли в Софию⁵⁶.

В середине ноября Гитлер признал провал переговоров с Россией. «Переговоры показали, — разъяснил он своим генералам, — куда метят русские. Молотов проговорился. Это не было бы даже браком по расчету. Впустить русских... означало бы конец Центральной Европе». Тем временем верховное командование изучило различные варианты и пришло к выводу, что войска слишком разбросаны, чтобы одновременно проводить в жизнь средиземноморскую кампанию, направленную против Англии, и войну против России. Гитлер также проявлял осторожность, удерживая генерала Иодля от дальнейшего планирования «Барбароссы» до получения ответа от Сталина⁵⁷.

Второй предпосылкой для проведения в жизнь вспомогательной стратегической линии, помимо соглашения с Россией, было присоединение Испании к Тройственному пакту. 18 ноября Гитлер проинформировал министра иностранных дел Италии графа Чиано о том, что придает важнейшее значение вступлению в войну Испании и захвату Гибралтара для нанесения удара по британскому военно-морскому присутствию в Средиземноморье. На следующий день Гитлер имел встречу с испанским министром иностранных дел. Чтобы подтолкнуть Испанию к действиям Гитлер безбожно врал, хвастая об успешном завершении подготовки к операции «Морской лев». В действительности же подготовка к операции застопорилась летом во многом из-за неспособности люфтваффе добиться превосходства в воздухе в битве за Англию. Хотя отсрочка была сделана под благовидным предлогом исключительно плохой погоды, 17 сентября вторжение было отложено на «неопределенный срок». Германия, по утверждению Гитлера, «начнет нападение даже зимой, если можно будет рассчитывать на 3-4 недели хорошей погоды». К большому разочарованию Гитлера, Серрано Суньер не разделял его уверенность, заявив, что Франко полон решимости не ввязываться в войну⁵⁸.

Отзвуки краха переговоров и средиземноморской стратегии донесли уже на следующий день, когда Гитлер встречался в Вене с президентом Венгрии. Гитлер обрушился на Россию, назвав ее препятствием на пути создания «великой мировой коалиции, простирающейся от Иокогамы до Испании». Теперь он признавался, что мень-

ше полагается на соглашение, а «больше на орудия реальной власти». Весной он рассчитывал иметь 186 первоклассных ударных дивизий, включая 20 моторизованных. Хотя он и не брал на вооружение принцип кайзеровской Германии «много врагов — много чести», но был полон решимости не уступать русским ни в Финляндии, ни в балтийских странах, ни на Балканах. Неожиданно он заговорил о России более воинственным тоном. «Россия, — сказал он, — висит над горизонтом, как грозная туча, ...принимая, в зависимости от вовлеченных в ее орбиту стран, либо империалистическое, либо русское националистическое, либо международно-коммунистическое обличие»⁵⁹.

Роковое решение в отношении России быстро приблизилось. Вернувшись в гостиницу, Гитлер составил телеграмму Муссолини, который просил о помощи, провалив вторжение в Грецию 28 октября. Гитлер неохотно согласился, пообещав помощь в конце зимы, но сделав многозначительную оговорку: «Весной, не позднее начала мая, мне хотелось бы получить назад мои войска...»⁶⁰ Гитлер был, видимо, также вдохновлен румынским диктатором маршалом Антонеску, который просил его воспользоваться случаем и помочь Румынии отомстить России за нанесенную ей обиду. Однако Гитлер не раскрывал до конца своих карт⁶¹.

Несмотря на диаметрально противоположные свидетельства, у Сталина было искушение поверить, что берлинская встреча была лишь увертюрой к длительным переговорам⁶². Занимая непримиримую позицию, он фактически вгонял последний гвоздь в гроб континентальной стратегии. 26 ноября Молотов изложил советские контрпредложения. Хотя в них выражалась готовность принять участие в четырехстороннем пакте и заняться перераспределением сфер влияния, эти предложения подрывали концепцию Гитлера, требуя подписания новых секретных протоколов, которые подтвердили бы позицию России в буферной зоне и ее интересы на Севере Европы и Балканах. В предложениях содержалось требование вывести немецкие войска из Финляндии, которая по всем признакам должна была стать протекторатом России; пересмотреть режим турецких проливов и создать военно-морские базы «в непосредственной близости от Босфора и Дарда-

нелл либо с помощью долгосрочной аренды, либо силой с использованием договора о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией». Попытки Шуленбурга смягчить позицию Советского Союза успеха не имели⁶³.

Это переполнило чашу терпения. Как только ответ Молотова попал на письменный стол Гитлера, тот принял решение. 5 декабря генерал Паулюс ознакомил Гитлера с итогами военных игр, которые он проводил в течение ноября. Они продемонстрировали различные подходы германской армии и Гитлера к целям войны; армия упорно предполагала, что решающая победа будет одержана на начальной стадии войны. Новый подход Гитлера проявился, когда он сообщил высшему командному составу, что «вопрос о европейской гегемонии будет определяться в России». Поэтому решение напасть на Россию означало, что от «периферийной стратегии» следовало отказаться. Однако поскольку итальянцы терпели поражение в Греции, требовалось отправить туда хотя бы минимальное количество немецких частей, чтобы вытеснить англичан. Гитлер не мог, очевидно, допустить создания сильного английского фланга на юге, пока он будет занят кампанией против России⁶⁴.

Если осенью «периферийная стратегия» замышлялась как часть большого наступления в Средиземноморье против британского господства, то новые планы предусматривали лишь серию разрозненных операций. Перемены были разительны: отвлекающие действия стали оборонительными по своей природе, ликвидация же России стала решающим моментом новой агрессивной стратегии. Вторжение в Грецию, отметил Гальдер, было предпринято «вне контекста и проводилось в тесной координации с планами в отношении России. Его задачей теперь было обеспечение южного фланга Германии и устранение серьезной опасности перед началом наступления на Россию»⁶⁵. 18 декабря рекомендации высшего военного командования были внесены в директиву N 21.

Германия и превентивная война

Рассматривая содержащиеся в книге «День-М» обвинения Суворова о том, что советская мобилизация спровоцировала немецкую мобилизацию и нападение на Россию

весной 1941 года, не следует забывать, что вермахт планировал вторжение в Россию еще в начале лета 1940 года, что было откровенным актом агрессии⁶⁶. Немецкие военные постоянно отрицали возможность контрнаступления русских. Генерал-майор Эрих Маркс, которому была поручена разработка первой версии плана, ворчал даже, что Красная Армия не в состоянии «проявить любезность и напасть» на немцев⁶⁷. Легко понять, что аргументы Суворова основаны на апологетике Гитлера, а не на советских архивах, с которыми ему было бы полезно ознакомиться. Изображение войны в качестве превентивной меры было впервые сделано Гитлером в день начала наступления⁶⁸. Он повторил эту мысль в октябре 1941 года, обратившись с призывом посылать зимнюю одежду солдатам на русский фронт, и разъяснил, что в мае «обстановка была столь угрожающей, что не было сомнений в стремлении России обрушиться на нас при первой же возможности»⁶⁹. Этот аргумент, разумеется, произвел большое впечатление на его ближайшее окружение, не знакомое с военными планами. К примеру, Рудольф Гесс писал матери из плена осенью 1941 года: «Немногие избранные должны решать будущий ход событий на века вперед иногда с помощью единственного акта. Я имею в виду фюрера, решившего упредить нападение большевиков: настоящее значение этого решения будет признано лишь в более поздние века»⁷⁰. Пытаясь скрыть трудности, возникшие в ходе осуществления «блицкрига» в России, Гитлер повторил в мае 1942 года, что «если бы он слушался плохо осведомленных генералов и ждал, а русские в соответствии с их планами украдкой напали бы на нас, мы вряд ли смогли остановить их танки на отличных автострадах Центральной Европы»⁷¹.

Представление о войне как о превентивной было, естественно, возрождено немецкими генералами на Нюрнбергском процессе и в их мемуарах начала 50-х годов. В благоприятной обстановке «холодной войны» они попытались оправдать энтузиазм, проявленный при подготовке плана «Барбаросса», утверждая, что поддержали решение Гитлера начать превентивную войну с целью сдерживания советской экспансии⁷². Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что немецкая разведка таких

сведений вообще не поставляла. Даже Паулус, который был бы рад представить такие данные в Нюрнберге, неохотно признал, что «в наше поле зрения не попали какие-либо факты, свидетельствовавшие о подготовке Советского Союза к нападению». Такой же вывод сделан в мемуарах Гудериана. Фельдмаршал Манштейн отмечает, что расположение советских войск не говорило о намерении нанести удар⁷³. Еще в сентябре 1940 года, когда разрабатывались планы нападения, генерал-лейтенант Кёстринг сообщил Гальдеру, что Красная Армия после чисток полностью разрушена, и ей понадобится не менее трех лет, чтобы достичь имевшего ранее уровня⁷⁴. Изучая схемы развертывания советских войск, немцы не обманывались относительно мобилизации. Они исключили возможность превентивного удара, признавая явное намерение русских создать «пункты концентрации для обороны», откуда они в лучшем случае могли бы предпринять изолированное и ограниченное контрнаступление⁷⁵. Эта оценка была преднамеренно искажена пропагандистской машиной вермахта, чтобы «создать впечатление, что ... русские концентрируют силы и “готовы к атаке”, а немецкое наступление — вынужденная в военном отношении мера»⁷⁶.

Идея превентивной войны как важного элемента военной доктрины глубоко укоренилась не в советской, а в немецкой военной традиции. Фридрих Великий поднимал эту проблему в своем произведении «Антимакиавелли»⁷⁷. Мольтке Старший разрабатывал идею превентивной войны в 1886 году, когда выступал за молниеносные действия, чтобы опередить русских в Польше. Граф Шлиффен фактически полагался на своих предшественников для узаконивания и оправдания превентивной войны, утверждая, что «мы находимся в таком же положении, как и Фридрих Великий перед Семилетней войной. Из всей Западной Европы выведены войска, Россия на годы утратила способность к действию. Мы могли бы сейчас рассчитывать с нашим злейшим и опаснейшим противником — с Францией, и мы имели бы на это полное право». Когда до германского генерального штаба дошло, что война на два фронта неизбежна, они признали, что лишь прибегая к таким действиям, могут быстро уничтожить одного из

противников, устраняя тем самым угрозу одного из фронтов. Традиция сыграла важную роль при разработке операции «Барбаросса». С другой стороны, «превентивная война» — совершенно чуждая идея в советском военном арсенале. «Упреждающий удар» — совершенно иное понятие — был одной из форм маневра, присущей теории «глубокого боя» и полностью лишенной агрессивных намерений⁷⁸.

Предотвращение наступления русских было лишь только предлогом, и он отошел на второй план в последние полгода, предшествовавшие войне. Вновь возобладала разработанная Гитлером программная теория «жизненного пространства на Востоке», которая полностью оправдывала войну с Россией. Лейтмотивом многих выступлений Гитлера с 1933 по 1939 гг. была необходимость оккупации Восточной Европы и европейской части России, которые явятся «тылом» Германии в длительной войне с Западом. Он взял на вооружение взгляды сэра Хэлфорда Мэкайндера, основателя геополитики, утверждавшего, что тот, кто владеет «тылом», владеет и миром. Однако сочетание расистских элементов с военными и геополитическими теориями делали эти экспансионистские устремления фатальными⁷⁹. По мере приближения войны идейное кредо, как перчатка, прекрасно подошло стратегическим целям и постоянно было готово к применению. В марте 1941 года Мацуока узнал в Берлине, что всякое сотрудничество с Россией исключено, «поскольку идейные основы армии, да и всей страны, абсолютно несовместимы... Союз так же невозможен в данном случае, как между огнем и водой»⁸⁰. В марте 1941 года Гитлер разъяснил, что войну не следует рассматривать чисто в военном аспекте, а что это — заключительный удар по «еврейскому большевизму»⁸¹. Обращаясь к Муссолини за день до вторжения, Гитлер с облегчением отметил:

«В заключение хочу сказать, дуче, еще одно. Мучительно приняв это решение, я вновь почувствовал себя духовно свободным. Партнерские отношения с Советским Союзом, несмотря на абсолютную искренность попыток полного замирения, часто были для меня весьма тягостными, поскольку, так или иначе, не соответствовали всему

моему существованию, моим взглядам, ранее взятым мною обязательствам. Теперь я счастлив, что эта душевная агония позади»⁸².

Примечания

¹ Цит. по Т. Higging, *Hitler and Russia: The Third Reich in a Two-Front War 1937—1943*. London, 1966, Introduction.

² R. Cecil, *Hitler's Decision to Invade Russia 1941*. London, 1975, p. 167. В Германии такого мнения придерживался Хильгрубер.

³ J. Förster, «*Hitler turns to the East*» (неопубликованная рукопись).

⁴ V.A. Leach, *German Strategy against Russia 1939—1941*. Oxford, 1973, p. 228.

⁵ См. например, lord Alan Bullock. *Hitler and Stalin: Parallel Lives*, London, 1993.

⁶ Fleischhauer, *Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa»*, p. 361.

⁷ Leach, *German Strategy against Russia*, pp. 47—52.

⁸ Fleischhauer, *Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa»*, pp. 121—146.

⁹ Rolf Dieter Müller and Hans Umbreit, *Organisation und Mobilisierung des deutschen Machtbereichs. Kriegsverwaltung, Wirtschaft und personelle Ressourcen 1939-1941*. Stuttgart, 1988, pp. 833 ff.

¹⁰ A. Speer, *Inside the third Reich*, NY, 1970, p. 173. Обзор процесса принятия решений см. E.M. Robertson, «Hitler Turns from the West to Russia, May-December 1940», в кн. R. Boys and E.M. Robertson (eds.), *Paths to War. New Essays on the Origins of the Second World War*.

¹¹ G.R. Ueberschär, *Hitlers Entschluß zum «Lebensraum» — Krieg im Osten. Programmatisches Ziel oder militärstrategisches Kalkül?* в кн. G.R. Ueberschär und Wolfram Wette (eds.) «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. Paderborn, 1984, p. 89 ff.

¹² Caulaincourt, *With Napoleon in Russia*. NY, 1935, p. 23.

¹³ J. Tauber, «Die Planung des "Unternehmen Barbarossa". Bemerkungen zum Forschungsstand», в кн. H.H. Nolte (ed.) «*Der Mensch gegen den Menschen*»: Überlegungen und Forschungen zum deutschen Überfall auf die Sowjetunion 1941. Hannover, 1992, pp. 160—191. Halder, *Kriegstagebuch*, vol. 11, Stuttgart, 1963, pp. 49—50.

- ¹⁴ M.L. Van Creveld, *Hitler's Strategy 1940—1941: The Balkan Clue*. Cambridge, 1973, p. 70.
- ¹⁵ Leach, *German Strategy against Russia*, pp. 60—61, and 70—71.
- ¹⁶ *DGFP, 1918—1945*, XI, pp. 73—74, Шуленбург—МИДу, 14 сент. 1940.
- ¹⁷ *ibid.*, pp. 137—142, сообщение Шуленбурга о беседе с Молотовым, 21 сент. 1940.
- ¹⁸ *ibid.*, pp. 126—27, Риттер, МИД — Шуленбургу, 22 февр. 1941.
- ¹⁹ *ibid.*, pp. 102—105, Гитлер—Муссолини, 17 сент. 1940.
- ²⁰ *ibid.*, pp. 113—14, меморандум Риббентропа о встрече с Муссолини, 20 сент. 1940.
- ²¹ *ibid.*, pp. 411—422, меморандум о встрече Гитлера с Муссолини, 28 окт. 1940.
- ²² *DGFP 1918—1945*, XII, pp. 386—394, 405—409 and 413—420, Беседы Мацуоки с Гитлером и Риббентропом в Берлине, 31 марта 1941.
- ²³ *DGFP, 1918—1945*, XI, pp. 245—259, меморандум о встрече Гитлера с Муссолини, 4 окт. 1940.
- ²⁴ R. Sontag, *Nazi Soviet Relations*, Washington, 1952, pp. 178—84, 190—94, 196—7. См. также G. Hilger and A.G. Meyer, *The Incompatible Allies: a Memoir-History of German-Soviet Relations, 1918—1941*. New York, 1953, pp. 318—20.
- ²⁵ R. Gibbons, «Opposition gegen «Barbarossa» im Herbst 1940. Eine Denkschrift aus der deutschen Botschaft», *Военно-исторический журнал* № 23 (1975), pp. 332—40.
- ²⁶ Cecil, *Hitler's Decision to Invade Russia*, p. 110.
- ²⁷ Цит. Förster, «Hitler turns to the East», p. 16.
- ²⁸ Cecil, *Hitler's Decision to Invade Russia*, p. 111.
- ²⁹ Директива Гитлера No. 18, 12 нояб., 1940—*DGFP, 1918—1945*, XI, pp. 527—28.
- ³⁰ Цит. Förster, «Hitler turns to the East», p. 16.
- ³¹ *DGFP, 1918—1945*, XI, pp. 291—297, Риббентроп—Сталину, 13 окт. 1940.
- ³² *ibid.*, pp. 353—4, Сталин—Риббентропу, 22 окт. 1940.
- ³³ Внешняя разведка НКВД — НКО обороны, окт. 1940, в *Известиях ЦК КПСС* № 4, 1990, с. 202—203.
- ³⁴ ЦАМО, Оп, 9181, д. 6, 11. 20—22, 9 нояб. 1940.
- ³⁵ ГРУ, разведывательная сводка по Западу, No. 8, нояб. 1940.

- ³⁶ DGFP, 1918—1945, XI, pp. 236—8, Риббентроп—Шуленбургу, 2 окт. 1940.
- ³⁷ *ibid.*, p. 523, меморандум экономико-политического отдела, 11 нояб. 1940.
- ³⁸ Телеграмма Сталина Молотову, 13 нояб. 1940.
- ³⁹ Молотов—Сталину, 12 нояб. 1940.
- ⁴⁰ DGFP, 1918—1945, XI, pp. 533—549, встреча Молотова с Риббентропом, 13 нояб. 1940.
- ⁴¹ *ibid.*, pp. 541—549, и телеграмма Молотова Сталину. Цитаты из телеграмм 13681, 13683 и 13684 из Берлина, о встрече Молотова с Гитлером, 13 нояб. 1940.
- ⁴² DGFP, 1918—1945, XI, pp. 550—562, вторая встреча Гитлера с Молотовым; заключительная встреча Риббентропа с Молотовым, 13 нояб. 1940.
- ⁴³ Телеграмма Молотова — Сталину, 14 нояб. 1940. Cecil, *Hitler's Decision to Invade Russia*, p. 107, утверждает, что это было сделано, чтобы разоблачить банкротство сторонников континентального блока, см. Weinberg, *Germany and the Soviet Union*, pp. 143—6.
- ⁴⁴ Berezkhov, «Stalin's Error of Judgement», p. 20.
- ⁴⁵ Неопубликованный дневник Димитрова, 25 ноября 1941.
- ⁴⁶ Волкогонов. *Триумф и трагедия*, кн. 2, с. 67.
- ⁴⁷ FO 371 N7526/3/38, Криппс — ФО, 15 нояб. 1940.
- ⁴⁸ АВП РФ f. 017а, Дневник Майского, с. 52, 2 марта 1941.
- ⁴⁹ Телеграмма опубликована в «Переписке В.М. Молотова с И.В. Сталиным. Ноябрь 1940 года». *Военно-исторический журнал* № 9, 1992, Молотов-Майскому 17 ноября 1940.
- ⁵⁰ DGFP, 1918—1945, XI, p. 432.
- ⁵¹ *ibid.*, pp. 704—705, германский посол в Белграде — МИД, 25 нояб. 1940.
- ⁵² Fleischhauer, *Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa»*, p. 208.
- ⁵³ E. Barker, *British Policy in South-East Europe in the Second World War*. London, 1976, p., 58.
- ⁵⁴ DGFP, 1918—1945, XI, pp. 672—678, меморандум о беседе Гитлера с болгарским послом Драгановым, 23 нояб. 1940.
- ⁵⁵ *ibid.*, pp. 767—773, встреча Гитлера с Драгановым, 3 дек 1940.

⁵⁶ Barker, *British Policy in South-East Europe*, Chp. 6.

⁵⁷ Leach, *German Strategy against Russia*, p. 78.

⁵⁸ DGFP, 1918—1945, XI, pp. 598-609, меморандум о беседе Гитлера с Чиано 18 нояб. и с испанским министром иностранных дел Серрано Суньером, 19 нояб. 1940.

⁵⁹ *ibid.*, pp. 632—636 меморандум о встрече Гитлера с Телеки, 20 нояб. 1940.

⁶⁰ *ibid.*, pp. 637—643, Гитлер—Муссолини, 20 нояб. 1940.

⁶¹ *ibid.*, pp. 654-670.

⁶² Волкогонов Д. *Триумф и трагедия*, кн. 2, с. 64, 67. См. также свидетельство Жукова у К. Симонова «К биографии Г. Жукова» в кн. *«Маршал Жуков: каким мы его помним»*, М., 1988, с. 97.

⁶³ DGFP, 1918—1945, XI, pp. 714—715 and 716—17, Молотов — Шуленбургу и Шуленбург — в Берлин, 26 нояб. 1940.

⁶⁴ Halder, II, p. 211—214.

⁶⁵ Van Creveld, *The Balkan Clue*, p. 93.

⁶⁶ Суворов. *День-М*, с. 156—163.

⁶⁷ «Der Operationsentwurf Ost» des Generalmajors Marcks vom 5. August 1940, в F. Klein, and I. Lachnit (eds.), *Wehrforschung*, 4 (1972), p. 116.

⁶⁸ См. наст. изд. с. 10.

⁶⁹ Цит. Cecil, *Hitler's Decision to Invade Russia*, p. 169.

⁷⁰ FO 1093/2 fol. 14.

⁷¹ Cecil, *Hitler's Decision to Invade Russia*, p. 105.

⁷² См. например, книгу начальника штаба Гитлера Ф. Гальдера, *Hitler as Warlord*, London, 1950.

⁷³ Cecil, *Hitler's Decision to Invade Russia*, p. 171.

⁷⁴ *ibid.*, p. 121.

⁷⁵ Взято из кн. Erickson, *The Road to Stalingrad*, p. 85.

⁷⁶ Цит. Förster, «Hitler Turns to the East», p. 20.

⁷⁷ Последующие высказывания основаны на исследовательских материалах И. Цикертора «Германский милитаризм и легенда о «превентивной войне» гитлеровской Германии против СССР», *Военно-исторический журнал* № 5, 1991, с. 16—24

⁷⁸ Подробнее об этом см. наст. изд. с. 61—69.

⁷⁹ Ueberschär, «Hitlers Entschluß zum "Lebensraum"», pp. 83—89.

⁸⁰ *DGFP, 1918—1945, XII, pp. 386—394, 405—409 и 413—420, Беседы Мацуоки с Гитлером и Риббентропом в Берлине, 31 марта 1941.*

⁸¹ Цит. Förster, «Hitler Turns to the East», p. 22

⁸² *DGFP, 1918—1945, XII, p. 1069.*

Глава 6

Красная Армия в состоянии боевой готовности

Падение Франции — шоковая терапия для Красной Армии

Эйфория и чувство облегчения, существовавшие некоторое время после подписания пакта Риббентропа-Молотова, быстро сменились тревогой из-за низких боевых качеств армии, проявившихся во время военных действий в Польше и Финляндии. Постепенно пришло понимание того, что выигранного времени может и не хватить для повышения обороноспособности. Неожиданно стало очевидным влияние чисток на боеготовность армии. Сталин вряд ли мог не замечать ослабление офицерского корпуса. За период с мая 1937 по сентябрь 1938 года жертвами чисток стали 36761 военнослужащих в армии и 3000 во флоте: 90% начальников штабов округов и их заместителей, 80% командиров корпусов и дивизий и 90% штабных офицеров и начальников штабов. Значительно упал образовательный и интеллектуальный уровень пришедших им на смену. Ко времени нападения Германии на СССР 75% офицеров и 70% политработников находились на своих должностях менее года¹. В обычных условиях, прежде чем возглавить дивизию, командиры бригад служили примерно десять лет, но сейчас под давлением обстоятельств их повышали в должности уже через 2—3 года. В этой зловещей ситуации перестройка армии должна была исключить авантюристические намерения, если таковые и замышлялись. Этими соображениями была продиктована быстрая реорганизация высшего командования. Присутствовавшие на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 года явились свидетелями сенсационного события, когда Ворошилов «так откровенно говорил о своих недостатках». Все начальники штабов, сидевшие в президиуме, попали под огонь критики за упущения в работе. Ссылки на суровые зимние условия не принимались. В ответ было сказано, что

Россия — северная страна, и самые большие победы были одержаны зимой: «Александр Невский против шведов, Петр I — против шведов и Финляндии, Александр I — победа над Наполеоном... Очень много хороших традиций в старой армии, которые надо использовать». Ключ к возрождению — в компетентном военном руководстве, но, как было признано, дела здесь обстояли не совсем благополучно: «Командиры — 60% хорошие, 40% шляпы, бесхарактерные, трусы и т.д.»².

8 мая Ворошилов предложил Тимошенко создать новый Комитет обороны, что диктовалось всем ходом событий. Продолжающееся вмешательство Англии в Скандинавии и захват Гитлером Дании породили неуверенность и смятение. Генштаб осуществлял планы демобилизации и устранял недостатки, вскрытые во время зимней войны. Новые оперативные планы не обсуждались³. Демобилизационный план Ворошилова от 9 мая имеет огромное историческое значение. Он был представлен Сталину за день до нападения Германии на Францию и свидетельствует о том, что Красная Армия готовила широкую демобилизацию, которая была прервана военными действиями в Польше и Финляндии. После окончания 4 апреля войны с Финляндией была возобновлена работа по снижению численности войск Кавказского, Одесского и Киевского округов до прежнего уровня. В результате мобилизации, проведенной во время польской и финской кампаний, численность армии увеличилась до 1 736 164 солдат. Однако вместо того, чтобы продолжать раздувать армейские ряды (как это утверждает Суворов, демонстрируя постоянно возрастающие графики в книге «День-М»), были приняты меры по снижению численности армии путем демобилизации, предполагая на первом этапе уволить лишних людей, призванных из запаса. Что касается артиллерии, то были даны конкретные рекомендации «все корпусные части перевести на штаты мирного времени» за исключением четырех корпусов, направленных на Кавказ. Всего в мирное время оставались на действительной службе 153 000 артиллеристов. Соответствующие меры были приняты и в кавалерии. Так же обстояли дела и в отношении военно-воздушных сил и танковых дивизий, что явствовало из следующей рекомендации: «Предлага-

ется танковые бригады, существующие по штатам военного времени, перевести на организацию мирного времени». Единственным исключением было создание трех танковых бригад, базировавшихся в странах Прибалтики, и двух — в кавказском регионе. В общем из 3 200 000 солдат 686 329 подлежали немедленной демобилизации⁴.

Война во Франции неожиданно изменила ситуацию, вызвав резкий поворот в политике. Это подтверждает, что грандиозного плана, о котором идет речь в книге «День-М», в природе не существовало, а меры, принятые Сталиным, были продиктованы растущей с мая угрозой со стороны Германии. Настойчивые усилия, предпринятые в военной сфере в течение второй половины мая, были подстегнуты впечатляющей победой вермахта, что практически означало крушение западного фронта. Проходившая в то время реорганизация Красной Армии была вызвана этими же событиями. Полный успех немцев во Франции, а тем более падение Парижа, активизировал деятельность. В своих мемуарах Хрущев описывает панику, охватившую Сталина, когда новость о падении Парижа достигла Кремля; Сталин, вспоминает он, «сыпал отборной русской бранью, утверждая, что Гитлер теперь, наверняка, проломит нам череп»⁵.

Часто остается незамеченным постоянное ухудшение советско-германских отношений после заключенного в Компьенском лесу мира. Весьма спорны суждения о том, что кажущееся приятие Сталиным немецких успехов свидетельствовало о его «ослепении идеологическими догмами» и неспособности разобраться, какая опасность является главной⁶. Сомнительно также суждение о том, что он рассматривал аннексию балтийских государств в качестве «платы за верность Гитлеру»⁷. Наиболее правдоподобное объяснение, прозорливо данное американским поверенным в делах в Москве, заключается в том, что советская политика была «в целом оборонительной, основанной на страхе перед возможной агрессией со стороны союзных или ассоциируемых с ними держав... и, возможно, на опасениях по поводу перспективы победоносного шествия Германии»⁸. Захват прибалтийских государств стер грань между действием и реакцией на действие.

Перед лицом практически не понесшего потерь в боях вермахта русские умиротворяли немцев, избегая какой-

либо провокации⁹. Направленное Молотовым Шуленбургу поздравление по поводу «блестящего успеха германского вермахта», чему Черчилль уделяет так много места в своей книге по истории войны, было отчаянной попыткой задобрить немцев и предотвратить их движение на восток. Но эти слова Молотова явились вступлением к неубедительному объяснению аннексии государств Прибалтики и «крайне настоящему» требованию разрешить бессарабский вопрос¹⁰. Во всяком случае, вслед за дипломатическим одобрением последовало спешное усиление советской обороны¹¹. Совершенно очевидно, что установление 15 и 16 июня контроля над балтийскими государствами было связано с событиями во Франции. Антигерманская направленность переброски войск на западный фронт, внезапное преобразование общественных учреждений в военные ведомства и перевод командования Балтийского флота на морские базы передового базирования в Таллине невозможно было скрыть, и немцы поняли, что за этим скрывается.

Оккупация балтийских государств удлинила общую границу с Германией и теоретически усложнила ее защиту. Однако эта акция покончила с проблемами, проистекавшими из исчезновения буферной зоны, которая ранее отвечала потребностям обороны Советского Союза. Стратегическое положение России явно улучшилось за счет того, что не был создан «балтийский плацдарм», который мог бы служить базой для нападения на Ленинград или Минск, как это имело место во время гражданской войны. Кроме того, несмотря на утверждения Суворова, Сталин принимал решительные меры по строительству фортификационных укреплений вдоль новых и старых границ Советского Союза¹².

Ясно, что оккупация государств Прибалтики поднимает серьезные проблемы морального плана. Не пакт Риббентропа-Молотова «открыл ворота советизации»¹³, а советизация была лживо и цинично навязана этим странам как лучший способ установления контроля над оккупированными территориями. Столь откровенное использование Сталиным властных методов еще более ухудшило положение и отрицательно повлияло на долгосрочные отношения Москвы с этими странами. Разумеется, оккупация Прибалтики мо-

жет и должна быть осуждена по моральным соображениям, но она была вызвана угрозой, нависшей над Советским Союзом. Как справедливо отметил Волкогонов, захватывая прибалтийские государства, Сталин концентрировал все свои усилия на укреплении военно-стратегического положения СССР и был не разборчив в отношении использовавшихся при этом методов¹⁴.

В связи с неизбежностью войны особую тревогу вызывал ее начальный этап. Блестящее осуществление немцами «блицкрига» на Западе, а позднее на Балканах, создавало угрозу внезапного нападения, что затрудняло Советскому Союзу перехват инициативы. Уже не казалось таким невероятным предположение, что немцы могут завершить развертывание войск, прежде чем советская сторона примет соответствующие меры. Жуков и другие подтверждают, что после падения Франции Генеральный штаб провел бессонные ночи, подготавливая оперативные планы, которые сочетали бы «глубокие операции» с оборонительными целями. Новыми мобилизационными планами занялись по-настоящему только 22 мая, когда немцы казались непобедимыми, и поэтому маловероятно, чтобы эти планы отражали агрессивные устремления. Они предусматривали пересмотр существовавшей до того времени тенденции увольнять в запас значительную часть армии. В тот же день был в спешном порядке принят план ускорения выпуска Т-34 для замены большого парка устаревших танков, поскольку теперь полностью оценили значение немецких бронетанковых частей в успешном осуществлении «блицкрига». Этот план, будучи явно чрезвычайным, был обновлен в начале июля¹⁵.

Ни одна из реформ не предусматривала возврата к революционной риторике и практике. Ворошилова, доказавшего свою некомпетентность в руководстве крупными формированиями, сменил во второй неделе мая на посту комиссара обороны Тимошенко, который стал маршалом Советского Союза. Вслед за этим в армии были восстановлены дореволюционные офицерские звания и освобождены из тюрем около 4000 арестованных во время чисток военнослужащих, которые заняли теперь командные посты. Среди освобожденных был полковник, а позднее генерал К.К.Рокоссовский, которому поручили командовать

только что сформированным механизированным корпусом. Среди 1000 офицеров, получивших в июне повышение, были К.А.Мерецков и Г.К.Жуков, ставшие генералами, а затем последовательно сменившие друг друга на посту начальника Генштаба. Звание генерал-лейтенанта получили отличившиеся позднее во время войны Конев, Ватутин, Еременко, Соколовский, Чуйков, Голиков. Точно так же было восстановлено пострадавшее во время чисток высшее командование военно-морского флота — Н.Г.Кузнецов был назначен главнокомандующим ВМФ, звания адмирала были присвоены Л.М.Галлеру и И.С.Исакову. Ко времени начала войны ни у кого из них не было достаточно опыта для успешного выполнения поставленных перед ними задач.

Не менее примечательным событием стало принятие нового Дисциплинарного Устава. Коммунистическая сознательность с предполагаемым равенством и мотивацией, основанной на идеологических принципах, уступила место строго традиционным требованиям дисциплины. Так, выступая с заключительным словом на военной конференции в декабре 1940 года, Тимошенко сделал акцент на укреплении дисциплины и поднятии морального духа вооруженных сил в качестве необходимого условия успеха — как стали теперь говорить — в «современной войне», что не имело ничего общего с революционным жаргоном, на который указывает Суворов¹⁶. К тому же были восстановлены все «буржуазные» ритуалы и формы приветствия, и прежде всего отдача чести. Все изменения были отражены в Дисциплинарном Уставе, принятом в августе 1940 года. Вслед за этим последовала отмена двоевластия, лишившая политкомиссаров контроля над командирами¹⁷. Время для таких необычных перемен было выбрано не самое лучшее, если, как утверждает Суворов, армия поднимала знамя революционного марша.

Вместо того, чтобы укреплять главный западный театр военных действий, который являлся плацдармом, если русские намеревались нанести упреждающий удар, были созданы четыре новые группы войск, а западная группа поделена на пять театров военных действий, соответствовавших Ленинградскому, Прибалтийскому, Западному

особому, Киевскому особому и Одесскому военным округам. Каждый из них должен был стать центром организации обороны данного района.

Оперативные планы

Последний важный оперативный план был подготовлен накануне второй мировой войны начальником Генштаба маршалом Б.М.Шапошниковым в 1938 году и основывался на возможной агрессии с двух сторон: Германии, Италии, Финляндии, стран Прибалтики с запада и Японии — с востока. Два варианта плана для западного фронта предполагали нанесение немцами главного удара к северу от припятских болот по направлению Минск-Смоленск и далее на Москву, а также на юг, если это будет продиктовано экономическими соображениями¹⁸. Страна постепенно сползала к войне, но разрабатывались откровенно оборонительные планы. Созданный в июле Главный военный совет наконец привел планы 1938 года в соответствие с изменившейся после падения Франции обстановкой¹⁹. Новый план был составлен генералом А.М.Василевским под руководством Шапошникова и основным противником рассматривал Германию. План предусматривал активное противодействие главному удару противника, который ожидался в центральном секторе в направлении Вильно — Минск и Брест — Барановичи. Наступление немцев в направлении Люблин-Киев считалось маловероятным²⁰. Оборонительный характер плана полностью подтверждался созданием трех фронтов, которые должны были противостоять надвигающейся опасности. Военный совет Прибалтийского военного округа получил подробные инструкции относительно формирования и организации обороны региона²¹.

План был слегка изменен в августе только что назначенным на пост начальника Генштаба К.А.Мерецковым и в начале октября представлен на рассмотрение Сталину и Политбюро. Одновременно с ним был подготовлен еще один документ «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.», в котором рассматривалась непосредственная угроза России с востока и запада. Совместное нападение Германии и ее союзников, Италии, Венгрии, Румынии

и Финляндии, считалось наиболее вероятным. Этот примечательный документ так представлял грозящую опасность и план обороны:

«Германия вероятнее всего развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан, с тем, чтобы из Восточной Пруссии через Литву нанести и развить главный удар в направлениях на Ригу, на Ковно и далее на Двинск, Полоцк или на Ковно, Вильно и далее на Минск.

Одновременно необходимо ожидать ударов на фронт Белосток, Брест, с развитием их в направлении Барановичи, Минск.

Развитие операций на Ригу будет сочетаемо: 1) с высадкой десантов на побережье Балтийского моря в районе Либавы с целью действий во фланг и тыл нашим армиям, оперирующим на Нижнем Немане и 2) с захватом Моозундского архипелага и высадкой на территории Эстонской ССР с целью наступления на Ленинград.

Вполне вероятен также, одновременно с главным ударом немцев из Восточной Пруссии, их удар с фронта Холм, Грубешов, Томашев, Ярослав на Дубно, Броды, с целью выхода в тыл нашей Львовской группировки и овладения Западной Украиной.

Если Финляндия выступит на стороне Германии, то не исключена поддержка ее армии германскими дивизиями для атаки Ленинграда с северо-запада.

На юге возможно ожидать одновременно с германской армией перехода в наступление из районов северной Румынии в общем направлении на Жмеринку Румынской Армии, поддержанной германскими дивизиями.

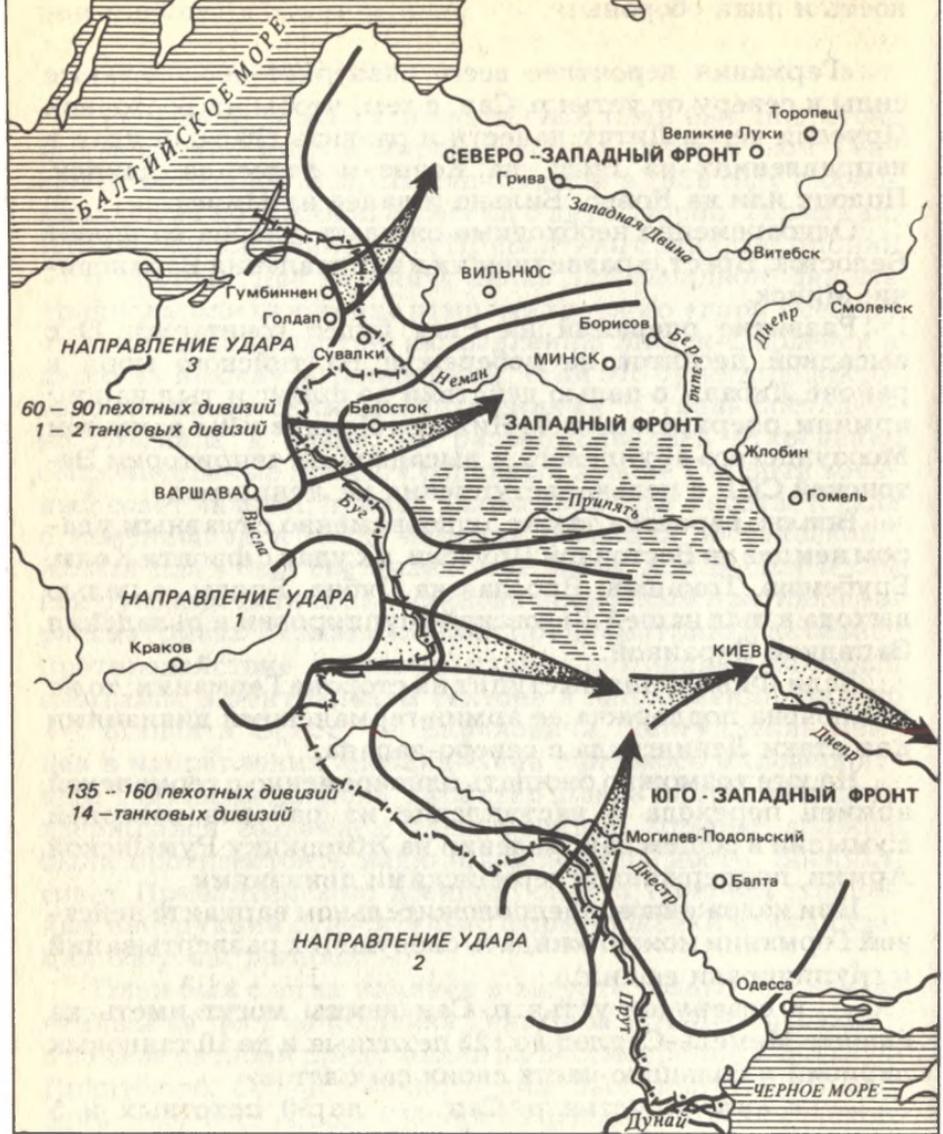
При изложенном предположительном варианте действий Германии можно ожидать следующих развертываний и группировки ее сил:

— к северу от устья р. Сан немцы могут иметь на фронте Мемель-Седлец до 123 пехотных и до 10 танковых дивизий и большую часть своих самолетов;

— к югу от устья р. Сан — до 50 пехотных и 5 танковых дивизий, с основной группировкой их в районе Холм, Томашев, Люблин.

Не исключена возможность, что немцы с целью захвата Украины, а в дальнейшем и Кавказа, сосредоточат свои

СОВЕТСКАЯ ОЦЕНКА УГРОЗЫ СО СТОРОНЫ ГЕРМАНИИ
И ПЛАН ПО ОТРАЖЕНИЮ ВОЗМОЖНОЙ АГРЕССИИ,
УТВЕРЖДЕННЫЙ СТАЛИНЫМ В ОКТЯБРЕ 1940г.

главные силы к югу от устья р. Сан в районе Седлец, Люблин с направлением главного удара на Киев.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии, как указывалось выше.

При этом варианте действий Германии надо ожидать, что немцы выделят для действий на юге 110—120 пехотных дивизий, основную массу своих танков и самолетов, оставив для действий на севере 50—60 пехотных дивизий, часть танков и самолетов.

Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а, следовательно, и наиболее вероятным, является 1-й вариант ее действий, т.е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан»²².

Реорганизация Красной Армии и разработка планов проходили под угрозой немецкого нападения. Сталин, несомненно, получал сведения о развертывании немецких войск и их намерениях. Поток разведанных увеличивался прямо пропорционально немецким приготовлениям. Еще в июле 1940 года, до того как немцы занялись детальным планированием операции против России, НКВД получил информацию о строительстве немецких укреплений в пограничных с СССР регионах, а также о расширении старых и строительстве новых военных аэродромов²³. Самые надежные и важные данные, поступившие сразу же после принятия Гитлером в конце месяца решения напасть на Россию, свидетельствовали о том, что вскоре после завершения кампании против Франции немцы стали перебрасывать свои войска на восток. К августу стало известно, что количество немецких дивизий на востоке увеличилось с 28 до 70.

Согласно информации, полученной НКВД из различных приграничных округов, высокопоставленные немецкие офицеры инспектировали в летние месяцы приграничные с Советским Союзом районы. За этим последовало строительство новых и расширение старых аэродромов, а также ремонт переброшенных с западного фронта самолетов. Наконец, по разведанным «за последнее время отмечается прибытие в пограничную полосу Германии и появление на границе с СССР немецких военных летчиков»²⁴.

Это встревожило военную разведку, так как полученная информация «подтверждает имеющиеся у нас данные, а в некоторых случаях почти дублирует их»²⁵. К концу августа стало известно, что немцы замышляют переброску на восток 120 дивизий²⁶. Сопоставление различных донесений, полученных 25 августа, заставило ГРУ сделать вывод, что наращивание немцами вооруженных сил представляет реальную угрозу России. Правда Германия объясняла концентрацию войск стремлением укрепить восточную границу с Советским Союзом, ослабленную во время кампании против Франции. Однако характер наращивания вооруженных сил заставлял с тревогой признать, что Гитлер намерен подорвать позиции России на Балканах. Это, видимо, послужило толчком к тому, что Советский Союз предпринял осенью 1940 года усилия по укреплению своих границ²⁷. Дополнительные данные, подтверждающие эту оценку, были лучше всего обобщены советским военным атташе в Белграде, сообщившим в начале 1941 года, что «Балканы становятся решающим центром политических действий, тем более, что с этого начинается непосредственное столкновение интересов Германии и СССР»²⁸.

Впоследствии стратегические планы подверглись лишь незначительным изменениям в феврале 1941 года по результатам военных игр и послужили основой мобилизационного плана — 41²⁹. По-прежнему считая западный театр военных действий главным, Сталин отдал приказ о развертывании войск на юго-западе. Вопреки утверждению Суворова, это не было запланированной попыткой оккупировать румынские нефтепроводы³⁰. Скорее это было концентрацией войск на том направлении, откуда ожидали главного удара, предполагая, что целью немцев будет захват нефтяных районов и быстрое продвижение на Украину и Баку³¹. Происходившее с осени 1940 по весну 1941 г. наращивание войск, занимавших оборону на южном фланге, было вполне логичным. Гитлер лишь 17 марта 1941 года отказался от мысли взять в двойные клещи Украину и решил нанести сильный концентрированный удар по центру. К тому времени началась крупная переброска сил, предназначенных для операций на южном фланге³².

Незавершенность переговоров Молотова в Берлине постепенно усиливала чувство неуверенности. Отнюдь не проявляя никаких признаков самоуспокоения, Сталин был озабочен нависшей над страной угрозой. Утром 5 декабря новый посол в Берлине Деканозов, который до своего назначения на эту должность был высокопоставленным работником НКВД, разбирал, как обычно, пришедшую на его имя почту. Неожиданно ему попало анонимное письмо, содержащее важную информацию о намерении Гитлера напасть на Советский Союз весной 1941 года. Военный атташе генерал Тупиков подтвердил, что детали передвижения, реорганизации и наращивания войск соответствуют данным, ранее полученным посольством. Письмо и его оценка были направлены лично Сталину³³. Эти сведения подтверждались выступлением Гитлера перед высшими военными руководителями на закрытом совещании 18 декабря, о котором Сталину было известно. Выступление Гитлера изобиловало антисоветскими измышлениями, а войну на востоке он назвал целью, к которой стремится Третий рейх³⁴.

Однако самое драматичное донесение было получено Сталиным по линии разведки в разгар совещания высшего командного состава, созванного для обсуждения серьезных недостатков, вскрытых специальной комиссией Центрального Комитета. Всего через одиннадцать дней после принятия директивы 21 по операции «Барбаросса» генерал Тупиков предупредил Москву о ее существовании:

«Начальнику Разведуправления Генштаба
Красной Армии

Берлин 29 декабря 1940 года

(фамилия вычеркнута — *авт.*)... сообщил, что (фамилия вычеркнута — *авт.*)... от высокоинформированных военных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года.

Дано задание о проверке и уточнении этих сведений».

Тупиков подтвердил достоверность своей информации, которая «основана не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о

котором известно очень немногим лицам». По мнению осведомителей, поездка Молотова в Берлин напоминала визит полковника Бека, польского министра иностранных дел, который был вызван в Берлин на переговоры с Гитлером, после того как планы оккупации Польши вступили в свою завершающую фазу³⁵.

Материалы совещания командного состава, которое провел Сталин в ответ на угрозу Германии и ее поползновения на Балканах, уже давно являются достоянием гласности, но их очень редко изучают. Они затрагивают все аспекты реорганизации вооруженных сил: программу подготовки личного состава, «оперативное искусство», состояние бронетанковых и механизированных частей, военно-воздушных сил и т.п. Совещание было созвано с целью подготовиться к отражению немецкого нападения. Разносторонняя критика, оказавшаяся пророческой, прозвучала по поводу неспособности вооруженных сил извлечь уроки из итогов немецкой кампании во Франции. С нашей точки зрения, необходимо подчеркнуть, что на совещании был сделан очень сильный акцент на обороне. Об упреждающем ударе, который, естественно, потребовал бы совершенно иного рода подготовки и маневров, вообще не упоминалось³⁶.

Ключ к разгадке якобы «таинственного» развертывания вооруженных сил, о котором пишет Суворов, лежит в оборонных планах и двух военных играх, проведенных в январе 1941 года. Наиболее примечательной была вторая игра, данные о которой стали известны недавно. В этой игре, о которой подробнее будет сказано ниже, Жуков играл за войска «синих», контратакующих с юго-западного фронта. Этого сценария больше всего боялся Сталин. В конечном счете наращивание и развертывание войск было проведено на основе планов и игр. Если внимательно изучать три оперативных приказа от 22—23 июня 1941 года, то становится ясно, что они списаны прямо с документов военных игр. Анфилов, например, считает, что когда Павлову пришлось отражать удар немцев, он вынул материалы военных игр 1941 года и, готовясь к отпору, пытался в них разобраться.

Значение игр вряд ли можно переоценить³⁷. В ходе их проверялись тщательно разработанные ранее планы и,

кроме того, рассматривались ключевые теоретические вопросы обороны и наступления в контексте потенциальной внешней опасности. Они дают точное представление о советском стратегическом мышлении накануне войны. Ни одна из этих крупных игр не предусматривала агрессии и нанесения упреждающего удара. Напротив, «обстановка, созданная для игр, изобиловала драматическими эпизодами для восточной стороны; она во многом была похожей на события, которые развернулись на наших границах в июне 1941 года после вероломного нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз»³⁸.

Обе игры имели исходным моментом наступление немцев на разных фронтах, и в них проверялись возможности оборонительных действий³⁹. В первой игре, проведенной 2—6 января, исходили из того, что немцы нанесут удар в центральном и северном секторах. Главный «западный» удар «немцев» был нанесен 160 дивизиями под командованием Жукова южнее Бреста и далее в направлении Владимира-Волынского и Тернополя. Отвлекающее наступление было осуществлено на севере силами 60 дивизий, чтобы ввести в заблуждение «восточных» относительно места нанесения главного удара. Эти войска начали движение из Восточной Пруссии в направлении Риги и Двинска и из Сувалок и Брестской области в направлении Барановичей. Советской обороной руководил Павлов. Хотя «немцы» глубоко вклинились в советскую оборону, им не удалось развить успех. Однако настораживало, что Павлов не сумел отбить наступление противника, игра окончилась безрезультатно, а «немцы» закрепились на своих позициях, пройдя сквозь советскую оборону. Вторая игра, о которой стало известно лишь недавно, состоялась 8—11 января и в основном проходила на южном участке фронта. Павлов, командовавший теперь «немецкими» войсками, осуществил маневр наступательного окружения сил противника, продвигаясь в направлении Проскурова. Уничтожив силы «восточных», он должен был продвигаться в направлении Шепетовка—Одесса. Наступление было остановлено Жуковым, сумевшим, однако, лишь частично развить свой успех.

Обе игры продемонстрировали уязвимость и недостатки обороны. Комиссия, оценивавшая игры, дала нелестные отзывы о действиях армии:

«Итоги первой игры показали, что оперативно-стратегический кругозор многих командиров высшего звена был далек от совершенства и требовал кропотливого и настойчивого труда в оттачивании искусства управления и вождения крупными соединениями, глубокого усвоения характера современных операций, их организации, планирования и последовательного осуществления на практике».

С учетом такого сурового приговора глупо считать, что Сталин замышлял военную авантюру. В лучшем случае он мог надеяться, что основные недостатки обороны, вскрытые на играх, будут исправлены до нападения немцев⁴⁰.

Высший командный состав, участвовавший в играх и в совещании, уже должен был разъезжаться в свои соединения, когда 13 января их неожиданно вызвали в Кремль. Мерецков был подвергнут резкой критике со стороны Сталина за плохую организацию обороны во время игр и там же снят с должности и заменен блистательным Жуковым. Хотя на конференции Жукова осуждали за некритическую приверженность к наступательным доктринам, его относительные успехи в военных играх и авторитет, завоеванный на Халхин-Голе, позволили ему, видимо, снискать доверие Сталина⁴¹. Но ни военные игры, ни Военный совет не смогли решить важнейшие стратегические проблемы после того, как было признано, что Советский Союз столкнулся с «опаснейшим периодом войны». Конкретно же продолжали считать, что «оборона будет играть сугубо вспомогательную роль, обеспечивая наступательным группировкам достижение поставленных целей». Поэтому ведению боя с целью выхода из окружения уделялось мало внимания⁴². В психологическом плане наследие наступательной стратегии продолжало заглушать голоса скептиков и препятствовать использованию возможностей обороны. Глубоко укоренившаяся вера в способность Красной Армии осуществить «глубокие операции» и с минимальными потерями перенести войну на территорию противника породила чрезмерную уверенность в себе и недооценку противника. Кроме того, эта вера подрывала выполнение многочисленных планов по развертыванию войск; партизанская же война напрочь отвергалась⁴³.

Советская разведка и план «Барбаросса»

России для достижения прочных соглашений с Германией и получения необходимой передышки нужна была безупречная работа разведки. Она была крайне необходима для определения целей как врагов, так и друзей. Сеть военной разведки серьезно пострадала в результате чисток, когда не только радисты, но и действующие агенты были либо ликвидированы, либо сняты с должности. Были заменены все начальники Военного управления и подчиненных ему ведомств, на их место пришли малоопытные офицеры⁴⁴. Но в целом ведомство продолжало функционировать и даже добилось блестящих успехов, завербовав в Англии в качестве агентов «кембриджскую пятерку», проникшую в вооруженные силы и Форин оффис, а в Германии — «Красную капеллу».

Значение разведки возросло, когда осенью 1940 года были скорректированы военные планы в соответствии с уверенностью Сталина в том, что устремления Германии направлены на Юго-Восточную Европу, то есть либо против России, либо против британских интересов на Ближнем Востоке. И все же следует помнить о презрении и недоверии Сталина в 1939—41 гг. к разведке и армии вообще⁴⁵. Хотя позднее Голиков проявил себя способным руководителем, он не был профессионалом, что было прекрасно известно Сталину. Голиков достиг высокого положения, благодаря репутации стойкого большевика, во время гражданской войны он сражался вместе с «красными орлами»⁴⁶. Впоследствии занимал высокие политические посты в армии, включая руководство политуправлением комиссариата обороны. Голиков сыграл активную роль в подавлении «ленинградской оппозиции» и, весьма вероятно, в чистках Красной Армии 1937 года. Этот период его деятельности замалчивается. Его случайное назначение руководителем ГРУ явилось результатом разброда, царившего в вооруженных силах после повальных чисток, и было вознаграждением за верность⁴⁷. Тем не менее Сталин держал его на расстоянии, как и Жукова. Ходили слухи, что во время партконференции в феврале 1941 года Сталин пробормотал, что не может доверять Голикову, который «как разведчик неопытный, наивный. Разведчик

должен быть как черт: никому не верить, даже самому себе»⁴⁸.

Такая обстановка, несомненно, диктовала осторожность в действиях разведки. Поэтому постоянный поток разведанных отражал две противоречивые тенденции. Необработанная информация, особенно если ее рассматривать ретроспективно, вроде бы поставляла массу точных и подробных данных о продолжающемся наращивании немцами своих сил. Однако попытки привести разведанные в соответствие с господствующими политическими концепциями давали несколько иную картину. Было бы ошибкой разделять заговорщические теории, согласно которым Голиков виновен в преднамеренном и тенденциозном манипулировании данными. Считать, что Сталин ничего не знал об опасности, потому что Голиков не давал ему правдивой информации, было бы сильным преувеличением. Регистрационные книги свидетельствуют о том, что до Сталина доходила обильная информация, и он ни в коей мере не забывал об опасности. То же можно сказать и о Жукове, который впоследствии утверждал, что ему преднамеренно не сообщали эти сведения⁴⁹. В целом ГРУ очень редко сравнивал и анализировал материалы для того, чтобы подогнать их под господствующие политические настроения. Возможно, самым вопиющим примером, давшим повод для вышеприведенных толкований, является надежная и точная информация о намерениях и планах немцев, направленная 20 марта Голиковым Сталину. Однако в анализе Голиков преуменьшил опасность, отметив:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»⁵⁰.

Хотя историки немедленно ухватились за конкретную цитату Жукова, пытавшегося снять с себя вину и потому

облившего грязью Голикова, подобные оценки были исключением из правила. К началу 1941 года ежедневно из-за границы приходило в среднем по одному-два донесения. Каждые 10—15 дней ГРУ делало специальный обзор донесений. Донесения ясно свидетельствуют о том, что над страной нависла угроза, но в архивах нет никаких указаний, какого рода оценки фактически направлялись в Кремль. Конечно, руководство ГРУ склонялось к тому, чтобы избегать откровенных суждений о неизбежности войны на основе суровых фактов, находившихся в его распоряжении. После подписания пакта Риббентропа-Молотова разведка стала уделять меньше внимания сбору информации, свидетельствующей о подготовке Германии к нападению на Россию. Но по мере усиления опасности ГРУ продолжало направлять руководству необработанную информацию о немецких намерениях⁵¹.

Такие разведданные, как правило, направлялись в количестве примерно 14 экземпляров Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Берии, Кузнецову, Мехлису, Кулику, Шапошникову и другим заинтересованным лицам.

Разведданные поступали из трех основных источников: ГРУ, НКГБ (который только что отделился от бериневского НКВД, занимался вопросами внешней безопасности и находился под началом Меркулова) и наркомата иностранных дел. Все эти сведения попадали в Политбюро, а точнее — в секретариат Сталина. Можно сказать, что все нити вели к Сталину. ГРУ отнюдь не действовало в вакууме, как, стремясь оправдаться, утверждает в своих мемуарах Жуков. Важные данные, полученные НКГБ, направлялись непосредственно военным. Иногда НКВД изучал их оценки, сопоставляя их с оценками ГРУ, и писал: «Ваши данные о переброске за последнее время германских войск и воинских грузов к границам СССР правдоподобны. Они подтверждаются рядом наших источников»⁵².

Как мы видели, вопреки господствующему мнению органы советской разведки превосходили западные разведки по точности и достоверности информации относительно намерений немцев в 1940 году⁵³. Так или иначе напряжение последних месяцев 1940 года сменилось за-

тишьем первой четверти 1941 года. Частично это было результатом прекращения дипломатического диалога с Германией. С военной точки зрения это объяснялось зимними условиями, препятствовавшими крупным передвижениям войск. В феврале в Восточной Пруссии постоянно находились 30 немецких пехотных дивизий, две танковые дивизии и одна моторизованная. Такая же концентрация войск имела место и на юге.

Затишье ни в коей мере не вело к самоуспокоенности. Отсутствие оперативных разведанных более чем компенсировалось стратегической и политической информацией. ГРУ придерживалось мнения, что высшее германское командование «с большой интенсивностью продолжает работы по инженерной подготовке театра против СССР, а на смену убывших частей прибывают новые части и соединения»⁵⁴. В середине февраля представитель НКВД в Берлине переслал специальное разведывательное донесение, которое было направлено правительству и Центральному Комитету. В нем говорилось, что немцы усиленно поддерживают и укрепляют свою 8-миллионную армию, пополняя ее и мобилизуя ресурсы оккупированных территорий; незадолго до этого было создано 25 новых пехотных, 5 танковых и 5 моторизованных дивизий. Подобные тенденции были обнаружены во всех приграничных с Германией странах. В донесении предупреждалось, что с наступлением весны Россия столкнется на всех фронтах с усиленной мобилизацией, когда целые армии будут расположены вдоль ее границ⁵⁵.

В начале марта ГРУ вновь внушало ЦК мысль о большом экономическом потенциале Германии, что, по его мнению, позволит ей вести войну на два фронта. Кроме того, перевод экономики на военные рельсы шел в оккупированных странах полным ходом. Принимая во внимание утверждения Суворова о том, что Сталин считал себя непобедимым, читателю стоит отметить, что в донесении приводились цифры строительства Германией танков и самолетов, которые превышали эти же показатели для Советского Союза. Отныне немцы могли производить 25—30 тысяч самолетов в год и около 18—20 тысяч танков⁵⁶. Вскоре после этого НКВД проинформировал правительство (часто эвфемизм, под которым подразумеваются Ста-

лин и Молотов, и иногда Политбюро) и Центральный Комитет, что по имеющимся сведениям, полученным из германского штаба, Гальдер не ожидает трудностей в сокрушении русских. В донесении кроме того кампания объяснялась нехваткой сырья, которое немцы намеревались получить с Украины. Такие донесения особенно впечатляют по сравнению с отрывочной и поверхностной информацией, имевшейся у британской разведки. В донесении говорилось:

«Начальник генштаба сухопутной армии генерал-полковник Гальдер рассчитывает на безусловный успех и молниеносную оккупацию немецкими войсками Советского Союза, и прежде всего Украины, где, по оценке Гальдера, успешным операциям будет способствовать хорошее состояние железных и шоссейных дорог. Тот же Гальдер считает легкой задачей также оккупацию Баку и его нефтяных промыслов, которые немцы якобы смогут быстро восстановить после разрушений от военных действий. Гальдер считает, что Красная Армия не в состоянии будет оказать надлежащего сопротивления молниеносному наступлению немецких войск, и русские не успеют даже уничтожить запасы.

Расчеты полковника Беккера, наоборот, доказывают высокий хозяйственный эффект, который будет получен в результате военных операций против СССР»⁵⁷.

Одновременно контрразведка доносила о все чаще распространяющихся слухах, согласно которым немецкое наступление на Россию начнется еще до захвата Англии. Приводилось высказывание Криппса, который получил такого рода сведения от Дилла и Идена в ходе своей поездки в Турцию⁵⁸. Когда заходила речь о Юго-Восточной Европе, военные атташе на Балканах подтверждали решение немцев отложить наступление на Британские острова, чтобы в апреле—мае вместе с Венгрией, Румынией и Болгарией захватить Украину и двинуться в направлении Баку⁵⁹. Один немецкий источник в Бухаресте сообщал, что, имея в своих руках огромную военную машину, готовую к действиям, Гитлер полон решимости «ударить и освободить Европу от сегодняшних врагов... Наш поход

на Россию будет военной прогулкой». Этот источник напрочь отверг утверждение, что Гитлер избегает войны на два фронта, и назвал смехотворной мысль о том, что он намеревается следовать принципу дружбы между двумя странами, сказав при этом, что «так было раньше, но теперь мы не имеем двух фронтов. Теперь положение изменилось. Англичан мы постепенно слошим авиацией, подводными лодками. Англия теперь уже не фронт»⁶⁰. Сталина проинформировали, кроме того, о том, что ожидаемый удар будет нанесен внезапно, так как немцы «хотят захватить инициативу и первыми нанести удар, оккупировав наиболее важные экономические районы СССР и прежде всего Украину»⁶¹. Что касается характера ожидаемого удара, то, согласно информации, поступавшей из штаба военно-воздушных сил, немцы могут в конце апреля — начале мая нанести воздушный удар⁶². Из Токио советский супер-разведчик Зорге спешно доносил, что новый германский военный атташе настроен откровенно враждебно по отношению к России и утверждает, что как только закончится нынешняя война, немцы займутся Советским Союзом⁶³.

В середине марта тонкая струйка оперативных разведанных превратилась в поток. Это совпало с усилением немецкого военного проникновения на Балканы и подготовкой к операции «Марита» — оккупации Греции. Какое-то время казалось, что подтверждаются ожидания Сталина относительно того, что главная угроза исходит с юго-восточного театра военных действий. Видимо, Сталин находился под сильным впечатлением происходивших на юге событий, которые, как он полагал, привяжут Гитлера к этому региону.

В середине марта Москва получила весьма точную оценку наращивания немецких сил на Балканах. В донесении говорилось о том, что процесс идет полным ходом, вызывая серьезные «пробки» в работе транспорта. Но в разведанных, как правило, сообщалось и об аналогичном наращивании войск на западной границе России. В донесениях прямо говорилось — хотя и без оценки — что на западных границах России сосредоточено примерно 100 дивизий⁶⁴. В середине марта военно-воздушный флот Германии в спешном порядке укреплял свои позиции в

восточных регионах. Согласно информации, собранной из источников, близких к Генеральному штабу, «...немцами решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года. Немцы рассчитывают при этом, что русские при отступлении не в состоянии будут уничтожить (поджечь) еще зеленый хлеб, и этим урожаем они смогут воспользоваться»⁶⁵. В донесениях из Парижа сообщалось, что пехота перебрасывается на восток, а на смену ей приходят не имеющие опыта войска⁶⁶. Эти действия подтверждались донесениями из Виши о переброске с севера Франции в Румынию и Болгарию пехотных и танковых дивизий, которые ранее предназначались для вторжения в Англию⁶⁷.

Сталин мог также составить себе представление о намерениях немцев не только на основании оперативных сводок, но и по информации, полученной в Бухаресте, согласно которой во время встречи в Вене Антонеску и Геринга обсуждался вопрос о возможном участии Румынии в немецком наступлении на СССР⁶⁸. По данным одного из младших помощников Голикова, в начале марта Зорге переслал в Москву фотокопии телеграмм Риббентропа послу Германии в Токио Отту, которые также свидетельствовали о намерениях немцев напасть на Россию во второй половине июня⁶⁹.

Примечания

¹ Волкогонов. *Триумф и трагедия*, кн. 2, с. 55.

² Неопубликованный дневник Димитрова, 28 марта 1940.

³ «Известия ЦК КПСС», 1, 1990, с. 193—6. см. также Тимошенко «Смена руководства наркомата обороны СССР в связи с уроками советско-финляндской войны 1939—1940гг.» там же, с. 210—215.

⁴ «Последний доклад наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова», направленный Сталину и Политбюро 9 мая 1940, *Военно-исторический журнал*, N 3, 1991, с. 5—8.

⁵ Воспоминания Хрущева, Бостон, 1970, с. 176—177 и E. Harrison Salisbury, *The Siege of Leningrad*, London, 1969, pp. 67-81.

⁶ См. Н. Hanak, «The Implications of the Soviet-German Pacts for the Western European Democracies» (неопубликованная рукопись, 1989), pp. 13—17. Дж. Эриксон также не дает верного объяснения позиции Сталина в своей книге «*The Road to Stalingrad*», London, 1975, p. 77.

⁷ Hanak, «Implications of the Soviet-German Pacts», p. 14.

⁸ National Archives, Department of State, 740.0011 EW 1939\3446, 1 June 1940.

⁹ О стратегической сдержанности см. например Leach, *German Strategy Against Russia*, chaps. 3 и 4; Анфилов В.А., *Бессмертный подвиг*, М. 1971, с. 149—160; Захаров М.В. «Страницы истории советских вооруженных сил накануне Великой Отечественной войны 1939—1941гг.», *Вопросы истории*, 5, 1970, и Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*, М. 1970, с. 182—184.

¹⁰ *Documents on German Foreign Policy*, vol. 9, pp. 566; Churchill, *Second World War*, vol. 2, pp. 118—19.

¹¹ Об оборонительном характере развертывания перед войной см. *Историю Великой Отечественной войны* т. I, с. 477—78, и Жукова *Воспоминания и размышления*, с. 112—14. См. также В. Petrow-Ennker, «Deutschland im Juni 1941», *Geschichte und Gesellschaft*, 14, 1988, pp. 130—31 и ее *Stalinistische Außenpolitik 1939—1941: Ein Beitrag zur Vorgeschichte des deutschen Angriffs auf die Sowjetunion am 22. Juni 1941*, p. 21—32. Доктрина была изложена народным комиссариатом обороны во Временном полевом уставе РККА 1936г. (М., 1937). См. также Савушкин Р. А. «К вопросу о зарождении теории последовательных наступательных операций», *Военно-исторический журнал*, N 5, 1983, с. 78; Анфилов А.В. «Провал "блицкрига"», М. 1974, с. 162 и 178—189; Хорьков А.Г. «Некоторые вопросы стратегического развертывания советских вооруженных сил в начале Великой Отечественной войны», *Военно-исторический журнал*, N 1, 1986, с. 9—11. В одной из самых последних статей «Трагедия Красной Армии» (*Московские новости*, 7 мая 1989) генерал-лейтенант Н. Павленко, ведущий советский военный историк, представляет наиболее откровенный и искренний взгляд на действия Красной Армии в начальный период войны.

¹² Glantz, *Soviet Military Strategy*, p. 75.

¹³ Суворов, *Ледокол*, с. 59.

¹⁴ Волкогонов. *Триумф и трагедия*, т. 2, с. 43—44.

¹⁵ Комитет Оборона при СНК СССР «Об организации и численности Красной Армии», СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О производстве танков Т-34 в 1940 году», *Известия ЦК КПСС*, N 2, 1990, с. 181—183. См. также «Постановление СНК и ЦК, 5 июля 1940», там же с. 180—181. Подобный секретный документ в материалах Волкогонова «Записки Комитета Оборона СНК».

¹⁶ Речь Тимошенко напечатана в «*Военно-историческом журнале*», N 3, 1991, с. 38.

¹⁷ Erickson, *The Road to Stalingrad*, pp. 20—24.

- ¹⁸ Захаров М.В. *Генеральный штаб в предвоенные годы*, М. 1989, с. 125. См. также D. Glantz, *Soviet Military Strategy*, pp. 69—74.
- ¹⁹ *Известия ЦК КПСС* N 2, 1990, с. 182.
- ²⁰ Самый лучший и точный отчет о проведении в жизнь оборонных планов и о состоявшемся в Москве декабрьском совещании, на котором выступал Жуков см. в книге Захарова «Генеральный штаб», с. 213—250. См. также мемуары Еременко, Мерецкова и Жукова.
- ²¹ Инструкции Тимошенко Военному совету прибалтийского военного округа напечатаны полностью в ст. «Прибалтийский военный округ: к истории создания», 17 авг. 1940, *Военно-исторический журнал*, N 6, 1989, с. 17—22.
- ²² Документы Волкогонова: Шапошников и Ворошилов Сталину, 17 окт. 1941 из ЦАМО, ф. 16а. оп 2951, д. 239, л. 84—90. См. также Волкогонов. *Триумф и трагедия*, кн. 2, с. 134 и Язов Д.Т. «Впереди была война», *Военно-исторический журнал*, N 5, (1991), с. 6.
- ²³ «Транспортный отдел НКВД Министерству внутренних дел» в *Известиях ЦК КПСС*, N 4, 1990, с. 198—199.
- ²⁴ Внешняя разведка НКВД — ГРУ, 9 июля, и Управление Украинских пограничных войск — НКВД, 5 авг. 1940, *Известия ЦК КПСС*, N 4, 1990, с. 199—201.
- ²⁵ ГРУ — внешней разведке НКВД, 7 авг. 1940, *Известия ЦК КПСС*, N 4, 1990, с. 201—202.
- ²⁶ Внешняя разведка НКВД — ГРУ, 24 авг. 1940, *Известия ЦК КПСС*, N 4, 1990, с. 202.
- ²⁷ ГРУ, разведывательная сводка по Западу, N 6, 25 авг. 1940.
- ²⁸ ЦАМО, Оп. 2419, Военный атташе в Белграде — Голикову, 27 янв. 1941.
- ²⁹ Жуков. *Воспоминания и размышления*, с. 332—33.
- ³⁰ Суворов. *Ледокол*, с. 128—131, и с. 148—150.
- ³¹ Волкогонов. *Триумф и трагедия*, кн. 2, с. 134.
- ³² Leach, *German Strategy against Russia*, p. 163.
- ³³ Деканозов — Молотову, 7 декабря 1940, *Известия ЦК КПСС* N 3, 1990.
- ³⁴ DGFP, 1918—1945, XI, pp. 980—981. Об этом же говорил мне Анфилов.
- ³⁵ ЦАМО, Оп. 2419, Военный атташе — Голикову, 29 дек. 1940 и 4 янв. 1941.
- ³⁶ J. Erickson, *The Road to Stalingrad*, pp. 40—46.

³⁷ Описание взято в основном из книги Захарова «Генеральный штаб», с. 239—251, в котором содержится наиболее подробное и авторитетное описание игр.

³⁸ Захаров *Генеральный штаб*, с. 240.

³⁹ E. Ziemke, «Stalin as a Strategist», *Military Affairs* Dec. 1983, pp. 174—80.

⁴⁰ Захаров «Генеральный штаб», с. 247.

⁴¹ Erickson, *Road to Stalingrad*, pp. 53—54.

⁴² Жуков, *Воспоминания и размышления*, с. 323.

⁴³ Glantz, *Military Strategy of the Soviet Union*, p. 60—61. См. больше об этом на с. 61—69 наст. изд.

⁴⁴ M. Milstein, «According to Intelligence Reports...», *New Times*, No. 26, (1990).

⁴⁵ См. наст. изд. с. 124—125.

⁴⁶ Голиков Ф.И. *Красные орлы (из дневников 1918—1920гг.)*, М. 1959.

⁴⁷ «Маршал Советского Союза Ф.И. Голиков (К 80-летию со дня рождения)», *Военно-исторический журнал*, 7, 1980, с. 86—87. Я признателен за исключительно содержательное интервью с генералом Мильштейном, который служил в ГРУ у Голикова.

⁴⁸ Неопубликованный дневник Димитрова, 20 февр. 1941.

⁴⁹ Жуков, *Воспоминания и размышления*, с. 364.

⁵⁰ К несчастью, это единственная информация и свидетельство из раскрытых в настоящее время, в котором содержится предостережение об агрессивных намерениях Германии. Донесения, основанные на дезинформации или полученные от Англии и др. стран, практически не опубликованы. Выборочное использование материалов недопустимо.

⁵¹ Документы Волкогонова, архивные материалы ГРУ, подготовленные для ЦК. Невиданное количество русских материалов, подготовленных Хрущевым, но до сих пор не публиковавшихся, см. в «Накануне, или Трагедия Кассандры: повесть в документах», *Неделя*, NN 22—44, 1988.

⁵² См. например ГРУ — внешней разведке, 29 марта 1941, в *Известиях ЦК КПСС*, N 4, 1990, с. 208.

⁵³ См. наст. изд. с. 135.

⁵⁴ Доклад о концентрации германских войск с 15 ноября по 1 февраля, в ГРУ, разведывательная сводка по Западу, N 1.

⁵⁵ Специальный доклад разведки «О мобилизационных мероприятиях в сопредельных с СССР капиталистических странах», в ЦАМО, оп. 7237, д. 2, л. 15—20.

⁵⁶ Архивные материалы ГРУ, подготовленные для ЦК, Об усилении Германии в Европе, 2 марта 1941.

⁵⁷ *Известия ЦК КПСС*, N 4, 1990, с. 205—206.

⁵⁸ Доклад ГРУ, 7 февраля 1941, *Известия ЦК КПСС* N 4, 1990, с. 205.

⁵⁹ ЦАМО, оп. 2419, Военный атташе в Белграде — Голикову, 9 марта 1941.

⁶⁰ ЦАМО, оп. 2419, д. 1, л. 394—395, Военный атташе в Бухаресте — Голикову (передано Сталину), 13 мая 1941.

⁶¹ Там же л. 407—408, Военный атташе, Бухарест — Голикову (передано Сталину) 15 марта 1941.

⁶² НКГБ — ЦК и СНК, *Известия ЦК КПСС*, N 4, 1990, с. 207.

⁶³ ЦАМО, оп. 2417, д. 2, л. 195—96, Зорге — Голикову, 10 марта 1941.

⁶⁴ ЦАМО, оп. 2419, д. 4, л. 213,—14, Военный атташе (Бухарест) — Голикову, 14 марта 1941.

⁶⁵ НКГБ — ЦК и СНК, *Известия ЦК КПСС*, N 4, 1990, с. 206, 9 марта и 14 марта 1941.

⁶⁶ ЦАМО, оп. 2419, д. 3, л. 127, помощник военного атташе, Париж, — Голикову, 15 марта 1941.

⁶⁷ ЦАМО, оп. 2421, д. 3, л. 138, военный атташе, Виши, Франция — Голикову, 22 марта 1941.

⁶⁸ ЦАМО, оп. 2419, д. 1, л. 452—455, военный атташе, Бухарест, — Голикову, 24 марта 1941.

⁶⁹ Milstein, *Intelligence Reports*, p. 32.

Глава 7

Предупреждение Черчилля Сталину

Британская разведка и план «Барбаросса»

Эффектный рассказ Черчилля о том, как он предупредил Сталина, затмевает все остальные, намного более важные предостережения о плане «Барбаросса», которые были переданы советскому лидеру. С тех пор некритически повторяется интерпретация, данная Черчиллем драматическим событиям, связанным с этим предостережением. Предупреждение становится первым приходящим на ум событием при изучении драмы, приведшей к войне¹. До того, как в середине 70-х годов были рассекречены обширные материалы о второй мировой войне в британских архивах, многотомная история о войне, написанная Черчиллем с крайне субъективной и потому временами ошибочной интерпретацией событий, считалась достоверной и даже часто цитировалась советскими историками. Типичным примером субъективности является описание отношений с Россией накануне войны, в которых значительную роль играл Криппс. Они изображаются с позиции «холодной войны», серьезного политического вызова Криппса Черчиллю в 1942 году и продолжавшегося между ними после войны политического соперничества. Криппс предстает в мемуарах Черчилля, «несносным ребенком», каким он зарекомендовал себя в 30-х годах. Самым ярким эпизодом пребывания Криппса в Москве в качестве посла представляется его отказ передать Сталину знаменитое предупреждение Черчилля о готовящемся немецком вторжении. Это событие раздуто до невероятных размеров, чтобы продемонстрировать строптивость и непредсказуемое поведение Криппса в отличие от мудрой стратегии и предусмотрительности Черчилля. Предостережение, кроме того является для Черчилля оправданным пунктом для крайне тенденциозного описания событий, приведших к нападению немцев на Россию. Его рассказ сразу завоевал умы и воображение читателей. Черчилль дает характе-

ристики Сталину и его окружению, называя их «полностью одураченными неудачниками второй мировой войны», в то же время замалчивая неспособность Англии даже задуматься о важности России как потенциального союзника в войне².

Конфликт Криппса с Черчиллем следует рассматривать в контексте продолжавшихся в Англии дебатов об англо-советских отношениях, о чем было сказано выше. Напомним, что в марте 1941 года стратегическая линия Англии по отношению к России по-прежнему строилась на отрицании того, что взаимная вражда и различия интересов могут привести к открытому столкновению между Россией и Германией. Отдавая дань идеологическим предпочтениям и выдавая желаемое за действительное, сторонники этой линии полагали, что и Россия и Германия считают Англию своим заклятым врагом. Криппс же твердо верил в то, что дружественный нейтралитет России по отношению к Германии объяснялся необходимостью форсировать военную подготовку к будущему столкновению, которое он считал неизбежным³.

Замена Иденом Галифакса на посту министра иностранных дел в конце 1940 года практически не сняла напряжение в отношениях с Советским Союзом. Она означала изменение нюансов и стиля, политическая же концепция, определявшая отношения с Россией, оставалась неизменной. Кадоган отметил с облегчением в своем дневнике: «Рад был обнаружить, что А(нтони Иден) не «заидеологизирован» и прекрасно понимает бесполезность ожидания чего бы то ни было от этих циничных убийц, запятнавших себя кровью». Независимо от того, был ли Иден благожелательно настроен по отношению к русским или нет, но в последующие несколько месяцев он целиком посвятил себя задаче создать против немцев противовес на Балканах, не проявляя к советским делам особого интереса⁴.

Как мы отмечали⁵, даже в начале 1941 года, когда проiski немцев на Балканах и развертывание войск на востоке почти полностью лишили Советский Союз свободы маневра, русские продолжали подчеркивать свой нейтралитет. Они, не жалея сил, внушали английскому правительству, что «распространение немецкого влияния

на Балканах не отвечает советским интересам» и что никакая политика не может быть «вечной и неизменной»⁶. Надежды Советского Союза спокойно обсудить положение с Иденом в Крыму не оправдались из-за позиции, занятой Черчиллем, который не верил, что русские могут гарантировать Идену «личную безопасность и свободу»⁷. Дальнейшие попытки наладить отношения с помощью Криппса, действовавшего в качестве посредника на спешно организованных встречах с Иденом в турецких ночных клубах или в роскошном поезде между Анкарой и Стамбулом, закончились неудачей. Криппс понял, что Иден целиком посвятил себя бесплодным попыткам втянуть Турцию в балканский блок⁸.

Уверенность Криппса в том, что русские не остаются безучастными к проискам немцев на Балканах, казалось, оправдалась весной 1941 года. В конце 1940 года начались переговоры Советского Союза с Югославией о предоставлении ей материальной помощи. Регент принц Павел, под давлением немцев, был вынужден присоединиться к Тройственному союзу. Однако два дня спустя он был свергнут в результате бескровного переворота, открыто одобренного русскими. Ранее Турция и Россия обменялись заверениями о нейтралитете, имевшими целью удержать немцев от военных действий против них. Кроме того, русские выступили с протестом против обязательств, взятых Болгарией перед Германией⁹.

В новых условиях Криппс призвал Идена, все еще находившегося на Ближнем Востоке, рассеять опасения Советского Союза о том, что Англия проводит «по отношению к России откровенно враждебную политику, пытаясь добиться политического решения балтийской проблемы». Криппс сделал кроме того необычный ход, прямо обратившись к кабинету и предупредив, что было бы «равносильно гибели не воспользоваться открывающейся в этом случае возможностью из-за отсутствия инструкций»¹⁰. До этого в течение нескольких месяцев кабинет даже не касался отношений с Россией. 31 марта Эттли рассказал о телеграмме Криппса. К тому времени Черчилль, если судить по его собственному рассказу о знаменитом предупреждении, направленном Сталину, оценил значение России для последующего этапа войны. Однако, его мнимая

проницательность не подтверждается протоколами обсуждения этой проблемы на заседании кабинета, и вопрос был передан на усмотрение министерства иностранных дел¹¹. В начале апреля Иден, находившийся в Афинах, одобрил рекомендации Форин оффис отвергнуть «опроектированную и бессмысленную инициативу» Криппса¹².

Распространенное мнение о том, что англичане были убеждены в нападении немцев на СССР и лишь ждали, как будут разворачиваться события, является спорным. Оценке разведанных о намерениях немцев серьезно мешали господствовавшие в Форин оффис политические концепции. Анализ большого количества разведанных о развертывании и намерениях немцев, часть которых была получена благодаря дешифровке немецкого кода, был сделан в духе все тех же положений. Военная разведка, частично финансируемая Форин оффис и поддерживавшая с этим ведомством тесную связь, точно также оценивала советско-германские отношения после начала войны в Европе. Сэр Александр Кадоган, постоянный заместитель министра иностранных дел, представлявший Форин оффис в кабинете министров, почти ежедневно поддерживал контакт с начальниками штабов. Сэр Виктор Кавендиш-Бентинк не только представлял Форин оффис в Объединенном комитете по разведке, но и был его председателем. Кроме того, среди различных разведывательных ведомств циркулировали еженедельные резюме министерства иностранных дел, представляя собой политическую директиву для составителей разведывательных сводок¹³.

Оценка предстоящего конфликта затруднялась также из-за необъективной информации о состоянии Красной Армии. Военная разведка находилась под влиянием господствующей политической концепции, кроме того, в ней укоренились старые оценки русской армии, некоторые из них относились еще к временам Крымской войны, а большинство основывалось на опыте первой мировой войны. Оценки не менялись, несмотря на крупные теоретические, технические, структурные и стратегические реформы, которые были осуществлены в Красной Армии со времени революции. Пренебрежительное отношение к Красной Армии было таким образом органическим, а отнюдь не возникло, как многие полагают, после чисток

1937—38 гг. Время опрокинуло окончательный приговор, вынесенный в однотипных документах 20-х и 1935 гг., который гласил:

«...хотя армия многочисленна, большая часть техники устарела. Они страдают от комплексов, которые сослужат им плохую службу при столкновении с немцами, и их боевой дух низок. Однако лучше всего они чувствуют себя в обороне и имеют большие земельные просторы, позволяющие им отступить вглубь страны»¹⁴.

Таким образом, первые донесения из различных источников о воинственных замыслах Гитлера на востоке были отвергнуты с порога. Полагали, что они основаны на «необоснованных слухах», выгодных тем, кто «выдает желаемое за действительное». В угоду политической концепции это объясняли тем, что Россия настолько тесно связана с Германией, что «готова уступить при малейшей угрозе применения силы»¹⁵. Согласно альтернативному объяснению, необычное разворачивание немецких войск на Балканах явилось оборонительной мерой по отношению к России. Полученная из Москвы информация о том, что январские военные игры, организованные советским Генштабом, вызваны угрозой нападения Германии на СССР, не были приняты в расчет¹⁶. Посол Англии в Стокгольме Виктор Мэллет передал сообщения подобного рода, полученные из шведских источников, однако отверг их, назвав новым этапом в «войне нервов». За это объяснение немедленно ухватились и включили в общепринятую концепцию¹⁷.

Более настойчивые слухи о готовящемся вторжении Германии в Россию поступили в марте сразу из нескольких столиц и свидетельствовали о том, что обращение Германии на восток «вполне возможно». Однако, подобная ересь была немедленно осуждена и отвергнута. «Анонимные сообщения сомнительного свойства», разъяснял Кадоган, распространяются немцами, чтобы «запугать» русских, и поэтому не могут служить «абсолютно надежной основой» для переоценки позиции.¹⁸ Небрежная обработка таких сообщений привела к тому, что из них делались более приемлемые выводы о том, что Германия «ведет

войну нервов» против России. Выражались сомнения по поводу того, «хватит ли у Красной Шапочки смелости, чтобы противостоять опасности»; скорей всего она «будет попустительствовать большому плохому волку, идя на новые компромиссы»¹⁹.

Иные политические взгляды Криппса позволили ему разглядеть существование немецкой угрозы России. В начале марта 1941 года он возвратился в Англию после краткого визита в Анкару, заявив своим коллегам-послам о «твердой уверенности» в том, что еще «до наступления лета» Россия и Германия окажутся в состоянии войны. Криппс полагал, что Гитлер сумеет убедить противников войны на два фронта и нападет на Россию до того, как Англия сможет образовать еще один фронт. В ходе неофициальной пресс-конференции Криппс предсказал, что Гитлер нападет на Россию «не позднее конца июня». Первый подобный доклад Криппса о намерениях Германии был направлен министерству иностранных дел 24 марта в момент обострения отношений из-за Югославии. Информация, содержащаяся в нем, оказалась пророческой и точной, особенно если учесть дату ее появления; она была получена из одного берлинского источника с помощью Вильгельма Ассарассона, хорошо информированного посланника Швеции в Москве²⁰. Оценка этой информации и мнения о ее использовании свидетельствуют о позиции Англии в назревающем конфликте и разногласиях относительно советской внешней политики, поэтому на ней следует остановиться подробнее. Суть донесения подтверждала мнение Криппса о том, что немцы решили «осуществить “блицкриг” в отношении России и захватить ее до Урала»²¹:

«6. Немецкий план заключается в следующем: военные действия против Англии будут продолжены с подводных лодок и с воздуха, но вторжения не будет. В то же время будет совершено вторжение в Россию.

7. Вторжение будет осуществлено тремя большими армиями: первой, базирующейся в Варшаве под командованием Бека, второй, базирующейся в Кенигсберге, третьей, базирующейся в Кракове под командованием Листа²².

8. Все подготовлено до мельчайших деталей, так что нападение может быть начато в любой момент. Нападение может произойти уже в мае»²³.

Криппс надеялся, что данной информацией будут пользоваться осторожно и умело, чтобы убедить Россию начать переговоры. Не исключено, что русские осознают, что находятся в трудном положении и попытаются изменить свою позицию. Однако Криппс предложил министерству иностранных дел ознакомить с этой информацией Майского косвенно через третью сторону, например, китайского или турецкого посла. «Косвенный и тайный» способ, советовал он, «даст больший эффект, чем прямая связь, так как иначе русские заподозрят неладное». Предложение Криппса было незамедлительно отвергнуто высокопоставленными должностными лицами, которые сочли данную информацию «частью “войны нервов” против России, чтобы заставить ее еще теснее объединиться с Германией». Председатель Объединенного комитета по разведке Кавендиш-Бентинк, которого пригласили для изучения информации, также не горел желанием изменить свое мнение о том, что германское верховное командование «не обращает особого внимания на увеличение русскими численности своих войск и не намеревается захватить всю Россию до Урала и удерживать ее. Это был бы слишком большой кусок. Военное ведомство не имеет подтверждения о каком-либо увеличении численности немецких войск, находящихся вдоль границы с Россией; нет также ни малейшего движения германской авиации в этом направлении. Поэтому создается впечатление, что, угрожая России, немцы стремятся запугать Советское правительство, а нас ввести в заблуждение».

Кавендиш-Бентинк подтвердил мнение Форин оффис о том, что данная информация распространяется с целью «заставить Советское правительство с помощью угроз заключить с Германией союз». Хотя информация поступала из различных источников, военная разведка, верная своей концепции, отвергала ее как умышленно распространяемую немцами дезинформацию²⁴. В различных подразделениях военной разведки тем не менее существова-

ли более взвешенные оценки намерений немцев, однако в тех условиях они были отвергнуты как «неубедительные»²⁵.

«Тайное» предупреждение

По словам Черчилля, он с «облегчением и волнением» натолкнулся на донесение одного из «самых заслуживающих доверия английских источников», которое «подобно вспышке осветило весь восточный небосклон». Речь идет об информации, полученной англичанами с помощью «Энигмы», созданного ими аппарата для перехвата и дешифровки немецкого военного кода. По данным перехвата, трем бронетанковым дивизиям и другим крупным соединениям был дан приказ двинуться с Балкан в зону Кракова через день после того, как Югославия присоединилась к державам «оси»²⁶, но затем, когда немцы узнали о происшедшем вслед за этим в Белграде перевороте, они были отозваны назад. Неожиданная переброска крупных бронетанковых формирований на Балканы, а затем в спешном порядке обратно в Польшу, могло, по мнению Черчилля, означать лишь «намерение Гитлера вторгнуться в Россию в мае месяце... Революция в Белграде, вынудившая их вернуться в Румынию, означала, видимо, перенос акции против России с мая на июнь»²⁷. Можно ли отнести проницательность Черчилля к разряду гениальных? Было ли это конкретное донесение и в самом деле единственной причиной перемены отношения к намерениям немцев и принятия решения послать личное предупреждение Сталину? Может быть, Черчилль в отличие от других лиц, связанных с деятельностью разведки и министерства иностранных дел, осознал опасность, которая поджидала Россию за углом? Каким образом Черчиллю удалось предсказать нападение немцев именно в июне? Ответ на эти вопросы объясняет разительный эффект, который произвело предупреждение Черчилля на собственную оценку Сталиным грозящей России опасности.

Подобно Сталину Черчилль установил особую процедуру анализа необработанных разведывательных данных. Информация по поступлении просеивалась майором Десмондом Муртоном и ежедневно представлялась Черчиллю в специальной красной коробке. Разведданные состояли

из перехваченных телеграмм из посольств враждебных и дружественных государств, но, прежде всего, из перехвата немецких военных закодированных донесений, добытых с помощью «Энигмы». Если код военно-морского ведомства был прочитан, и информация регулярно и гладко стекала в Блетчли-парк, где проводились крупные работы по дешифровке донесений, то в отношении дешифровки кода вермахта по-прежнему существовали определенные трудности. Вплоть до начала операции «Барбаросса» лишь отрывочные донесения о наращивании германских вооруженных сил попадали на стол Черчилля.

В свете драматических событий в Югославии Черчилль был занят координацией отчаянных усилий Идена и генерала Дилла по созданию эффективной преграды германскому проникновению на Ближний Восток и в Юго-Восточную Европу. Поэтому, подобно Сталину, Черчилль рассматривал намерения Германии в отношении России через призму драматических событий, происходящих в этом регионе. Поздним вечером 28 марта Черчилль направил Идену, находившемуся тогда в Афинах, подробные инструкции относительно общей стратегии Англии. Лишь в самом конце инструкции содержится беглая и весьма гипотетическая ссылка на возможность советско-германской конфронтации. «Нереально, — размышлял он, — чтобы в случае возникновения фронта на Балканском полуострове, Германия сочла нужным не распространять его на Россию»²⁸. Хотя он далее не развивал эту мысль, она показывает, что опасения Сталина о том, что в отчаянии Черчилль может попытаться вовлечь в войну Россию, не являются безосновательными.

На следующее утро генерал-майор Стюарт Мензис, начальник специальных разведывательных служб — МИ-6 («С» — как его называют), представил Черчиллю перехват, полученный с помощью «Энигмы», в котором приводился помимо всего прочего приказ о переводе из Румынии в зону Кракова штаба бронетанковых войск, трех из пяти расположенных на юго-востоке бронетанковых и двух моторизованных дивизий, включая дивизию СС. переброска должна начаться 3 апреля и закончиться 29 апреля. Как мы можем заключить из разведывательных

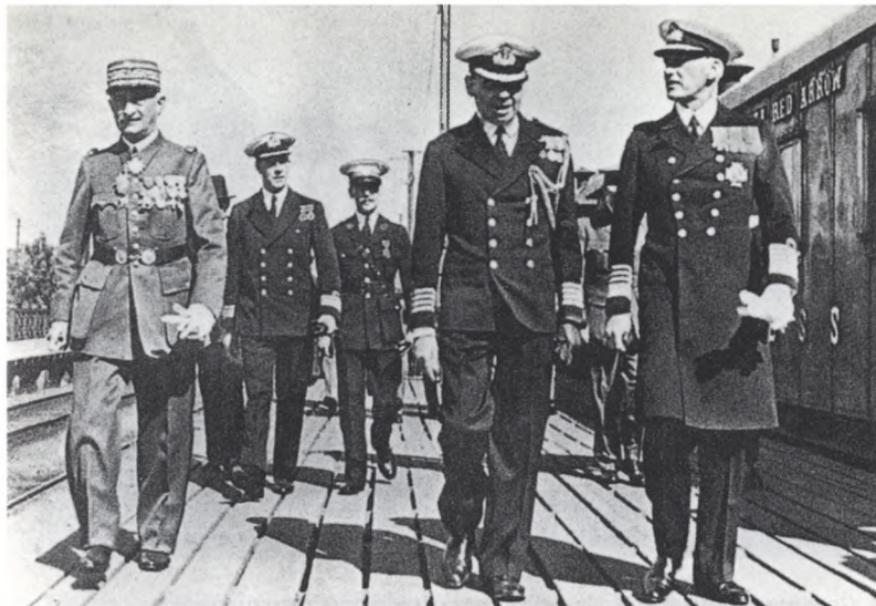
донесений Черчиллю, которые рассекречены только сейчас, именно «С» в своем обычном, лаконичном стиле обратил внимание Черчилля на то, что приказы были изданы еще до переворота в Югославии и что «поэтому интересно знать, будут ли они выполнены». Вряд ли Черчилль был удивлен информацией. Он, разумеется, не направил «тотчас эту важную новость» Сталину, вопреки тому, что он утверждал впоследствии. Вместо этого он поспешил передать суть информации Идену. Он, очевидно, считал, что, имея на руках эту козырную карту, тот сможет убедить не проявлявших энтузиазма греков, турок и югославов выступить единым фронтом против Гитлера²⁹.

Требовалось время, но еще важнее — внешний импульс, чтобы убедиться в огромной важности этих разведанных. Отметим, что Черчилль замещал Идена в Форин оффис во время длительного пребывания последнего на Ближнем Востоке, и поэтому ему доставляли всю важную информацию. Когда Черчилль составил Идену телеграмму с изложением стратегической линии Англии, Кадоган обратил его внимание на информацию, подтверждающую донесение «Энигмы»³⁰. Ему также показали подробную телеграмму Криппса по этому вопросу. Предполагаемая дата вторжения и решение предупредить русских об опасности близки тому, о чем сообщал Криппс в своей телеграмме. Определенный поворот в политике произошел не ранее 30 марта, когда во второй телеграмме Идену более определенно говорится о возможности немецкого вторжения в Россию. Однако это произошло лишь после того, как военно-воздушная разведка и правительственная школа кодирования и шифрования проанализировали донесение «Энигмы» и пришли к единому выводу. Но даже после всего этого Черчилль воздержался от положительной рекомендации кабинету во время неоднократного откладывавшегося обсуждения англо-советских отношений 31 марта, о чем сказано выше³¹.

Решение принять предложение Криппса и ознакомить русских с имеющимися данными окончательно еще не созрело. Скорее всего, Черчилля подтолкнули новые донесения, полученные из Белграда 30 марта и 2 апреля от Самнера Уэллеса, заместителя государственного секретаря

ря США. Они подтвердили информацию из Афин, где после переворота скрывался принц Павел, о том, что во время их встречи 4 марта в Берхтесгадене Гитлер довел до его сведения свое намерение осуществить против России военную акцию. Стало также известно, что Геринг сообщил японскому министру иностранных дел Мацуоке во время его визита в Берлин, что Германия намеревается напасть весной на Россию, независимо от исхода кампании против Англии³². Криппс, уверенный в реальности немецкой угрозы и, как всегда, готовый к действиям, заявил 31 марта, что если информация подтвердится, эти откровения можно «с выгодой здесь использовать». В этой ситуации следует делать четкое различие между оговорками относительно передачи информации, сделанными Криппсом, и оговорками Форин оффис. Криппс был более всего обеспокоен тем, как бы русские не сочли это попыткой втянуть их в войну. Форин оффис считал, что немецкого нападения не будет, и поэтому не хотел делать шаг, который мог бы быть использован немцами на иллюзорных будущих переговорах. Новые данные грозили подорвать общепринятое мнение о том, что советско-германский союз находится в процессе становления. Если русские поверят предупреждению, на повестку дня встанет англо-советское сближение. Неудивительно, что и Кадоган, и начальник северного отдела министерства Лоуренс Кольер отчаянно хватались за традиционные взгляды, повторяя знакомые аргументы, что поскольку немцы усиливают давление, чтобы добиться от русских новых уступок, передача разведанных бесполезна, пока русские не будут «достаточно сильны, чтобы должным образом реагировать на это»³³. Органы разведки также разделяли эту господствовавшую концепцию. 1 апреля военная разведка пришла к выводу, что «движение немецких бронетанковых и моторизованных сил осуществляется, несомненно, с целью усиления военного давления на Россию и предотвращения вмешательства русских в немецкие планы на Балканах»³⁴.

Рассматривая предупреждение Черчилля Сталину, необходимо иметь в виду, что Черчилль до этого проявлял полнейшее равнодушие к русским делам³⁵. Ситуация изменилась после его размышлений над последними данны-

1. Адмирал Дракс и генерал Думенк, возглавляющие союзническую военную миссию, на Ленинградском вокзале в Москве. Авг. 1939 г.

2. Встреча нового германского посла в СССР графа Ф. фон Шуленбурга и чиновников германского посольства на Белорусском вокзале. Москва. 1934 г.

3. После подписания пакта о ненападении с Германией, 24 августа 1939 г.

4. Советско-германский договор о ненападении (страница газеты «Правда»).

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ

Вопрос о ненападении, заключенный между Советским Союзом и Германией, является одним из величайших достижений советской дипломатии. Советско-германский пакт о ненападении и секретный протокол к нему являются величайшим успехом советской дипломатии. Советский Союз и Германия, заключив этот пакт, вступают в новую эру дружбы и сотрудничества. Этот пакт является основой для дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Германией. Советский Союз и Германия, заключив этот пакт, вступают в новую эру дружбы и сотрудничества. Этот пакт является основой для дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Германией.

Советский Союз и Германия, заключив этот пакт, вступают в новую эру дружбы и сотрудничества. Этот пакт является основой для дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Германией.

«К заключению советско-германского договора и подписанию Населов (слева вверху) тов. В. М. Молотов, тов. К. В. Сталин, г-н Адольф Гитлер и г-н Б. Муссолини. Москва, сентябрь 1939 г.»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ.

23-го августа в 3 часа 30 мин. для подписания пакта между СССР и Германией в Берлине и одновременно в Москве в 10 часов вечера была объявлена о заключении пакта о ненападении. Безнападение в отношении тов. Сталина и германского имп. в Штутгарте и провозглашено. 24-го августа в 10 часов вечера была объявлена о заключении пакта о ненападении. Безнападение в отношении тов. Сталина и германского имп. в Штутгарте и провозглашено.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Статья I. В целях укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Германией, а также в интересах мира и безопасности Европы и Азии, Советский Союз и Германия заключили настоящий договор о нижеследующем:

Статья II. Советский Союз и Германия обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в военных действиях друг против друга. Советский Союз и Германия обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в военных действиях друг против друга.

Статья III. Настоящий договор вступает в силу с момента подписания и действует в течение десяти лет. Советский Союз и Германия обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в военных действиях друг против друга.

Статья IV. Советский Союз и Германия обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в военных действиях друг против друга.

Статья V. Советский Союз и Германия обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в военных действиях друг против друга.

Статья VI. Советский Союз и Германия обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в военных действиях друг против друга.

Статья VII. Советский Союз и Германия обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в военных действиях друг против друга.

Статья VIII. Советский Союз и Германия обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в военных действиях друг против друга.

Статья IX. Советский Союз и Германия обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в военных действиях друг против друга.

Статья X. Советский Союз и Германия обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и от участия в военных действиях друг против друга.

ПРИВЕТЬЕ ОТ МОСКВЫ МИНИСТРУ ИНОУСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ Г. ФОН РИББЕНТРОПУ.

23 августа в 3 часа 30 мин. для подписания пакта между СССР и Германией в Берлине и одновременно в Москве в 10 часов вечера была объявлена о заключении пакта о ненападении. Безнападение в отношении тов. Сталина и германского имп. в Штутгарте и провозглашено. 24-го августа в 10 часов вечера была объявлена о заключении пакта о ненападении. Безнападение в отношении тов. Сталина и германского имп. в Штутгарте и провозглашено.

ВЧЕРА НА ВЫСТАВКЕ

Вчера на выставке открылся новый раздел, посвященный пакту о ненападении. В этом разделе представлены материалы, посвященные пакту о ненападении. В этом разделе представлены материалы, посвященные пакту о ненападении.

5. Молотов и Риббентроп после подписания Договора о дружбе и границе между СССР и Германией. 28 сентября 1939 г.

6. Советские и немецкие танкисты перед совместным парадом в Брест-Литовске. Сентябрь 1939 г.

**7. Переговоры
Молотова
и Риббентропа
в Берлине.
12 ноября 1940 г.**

**8. Молотов у входа
в Рейхсканцелярию
во время ноябрьского
визита в Берлин. 1940 г.**

9. Советский посол
В. Деканозов покидает
Рейхсканцелярию после
вручения верительных
грамот. 19 декабря 1940 г.

10. Советский посол
И. Майский и его
«тень» К. В. Новиков.

ТЕЛЕГРАФНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Из Берляна подана 12 час. 52 мин. 29 декабря 1940
 Получена 9 отделом 19 час. 00 мин. 29 декабря 1940

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДПРАЗДЕЛЕНИЯ ГЕНШТАБА
 КРАСНОГО АРМИИ

БЕРЛИН 29 декабря 1940 года.

Сообщил, что от высоко-информированных военных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года.

Дано задание о проверке и уточнении этих сведений.

ВОЕННЫЙ АТТАШЕ

Исполнительный лист

1. Адресату.	6. <i>Г. Сидоров</i>	11. _____
2. <i>Т. Павфилову.</i>	7. <i>Г. Сидоров</i>	12. _____
3. <i>Т. Дубянину</i>	8. <i>Г. Сидоров</i>	13. _____
4. <i>Г. Милославский</i>	9. _____	14. _____
5. <i>Г. Милославский</i>	10. _____	15. _____

11. Доклад генерала Тупикова, советского военного атташе в Берлине о директиве 21 Гитлера (кодовое название «Барбаросса») о нападении на СССР. Декабрь 1940 г.

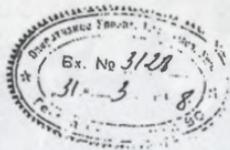
12. Во время подписания Договора о дружбе и ненападении между СССР и Югославией. 5 апреля 1941 г.

13. Подписание Пакта о нейтралитете между СССР и Японией. 18 апреля 1941 г.

ОБЩЕОБЩАЯ КОМИССАР
ОНЫ СОЮЗА ССР

май 1941 г.
№ 501853/св./св.

Сов. секретно.

Особой важности

дедущим № 2

№ документа	4323
№ документа	29
№ документа	3
№ документа	1941 г.

Командующему войсками
Западного особого военного округа.

Копия 1: 1.000.000.

15.15.14

① Уточнить прикрытие авиационно-
войск, сосредоточенных и развернутых
вдоль округа, в 20 мая 1941 г. линиям вост. и
Калининской авиации и Калининской авиационной
разн. авиации.

а) действительная линия обороны государственной
границы от Калининского до
г. Вильну (наз);

б) действительная линия приливовоздушной
обороны.

1. Задачи обороны:

1. немедленно авиационными войсками
наземной и воздушной авиации на
территорию округа;

2. укрепить оборонительные сооружения на
линии границы...

армии.

9. Все документы по плану приписки
поставлены в руки или направляются на
машины легко автоматизированы доку-
ментации и ее разрабатыва.

Примечание - сумма приписки в
валово на карте 1:1.000.000 в одном
мире (только при экв. N1).

Подписанная сторона:

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Начальник Генерального штаба К. К.
Генерал-Армии Т. Жуков.

Верно: Нач. Глав. Освед. Упр. Генштаба К. К.
Генерал-майор Я. Яковлев.

Получено в 2^е экз.

№ 1 агрикации

№ 2 в дела Освед. Упр.

Машина: Генерал-штаба К. К.

Secret

REFERRING TO THIS LETTER
THE FOLLOWING NUMBER SHOULD
BE QUOTED

4. HOUSE OF LORDS,
S.W.1

Rudolf Hess - Preliminary Report

At the request of the Prime Minister and of the Foreign Secretary, I saw this man on Monday afternoon. The interview lasted for 2½ hours, Hess doing most of the talking. He had asked for an opportunity of explaining his "Mission" to a government representative, and he showed himself very willing to reveal his ideas to me, saying that he well remembered that we met in Berlin in March 1935, when I was Foreign Secretary. I had already studied the reports of earlier conversations between Hess and the officers guarding him, and in the light of these and of our own interviews, I have reached some

16. Доклад лорда Саймона Черчиллю о «переговорах» с Гессом, из которого ясно, что тот прилетел по собственной инициативе.

127
130
131

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГЕРМАНСКИМ ПОСЛОМ ШУЛЕНБУРГОМ
5-го мая 1941 г.

5 мая я и т. Павлов были на завтраке у Шуленбурга, на котором кроме посла из состава германского посольства присутствовал только Хильгер. Еще во время завтрака Шуленбург заявил, что перед своим отъездом он был принят Гитлером.

После завтрака состоялась беседа с Шуленбургом, в которой активное участие принял также Хильгер. Вначале Шуленбург осведомился, слышал ли я речь Гитлера. Шуленбург подчеркнул,

что речь Гитлера носила характер отчета о пройденном этапе войны на Балканах. Поэтому в этой речи Гитлер говорил только о странах, которые были так или иначе причастны к войне на Балканах и не упоминал ни об СССР, ни о Франции, ни о Турции.

На мое возращение Шуленбургу, что Гитлер говорил « о Турции, он ответил, что Гитлер о ней говорил лишь вскользь; Шуленбург и Хильгер далее подчеркнули, что Гитлер снова повторил, что Германия не имеет на Балканах территориальных, политических интересов. Она является только заинтересованным наблюдателем за развивающимися там событиями. Затем Шуленбург перешел к изложению своей беседы с Гитлером.

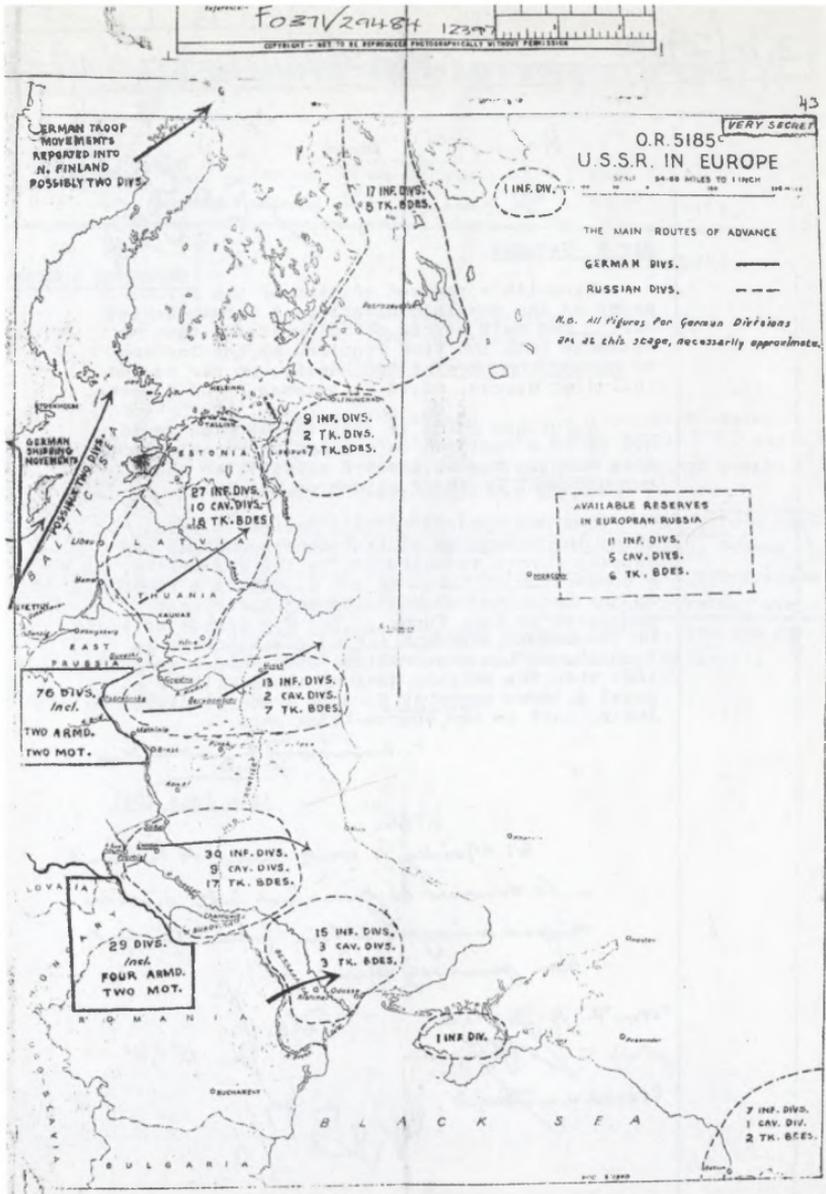
Он сказал, что Гитлеру показалось странным заключение Советским Союзом пакта о нейтралитете и дружбе с Югославией в тот момент, когда Германия была вынуждена принять меры к защите своих интересов. Германия, как великая держава не могла терпеть действий Югославского правительства, которое по прошествии всего лишь нескольких часов после подписания пакта с Германией посадило в тюрьму министров, подписавших пакт, начало оскорблять германских представителей в Югосла-

**18. А. Кадоган,
Р. А. Батлер и лорд
Галифакс, идущие из
Уайтхолла в Парламент.**

**19. С. Криппс, прибыв-
ший на консультации
в Лондон. 18 июня 1941 г.**

20. Карта британской разведки, показывающая немецкие приготовления на советской границе. Была передана Майскому 16 июня 1941 г.

371/29484

XC/2882

COPYRIGHT - NOT TO BE REPRODUCED PHOTOGRAPHICALLY WITHOUT PERMISSION

Minutes.

38

18

Calver Green
CPAS
18/6

Sir A. Cadogan

Herewith a revised edition of the J.I.C. paper on the possible effect of a German-Soviet war. The only points of interest are that we estimate that the time required by the Germans to occupy the Ukraine and Russia, as far as and including Moscow, would be between 3 and 6 weeks.

A further point is that the Germans would not be in a position to attempt an invasion of this country for at least 8 weeks after the commencement of their attack on Russia.

The map annexed to this revised edition shows the strengths of the opposing German and Russian forces as estimated by the War Office. A comparison of this map and M. Maisky's remarks to the Secretary of State during their last interview is very funny. The War Office estimate of the German strength facing the Russians is, I think, on the conservative side, and I suspect that when the balloon goes up there will be at least 4, more probably 6, more armoured divisions taking part in the Moscow-Volga race.

V. Cunningham

15th June 1941

M. Maisky is well-riding, so he cannot
until tomorrow be given such info. as we are
disposed to impart to him (which his Govt.
has presumably already got).

Mr. R. A. Butler.
Mr. C. ...
Northern Dept.

Alb. J. ... 15.6.41

REB 17/6

21. Решение главы Объединенного британского комитета по разведке о передаче Майскому данных британской разведки о начале войны.

ТЕЛЕГРАФНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Из ТОКИО подана 13 час. 30 мин. „ 17 “ июня 1941 г.
 Получена 9 отделом 16 час. 50 мин. „ 17 “ июня 1941 г.

заметок и резолюций

По радио

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЧАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
 ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 15 июня 1941 года

Германский курьер сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает - будет война или нет.

Я видел начало сообщения в Германии, что в случае возникновения германо-советской войны, Японии потребуется около 6 недель, чтобы начать наступление на советский Дальний Восток, но немцы считают, что японцы потребуют больше времени потому, что это будет война на суше и море (конец фразы искажен).

ЗОРГЕ

опуск 24.27, г. 2, - 454

22. Донесение выдающегося советского разведчика в Токио Рихарда Зорге о нападении Германии.

23. Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп сообщает на пресс-конференции о начале войны против СССР. 22 июня 1941 г.

24. Подписание документов конференции представителей СССР, Великобритании и США. Москва, 1941 г.

ми, свидетельствовавшими об изменении всей стратегии Германии. Однако неожиданное вмешательство Черчилля было в немалой степени капризом и не учитывало деликатности политической ситуации, в которую должно было вписаться его послание. Сделав это, он направил Москву по ложному пути, что привело к серьезным просчетам в реакции на немецкую угрозу. 3 апреля наконец составили послание, которое должно было привлечь внимание Сталина к изменившейся ситуации. В послании говорилось:

«Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы, после того как они решили, что Югославия находится в их сетях, т.е. 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех бронетанковых дивизий из пяти находящихся в Румынии. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше Превосходительство легко оценит значение этих фактов».

Послание было, как удачно выразился Черчилль, «коротким и загадочным»; его «краткость и исключительный характер», вспоминал он позднее, имели цель «придать ему особое значение и приковать внимание Сталина»³⁶.

Форин оффис, выступая в роли канала связи между Черчиллем и послом в Москве, упорно придерживался своей концепции и не спешил соглашаться с новым поворотом событий. Сарджент и Кадоган, явно опасаясь, что, если Криппс получит беспрепятственный доступ к Сталину, то возьмет на себя больше, чем это было необходимо, поспешили разъяснить ему «линию поведения». Поскольку Криппс не знал источника сведений, инструкции Форин оффис могли только ослабить эффект, на который рассчитывал Черчилль. В инструкциях прослеживаются два направления мысли: самого Черчилля и скептиков из Форин оффис. Кадоган начал с того, что остановился на сути предостережения Черчилля:

«Изменение расположения немецких войск явно наводит на мысль о том, что приняв участие в делах Югославии, Гитлер отложил ранее взятые им на вооружение планы запугивания Советского правительства. Если это

так, Советское правительство может использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своих позиций. Данная отсрочка свидетельствует о том, что силы противника не безграничны, и указывает на преимущества, которые проявятся в случае принятия ряда мер, таких, как например, создание «единого фронта»».

Бросается в глаза туманный характер заявления. Во втором параграфе Кадоган утверждал, что усиливая давление, Гитлер надеется добиться дальнейших уступок, на самом деле не собираясь нападать на Россию. Проект инструкций был по-прежнему столь несовершенен, что Черчилль сам заменил параграф, подчеркнув военный аспект данной информации. Но даже и после этого в инструкциях не содержалась мысль о необходимости срочных действий, к чему стремился Черчилль, и они не соответствовали его интерпретации новых разведданных. Однако, если предупреждение Черчилля, как и предложение Криппса, не содержало призыва помочь Англии в ее тяжелом положении в Юго-Восточной Европе, то в инструкциях эта мысль явно прослеживается:

«...2. Лучшим способом укрепления Советским Правительством своих позиций было бы оказание материальной помощи Турции и Греции, а через посредство последней и Югославии. Эта помощь могла бы увеличить трудности немцев на Балканах и еще отсрочить нападение немцев на Советский Союз, чему имеется так много признаков. Если же не воспользоваться шансом и не вставить палку в немецкое колесо, опасность может вновь возникнуть через несколько месяцев.

3. Не примите это за наше стремление получить помощь Советского правительства или ожидание, что русские будут действовать в чьих-то интересах, а не в своих собственных. Мы хотим лишь, чтобы они поняли, что Гитлер намерен рано или поздно напасть на них, если будет в силах сделать это...»³⁷.

Югославская интерлюдия

Черчилль вводит читателей в заблуждение, заставляя их поверить, что он не получал никаких сведений от Криппса до 12 апреля³⁸. Настораживает также преднаме-

ренное забвение им драматического поворота событий в Югославии в тот самый день, когда его предупреждение достигло британского посольства в Москве, в результате чего его предостережение стало излишним. Происшедшие события целиком изменили соотношение сил в Юго-Восточной Европе, установив там полную гегемонию Германии и устранив английское и русское присутствие. Последствия этих событий для внешней политики и их влияние на военные приготовления Советского Союза были огромны.

Подписывая с Югославией соглашение — о чем Молотов поспешил проинформировать Шуленбурга, — русские надеялись опередить немцев и не допустить повторения болгарского прецедента, случившегося за месяц до этого. Этот акт во многом служил Сталину лакмусовой бумагой для определения немерений немцев. Фактически же это была его последняя перед войной попытка подойти к Германии как к равному партнеру. Шуленбург в спешном порядке сообщал Гитлеру, что Сталин надеется, что упреждающий шаг убедит германское правительство сделать «в своих отношениях с Югославией все возможное для поддержания мира»³⁹.

Несмотря на то, что Белград оказался в незавидном положении, став жертвой стремления Венгрии и Италии к пересмотру границ, он не собирался присоединяться к Тройственному пакту, особенно после того, как поражение Италии в Албании временно ослабили угрозу. Югославия стала для Гитлера ключом, с помощью которого он стремился достичь Восточного Средиземноморья⁴⁰. Хотя позднее Гитлер объяснял вероломное нападение на Югославию подписанием ею договора о ненападении с Россией, вторжение в Югославию было продиктовано проведением в жизнь операции «Марита» — захвата Греции. Нарращивание сил отставало от графика, и переброска войск через Югославию имела решающее значение для осуществления в начале лета плана «Барбаросса». Однако 14 февраля на переговорах Югославия твердо отстаивала идею создания нейтрального балканского блока⁴¹. Но война нервов набирала обороты. Югославия, видимо, не могла хладнокровно взирать на огромное наращивание немецких войск в Румынии. 4 марта принц Павел подвергся со стороны

Гитлера обычной обработке запугиванием и лестью. Гитлер высказался о намерении силой захватить Россию и разъяснил ему, что балканская проблема не решена и Югославия после вывода немецких войск получит свою долю «добычи» в Салониках. 25 марта Югославия, наконец, присоединилась к Тройственному пакту, хотя и на условиях, которые делали ее участие призрачным, гарантируя Германии безопасность правого фланга, но не позволяя вермахту перебрасывать немецкие войска через ее территорию.

В этих условиях вряд ли можно недооценить значение переворота, совершенного в Белграде 27 марта. Миллионная югославская армия создавала теперь угрозу тому самому флангу, который Гитлер столь тщательно оберегал, и тем самым нарушала график вторжения в Грецию и развертывания войск для операции «Барбаросса». Хотя новое правительство сразу не заявило о выходе из Тройственного пакта, Гитлер приказал своим начальникам штабов оккупировать страну еще до начала переговоров между Россией и Югославией. Из инструкций, данных фельдмаршалу Паулюсу, становится ясным вспомогательный характер новой операции, которая подобно «Марите» должна была защитить правый фланг вермахта в готовящейся кампании против России. Развертывание сил началось 28 марта и вряд ли могло ускользнуть от внимания Сталина.

6 апреля Белград подвергся сокрушительной бомбардировке. Три дня спустя немецкие войска сломали сопротивление югославов в Скопле и захватили Салоники. Благодаря успехам на этом фронте и продвижению бронетанковых войск генерала Клейста к Белграду 2-я армия смогла совершить быстрое наступление на своем участке. Вечером 10 апреля, на два дня раньше графика, немецкие войска завершили оккупацию Загреба, а 13 апреля целиком овладели Белградом. По такому же сценарию развивались военные действия в Греции, и 23 апреля, после самоубийства премьер-министра, греческая армия капитулировала. Не лучше проявили себя и англичане. 16 апреля началось их отступление; 25 апреля над Акрополем взвился флаг со свастикой, а четыре дня спустя вступлением немецких войск на южную оконечность Пе-

лопонесского полуострова была завершена одновременная кампания против Югославии и Греции⁴². После этого 20 мая на Крит был сброшен немецкий десант. 27 мая пала Кания, а к 1 июня последний британский солдат был эвакуирован из Суда-бея.

Рано утром 5 апреля русские и югославы, проявив мужество, заключили договор о ненападении, который можно было считать упреждающим шагом, направленным против Германии⁴³. Подписание договора нарочито проходило в Кремле. Примечательно, что Сталин, казалось, осознавал грозящую со стороны Германии опасность. В день подписания договора военный атташе Югославии спросил его, какие меры будут приняты против немецкой угрозы. Сталин ответил, что русские войска «находятся в состоянии готовности, и если немцы перейдут в наступление, то получат удар по лбу». Он считал, что война будет затяжной. Кроме того русские согласились оказать Югославии помощь, что, по мнению Форин оффис, означало, что они «сжигают за собой мосты»⁴⁴.

Однако в конечном итоге русским пришлось столкнуться с жестокой реальностью, когда пришло известие о сокрушительной бомбардировке Белграда и вторжении немецких войск в Югославию и Грецию. Тем не менее «Правда» и «Известия» днем вышли в свет с большими фотографиями Сталина, Молотова и югославского посла в Москве Гавриловича, скрепляющих договор своими подписями, и комментарием о том, что стремление югославов защищать свои интересы «не может не вызвать симпатий Советского Союза».

Ход событий подтвердил твердое убеждение Криппса о том, что создание действенной буферной зоны было и остается приоритетным направлением советской внешней политики, что русские прекрасно отдают себе отчет о грозящей опасности⁴⁵.

Утром 5 апреля Криппс сообщил Черчиллю, что «в создавшихся условиях и речи быть не может о передаче какого-либо послания Сталину». Он напомнил Черчиллю, что его не допускают к Сталину с того времени, как он в первый и последний раз видел его в июле 1940 года. Убежденный этим аргументом Черчилль согласился, чтобы послание было передано вместо Сталина Молотову⁴⁶.

Однако навстречу его телеграмме уже шла телеграмма от Криппса. События в Югославии поставили под серьезное сомнение целесообразность передачи предупреждения. Криппс сообщил Черчиллю о широком оповещении русскими соглашения и о значении, которое они ему придавали. В Москве пошли на беспрецедентный шаг, задержав до полудня публикацию ведущей газеты, чтобы успеть включить в нее фотографию церемонии подписания договора. Хотя общий комментарий носил спокойный характер и призывал к прекращению военных действий, что, несомненно, было адресовано немцам, в нем особо подчеркивалась уверенность России в собственных силах и приветствовалось стремление Югославии обезопасить свои границы. В комментарии содержалось осуждение — без упоминания адресата — попыток вовлечь другие народы в орбиту войны. Ввиду того, что русские, несомненно, понимали поджидающую их за углом опасность, Криппс просил Черчилля пересмотреть решение о передаче предупреждения. Он, а также греческий, турецкий и югославский послы уже напичкали Сталина подобной информацией. «В сложившихся обстоятельствах, — категорически заявлял Криппс, — считаю ненужным вмешиваться в очередной раз в момент, когда все складывается как нельзя лучше в нашу пользу». Вслед за оговорками Криппса поступили новые инструкции, советовавшие ему передать послание Молотову. Форин оффис, который по совершенно иным мотивам не проявлял желания предупреждать русских об опасности, быстро согласился с убедительными доводами Криппса отложить отправку послания⁴⁷.

Дело пустили на самотек. Слишком явно проявилось нежелание министерства иностранных дел Англии менять свою точку зрения в результате происходящих на Балканах событий. Стремление Черчилля вмешаться в события породило предложение снабдить Криппса подборкой свежих донесений, которые оказались бы бесценными, если бы русские среагировали на них доброжелательно. Однако незыблемый исходный пункт о неминуемом советско-германском союзе по-прежнему довлел над объективным суждением. В связи с большим значением, которое придавал Черчилль предупреждению русских об опасности, стоит привести довольно длинную цитату из оценки разведдонесений, данной Объединенным комитетом по разведке, суть которой заключалась в следующем:

«Тем не менее следует иметь в виду следующее:

1. Эти донесения могут быть состряпаны немцами как часть войны нервов.

2. Немецкое вторжение привело бы к такому хаосу в Советском Союзе, что немцам пришлось бы организовывать на оккупированных территориях все заново, а это означало бы потерю ресурсов, которые они сейчас получают из Советского Союза в любом количестве и будут получать в обозримом будущем...

3. Потенциал Германии, каким бы огромным он ни был, не позволит ей продолжать кампанию на Балканах, поддерживать на нынешнем уровне нанесение воздушных ударов по Англии, продолжать наступательные действия против Египта и одновременно вторгаться, оккупировать и реорганизовывать значительную часть Советского Союза.

4. До настоящего времени не получено сведений о перемещении немецких самолетов к советской границе, что является необходимой предпосылкой для ведения боевых действий против Советского Союза...

5. Имеются данные о том, что германский генеральный штаб противится войне на два фронта и выступает за то, чтобы прежде чем напасть на Советский Союз, вывести из строя Англию.

6. Только что заключено советско-германское соглашение о поставках нефти на 1941 год».

Авторитетный председатель комитета Кавендиш-Бентинк, отвергая идею передачи материала России, пришел в конечном итоге к выводу, что донесения об угрозе немецкого нападения — это всего-навсего «мешанина, состоящая в основном из неподтвержденной и абсолютно неверной информации». Немногочисленные свидетельства относили «не к намерениям, а к подготовке». Политическая концепция, отвергавшая данные о советско-германском столкновении, заставляла упорно цепляться за неподтвержденные отрывочные сведения, указывающие на возможность советско-германского союза⁴⁸.

В то время как в Лондоне преобладала подобная оценка, Криппс, воспользовавшись благоприятным моментом, передал Сталину через Гавриловича полученную от принца Павла информацию. Югославский посол подтвердил, что русские восприняли ее серьезно. Действительно, перехваченные телеграммы турецкого посла Акая

подтвердили Москве сведения, полученные через шведов и из откровений Гитлера с Павлом. Фактически большинство источников англичан, кроме «Энигмы» — которая ни при каких условиях не подлежала раскрытию — были в распоряжении русских⁴⁹. Сталин получал с Балкан подробные отчеты о передвижении войск, и Черчилль мало что мог к этому добавить. Сталин также знал о «пробках» на основных железнодорожных магистралях, вызванных переброской войск. По имеющимся данным, у западных границ России было сосредоточено до 100 дивизий⁵⁰.

Просить специальной встречи с Молотовым, возражал Криппс, означало бы дать ему повод думать, что «я пытаюсь создать неприятности Германии. Это могло бы резко ослабить сильное впечатление от беседы Гитлера с принцем Павлом». Неожиданно Черчилль не согласился с возражениями Криппса, настаивая, что его «долг» заставить Сталина поразмышлять — даже если у него есть информация из других источников — над тем, что «использование немецких бронетанковых дивизий на Балканах отсрочило угрозу и предоставило России передышку. Чем больше поддерживать балканские государства, тем сильнее увязнут там гитлеровские войска». Вновь предупреждение было напрямую связано с поддержкой, которую Англия ожидала от Сталина на Балканах⁵¹.

8 апреля в ответ на предложение встретиться с Молотовым Криппс вновь привел прежний аргумент и вдобавок данные о том, что русским сообщено о содержании интервью принца Павла с Гитлером, «которое они, несомненно, сочли правдивым и которое произвело на них большое впечатление». От военных атташе в Москве и Анкаре действительно поступили сведения о частичной мобилизации Красной Армии. Если добиваться специальной встречи со Сталиным, считал Криппс, то Сталин может связать это с событиями в Югославии и прийти к выводу, что Англия «пытается поссорить Россию с Германией»⁵². Криппс не получил определенных инструкций в ответ на свой первый запрос, и Кадоган теперь склонялся к тому, чтобы вообще отменить ознакомление русских с предупреждением. Однако, неожиданно вмешался Черчилль; игнорируя доводы Криппса, он вновь заявил, что его «долг» ознакомить Сталина с фактами. Важность фактов не

уменьшится от того, что они или передача их будут «нежелательны». Криппсу соответственно были направлены на этот счет инструкции, в которых подчеркивалось военное значение передышки, которую получила Россия, когда Гитлер завяз на Балканах. Хотя инструкции Черчилля были обязательны для исполнения, Иден в свой первый рабочий день после возвращения из поездки по Ближнему Востоку изучил накопившиеся документы и в последний момент внес исправление, поручив Криппсу передать это послание, но оставив за ним тем не менее последнее слово. Теперь первый параграф гласил: «Премьер-министр по-прежнему считает, что послание должно быть направлено (и далее Иден вставил:), и я надеюсь, вы теперь сумеете это сделать». Странно, что рассказ об этой откровенной торговле совершенно отсутствует в мемуарах Черчилля⁵³.

Несанкционированное вмешательство Криппса

Хотя Черчилль преподносит свое предупреждение как акт исключительной важности, не следует забывать, что продолжительный спор по поводу его передачи был связан с напряженной деятельностью на международной арене, о чем он в своих мемуарах совершенно не упоминает. Напрасно Криппс пытался добиться от правительства определения политического курса по отношению к России на случай перемен в международном сообществе. После подписания советско-югославского договора, что совпало по времени с посланием Черчилля Сталину, Криппс возобновил лоббирование в пользу фактического признания контроля России над Прибалтикой. В своих мемуарах Иден конкурирует с Черчиллем за почетное право быть первым, кто закладывал основы «великого союза». Германские намерения и многогранная деятельность России по обузданию немецкой агрессии свидетельствовали о том, что «настало время для улаживания отношений» с Россией, которые, как заверяет нас Иден, были для Англии «высоко приоритетными»⁵⁴. Однако дела обстояли иначе. Кадоган без труда убедил Идена отвергнуть предложения Криппса. События, о которых рассказывает Иден в своих мемуарах, преднамеренно не рассматривались как «определенные свидетельства» того, что русские отказались от политики сотрудничества с Германией. Напротив,

Иден по-прежнему считал, что Сталин готов скорее уступить угрозам Гитлера, чем идти на прямой разрыв, и не собирался «делать ненужные жесты». Роль же Криппса сводилась к пристальному отслеживанию событий и определению поворотных моментов, когда можно будет осуществить перемены в отношениях.

Чувствуя, что возможность ускользнула, Криппс стал теперь жаловаться, что «ему дали мало карт для разыгрывания вариантов, и почти все козырные карты забрало Правительство Его Величества». Оставшись при своих интересах, Криппс намеревался, как он писал домой, «сделать по своей инициативе все возможное, если только я смогу заставить этих людей выслушать меня»⁵⁵. 11 апреля Криппс начал действовать по своему усмотрению. Он передал заместителю министра иностранных дел Андрею Вышинскому личное послание, в котором обращал внимание русских на опасность создания зон безопасности на своих границах вместо того, чтобы гарантировать нейтралитет Балкан в целом. Послание было отправлено еще до серьезных неудач британских войск в Греции, однако при его обсуждении с учетом последующей катастрофы оно могло лишь усилить подозрения Сталина в том, что его вовлекают в войну ради ослабления давления на Англию. Самым важным отрывком послания Криппса была следующая рекомендация:

«Поэтому кажется, что настоящий момент является самым критическим с точки зрения Советского Правительства, так как неизбежно возникает вопрос, стоит ли ждать и затем встречать неразделенные силы германских армий одному, когда они выберут время взять инициативу в свои руки, или не было бы лучше принять немедленные меры — объединить Советские силы с еще не завоеванными греческой, югославской и турецкой армиями с учетом помощи, которая осуществляется со стороны Великобритании как в отношении войск, так и материалов. Эти армии насчитывают около 3 миллионов человек и сдерживают большое количество германских сил в сложной местности»⁵⁶.

Фактически Криппс довел до сведения русских основную мысль послания Черчилля о том, что это — «видимо,

последняя возможность для Советского Правительства принять меры для предотвращения прямого нападения немецких армий на его границы»⁵⁷.

Лишь после того, как Криппс по собственной инициативе предупредил русских об опасности, он получил от Идена указание довести до их сведения предостережение Черчилля. Передав только что очень похожую информацию и выслушав не забытое им до сих пор высказывание Вышинского о том, что отношение британского правительства препятствует проведению политических дискуссий, Криппс утверждал, что «более краткое и менее выразительное» послание Черчилля «не только будет неэффективным, но и окажется серьезной тактической ошибкой». Русские, повторял он, прекрасно осведомлены об упомянутых в послании фактах и заподозрят, что проводится в жизнь тщательно спланированный сговор, чтобы вовлечь их в войну⁵⁸.

Самоуправство Криппса привело Черчилля в ярость, когда он получил от него совет отказаться от послания, так как «оно может лишь ослабить впечатление, уже произведенное моим письмом Вышинскому. Я уверен, что Советское правительство не поймет, почему в такой официальной форме направляется столь краткий и отрывочный комментарий уже известных им фактов без какого-либо конкретного запроса об отношении Советского правительства или предложения им тех или иных действий». Криппс старался разубедить Черчилля в необходимости такого шага, который «не только будет неэффективным, но и окажется серьезной тактической ошибкой». Хотя Форин оффис был поражен необъяснимой «самостоятельностью» Криппса, выразившейся в составлении официального политического послания Вышинскому, они не могли не согласиться с тем, что «краткое и отрывочное послание» Черчилля было неуместным и его не следует направлять.

15 апреля Иден ознакомил Черчилля с последними сообщениями Криппса и заявил, что «в доводах сэра С.Криппса против направления русским вашего послания есть определенное рациональное зерно». Поэтому Иден предложил премьер-министру отказаться от послания и дать указание Криппсу встретиться с Вышинским, если будет получен положительный ответ. Однако до сих пор

Черчилль отвергал все советы. Он сообщил Идену, что придает «особое значение доставке моего личного послания Сталину. Я не могу понять, почему этому противятся. Посол не понимает военного значения этого факта. Прошу вас предпринять усилия в этом направлении». Прошло еще какое-то время, пока Идена не было в Лондоне, и лишь 18 апреля Криппс получил окончательное указание доставить послание по назначению, несмотря на свои возражения. Для этого он мог использовать любой из имеющихся каналов и присовокупить дополнительные комментарии Форин оффис, которые «по-прежнему остаются в силе»⁵⁹. Предупреждение попало к Сталину в Кремль лишь 21 апреля.

Весьма сомнительны выраженные задним числом претензии Черчилля и Идена, что предупреждение неразрывно связано с закладкой фундамента «великого союза». Вынашиваемую министерством иностранных дел Англии политическую концепцию не смогли поколебать ни драматические события этого периода, ни скопившиеся донесения разведки, ни вмешательство Черчилля. Отношение «строгой сдержанности» и отказ начинать новые переговоры оставались официальной политикой правительства. По настоянию Криппса Иден все же проинформировал 21 апреля кабинет о своих намерениях начать новые переговоры, однако добавил, что «не очень-то надеется на положительные результаты». Он не собирался «настраивать Советы на благожелательный лад» по отношению к Англии в надежде, что «из этого что-нибудь получится»⁶⁰. Черчилль же, как будто забыв о мотивах, которыми руководствовался, настаивая на передаче своего предупреждения Сталину, не считал, что нужно предпринимать «отчаянные попытки» для демонстрации «любви», а выступал лишь за «невозмутимую сдержанность»⁶¹. Поэтому Иден поспешил согласиться с премьер-министром, что «новые усилия в отношении России сейчас ни к чему не приведут»⁶².

Постскриптум

Весьма сомнительно, что послание Черчилля Сталину является предупреждением. Также можно усомниться в большом военном значении, которое Черчилль придавал своему посланию. Черчилль всегда настаивал, что его

послание скорее имело цель продемонстрировать недостатки и слабости немецкой армии, чем предостеречь русских о намерениях Германии. Он, видимо, недооценивал возможности немцев. Если бы русские действовали в соответствии с рекомендациями послания, последствия были бы теми же, как это было прекрасно продемонстрировано блестяще проведенной кампанией вермахта в Югославии и Греции. Когда замышлялась операция «Марита», у германского верховного командования под рукой было огромное количество войск. Естественно, подготовка к осуществлению плана «Барбаросса» была нарушена, но для проведения военных акций в Югославии и Греции были фактически задействованы всего 15 дивизий из огромной мощи в 152 дивизий, предназначавшихся для России. В связи с медленной подготовкой военного наращивания по плану «Барбаросса» большая часть дивизий, которые должны были быть направлены для участия в кампании против России, еще не отбыли к местам своей новой дислокации. Практически лишь 4 дивизии были откомандированы на юг еще до их запланированного развертывания на Востоке. Из пяти дивизий, предназначенных для использования на юге, лишь 14-я дивизия, передислокация которой насторожила Черчилля, начала движение на восток до того, как пришел приказ изменить курс. Как очень убедительно доказал Ван Кревельд, разбивая распространенный миф⁶³, отвлечение войск в Грецию отнюдь не нарушило боеспособность вермахта, а лишь совсем на немного отсрочило подготовку «Барбароссы»⁶⁴.

Обстоятельства, вынудившие Черчилля давать несколько искаженную картину передачи своего предупреждения русским, тесно связаны с двумя весьма острыми поворотами событий, которые по совпадению пришлись на октябрь 1941 года: беспрецедентным вызовом, брошенным Криппсом руководству Черчилля, и усилением недовольства Сталина отсутствием серьезных военных усилий Англии во время наступления немцев на Москву. Такое сочетание обстоятельств угрожало позициям Черчилля в связи с широкой народной поддержкой России в Англии и разочарованием в деятельности военного кабинета среди ближайших коллег Черчилля, особенно Бивербрука и Идена. В мемуарах Черчилля фактически ничего не го-

ворится об брошенном вызове. Криппс жаловался по поводу «дерзких и некомпетентных телеграмм», «недостойных» Черчилля. Он продолжал осуществлять подкоп под стратегию Черчилля, назвав ее ведением «двух мало связанных между собой войн, к большому удовлетворению Гитлера, вместо единой войны на основе общего плана». Черчиллю стало ясно — и об этом он сказал Бивербруку — что Криппс «стряпает против нас дело»⁶⁵. Постоянное стремление Криппса к обходным маневрам достигло апогея в середине октября, когда Комитет обороны, бывший до той поры оплотом Черчилля, высказался в пользу размещения в Закавказье двух дивизий, ранее предназначенных для отправки в Северную Африку⁶⁶.

Происхождение версии Черчилля о его предупреждении Сталину восходит к этому бурному периоду. Ее появление было вызвано воспоминанием Бивербрука о жалобе Сталина на конференции в Москве в начале месяца о том, что его не предупредили о «Барбароссе». В письме к Бивербруку разгневанный Черчилль назвал «наглостью» попытки Криппса в апреле месяце воспрепятствовать отправке его послания. Размышляя об эпизоде в целом, Черчилль возложил на Криппса «огромную ответственность» за «упрямую, деструктивную позицию в этом вопросе»⁶⁷. Гнев, конечно, не имеет прямого отношения к предупреждению, но отразил имевшую место до этого перебранку и обмен колкостями. Черчилль, кроме того, воспользовался случаем, чтобы снять с себя вину за то, что его отношения со Сталиным дошли до такого неудовлетворительного состояния. Если бы Криппс следовал его указаниям, утверждал Черчилль, «то удалось бы установить какие-то отношения между ним и Сталиным». Такая интерпретация, данная спустя полгода после событий, сама по себе не учитывала политическую атмосферу середины апреля. Обвинения Черчилля настолько необоснованны, что их оспаривал даже Иден, известный своей робостью перед Черчиллем. Он деликатно довел до сведения Черчилля, что в тот период «русские не были настроены получать какие-либо послания... Такое же отношение было проявлено к более поздним посланиям, которые я передавал Майскому»⁶⁸. Несмотря на эти оговорки, обмен письмами с Бивербруком был полностью включен в военные мемуары Черчилля почти дословно, за исключением защиты Иденом Криппса.

Интересно сравнить дилемму, стоявшую перед Криппсом, с положением Лоуренса Стейнхардта, его американского коллеги в Москве, оказавшегося в середине марта в подобной ситуации. Не находившиеся в то время в состоянии войны американцы имели лучшие по сравнению с другими странами источники получения разведанных в Берлине и во всей Юго-Восточной Европе. К началу марта у них накопилось немало информации о подготовке немецких войск к нападению на Россию, чтобы довести ее до сведения Советского правительства. Взвесив все «за» и «против», Стейнхардт разубедил государственного секретаря США К.Хэлла в целесообразности подобных действий, аргументируя это тем, что такой шаг будет рассматриваться Россией как «неискренний и предвзятый»⁶⁹.

Примечания

¹ См. например, Erickson, *The Road to Stalingrad*, p. 74; Н. Hanak, «Sir Stafford Cripps as British ambassador in Moscow, May 1940 to June 1941», *English Historical Review*, CCCLXX (1979), p. 69.

² Churchill, *The Second World War*, pp. 316, 319—23.

³ FO 371 29497 N159/88/38, телеграмма Криппса 11 янв.; Cripps papers, письмо дочери Диане, 10 янв. и письмо жене Исабель, 1 февр. 1941.

⁴ Cadogan, *Diaries*, pp. 345, 347, 372; см. также W.P. Crozier, *Off the Record: Political Interviews, 1939—44*. London, 1973, p. 208. В отношении мифа о том, что Иден поддерживал Советский Союз см. D. Carlton, *Anthony Eden: A Biography*. London, 1981, pp. 16, 63, 86—8, 149, и о Ближнем Востоке pp. 170—72.

⁵ См. наст. изд. с. 110—111.

⁶ См., например, FO 371 29500 N262/122/38, Иден—Криппсу 21 января и 29463 N29/3/38, телеграмма Мэллета, 16 янв.; State Dept. 740.0011 EW 39/79809, телеграмма от Стерлинга (Швеция) 25 янв. 1941.

⁷ PREM 3/395/16, 22 Feb. 1941.

⁸ Подробный отчет об этом содержится только в записях Криппса, дневнике путешествий (начало марта 1941) и в его письмах к дочери Диане от 26 февр. и 8 марта; FO 371 29500 N1164/122/38, а также в подборке бесед Криппса от 9 марта 1941 г. Иден лишь мельком говорит об этом эпизоде в *The Eden Memoirs: the Reckoning*. London, 1965, p. 208.

⁹ Barker, *British policy in South-East Europe*, p. 78—108.

¹⁰ FO 371 29464 N1526/3/38 and FO 837/1098, телеграммы Криппса 23 и 29 марта 1941.

¹¹ CAB 65/18 33⁴¹⁷ 31 Mar. 1941.

¹² FO 371 29479 N1360/3/38, 2 Apr. 1941.

¹³ FO 371 26518-19 и 29479 заполнены такими сведениями и оценками.

¹⁴ J. Herndon, «British Perceptions of Soviet Military Capability, 1935—39» в неопубликованных материалах.

¹⁵ См. наиболее откровенное и авторитетное исследование. F.H. Hinsley et al., *British intelligence in the Second World War*. 3 vols., London, 1979—84, Vol. I, pp. 237—41; P.R.O. FO 371 29479 N107, N255 и N286/78/38, Записи Маклина, Кольера, Кадогана Идена, 10 и 18 янв. 1941.

¹⁶ FO 371 29528 N648/648/38 20 янв. и записи Маклина и Кольера, 22 и 23 февр. 1941.

¹⁷ Ibid. 26518 C2317/19/18, 7 Mar. 1941.

¹⁸ FO 371 C2222/19/18, телеграммы О'Мэлли, Галифакса и Мэллета, 6 и 7 марта, и записи Кавендиш—Бентинка, Стренга, Кадогана и Кольера 9, 10, 11 и 12 марта 1941

¹⁹ FO 371 29135 W3205/53/50, 19 Mar. 1941.

²⁰ FO 371 26518 C2924/19/18, Криппс—Форин оффис, 24 марта 1941.

²¹ О взглядах Криппса см. State Dept., 740.001 1 EW/39/8919, tel. from Steinhardt, 7 Mar. 1941; V. Assarasson, *I Skuggan av Stalin*. Stockholm, 1963, p. 56; G. Gafencu, *Prelude to the Russian campaign*. London, 1945, pp. 134—6; W. Duranty, *The Kremlin and the People*. New York, 1942, pp. 151—2; A. Werth *Moscow 1941*. London, 1942, p. 133; H. Elvin, *A Cockney in Moscow*. London, 1958, p. 54.

²² О точности информации см. B. Whaley, *Codeword Barbarossa*. Cambridge, Mass., 1973, pp. 50—1.

²³ FO 371 26518 C2919/19/18, Криппс—Форин оффис и памятные записки, 24—28 марта 1941.

²⁴ FO 371 29479 N1367/78/38, донесение военного атташе в Берне 24 марта 1941 и записи майора Темплина, эксперта по русским делам МИ2, 31 марта 1941.

²⁵ Hinsley, *British Intelligence*, Vol. I, pp. 446—50.

²⁶ См. наст. изд. с. 162—169.

²⁷ Churchill, *Second World War*, p. 319.

²⁸ *ibid.*, and D. Dilks (ed.), *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938—45*. London, 1965, p. 367.

²⁹ В декабре 1993 года английское правительство раскрыло архивы, содержавшие необработанные разведанные, подготов-

ленные для Черчилля. Данный отчет основан на материале, содержащемся в HW 1/3, 28 марта 1941.

³⁰ Cadogan, *Diaries*, p. 367.

³¹ Hinsley, *British intelligence*, Vol. I, p. 451.

³² FO 371 29479 N1354/78/38, Галифакс-Форин оффис, 2 апр. 1941.

³³ 24 P.R.O. FO 371 29479 N1316, N1324/78/38 и записи от 3 апр. 1941.

³⁴ WO 190/983; FO 371 29135 W3859/53/50.

³⁵ См., например, его оппозицию визиту Идена в Россию, PREM 3/395/16, телеграмма Идену от 22 февраля 1941.

³⁶ Churchill, *Second World War*, Vol. III, pp. 320—1; PREM 3/403/7.

³⁷ FO 371 29479 N366/78/38, телеграмма Криппса и записка Кадогана 4 апр. 1941.

³⁸ Churchill, *Second World War*, Vol. III, p. 321.

³⁹ DGFP, 1918—1945, XII, pp. 451—452, Шуленбург — МИД, 4 апр. 1941.

⁴⁰ Van Creveld, *The Balkan Clue*, p. 65.

⁴¹ DGFP, XII, p. 84, переговоры Гитлера с принцем Павлом.

⁴² Согласно самому лучшему описанию кампании в кн. Van Creveld, *The Balkan Clue*, p. 160—65.

⁴³ Майнер на с. 118—119 высказывает совершенно невероятную мысль о том, что заключение договора с Югославией имело целью не сдержать, а наоборот втянуть Германию в войну, которая отвлекла бы ее внимание и отсрочила нападение на Россию.

⁴⁴ FO 371 29544 N1401/1392/38 and 29479 N1659/78/38, телеграммы от Криппса 6 и 16 апр. и записка 7 апр. 1941.

⁴⁵ *ibid.*, N1392/1392/38, телеграмма от Криппса. 6 апр. 1941.

⁴⁶ FO 371 29479 N1397/78/38, Криппс — Черчиллю, 5 апр. 1941.

⁴⁷ FO 371 29479 N1429/78/38 FO 371 29479 N1429/78/38, Криппс—Черчиллю, 5 апр. 1941.

⁴⁸ FO 371 29479 N1364/78/38 и 29465 N1713/3/38, 12, 15 and 19 Apr. 1941.

⁴⁹ Доклад НКВД в *Известиях ЦК КПСС* N 4, 1990, с. 207—209, перехваченные телеграммы Акая от 26 марта и 7 апреля 1941.

⁵⁰ ЦАМО, оп. 2419, д. 4, л. 213—14, военный атташе, Бухарест, — Голикову, 14 марта 1941.

⁵¹ FO 371 29479 N1510/78/38, Криппс — Черчиллю, 8 апр. 1941.

⁵² FO 371 29479 N1510/78/38 и N1534/78/38.

⁵³ *Ibid.* N1510/78/38, 11 Apr. 1941.

⁵⁴ Eden, *The Eden Memoirs*. London, 1965, p. 262.

⁵⁵ Monckton papers, Box 4, p. 201, 17 Apr.; Cripps papers, Isobel's diary, 16 and 20—24 Apr.; Weaver papers, письмо Криппса, 18 апр. 1941.

⁵⁶ АВП РФ, Ф. 06, оп. 36 д. 8, л. 8.

⁵⁷ FO 371 29480 N1848/78/38. 11 Apr 1941.

⁵⁸ FO 371 29479 N1573/78/38, телеграмма Криппса, 12 апр. 1941 (цитируется также у Churchill, *The Second World War*, pp. 111 and 321 с очевидными пропусками).

⁵⁹ FO 371 29479 N1573/78/38 FO 371 29479 N573/78/38 ², Криппс — Форин оффис и записки Черчиллю и Идену, 12 апр. 1941. О результате сообщения см. *Cadogan, Diaries*, p. 371.

⁶⁰ FO 371 29465 N1667/3/38, и 29473 N1889/22/38, записи Форин оффис 12 и 18 апр. 1941.

⁶¹ CAB 65/18 42413, 21 Apr. 1941.

⁶² FO 371 29465 N1725/3/38 Черчилль — Идену, 22 апр.; проект телеграммы Криппсу 26 апр. 1941.

⁶³ M. van Creveld, «The German Attack on the USSR; the Destruction of a Legend», *European Studies Review*, (Jan. 1972).

⁶⁴ Van Creveld, *The Balkan Clue*, p. 149 and 151.

⁶⁵ 59 Beaverbrook papers, D93, Черчилль — Идену и Бивербруку, 1 нояб. 1941.

⁶⁶ CAB 69/2 DO4169, 27 Oct.; CAB 79/55 COS4134 записка Черчиллю, 28 окт. 1941.

⁶⁷ PREM 3 403/7, Черчилль — Бивербруку, 14 окт. 1941.

⁶⁸ PREM 3 395/2, fol. 30, Иден — Черчиллю, 14 окт. 1941; Верт А. *Россия в войне 1941—1945 М.*, 1967, с. 193.

⁶⁹ FRUS 1941, 1, pp. 702, 712—13, 715.

Глава 8

Русское «умиротворение» и сепаратный англо-германский мир

«Умиротворение»

Напряженность все росла, и с конца 1940 г. Сталин стал предпринимать действия по всем направлениям. В то время, как военные проводили большие оперативно-стратегические игры, он прибег к дипломатии в попытке разрешить пограничные конфликты с Германией в Литве и увязать их с экономическим соглашением, к заключению которого Берлин так стремился¹. По вопросам, связанным с буферной зоной, Сталин был непреклонен. В то же время он был готов идти на значительные уступки, поставляя немцам сырье и ресурсы, — а ведь они были так нужны самой России для ее военных усилий. До этого Сталин решительно отказывал немцам в этих поставках².

Решимость Сталина предпринимать любые шаги для умиротворения Германии была в значительной степени вызвана непрерывно поступающими на его рабочий стол разведывательными сводками. К концу марта начальник разведывательного управления НКВД сообщил Тимошенко, что он расценивает намерения Германии, как серьезные. Он перечислил 21 случай несомненных передвижений немецких войск и их сосредоточения на границах за период с конца февраля и особенно в течение марта³. Шло время, и к середине апреля досье по вопросу о концентрации немецких войск, составленное разведкой НКВД, стало столь объемным и впечатляющим, что придало НКВД достаточно уверенности, чтобы направить соответствующее сообщение в военную разведку. А уверенность была очень нужна, ведь дух этого сообщения не соответствовал подходу Сталина к оценке ситуации в целом. Через неделю последовал новый совершенно потрясающий доклад — теперь уже о 43 случаях нарушений немцами советского воздушного пространства. Количество совершенных менее чем за две недели нарушений, также как и тот факт, что

во многих случаях разведывательные полеты над советской территорией достигали глубины 220 километров — все это исключало возможность ошибок летчиков⁴. После этого Голиков также представил доклад, свидетельствующий о развитии событий в этом же направлении, обратив особое внимание на то, что в первые две недели апреля было отмечено массовое передвижение войск из Германии к русским границам, они размещались теперь в районах Варшавы и Люблина. Факты говорили сами за себя, поэтому был сделан недвусмысленный вывод: «Продолжается переброска войск, накопление боеприпасов и горючего на границе с СССР»⁵. Скрывать дальше направление развития событий стало невозможно. Цифровые данные, представленные Сталину, свидетельствовали, что с февраля численность немецких войск вблизи советских границ возросла на 37 пехотных, на 3-4 танковые дивизии и на 2 моторизованные дивизии⁶. И тем не менее, несмотря на все это, русские в тот момент еще не уяснили для себя истинные цели Германии. Этому помешали немецкая кампания дезинформации, запутанная картина войсковых передвижений, совпавших по времени с вспомогательной операцией на Балканах, а также неторопливость, с которой осуществлялось передислоцирование немецких войск. Более того, сам момент нападения еще не был окончательно определен германским руководством.

Страстное желание Шуленбурга предотвратить войну еще более запутывало Сталина. Позиция Шуленбурга оказала катастрофическое воздействие на способность Сталина правильно понять намерения Германии. Сообщив Молотову о присоединении Болгарии весной 1941 г. к Тройственному пакту, Шуленбург сразу же постарался смягчить удар, указав, что целью этого шага было стремление не дать англичанам захватить прочный плацдарм в Греции. Германия не вынашивает агрессивных замыслов против Болгарии, сказал он. Молотов, «тон и манера поведения которого выдавали его большую озабоченность», затем напомнил о советских предложениях, на которые не было получено какого-либо ответа. Тем не менее, русские еще не утратили надежду помешать немецкому вторжению на Балканы. В присутствии Шуленбурга Молотов собственноручно написал неофициальный меморандум, в

котором, среди прочего, говорилось, что «германское правительство должно понимать, что оно не может рассчитывать на поддержку своих действий в Болгарии со стороны СССР»⁷.

Неудачная позиция по вопросу о Югославии и последовавшие военные операции положили конец надеждам России на сохранение какого-то осязаемого контроля над этим регионом, имевшим жизненно важное значение для ее обороны. И тем не менее Сталин был по-прежнему убежден в том, что применяя тонкое политическое маневрирование еще можно предотвратить или по крайней мере оттянуть начало войны. Для этого, считал он, надо вернуться к предложениям, сделанным Риббентропом Молотову в Берлине. Сталину пришлось бы добиваться крайне сложного равновесия между положением зависимости от Германии и внешними проявлениями уверенности в себе. Он должен был осуществлять это маневрирование таким образом, чтобы отбить охоту и у немцев, и у англичан воспользоваться его слабостью. Точка зрения Майского, кажется, соответствовала позиции Сталина: и тот, и другой надеялись, что свои очередные шаги немцы предпримут против Англии. Вариантом номер один, возникавшим в представлении Майского, была бы военная кампания против Турции и далее проникновение на Ближний Восток. Другим, и более реальным, вариантом был бы захват Гибралтара с помощью Испании — или без нее; тем самым было бы покончено с господством британского флота в Средиземноморье, открывались бы новые перспективы для действий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Поэтому для России наилучшей линией поведения было бы избегать подобной участи, и оказывать сопротивление попыткам втянуть ее в конфликт⁸. Альтернативой было бы прилагать все усилия к умиротворению немцев в надежде продлить срок действия пакта Риббентропа-Молотова, и расширить сферу его применения.

Советское решение любой ценой избежать конфликта с Германией, вероятно, было принято всего через два дня после заключения с Югославией Договора о дружбе и ненападении. Это соглашение не остановило Гитлера, который отдал приказ наказать Белград. Были совершены налеты авиации на Белград, и в эти же часы немецкие

танковые колонны шли на огромной скорости к югославской столице. 8 апреля Деканозов по поручению Молотова посетил Вайцзеккера для обсуждения второстепенных вопросов двусторонних отношений. Вайцзеккера поразило, что Деканозов «не произнес ни одного слова критики в связи с нашей интервенцией в Югославии». Его мысли были далеко от этого. Деканозов, казалось, был заинтересован визитом в Берлин министра иностранных дел Японии Мацуоки. Немецкий дипломат заверил Деканозова, что визит Мацуоки явился продолжением усилий по расширению Тройственного пакта, а сам пакт «имел целью предотвратить расширение войны»⁹.

Невооруженным глазом было видно, что русские после падения Югославии впали в состояние паники. Криппс был абсолютно прав, выступив против передачи им расплывчатых предупреждений Черчилля. Криппс говорил при этом, что русские очень внимательны к сигналам опасности и делают все, что в их силах, чтобы противостоять растущей угрозе. Первой реакцией на разгром Югославии стало поспешное заключение 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитете с Японией. Это было сделано во время возвращения Мацуоки на родину, когда он проезжал через Москву. Сталин так рвался заключить соглашение, что отказался от всех своих ранее выдвигавшихся оговорок и уступил чрезмерным японским требованиям. Это было блестящим достижением для России, ибо заключение пакта снимало угрозу открытия против нее второго фронта в случае начала войны с немцами. Однако историки не разглядели, в чем же заключается для Сталина достигнутый успех. А дело в том, что в его первоочередные цели входило добиваться помощи Японии в своих возобновившихся попытках найти подходы к Германии — это расчищало бы путь к присоединению России к Тройственному пакту. Сталин сказал Мацуоке, что, заключая соглашение, он надеялся продемонстрировать отсутствие намерений «заключать сделки с какой-нибудь англо-саксонской державой». Он также заявил о своей готовности «к широкому сотрудничеству с участниками Тройственного пакта»¹⁰.

Сталин, кроме того, избрал этот момент для того, чтобы сбросить последние идеологические оковы, которые могли бы омрачить его отношения как с Германией, так и с

Англией. В полночь 20 апреля члены Политбюро, насладившись жизнерадостным зрелищем таджикских плясок в Большом театре, вернулись в Кремль, чтобы участвовать там в рутинном ночном заседании, на которое был также вызван Димитров. Сталин воспользовался этим случаем, чтобы высказать свои взгляды на перспективы мирового коммунизма, которые у него сложились за последнее время. Он был весьма далек от того, чтобы думать о «ледоколе». Наоборот, Сталин подорвал сами основы Коминтерна тем, что выступил в защиту «национального коммунизма»:

«... следовало бы компартии сделать совершенно самостоятельными, а не секциями К. И. Они должны превратиться в национальные компартии, под разными названиями — рабочая партия, марксистская партия и т. д. Название не важно. Важно, чтобы они внедрились в своем народе и концентрировались на своих особых собственных задачах. У них должна быть коммун. программа, они должны опираться на марксистский анализ, но, не оглядываясь на Москву, разрешали бы стоящие перед нами конкретные задачи, в разных странах совсем различные...

Интернационал был создан при Марксе в ожидании близкой международной революции. Коминтерн был создан при Ленине также в такой период. Теперь на первый план выступают национальные задачи для каждой страны.

Не держитесь за то, что было вчера. Учитывайте строго создавшиеся новые условия»¹¹.

Это решение немедленно стало осуществляться. Утром следующего дня Димитров и члены Президиума Исполкома Коминтерна начали разработку новых условий принятия в Коминтерн, которые должны были заменить воинствующие 21 условие, написанные Лениным в 1921 году. Особо подчеркивалось следующее:

«Полная самостоятельность отдельных компартий, превращение их в подлинные национальные партии коммунистов данной страны, руководящиеся коммунистической программой, но разрешающие конкретные свои задачи по своему, сообразно условиям своих стран, и несущие сами ответственность за свои решения и действия»¹².

Вслед за этим Сталин приказал, чтобы обычные коммунистические лозунги, выставлявшиеся на улицах во время празднования 1 Мая, были заменены другими, восхвалявшими национализм и национальное освобождение¹³. Сталинские слова, сказанные Димитрову именно утром 22 июня, показывают, сколь далеко его мысли были от идеи революционной войны. С бесспорным чувством облегчения он говорил Димитрову, что, хотя Коминтерн, может быть, надо еще какое-то время сохранять, «партии на местах разворачивают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Сов. народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма»¹⁴.

Новый германо-советский пакт?

Появление Сталина на вокзале во время проводов Мацуоки было для Москвы тех лет делом неслыханным. Этот шаг, однако, был вызван не отъездом Мацуоки, а совершенно непреодолимой необходимостью *умиротворения* Германии¹⁵. Большинство историков не поняли значения этого странного эпизода. Шуленбург умышленно пошел на искажение смысла сцены на вокзале; в своем сообщении, направленном на Вильгельмштрассе, он прежде всего стремился показать, что он точно передает взгляды Сталина. Он начал свою телефонограмму с того, что всячески стремился донести до министерства иностранных дел то значение, которое Сталин придавал шагам к примирению между двумя сторонами. Шуленбург сообщал со слов Мацуоки, что тому Сталиным было сказано: «Он, т.е. Сталин — убежденный приверженец держав оси и враг Англии и Америки». Затем Шуленбург, не скупясь на драматические интонации, описывал, как Сталин, на глазах у всех, находившихся на вокзале, нашел его среди толпы, обнял за плечи и сказал ему: «Мы должны остаться друзьями и *Вы должны теперь для этого сделать все!*»¹⁶ Шуленбург, уезжая на следующее утро в Берлин, был решительно настроен на то, чтобы убедить Гитлера в личной беседе, что война против Советского Союза — это безумие.

Скорее всего, консультации в Берлине были начаты по инициативе Шуленбурга, хотя позже и Риббентроп, и

Вайцзеккер претендовали на авторство¹⁷. Срочность была вызвана тем, что позиция Сталина в связи с событиями в Югославии предоставила, наконец, Гитлеру предлог для того, чтобы запустить в действие свои планы применить силу для разрешения конфликта с Россией. Оппозиция этому курсу на какое-то время привела к образованию внутри министерства иностранных дел неустойчивого союза вышеназванных лиц. Гитлер, как и Сталин, осуществлял власть, сея раздоры между военными, политиками и чиновниками¹⁸. Ни Риббентропу, ни министерству не было известно о шедших полным ходом военных приготовлениях Германии, не говоря уже о директивах по плану «Барбаросса». Тем не менее, было совершенно очевидно, что Гитлер утратил интерес к дипломатическому процессу и держит министерство иностранных дел на расстоянии. Более того, находясь в Берлине, было невозможно не услышать все более усиливающиеся слухи о надвигавшейся войне, которые явно отражали исключительно сильную подозрительность Гитлера в отношении России¹⁹. Поэтому сторонники создания Континентального блока утратили большую часть своих позиций; однако они все еще искали пути к тому, чтобы решение о войне было изменено.

Пакт с Россией, заключенный в августе 1939 г., стал для Риббентропа его наивысшим дипломатическим успехом. Теперь он надеялся вознестись на такую же высоту вновь, введя Россию в Тройственный пакт и переключив ее устремления к югу, против Британской империи. Этих взглядов Риббентроп придерживался вплоть до ранней весны 1941 г., то с возрастающим, то с уменьшавшимся упорством. Еще в августе 1940 г. он прилагал огромные усилия, чтобы убедить генерал-фельдмаршала Кейтеля отказаться от разрешения конфликта с Россией военным путем. Но еще более показательными были беседы Риббентропа с Гитлером перед визитом Молотова²⁰. Надежда на то, что отношения с Россией удастся уладить, не покидала его даже после декабря 1940 г.. Он продолжал убеждать Гитлера искать такой компромисс со Сталиным по балканскому вопросу, который все еще мог бы привести к присоединению России к державам оси. Непрекращающиеся обращения Риббентропа, его вмешательство лишь усилили скрытность Гитлера, и он стал обманывать Риб-

бентропа, заставив того поверить в возможность компромисса. Уже отдав приказ о плане «Барбаросса», Гитлер заверял Риббентропа в том, что «мы многого добились вместе; может быть, мы и это сможем осуществить вместе». Но его негативное отношение, а также вторжение на Балканах завели переговоры в тупик²¹.

Риббентроп и высшие чиновники министерства иностранных дел выступали с общих позиций. Но их действия не были согласованными. Риббентроп умышленно держал руководство министерства на расстоянии и в ходе переговоров 1939 г. о заключении Пакта, и во время безуспешных попыток создать Континентальный блок, а также во время визита Молотова в Берлин. Ядро министерской оппозиции находилось в посольстве в Москве, и его возглавлял граф фон дер Шуленбург. В Берлине оппозицией руководил статс-секретарь МИД Германии Эрнст фон Вайцзеккер, которого поддерживали такие высокопоставленные дипломаты, как Эрих Кордт и Хассо фон Эггдорф²².

Изоляция Риббентропа усиливалась, и он, после определенных колебаний, весной 1941 г. объединил усилия с профессиональными дипломатами своего министерства. Это была последняя, хотя и слабая, попытка удержать Гитлера от нападения на Россию. Усилия убедить Гитлера изменить взятый им курс предпринимались, но лишь спорадически и разрозненно. И Вайцзеккер, и Риббентроп, кажется, надеялись на то, что отговорить Гитлера можно будет с помощью союзников Германии — держав оси. Но Гитлер скрывал свои планы и от союзников. Он не желал устраивать открытое обсуждение своей стратегии. Ясно, что в таких условиях оппозиция могла действовать только негласным путем, путем убеждения. Например, Вайцзеккер, в ходе своих встреч с послом Италии в Берлине Дино Альфиери, — влиятельным членом фашистского совета в Риме, — неоднократно делал ему различные намеки о возможности войны. 15 мая Муссолини заметил Риббентропу, что «ему кажется, что проведение политики сотрудничества с Россией было бы полезным»²³.

В то же время Муссолини доставляла явное удовольствие мысль о том, что немцам «могут здорово пощипать перья в России»²⁴. Более важными, вероятно, были попытки Вайцзеккера проинформировать Мацуоку, которого в

ходе его визита в Берлин намеренно оставили в неведении относительно германских планов. К этим шагам Вайцзекера были также причастны посол Германии в Японии Отт и адмирал Редер²⁵.

Перед тем как приступить к выполнению взятой на себя миссии, Шуленбург договорился с руководящим составом посольства: советником посольства Хильгером, своим заместителем фон Типпельскирхом и военным атташе генералом Кестрингом. Все вместе они составили тщательно продуманную докладную записку, с изложением политических и военных доводов против войны с Россией²⁶. После отъезда Шуленбурга, они продолжали поддерживать его усилия, направив в Берлин серию телеграмм, в которых подчеркивалась позиция сотрудничества, занятая русскими. Так, 15 апреля они сообщили министерству иностранных дел о том, что по вопросу разрешения пограничного спора на Балтике русские согласны с предложениями, ранее сделанными немецким посольством. Указав, что эта позиция является «безоговорочным принятием немецких требований», они добавляли, что советская позиция кажется им «весьма замечательной»²⁷. Днем позже Типпельскирх послал телеграмму без каких-либо очевидных причин, если не считать его желания передать слова японских дипломатов в Москве о том, что советско-японский договор «выгоден не только Японии, но и другим державам оси, что он окажет благоприятное воздействие на отношения Советского Союза с державами оси, и что Советский Союз готов с ними сотрудничать». Типпельскирх вновь писал о необычайной сцене на железнодорожном вокзале при отъезде Мацуоки. По его мнению, Сталин воспользовался этой возможностью, чтобы «продемонстрировать свое отношение к Германии в присутствии иностранных дипломатов и прессы»²⁸. Еще через неделю он писал в Берлин, что «отношения между Финляндией и Советским Союзом стали за последнее время более спокойными», и что русские больше не настаивают на уступках по вопросу о никелевых рудниках Петсамо²⁹.

Тем не менее почти ничего не известно о встречах Шуленбурга в те две недели, которые он провел в Берлине. Хотя его не ознакомили с военными директивами Гитлера, можно легко представить, что Шуленбург окунулся в

атмосферу слухов, ходивших по Берлину, и вполне мог быть проинформирован своими высокопоставленными друзьями в армии и в министерстве иностранных дел.

Прибытие Шуленбурга в Берлин подтолкнуло к действиям вышеназванных руководителей министерства иностранных дел. Они попытались воспользоваться новым примирительным подходом Сталина, чтобы прямо поставить вопрос перед Гитлером и командованием вермахта. В этих действиях участвовал и Карл Шнурре, «архитектор» торговых соглашений с Россией. 21 апреля он передал Верховному командованию вермахта «жалобы» Алексея Крутикова, заместителя наркома внешней торговли. В ходе своего визита в Берлин последний заявил, что «Германия не предоставляет в достаточном количестве подвижной состав для перевозок от германо-советской границы товаров, поставляемых Советским Союзом». Он даже намекнул на возможность увеличения советских поставок³⁰.

Тем временем Гитлер несколько раз переносил аудиенцию для Шуленбурга³¹. Тогда 21 апреля Вайцеккер, который «уже почти потерял надежду добиваться своих целей, действуя через Риббентропа», подавил теперь собственное самолюбие и все же обратился к нему. «Корчась и извиваясь, как змея без жала», выражаясь его собственными словами, он попросил о срочном приеме у Риббентропа. В этот день тот был в Вене, — у него была встреча с министром иностранных дел Италии Чиано. Несмотря на колебания Риббентропа, Вайцеккер настоял на необходимости срочной встречи и явился в Вену, где пробыл десять часов. Вечером того же дня он беседовал с Риббентропом в отеле «Империал». Вайцеккер полностью согласился с докладной запиской Шуленбурга, к тому времени переданной Гитлеру. Он предупредил Риббентропа, что война против России «закончится катастрофой». Последний не высказывался по существу обсуждавшихся вопросов, но из общения с его помощниками Вайцеккер понял, что рейхсминистр совершенно не разделял взглядов Гитлера³².

Наконец, все эти усилия увенчались успехом: Риббентроп лично обратился к Гитлеру и получил его согласие принять Шуленбурга³³. К моменту этой встречи Риббентроп, кажется, стал твердым приверженцем позиции, кото-

рую отстаивал Шуленбург и другие. Тем не менее он разыгрывал свои карты весьма осторожно. Он предпочитал сначала выяснить позицию Гитлера, а уже потом принимать на себя какие-либо обязательства. Накануне приема Шуленбурга Гитлером, он послал графу из своего спецпоезда указание сделать запись беседы с Гитлером и немедленно направить эту запись ему³⁴. Кроме того, Риббентроп спешно связался с Вайцзеккером по телефону из Зальцбурга и приказал, чтобы министерство иностранных дел снабдило его своей оценкой докладной записки Шуленбурга, так как он сам обдумывал представление Гитлеру доклада по тому же вопросу. В ту зиму 1941 г. Вайцзеккер не меньше двух раз вел с Риббентропом долгие беседы, выдвигая тщательно продуманную аргументацию против войны с Россией. 6 марта 1941 г. он подготовил пространную докладную записку, где изложил аргументацию против войны с СССР и даже выступил за военный союз. Однако эту докладную он Риббентропу не передавал. А теперь он продиктовал ее основные тезисы по телефону. Он придерживался той позиции, что «Германия не может надеяться на то, чтобы победить Англию в России». Вот главная мысль его записки: «Нападение Германии на Россию лишь вызовет у англичан новый подъем духа. Там расценят это как неуверенность немцев в своем успехе в борьбе против Англии. Этим мы не только признаем, что война продлится еще долгое время, но тем самым фактически можем затянуть ее, вместо того, чтобы закончить быстрее»³⁵.

Наконец, 28 апреля Гитлер дал Шуленбургу личную аудиенцию в Рейхсканцелярии. Докладная записка Шуленбурга лежала на столе у Гитлера, закрытая. На протяжении всего приема Гитлер не обращал на нее внимания. Вместо этого он вел самый общий разговор о международном положении³⁶. К Шуленбургу он относился с недоверием и тщательно следил за тем, чтобы не раскрыть своих истинных планов. В ходе беседы он отзывался о русских в оскорбительных выражениях, допытываясь, «какой бес в них вселился», толкнув их на подписание Договора о дружбе и ненападении с Югославией. Чтобы сдержать своего чрезмерно усердного посла, Гитлер стал выдвигать против Сталина различные обвинения. Позже они будут

использованы как предлог для нападения на Россию. Вмешательство Сталина на Балканах было одним из таких предлогов. Но главное, из-за чего Гитлер разразился бранью, это была якобы проводившаяся русскими мобилизация. Гитлер, как вспоминал позже Вайцзеккер, «имел по этому случаю наглость делать вид перед Шуленбургом, как ранее перед Мацуокой, что германские военные приготовления на Востоке носят оборонительный характер»³⁷. Возражения Шуленбурга, настаивавшего, что в своих действиях Россия руководствовалась «стремлением иметь 300% безопасности», Гитлер немедленно отменил. Не добился Шуленбург успеха и в своих стараниях вызвать Гитлера на откровенность, высказав предположение, что «Россия очень встревожена слухами, предрекающими нападение Германии на Россию». Не удалась и его попытка доказать Гитлеру, что Сталин изо всех сил стремится заключить соглашение и готов идти на дальнейшие уступки. А перед тем, как закончить беседу, длившуюся не более получаса, Гитлер заметил, как бы невзначай: «Да, вот что еще: я не собираюсь воевать против России!»³⁸

Шуленбургу пришлось поспешно выехать в Москву — он должен был успеть на празднование 1 мая в Кремле. В своих мемуарах, опубликованных через много лет после описываемых здесь событий, советник посольства Германии в Москве Хильгер вспоминает, как Шуленбург, выйдя из самолета на московском аэродроме, отвел его в сторону и сказал ему: «Жребий брошен». Шуленбург сказал Хильгеру также, что Гитлер умышленно солгал ему³⁹. Тем не менее представляется сомнительным, что позиция Шуленбурга была столь пессимистичной. Да, встреча с Гитлером подействовала на него обескураживающе. Но он был все еще преисполнен надежды, что в Москве он сможет добиться дипломатического триумфа. У него по-прежнему были веские основания считать, что все руководство министерства иностранных дел Германии, включая Риббентропа, поддерживает его усилия. Шуленбург был решительно настроен сделать все, что в его силах, несмотря ни на какие трудности, чтобы снять напряженность в отношениях и устранить препятствия на пути к возобновлению переговоров. Его действия на самом деле привели к абсолютно противоположному результату — он укрепил ошибочную, но успокаивающую уверенность Сталина в том,

что предотвратить войну все еще было возможно. И, как покажут поистине драматические события нескольких последующих дней, Шуленбург, несомненно, питал надежду на то, что он сумеет убедить Сталина выступить с личной инициативой, которая могла бы рассеять очевидные подозрения Гитлера.

Обстановка в Москве, казалось, была еще более благоприятной для его следующего шага, чем он ожидал. Шуленбург не стал попусту тратить время и быстро подготовил сцену для осуществления своего дерзкого замысла. 3 мая он сообщил в Берлин, что на помещенной на первой полосе «Правды» фотографии членов советского руководства на трибуне Мавзолея во время первомайского парада Деканозов стоял рядом со Сталиным, по правую руку. Шуленбург убеждал свое начальство, что это определенно указывало на «особое внимание, оказанное послу в Берлине»⁴⁰. Через два дня Шуленбург пошел на необычный шаг — он пригласил Деканозова и заведующего Центральноевропейским отделом Наркоминдела В. Н. Павлова на завтрак. Завтрак он устроил в собственной резиденции, подальше от потенциальных осведомителей в посольстве.

Разные историки утверждали, что во время этой конфиденциальной встречи Шуленбург раскрыл Деканозову намерение Гитлера напасть на Россию. А. Микоян, мемуары которого вызвали целый ряд ложных истолкований политики Сталина этого периода, высказал предположение, что Шуленбург совершенно четко предупредил Деканозова. За завтраком Шуленбург якобы подошел к Деканозову и прямо заявил ему: «Господин посол, может этого еще не было в истории дипломатии, поскольку я собираюсь вам сообщить государственную тайну номер один: передайте господину Молотову, а он, надеюсь, проинформирует господина Сталина, что Гитлер принял решение 22 июня начать войну против СССР. Вы спросите, почему я это делаю? Я воспитан в духе Бисмарка, а он всегда был противником войны с Россией...» Узнав об этом, Сталин якобы заявил вечером на заседании Политбюро: «Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов»⁴¹.

Эта версия никак не подтверждается имеющимися отчетами о встрече. Но в ней различимо эхо тех, как

свидетельствует Хильгер, колебаний, с которыми Шуленбург предпринимал свою инициативу. Он страшился, что его «будут судить за измену, если станет известно, что мы собирались предупредить русских». Как представляется, Шуленбург и Хильгер в конце концов пошли на этот шаг не с намерением предупредить русских. На самом деле, по свидетельству Хильгера, они ставили задачу указать русским на «серьезность положения» и попытаться повлиять на Сталина таким образом, чтобы он предпринял дипломатическую инициативу, которая «вовлекла бы Гитлера в переговоры и лишила бы его на время каких бы то ни было предлогов для военных действий»⁴². Это соответствует версии, высказываемой Молотовым, вспоминая, как кажется, более точно, что Шуленбург «не предупреждал, он намекал. Очень многие намекали, чтобы ускорить столкновение. Но верить Шуленбургу... Столько слухов, предположений ходило! И не обращать внимания — тоже неправильно».⁴³

Эта инициатива, разумеется, не была драматическим предупреждением Хильгера, хотя он и хотел, чтобы читатель именно в это и поверил. Хильгер писал свои мемуары почти сразу после нюрнбергских судебных процессов. Больше похоже на то, что эта инициатива — результат энергичных попыток Шуленбурга предотвратить войну. Лишь в самое последнее время стало известно, что на самом деле этих конфиденциальных встреч было три. Они состоялись 5, 9 и 12 мая⁴⁴. Эти встречи имеют критически важное значение для понимания политики, проводившейся Кремлем в последний предвоенный месяц.

За завтраком 5 мая Шуленбург в качестве приманки упомянул о последней речи Гитлера, где тот подводил итоги Балканской кампании. Гитлер, убеждал посол Деканозова, подтвердил сделанное Молотову в Берлине заявление, что Германия не имеет в этом регионе ни территориальных, ни прямых политических интересов. Она только реагирует на происходящие здесь события. Поражает, что Шуленбург умышленно скрыл от Деканозова ту ярость, с которой Гитлер отзывался о советско-югославском Договоре о дружбе и ненападении. Идя на это, он был преисполнен желания восстановить общую платформу для возобновления переговоров. Шуленбург раскрыл лишь, что в ходе своего визита в Берлин нашел Гитлера озадаченным

этим договором, который тот счел «непонятным и странным». Далее германский посол сделал намек на то, насколько тяжелым является создавшееся положение, рассказав, что, хотя он усиленно пытался убедить Гитлера, что целью советской политики является сохранение нормальных отношений со своими соседями, он не добился в этом успеха «на 100 процентов...», и у него, Гитлера, остался какой-то неприятный осадок от действий Советского правительства за последнее время».

Но этот комментарий, вместо того, чтобы явиться предупреждением, послужил прелюдией к разработанному Шуленбургом плану укрепления разваливающихся отношений. Слегка изменив направление рассуждений фюрера, Шуленбург теперь стал убеждать Деканозова, что Гитлер оправдывает концентрацию немецких войск как контрмеру в связи с недавними слухами о мобилизации и передвижениях советских войск и о неизбежности вооруженного конфликта. Несомненно, в его памяти все еще была свежа мобилизация 1914 г., которая ускорила начало первой мировой войны. Очевидно, что Шуленбург надеялся использовать личную дипломатию в качестве последнего средства для того, чтобы подтолкнуть русских предпринять шаги, способные ликвидировать несомненный ущерб, который причинили советско-германским отношениям недавние акции России на Балканах. Открытые действия по умиротворению, предпринимавшиеся Сталиным, убедили его, что возможность разрешить нарастающий конфликт средствами дипломатии все еще сохранялась. Подобные шаги, однако, Сталин должен был предпринять сам и по своей инициативе.

Шуленбург дал практический совет — сократить число официальных заявлений, подобных сообщениям ТАСС, которые появлялись теперь чуть ли не ежедневно, при всяком повороте событий на Балканах. Посол не выражал убежденность, что Гитлер нацелен на войну. Вместо этого он раза два упомянул о сдержанности Гитлера и объяснил, что немецкие «меры предосторожности» на Западном фронте последовали в ответ на мобилизацию в России. Этим частично объясняется нерешительность Сталина в вопросе о принятии решения — провести ли открытую и

эффективную передислокацию войск — ведь это могло бы быть расценено в Берлине как провокация.

Использование «слухов» как отправной точки для соглашения более общего плана было разумным. Длительное пребывание Шуленбурга в Берлине вызвало спекуляции в Москве и Лондоне. Эти спекуляции, как теперь представляется, увели и Сталина, и англичан в сторону от правильной оценки перспектив на будущее. Кампания дезинформации, предпринятая немцами после возвращения Шуленбурга в Москву, была нацелена против него в той же мере, что и против русских. В Берлине, казалось, были решительно настроены на то, чтобы сбить волну слухов о надвигающейся войне — и в переписке с Шуленбургом такие слухи категорически опровергались. Таким образом его обманном путем заставили поверить, что концентрация немецких войск являлась «прикрытием с тыла операций на Балканах». Еще более важным было то, что ему настоятельно рекомендовали: «на Вашем посту весьма желательна борьба со слухами, имеющими хождение среди немецких должностных лиц; в этой связи в подходящей форме можно использовать тот факт, что перевозки германских войск осуществляются в направлении с востока на запад, и в первой половине мая они достигнут значительных размеров (сообщается только для Вашего личного сведения: восемь дивизий)⁴⁵».

У Шуленбурга не было, так сказать, глины, из которой он мог бы лепить кирпичи своей аргументации. Он избрал путь постоянных ссылок на слухи. Во время своего пребывания в Берлине Шуленбург пришел к твердому убеждению, что слухи усиливали недоверие Гитлера. Генерал Кестринг, военный атташе в Москве, который сопровождал Шуленбурга в Берлин, получил недвусмысленное предупреждение о том, что лица, занимающиеся распространением слухов, будут подвергнуты суровому наказанию⁴⁶. Просматривая после возвращения из Берлина служебные документы, скопившиеся на его столе за время длительного отсутствия, Шуленбург обратил внимание на срочную директиву, которой начальник Генерального штаба предупреждал его, что «распространение слухов наносит очень значительный вред дальнейшему мирному развитию германо-русских отношений». Посольству было пред-

писано подавлять и опровергать слухи⁴⁷. Буквально накануне своей встречи с Деканозовым Шуленбург получил указания от начальника политического отдела министерства иностранных дел бороться со слухами, которые намеренно распространялись англичанами, чтобы, выражаясь фигурально, «отравлять воду в колодцах». Его даже заставили поверить в то, что в первой половине мая восемь немецких дивизий будут передислоцированы с востока на запад⁴⁸.

Поэтому Шуленбург, приступив прямо к делу, сразу после завтрака начал излагать Деканозову свое мнение о тех разрушительных последствиях, которые приобретает распространение слухов. Он крайне настойчиво заявил, что «слухи о предстоящей войне Советского Союза с Германией являются «взрывчатым веществом» и их надо пресечь, «сломать им острие»». Особо стоит отметить, как в этот момент в беседу вступил Хильгер. Он пустился в воспоминания о пакте Риббентропа-Молотова, заключение которого, как он заявил, стало одним из счастливейших дней его жизни. Хильгер, будучи испытанным сторонником тесных германо-советских отношений, со своей стороны столь же горячо, как и Шуленбург, убеждал Деканозова заняться борьбой со слухами. Шуленбург, далее, убеждал Деканозова, что нет смысла пытаться выяснить источник слухов; скорее, их следует признать как факт — и бороться с ними. Тем не менее, это была его собственная инициатива, не санкционированная правительством. Выдвигать конкретные предложения было предоставлено русским. Таким образом, с точки зрения Шуленбурга, этот беспрецедентный маневр заложил основу для улучшения отношений — а не для выдачи государственных тайн. Деканозову было трудно поверить, что такое важное сообщение сделано Шуленбургом по собственной инициативе. Но он несомненно понял важность этого события. Он также воспользовался общим тоном разговора для того, чтобы возобновить переговоры. Деканозов напомнил Шуленбургу, что в Москве по-прежнему ожидают ответа на свои ноябрьские предложения. И, что самое важное, было решено снова собраться на такую же неофициальную встречу.

Тезис о необходимости борьбы со слухами встретил в Москве весьма благожелательный прием. В тот момент имели хождение два противоположных по смыслу набора слухов в связи с сосредоточением немецких войск. Согласно первой версии, это сосредоточение было козырной картой для предстоящих переговоров, которые, возможно, могли привести к созданию военного союза. Другие предполагали, что война неизбежна; однако объяснение этих слухов в Москве видели в непрерывающихся попытках Англии втянуть Россию в войну. В то время, как военные действия на Балканах поддавались разумному объяснению, мотивы, по которым Гитлер собирался вести войну против России, были не совсем ясны. Отсутствие у немцев четко сформулированных целей войны против России означало, что цели и средства для их достижения оказывались взаимосвязанными. Несмотря на все изобилие поступавших разведывательных данных, для Кремля оказалось чрезвычайно трудно точно уловить природу угрозы со стороны Германии — это объясняется отмеченными выше особенностями немецкого планирования военных операций. Кроме того, следует отметить, что над Сталиным, занимался ли он анализом дислокации немецких войск или проводил различные дипломатические инициативы, все время довлела мысль о ходе военных действий в Европе. Как раз в это же время нарастала волна публичной критики Черчилля из-за серии неудач английских войск. Остатки британского экспедиционного корпуса в Южной Европе были эвакуированы на Крит, и там со дня на день должна была разразиться битва, исход которой будет ужасен. После одержанных ранее побед над итальянскими войсками в Северной Африке англичане потерпели сокрушительный разгром: генерал Эрвин Роммель, окружив Тобрук, обошел его и начал свое наступление к Каиру и к Суэцкому каналу. Немцы, обладая к этому времени господством в воздухе над Средиземным морем, фактически осадили стратегическую военно-морскую базу англичан на Мальте. И все это время торговый флот Англии нес тяжелые потери в Атлантике. Жизненные артерии страны оказались под угрозой.

Если принять во внимание умонастроение Сталина того времени, скорее всего, он заподозрил, что Гитлер исполь-

зует Шуленбурга в войне нервов, чтобы обеспечить себе более выгодные условия на предстоящих переговорах. С другой стороны, как и в 1939 г., когда русскими проводился в Берлине неофициальный зондаж, Сталин опасался, что какое-либо заявление, которое он сделает в ответ на предложение Шуленбурга, может быть использовано против него в случае германо-британских переговоров, а из него сделают посмешище. Тем не менее, Сталин не стал отмахиваться от информации Шуленбурга и предпринял практические шаги, основанные на ней. Через день в «Правде» появилось опровержение утверждений о том, что значительное сосредоточение вооруженных сил на западной границе Советского Союза означает изменение в отношениях с Германией. Систематически проводилась кампания борьбы со слухами. Например, Молотов заявил японскому послу, что «слухи о предстоящем нападении Германии на СССР просто являются британской и американской пропагандой и лишены какого бы то ни было основания; напротив, отношения между нашими двумя странами являются отличными»⁴⁹.

Гораздо более сенсационным стало объявленное на следующее утро принятие Сталиным на себя обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров. Сталин стал де-юре главой правительства. Шуленбург, несомненно, связывал это решение со своей собственной инициативой. Может быть, он и был прав. Но он не мог информировать свою столицу о своем шаге, который предпринял сам без санкции Берлина. Теперь Шуленбург обдумывал проведение двусторонней кампании. В Москве он будет подталкивать Сталина к тому, чтобы тот обратился прямо к Гитлеру. А в своих донесениях в Берлин он принимает позу хладнокровного стороннего наблюдателя и, подчеркивая примирительные позиции русских, будет подготавливать почву для инициатив Сталина. В этом — ключ к чтению его телеграмм в Берлин. Поскольку Гитлер казался непримиримым относительно оценки поведения русских во время событий в Югославии, жизненно важной задачей для Шуленбурга стало стереть саму память о недавних событиях, выдать их за некое отклонение. На роль козла отпущения был выбран Молотов. Смену главы правительства Шуленбург изобразил как «значительное ограниче-

ние прежней власти» Молотова. Шуленбург объяснял правительственное перемещение «ошибками во внешней политике последнего времени, которые привели к охлаждению в германо-советских отношениях (явный намек на советско-югославский договор — Авт.), над созданием и сохранением которых Сталин столь активно работал, в то время как собственные инициативы Молотова часто заканчивались упрямым отстаиванием позиций по отдельным вопросам». Еще раз подчеркнув всю важность нового поста Сталина, Шуленбург подготовил Берлин к своему следующему дипломатическому триумфу, предсказав, что «Сталин будет использовать свое новое положение, чтобы принять личное участие в сохранении и развитии добрых отношений между Советским Союзом и Германией»⁵⁰.

9 мая, когда Шуленбург все еще ожидал ответа из Берлина, Деканозов пригласил его на завтрак в сказочный особняк Наркоминдела на Спиридоновке. Шуленбург был преисполнен нетерпения, он рвался как можно полнее использовать новый пост Сталина для продвижения своих планов. Деканозов, который перед встречей был детально проинструктирован Сталиным и Молотовым, в ходе беседы все еще проявлял повышенную подозрительность, изображая в то же время явно фальшивую уверенность и осторожность. Но он был очень близок к тому, чтобы поддаться собеседнику, и озабоченность его была достаточно реальной. Зная о неудовольствии Гитлера, он предъявил перечень советских претензий. Вместе с тем Деканозов был преисполнен решимости доказать, что Договор о дружбе и ненападении с Югославией не был направлен против Германии и что фактически Россия не возражала против сохранения Югославии в составе Тройственного пакта. Он затем обратил внимание собеседника на недавние попытки России умиротворить Германию. Стремясь войти в доверие к Деканозову, Шуленбург признал, что, хотя и не в его привычках критиковать свое правительство, он может признать, что ошибки допускались. Обуреваемый нетерпением, Шуленбург предложил (а Деканозов счел необходимым эти его слова воспроизвести полностью) занять такую позицию: «Мы встретились ведь не для того, чтобы вести юридический спор. В настоящий момент нам, как дипломатам и политикам, нужно считаться с создав-

шейся ситуацией и подумать, какие контрмеры мы можем принять».

Это был сигнал. Деканозов тут же выдвинул хорошо продуманный план действий, который был очевидно санкционирован или составлен Сталиным. Накануне встречи Деканозова с Шуленбургом Сталин, в ответ на предложения, сделанные Шуленбургом 5 мая, приказал напечатать в «Правде» сообщение ТАСС, опровергающее слухи о войне с Германией. Теперь Деканозов предложил опубликовать совместное германо-советское сообщение, в котором будет заявлено, что недавние слухи об ухудшении германо-советских отношений и даже о возможности военного конфликта лишены оснований и распространяются элементами, враждебными как России, так и Германии⁵¹.

Но Шуленбург страстно желал повысить ставки в игре, добиться максимального воздействия нового поста Сталина на Берлин. Он предложил, чтобы Сталин обратился с письмами к Мацуоке, Муссолини и Гитлеру, в которых заявил бы, что с его вступлением на пост главы правительства «СССР будет и в дальнейшем проводить дружественную этим странам политику». Шуленбург также предложил, чтобы в письме, адресованном Гитлеру, во второй его части Сталин предложил бы опубликовать совместное опровержение слухов о возможности конфликта между двумя странами, в духе предложения Деканозова. «На это последовал бы ответ фюрера и вопрос, по мнению Шуленбурга, был бы разрешен». Шуленбург считал, как он сказал Деканозову, что единственным эффективным методом были бы прямые контакты между двумя лидерами, что становилось гораздо более легким делом теперь, когда Сталин официально занял пост главы правительства. Ранее существовала точка зрения, что Шуленбург, подбивая русских на активные действия, намекал, что он предпринимает личную инициативу. На самом деле все обстояло иначе. Наоборот, Шуленбург убеждал Деканозова, что он уверен, что если Сталин, осуществив это намерение, обратится к Гитлеру с личным письмом, Гитлер пришлет специальный самолет с курьером, чтобы забрать это письмо. Аргументируя предложение, которое принадлежало лично ему, Шуленбург несколько раз подчеркнул серьезность ситуации, настаивая, что «надо действовать быстро».

От Деканозова вряд ли можно было ожидать превышения полномочий,— он, очевидно, должен был получать санкцию Сталина на свои действия. Поэтому условились о проведении в ближайшее время третьей, решающей, встречи.⁵²

Шуленбург не знал, что тем временем события в Берлине шли совершенно в другом направлении. В тот момент, когда он еще ехал с аэродрома в свою московскую резиденцию, специальный поезд Риббентропа въезжал под своды вокзала Фридрихштрассе в Берлине. Вечером 29 апреля к нему в Вену прилетел курьер с докладом Шуленбурга о беседе с фюрером⁵³. Тон этой беседы звучал зловеще, но Риббентроп все еще сохранял надежду на то, что он сумеет убедить Гитлера — как это ему удалось после визита Молотова — в бесплодности замышлявшегося курса. Риббентропа очень обеспокоило, когда он понял, что Гитлер твердо решил оборвать переговоры и не позволит, чтобы они помешали приготовлениям в соответствии с планом «Барбаросса». Гитлер потребовал от Риббентропа «безоговорочной поддержки» и предупредил его:

«больше никаких демаршей; он запретил мне говорить об этом с кем-либо; никакая дипломатия, сказал он, не заставит его изменить свое мнение о позиции России, которая была для него совершенно ясна, дипломатия вполне могла бы лишить его такого оружия, как тактическая внезапность нападения»⁵⁴.

Столкнувшись с непримиримостью Гитлера, Риббентроп уступил и занял типично угодническую позицию. Свое разочарование Риббентроп выместил на Вайцзеккере, возложив на него вину за то, что на критических поворотах истории он проявляет «негативное отношение». Тем не менее Вайцзеккер продолжал верить, даже после того, как Гитлер отверг меморандум, что Риббентроп по-прежнему «в принципе настроен против войны»⁵⁵. На деле же, когда в канун войны Чиано встретился с Риббентропом, он нашел его примирившимся с мыслью о войне. Хотя он и был «менее жизнерадостен, чем обычно, и у него хватило наглости вспоминать о своем полном энтузиазма восхвалении московского соглашения и коммунистических лиде-

ров, которых он сравнивал с лидерами старой нацистской партии»⁵⁶.

У Вайцеккера не оставалось сомнений в решимости Гитлера и примиренчестве Риббентропа. 1 мая источник (возможно, это был генерал Гальдер) из окружения Гитлера сообщил Вайцеккеру: Гитлер решил, «что Россию можно разгромить легко и это не отразится на войне против Англии. Будет война против России или не будет, но Англия будет разбита в этом году. После того придется поддерживать Британскую империю, но Россию нужно будет обезвредить»⁵⁷.

Шуленбурга, уезжавшего из Берлина в спешке, не успели проинформировать о последствиях его встречи с Гитлером⁵⁸. Его инициатива быстро набирала темп. 7 мая он начал прощупывать почву, направив личную телеграмму Вайцеккеру. Желая придать своим тайным зондажам полуофициальный статус, он намекнул на возможность передать Сталину поздравления германского правительства. Более того, решив сыграть на озабоченности Гитлера состоянием отношений с вишистской Францией⁵⁹ он даже оказал нажим, передав суть своих разговоров с Бержери, новым и поэтому надежным французским послом. Бержери выступал за Континентальный блок, «в который должен быть включен великий Советский Союз с его избытком сырья». Проявив недюжинное коварство, Шуленбург прибегнул также к угрозе. Находясь в Берлине, он узнал о существовании мнения, что кампания в России будет молниеносной и приведет к мгновенному взятию Москвы и свержению коммунистического режима. Тем не менее от Вайцеккера он узнал о том, что есть и другое мнение. В армии считали, что, хотя захватить Москву будет относительно легко, любые действия в направлении Урала столкнутся с серьезными трудностями⁶⁰. Поэтому он приписал — в постскриптуме, как бы между прочим, — что в Москве не проводятся никакие учебные воздушные тревоги, и это подтверждает что «Советское правительство уже некоторое время тому назад закончило работу по строительству «где-то» запасной столицы на время войны, оснащенной всем необходимым (средства связи и т. п.), в которую правительство сможет очень быстро перебраться. В любом случае оно не останется в Москве». Это был явный

намек на катастрофу, постигшую Наполеона, столкнувшегося с тактикой выжженной земли, которую Александр I применил в 1812 г. И, наконец, пытаясь узнать у Берлина окольным путем, продолжают ли безостановочные приготовления к войне, Шуленбург написал о принятии необходимых мер, чтобы в случае начала военных действий обеспечить безопасность сотрудников посольства⁶¹.

12 мая в резиденции Шуленбурга состоялась его третья за неделю встреча с Деканозовым. На этот раз с самого начала инициативу захватил Деканозов. Он подтвердил согласие Сталина и Молотова послать Гитлеру личное письмо. Нетерпение Сталина доказывается его предложением, что ввиду отъезда Деканозова в Берлин в тот же день, Шуленбургу и Молотову следует, не тратя времени даром, совместно договориться о содержании и тексте письма⁶².

Однако события этого дня начались еще до приезда Деканозова к Шуленбургу. Буквально за час до начала своей беседы с Деканозовым германский посол получил с курьером, прибывшим из Берлина, два неожиданных для него сообщения⁶³. Они и положили конец его усилиям. Короткое письмо от Вайцзеккера совершенно ясно указывало, куда дует ветер. Из всех предложений Шуленбурга к действию было принято только одно: обеспечить безопасную эвакуацию сотрудников посольства в случае начала войны; «в надлежащее время», было сказано ему, эту часть его рекомендаций «задействуют». Затем посла информировали, в выражениях кратких, но предельно выразительных, что остальные его предложения Риббентропу не докладывались, «потому что это было бы достаточно неблагодарным предприятием». Из второго письма от директора политического департамента министерства Эрнста Вурманна стало ясно, что за Шуленбургом после его столкновения с Гитлером установлено тщательное наблюдение. Ему делался выговор за то, что он раскрыл в Москве характер своих переговоров в Берлине и за то, что он совершенно открыто впал в уныние, поскольку «упаковал (свои) личные вещи в сундуки»⁶⁴.

Все еще потрясенный этими письмами, Шуленбург «довольно бесстрастно», по словам Деканозова, охладил его энтузиазм. Посол признался, писал Деканозов, что «он,

собственно, разговаривал со мной в частном порядке и сделал свои предложения, не имея на то никаких полномочий». Он начал эти переговоры со своим коллегой — послом с целью улучшить отношения между двумя странами. Он не был уполномочен вести переговоры с Молотовым и теперь «сомневается даже, получит ли он такое поручение». Хотя он заверил Деканозова, что запросит о полномочиях, он был «не уверен, что их получит».

Вся атмосфера беседы являла собой странную смесь делавшихся намеков на вероятность войны со столь же убедительными попытками Шуленбурга действовать по инерции и продолжать дезинформацию. В конечном итоге все это только усиливало существовавшую в Кремле неясность относительно Германии. В ходе завтрака Шуленбург и Хильгер рассказывали много циничных и шуточных историй, из чего у Деканозова сложилось впечатление, что это были намеки «на уход Шуленбурга из политической деятельности». Но в ходе беседы Шуленбург был преисполнен желанием спасти свою инициативу, выдвинув ряд альтернативных ходов:

«Было бы хорошо, чтобы Сталин сам от себя спонтанно, обратился с письмом к Гитлеру. Он, Шуленбург, будет в ближайшее время у Молотова (по вопросу обмена нотами о распространении действия конвенции об урегулировании пограничных конфликтов на новый участок границы от Игорки до Балтийского моря), но не имея полномочий, он не имеет права затронуть эти вопросы в своей беседе. Хорошо бы, если Молотов сам начал бы беседовать с ним, Шуленбургом, на эту тему или может быть я, Деканозов, получив санкцию здесь, в Москве, сделаю соответствующие предложения в Берлине Вайцеккеру или Риббентропу».

Проявленная в ходе этой беседы сдержанность резко контрастировала с предложениями, делавшимися всего лишь за два дня до этого. Сталин был несомненно поставлен в тупик. С одной стороны, Шуленбург, который только что вернулся после приема у Гитлера, мог, на самом деле выражая отношение Германии, при этом просто пытаться оказывать давление, чтобы добиться более выгодных усло-

вий. В то же время, и с такой же степенью вероятности можно было предположить, что вопрос еще не был урегулирован внутри немецкого руководства, и проведением осторожной политики Россия могла бы добиться соглашения. С другой стороны, весь этот эпизод мог оказаться ловушкой, приготовленной для России, и преждевременным приближением России к ней немцы могли бы воспользоваться как козырем на будущих переговорах с Англией. И действительно, в ходе беседы Шуленбург сделал совершенно умозрительное заявление, что «по его мнению, недалеко то время, когда они (воюющие стороны), должны прийти к соглашению и тогда прекратятся бедствия и разрушения, причиняемые городам обеих стран»⁶⁵. Наверняка это заявление подверглось тщательному обдумыванию — ведь вечером того же дня радио Берлина сообщило о полете Гесса в Англию с взятой им на себя миссией мира.

Не надо забывать и того, что Шуленбург предпринял свои шаги после очень больших колебаний⁶⁶. Поэтому нагоняй из Берлина оказал немедленное воздействие. Как только Деканозов ушел, Шуленбург написал две телеграммы. В ответе Вурманну были сплошные самооправдания и опровержения конкретных обвинений. Шуленбург заверял Вурманна, что его «очень дорогие (персидские) ковры» «по-прежнему лежат там же, где и раньше, картины моих родителей и других родственников все так же висят на стенах, как прежде, и совершенно ничего не изменилось в моей резиденции, как это может увидеть любой визитер». И, чего он никогда раньше не делал, написал в конце: «Хайль Гитлер!» Так же вел себя и Вайцзеккер в Берлине. Он обратился к генералу Гайеру, от которого он получал информацию о военных делах, с жалобами на то, что его действия ему, «естественно, ставят в вину», и признавал, что, возможно, «следовало бы последовать Вашему совету и уклоняться от выражения сомнений». После этого Вайцзеккер перешел к выражениям уверенности в триумфе вермахта⁶⁷.

Тем не менее в другой своей телеграмме Шуленбург по-прежнему продолжал усилия, направленные на устранение кризиса. Он готовил почву на тот возможный случай, если русские предпримут по своей инициативе шаг, о

котором говорили Сталин и Деканозов. Поэтому он вновь обращал внимание Берлина на то, что принятие Сталиным на себя поста главы правительства являлось событием «чрезвычайной важности», означавшем перемены во внешней политике. Будучи не в состоянии, по вполне понятным причинам, сообщить о своих конфиденциальных встречах с Деканозовым, Шуленбург комментировал тот факт, что Сталин на параде 1 мая поставил Деканозова рядом с собой, по правую сторону, на трибуне Мавзолея. Шуленбург замечал в этой связи, что «внимание, которое демонстративно оказано Деканозову, должно рассматриваться, как особый знак доверия к нему со стороны Сталина». Шуленбург представил весьма убедительную картину целого ряда умиротворяющих шагов с советской стороны, при этом он полностью обошел молчанием собственную роль в этих действиях. Затем делался неизбежный вывод:

«Можно совершенно уверенно предположить, что Сталин поставил перед собой внешнеполитические цели, имеющие чрезвычайное значение для Советского Союза, и он надеется добиться этих целей, прилагая к этому свои личные усилия. Я твердо уверен, что в этой международной обстановке, которую он считает серьезной, Сталин поставил перед собой цель уберечь Советский Союз от конфликта с Германией»⁶⁸.

Такое же послание он направил в Берлин после своей встречи с Молотовым 22 мая. В нем он внушал Берлину, что политика, которую проводят Молотов и Сталин, эти «два человека, обладающих наибольшей властью в Советском Союзе», совершенно определенно направлена на то, «чтобы избежать конфликта с Германией»⁶⁹. Позже он предоставил Берлину искаженную информацию о речи Сталина перед выпускниками военных академий, сделав вывод, что, как представляется, Сталин «стремился подготовить своих сторонников к новому компромиссу» с Германией⁷⁰. Со своей стороны Кестринг сообщал в тот же день своему начальству в вермахте, что Сталин все больше затушевывает революционную риторику и возвращается к проблеме традиций. Очевидно, что «он признает, что он сделал ошибку. Благодаря нашей армии мы находимся в

более сильном положении и поэтому он уважает нас и есть ряд сигналов, что ему хотелось бы обратиться к нам. Если бы мы решили разговаривать с русскими, то сигналы обязательно будут усилены»⁷¹.

Если делать окончательный вывод, то он будет состоять в том, что деятельность Шуленбурга зимой 1940—1941 гг. и особенно в критически важном мае 1941 г. поддерживала надежду на возможное дипломатическое разрешение конфликта. Она не являлась предупреждением о близости войны.

Сталин и «слухи о войне»

Пренебрежение Черчилля возражениями Криппса и Идена относительно направленного им Сталину предостережения поражает. Вспомните: ведь к тому моменту, когда его послание было отправлено Сталину, в Лондоне уже было известно, что Югославия капитулировала. Фактически был предрешен и исход боев в Греции. Черчилль стал действовать совершенно вразрез с той позицией, которую он занимал до этого. Еще в феврале, когда шансы англичан казались куда более предпочтительными, Черчилль выступил против такой полумеры, как направление русским предостережений, поскольку «ситуация в Греции, как кажется, складывается не в пользу Англии»⁷². Поэтому можно расценить предупреждение Черчилля в середине апреля не как некий акт благотворительности, а как последнюю отчаянную попытку заручиться советской поддержкой на Балканах.

Внезапно вспыхнувший у Черчилля интерес к России, его настойчивые требования, чтобы его обращение было обязательно вручено — все это, возможно, диктовалось внутривнутриполитическими соображениями. Очень сомнительны его заявления задним числом, что в его намерения не входило де втянуть Россию в войну. Он, дескать, стремился использовать свой личный престиж для наведения мостов с Россией. Черчилль был встревожен тем, что Иден поддержал предложения Криппса успокоить русских путем решения балтийского вопроса. Черчилль считал, что такой шаг может оттолкнуть американцев, и фактически запретил Идену продолжать свои усилия. Теперь (как бы забыв о своих же заявлениях, делавшихся всего лишь за неделю

до этого), он настаивал на том, что русские «прекрасно знают об опасности, в которой они находятся. Они также знают, что нам нужна их помощь. И вы гораздо больше добьетесь от них, предоставив дело игре этих сил, чем если бы вы лихорадочно пытались заверять их в своей любви. Ибо это будет просто похоже на слабость и они укрепятся в мысли, что они сильнее, чем на самом деле. Давайте сейчас проявим угрюмую сдержанность и предоставим им волноваться»⁷³.

После немецкого вторжения 22 июня 1941 г. Черчилль публично выступал в поддержку России, хотя это часто противоречило его истинным чувствам. Эти заявления свидетельствовали о том, что его обращение к русской проблеме определялось внутривнутриполитическими соображениями. Черчилль пояснял, что краткость и загадочные формулировки в его послании были способом привлечь внимание Сталина и добиться установления с ним доверительных отношений. После 10 апреля положение в Греции изменилось в худшую сторону, и Черчилль, как кажется, больше не придавал этому доводу большого значения. Это был день, когда Иден прибыл с Ближнего Востока с пустыми руками, и угрюмым членам кабинета пришлось услышать, что в Ливии англичане потеряли пленными 2000 человек, среди них трех генералов.

Воцарившуюся атмосферу безысходности усилили возобновившиеся бомбежки Лондона. Единственным лучом надежды оставалась перспектива внезапного драматического поворота событий на Восточном фронте. Поглощенный этими мыслями и будучи абсолютно равнодушным к реакции русских на публичное разглашение предположительно секретной информации, Черчилль выступил 9 апреля по радио и 27 апреля в парламенте. В своих речах Черчилль сказал, что он уверен: Гитлер может внезапно отвлечься от военной кампании на Балканах и захватить «житницу Украины и нефтепромыслы Кавказа»⁷⁴. Эти публичные заявления полностью ликвидировали воздействие считавшегося секретным послания.

Недоверие в отношении намерений англичан усиливалось в прямой зависимости от ухудшения их военного положения. Зимой, когда военные действия приостановились, русские ожидали, что Гитлер укрепит экономичес-

кое положение Германии, проведя ряд тщательно продуманных военных операций на Ближнем Востоке. С открытием «военного сезона» он, как ожидалось, сосредоточит решающие усилия против Англии. Однако дела на англо-германском фронте оказались в тупике. Сталину стало известно решение Гитлера отказаться от вторжения в Англию. С другой стороны, после поражения, понесенного Англией на Крите, казалась невероятной мысль о том, что Англия когда-либо сможет оправиться и диктовать свою волю на поле боя. Поэтому, рассуждая теоретически, сепаратный мир не мог исключаться⁷⁵.

Таким образом, перед советской дипломатией и разведкой встала задача исключительной важности: как можно раньше заметить любые признаки, указывающие на сепаратный мир. Ошибкой является недооценка роли Майского в этом контексте. Майский, между прочим, это один из очень немногих бывших меньшевиков, занимавших высокие посты в Советском Союзе, и переживший репрессии. Очень немногих дипломатов столь же высоко ценили в Лондоне, как его. Возможно, что жизнь ему спасла та популярность, которой он пользовался в предвоенные годы, когда проводилась политика коллективной безопасности, и он это ясно осознавал. Его меньшевистское прошлое заставляло его быть весьма осторожным, и он из кожи вон лез, чтобы выказать свою верность Сталину. Наградой ему было избрание в состав Центрального Комитета ВКП(б) в феврале 1941 г. По словам Молотова, это назначение отражало понимание того, что «Майский хорошо работает как полпред в трудных условиях и надо показать, что партия ценит дипломатов, которые выполняют волю партии»⁷⁶. Исключительно глубокое знание Майским политической жизни Англии имело принципиально важное значение для оценки Кремлем британской политики накануне войны.

Сообщения, шедшие от Майского в месяцы непосредственно перед германским вторжением, постоянно укрепляли в Москве подозрение о том, что Англия переживает агонию и надеется на приближающуюся войну на Востоке. Майский уловил ощущение безысходности в момент, когда югославская кампания подошла к катастрофической развязке. Тогда югославский посол в Лондоне Суботич пожа-

ловался ему, что он не может добиться приема ни у Черчилля, ни у Идена. По его мнению, «английское правительство не хотело или не могло оказать Югославии эффективную помощь»⁷⁷.

И когда Балканы охватил пожар войны, Майский стал проявлять чрезвычайную осторожность, особенно в каких-либо комментариях. Его постоянной излюбленной формулой стало: «поживем — увидим». Тщательное изучение круга людей, с которыми он встречался, и записей в его дневнике дает ясное представление о взглядах, которых придерживались в Кремле. Нападение Германии на Югославию, признавался он, противопоставило Германию и Россию. И поэтому: «приложим все усилия, чтобы этого не случилось»⁷⁸. Как видно из записей в дневнике Майского, некоторые собеседники Майского — например, Ванситтарт, бывший постоянный заместитель министра иностранных дел, прилагали отчаянные усилия, чтобы объяснить ему что Советский Союз вполне может оказаться следующей жертвой. Майский же был склонен видеть в таких заявлениях одержимость англичан, которым мерещились «немцы везде, даже под кроватью». Он исправно докладывал в Москву о том, сколь твердо он отвергает эти предположения, в которых он распознавал откровенные попытки втянуть Россию в войну⁷⁹.

Хотя Майский, несомненно, относился скептически к возможности того, что Черчилль может запросить мира, он был убежден в том, что распространение слухов было хорошо организовано. Он был уверен, что в «сложившейся обстановке замечания премьера звучат очень неудачно и даже бестактно. Они имеют в Москве эффект, как раз обратный тому, на который он рассчитывает». Из беседы с близким к Черчиллю Бренданом Брекеном, советам которого тот очень доверял, у Майского сложилось весьма четкое представление, что «по вопросу о советско-английских отношениях Брекен, разумеется, пытался пугать меня Германией. Я не испугался и, наоборот, откровенно заявил, что считаю неудачными и нетактичными последние публичные выступления премьера по этому поводу». Подозрения Майского еще больше усилил факт, сообщен-

ный ему Бренданом Брекеном. Оказалось, что у Черчилля фактически не имелось какой-либо конкретной информации о намерениях немцев. Очевидно, делал вывод Майский, «что вся кампания британского правительства и английской печати о предстоящем нападении Германии на СССР не имеет под собой никакой серьезной базы, и что она является продуктом: *Der Wunsch ist der Vater des Gedankens*»⁸⁰.

Не мог смягчить позицию Майского и Ллойд Джордж, часто видевшийся с Черчиллем. До этого стареющий Ллойд Джордж предупреждал Майского, чтобы тот не обращал внимания на слезы на глазах Черчилля, обещающего вести войну до конца. Ллойд Джордж считал, что эмоции у Черчилля очень переменчивы. И если обстоятельства изменятся и ему понадобится вести другой курс, он будет так же обильно плакать. Теперь Ллойд Джордж доверительно сообщил Майскому, что недавно он встретил Черчилля в подавленном и беспокоящем состоянии. Ему сказали, что Черчилль «живет в уверенности германской атаки на Украину и ждет, что тогда СССР, как «спелый плод», сам упадет в корзину Англии». И снова Майский прикрылся тем, что он подчеркнул в сообщении своему руководству предположение о надвигающейся войне; тем не менее, он не забыл отметить, что на опасность указывал не кто иной, как сам Ллойд Джордж. К таким методам Майскому приходилось прибегать, чтобы, направляя сообщения в духе, близком настроениям Сталина, в то же время передавать «еретическую» информацию⁸¹.

В начале мая скептически настроенный Прюц, посланник Швеции в Лондоне, задал Черчиллю вопрос о том, каким образом Англия собирается победить в войне. Черчилль в ответ рассказал красивую притчу:

«Были две лягушки — оптимистка и пессимистка. Однажды вечером они скакали по лужайке и слышали чудный запах молока из соседней молочной. Лягушки соблазнились и прыгнули в открытое окно молочной. Рассчитали они неудачно и плюхнулись прямо в большую

* Желание — отец мысли (нем.) — Прим. пер.

банку с молоком. Что было делать? Лягушка-пессимистка поглядела кругом, увидела, что стенки банки высоки и отвесны, что взобраться по ним вверх невозможно, и пришла в отчаяние. Она перевернулась на спинку, сложила лапки и пошла ко дну. Лягушка-оптимистка не захотела погибать так бесславно. Она тоже видела высокие и крутые стенки сосуда, но решила барахтаться. В течение целой ночи она плавала, двигалась, била лапками по молоку, вообще проявляла всяческую активность. И что же? Сама не подозревая того, лягушка-оптимистка к утру сбила из молока большой кусок масла и так спаслась.»

Майский в своих мемуарах приводит этот рассказ, чтобы задним числом изобразить Черчилля в виде непреклонного лидера, выстоявшего несмотря ни на что. Однако в тот момент, как очевидно из его служебного дневника, его представление о Черчилле было абсолютно другим. И если в мемуарах он заканчивает рассказ этой героической притчей, из чтения дневника становится ясно, что на Прюца оптимистический настрой Черчилля особого впечатления не произвел. Он совершенно недвусмысленно сообщил Майскому, что у Черчилля нет какой-либо большой стратегии и он полагается на импровизацию. Черчилль, кажется, не имел представления о том, каким же образом одержать победу в войне. У него не было к тому времени каких-то ощутимых достижений. В этой обстановке у Прюца сложилось мнение, что Черчилль зациклился на предстоящем столкновении между Германией и Россией. И в случае германо-советской войны Черчилль был «готов пойти на союз с кем угодно, хотя бы с самим чертом, дьяволом». Поэтому Майский проникся убеждением в том, что отсутствие какого-либо выбора все более подталкивало Черчилля к тому, чтобы, распуская слухи, втянуть Россию в войну⁸².

В связи с тем, что возрастала озабоченность Германии из-за слухов⁸³, были приняты экстренные меры, чтобы рассеять их. Так, на приеме в советском посольстве в Вашингтоне посол Уманский отвел в сторону Галифакса — английского посла в США, бывшего министра иностранных дел — и несколько раз высказал ему горькую жалобу на то, что «в английских правительственных

кругах по-прежнему сохраняется враждебность к Советской России, а также дух Мюнхена». Уманский прибег к грубым нападкам на Черчилля, заявив, что в своем последнем выступлении по радио тот совершил то, что «при всем уважении можно охарактеризовать только как оплошность. Он говорил так, что можно было понять, что Германия не только хотела бы захватить Украину, но и в состоянии это сделать. Это является и абсурдным, и оскорбительным». В присутствии германских дипломатов, которые стояли недалеко и могли их слышать, Уманский хвастался победой Красной Армии на Халхин-Голе, подчеркивая, что Россия — это не Франция Даладьё⁸⁴.

Ощущение, что какой-то один неправильный шаг, будь то военная провокация или дипломатический промах, может развязать войну, привело Сталина к такой степени осторожности, которая граничила с паранойей. Случайно это или нет, но после падения Югославии деятельность Майского была явно ограничена. Усиливался страх перед провокациями и заключением сепаратного мира. Как и за всеми прочими советскими дипломатами, за ним вплотную следил работавший под крышей посольства большой штат НКГБ. Все его беседы прослушивались. Чтобы иметь возможность поговорить с кем-то из гостей свободно, ему часто приходилось уходить с ним в дальний конец сада посольства⁸⁵. После встречи с Иденом 16 апреля его повсюду стал сопровождать, без сомнения согласно инструкциям из Москвы, новый советник К. В. Новиков, которого Иден считал «кремлевским надзирателем за Майским». Майский завел привычку пунктуально отмечать присутствие Новикова на всех своих беседах, упоминания о нем встречаются даже в коротких телеграммах. Независимо от того, кто дал Новикову задание следить за Майским — госбезопасность или Наркоминдел — этот беспрецедентный надзор, совершенно очевидно, затруднял его контакты с Иденом. Майский сам в саркастическом духе намекнул на это в своем служебном дневнике:

«Иден позвонил, пригласил меня и просил быть одного, поск. И[ден]. будет один. Ему было отвеч., что я не вижу причин не брать с собой Н[овикова]. Когда мы были в приемной, вошел секрет. и заявил, что Н[овикову] лучше было подождать в приемной. Я однако вошел к И[дену] с

Н[овиковым]. Увидав нас вдвоем, И[ден] страшно покраснел и с раздраж., кот. я у него никогда до сих пор не замечал, воскл.: «Я не хочу казаться грубым, но долж. сказать, что пригл. сегодня к себе посла, но не посла и советника». Я возразил, что от Н[овикова] у меня нет тайн, и не понимаю, почему он не м. присутств. при н./разговоре. И[ден] /с горячн./ — ничего не имеет лично пр. Н[овикова], но не может создавать нежел. прецедент: если сов. посол будет приходить с советн., то и другие послы могут делать то же. Если можно брать советн., почему не брать 2-3 секр.? Тогда будут ходить не послы, а целые делегации. Это неудобно. И[ден] никогда не принимал послов иначе, как в один., и не собир. менять своего порядка. Я пожал плечами. Н[овиков] остался, но И[ден] во все вр. беседы сидел красн. и надутый. Положение создалось ненормальное. Если подобная сцена повтор. еще раз, я вынужден буду раскланяться и уехать в пос-во»⁸⁶.

Вопрос о том, кого Майский боялся больше, Сталина или Идена, не возникает.

Оказалось, что действительность предупреждения Черчилля еще больше подорвал Иден. Он попытался напугать Майского «злым человеком», т.е. Германией. Он считал, что «военные аппетиты Германии безграничны. Россия, он в этом совершенно уверен, находится под угрозой. Будет ли удар нанесен сейчас или несколько месяцев спустя, намерения Германии совершенно ясны». В отчаянном стремлении умиротворить Германию и сорвать попытки спровоцировать войну Майский яростно отрицал эти слухи. Он перебил Идена и заявил: «Не вижу таких причин, которые сделали бы столкновение СССР и Германии неизбежным». На этом фоне предложение об улучшении отношений не помогло развеять подозрения. Создавалось беспокоящее ощущение того, что оно шло в одном ключе с меморандумом Криппса. Майский, как ему придется потом часто повторять в последующий месяц, заявил Идену, что СССР «сумеет постоять за себя при всяких обстоятельствах»⁸⁷.

Призрак сепаратного мира

Предупреждение Черчилля, являвшееся запоздалой попыткой привлечь Советский Союз к участию в событиях на Балканах, не могло не возродить в Москве память о

событиях конца лета 1939 г. Оно укрепило подозрения в том, что это — попытка направить войну на восток. Одновременно возродились страхи сепаратного мира. 17 апреля, перед тем, как Криппсу были направлены окончательные инструкции Черчилля вручить Сталину его послание с предупреждением, Криппс жаловался Идену, что положение складывается катастрофическое. Это в значительной мере вызвано тем, что правительство никак не может определиться — готово ли оно «пойти на тесные отношения» с Россией «и что для этого сделать». Позже, в результате провала своей политики в Юго-Восточной Европе, Россия стала более восприимчивой к давлению со стороны держав оси. Не дожидаясь инструкций из Лондона, Криппс направил Молотову пространную памятную записку, где посулы и угрозы шли вперемежку. Его записка стала последней попыткой вовлечь русских в орбиту союзников. Здесь следует подчеркнуть, что этот импульсивный шаг был продиктован желанием опередить Шуленбурга, который к этому времени неожиданно уехал в Берлин для проведения срочных консультаций. Криппс был уверен, как он предупредил Идена, что Шуленбург «очень скоро» появится обратно из Берлина «с новыми широкомасштабными предложениями для Советского Союза в обмен на далеко идущее экономическое сотрудничество с Германией; альтернативой могут послужить замаскированные угрозы того, что случится в случае отказа Советского Союза»⁸⁸.

В присутствии ему стиле проповедника Криппс втолковывал Вышинскому, какую политику, по его мнению, Россия должна проводить. Все составные элементы этой политики несли на себе печать провокации. Криппс не ограничивался теперь предупреждениями русским об опасности, которая, как он считал, вышла из разряда гипотез, обретя достаточно конкретные очертания в немецких планах на весну 1941 г. Он прибегал, как он и сам понимал, к довольно «деликатному» средству привлечения русских на сторону Англии, играя на их страхе перед заключением сепаратного мира. Последовавшие вскоре события лишь продемонстрировали правоту Форин оффис, возражавшего против использования этого «обоюдоострого оружия». Оно «могло привести Сталина к тому, что он лишь укрепит-ся в проведении своей политики умиротворения»⁸⁹.

Намеки Криппса на возможное заключение сепаратного мира в случае, если Россия не изменит свою политику, оказали длительное воздействие, чуть не ставшее роковым:

«...не исключено в случае растяжения войны на продолжительный период, что Великобритании (особенно определенным кругам в Великобритании) могла бы улыбнуться идея о заключении сделки на предмет окончания войны на той основе, вновь предложенной в некоторых германских кругах, при которой в Западной Европе было бы воссоздано прежнее положение, Германии же не чинилось бы препятствий в расширении ее «жизненного пространства» в восточном направлении. Такого рода идея могла бы найти последователей и в Соединенных Штатах Америки. В связи с этим следует помнить, что сохранение неприкосновенности Советского Союза не представляет собой прямого интереса для Правительства Великобритании, как, например, сохранение неприкосновенности Франции и некоторых других западноевропейских стран».

Криппс, однако, постарался перестраховаться и приписал — хотя до русских это совершенно и не дошло бы, — что «в данное время совершенно исключена возможность такого соглашения о мире в том, что касается правительства Великобритании». Вышинский не посчитал нужным проконсультироваться с правительством, сразу же отвергнув меморандум Криппса, состоявший из смертоносного набора — «сепаратного мира» и попытки втянуть Россию в войну. Он открыто отверг его на том основании, что «отсутствуют необходимые условия для обсуждения широких политических проблем». Вышинский, кроме того, подготовил составленный в том же духе ответ на развернутое личное письмо Криппса от 11 апреля. Ответ состоял всего лишь из четырех строчек⁹⁰.

На следующий день, однако, Криппсу, наконец, пришлось передать послание Черчилля. В связи со своим письмом Вышинскому от 11 апреля и беседой с ним 18 апреля он не счел нужным передавать дополнительную информацию, которая бы выглядела теперь как простое повторение⁹¹. Москва не могла спокойно выслушивать эти угрозы. Криппс уже делал намеки после своей встречи в

Анкаре с Иденом, — о чем русские имели полную информацию, — что он не мог бы исключить такую возможность:

«если Гитлер убедится, что он сумеет победить Англию до того, как Америка сможет оказать ей помощь, он попытается заключить мир с Англией на следующих условиях: восстановление Франции, Бельгии и Голландии и захват СССР»⁹².

Криппс действительно заявлял послу США в Москве Штейнгардту, что он вполне может представить молчаливое согласие его правительства с вторжением Германии в Россию в обмен на мир⁹³. Его искренняя вера в сепаратный мир была в значительной мере вызвана его изолированностью в России и тем, что его не было в Лондоне во время массированных бомбежек, когда утвердился непререкаемый авторитет Черчилля как национального лидера. Майский же был свидетелем «часа славы» Черчилля, и он сомневался в возможности сепаратного мира — вопреки мнению в Кремле⁹⁴. Майский постоянно колебался между собственными убеждениями и теми оценками, которых, как он предполагал, ждал от него Сталин. В конечном итоге, как будет показано ниже, его колебания также способствовали ошибочному анализу руководством страны надвигающейся опасности.

Русских, встревоженных неудачным поворотом событий в связи с соглашением с Югославией, преследовала теперь навязчивая мысль о том, что Черчилль стремился вбить клин между ними и Германией. Чтобы исключить какой-либо тайный сговор с Англией, они быстро сообщили немцам существо меморандума Криппса⁹⁵. Выражением официальной реакции стали помещенные в «Правде» прямолинейные обвинения в адрес США и Англии, составленные в том же духе⁹⁶. Страх перед тем, что Англия может помешать достижению политического решения с Германией, также объяснялся ощущением беспомощности, которое, как замечал Майский в беседах с представителями английского руководства, охватило их⁹⁷. Появились версии, которые, как казалось, подтверждали многие имевшие хождение слухи и версии советской разведки о том, что Англия, возможно, даже на станет оказывать помощь России в случае германского нападения, и что «она или немедленно заключит с Германией мир или приостановит

военные действия против Германии»⁸⁸. К тому времени как предупреждение Черчилля дошло до Сталина, оно, очевидно, могло оказать воздействие, прямо противоположное своему замыслу. Подозрительность советского руководства только усилилась. «Вот видите», — сказал Сталин Жукову, — «нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и натравливают нас друг на друга. Это тонкая политическая игра»⁸⁹.

Майскому было после этого поручено проверить содержание меморандума Криппса, который, очевидно, ошеломил Москву. Пойдя на совершенно беспрецедентный шаг, Москва сообщила Майскому полный текст меморандума. Эти предупреждения и меморандумы были расценены в Москве как умышленная попытка втянуть Россию в войну на стороне Англии путем создания видимости переговоров. Особенное беспокойство вызывал второй меморандум. Ведь только за неделю до его направления Майский предупреждал Идена, что эти документы составлены «не в таких выражениях, чтобы вообще создавать какое-либо впечатление»; новый же меморандум был похож «на плохую шутку». Особый интерес для Майского представляла информация Батлера, бывшего активного сторонника умиротворения Германии. В бытность Галифакса министром иностранных дел он был его правой рукой — парламентским заместителем. Батлер и Майский терпеть не могли друг друга. Но Майский был мастером добывать ценную информацию, прибегая в ходе разговора к сарказму и провокационным уловкам. Майский раскрыл опасения русских, что документы, подобные предложениям Криппса, могут быть умышленно разглашены. Батлера позабавила бурная реакция Майского, но он подтвердил подозрения советской стороны, что взгляды, выраженные Криппсом, в основе своей утверждены правительством.

Перевод беседы с балканского вопроса на Балтику должен был, как ожидалось, подвергнуть намерения англичан последнему решающему испытанию. Английское заявление по этому вопросу стало бы выпадом против немцев и доказательством того, что вопрос о сепаратном мире не стоит. Таким же образом Майский сменил тему беседы, переведя ее на обсуждение Ближнего Востока, стремясь узнать, не ослаблены ли усилия армии. Батлер

проявил явно пораженческий настрой, признавшись, что «в связи с разгромом Югославии положение англо-греческих войск становится катастрофическим». В целом Майский нашел мало утешительного в оптимизме Батлера, заявившего, «что впереди перед Англией лежат тяжелые месяцы, но что в конечном счете она все-таки победит»¹⁰⁰. Майский счел этот оптимизм безосновательным.

Примечания

¹ DGFP, 1918 — 1945, XI, р.928 — 929, сообщение Шуленбурга в МИД Германии, 22 декабря 1940 г.

² Там же, стр. 960 — 961, сообщение Шнурре Риббентропу 25 декабря 1940 г.

³ Сообщение, направленное Тимошенко 31 марта 1941 г., цит. в «50 лет Великой Отечественной войны», стр. 16 — 18, сообщение Тимошенко от начальника разведывательного управления НКВД, 31 марта 1941 г.

⁴ Сообщение Разведывательному управлению Генштаба от разведывательного управления НКВД в ГРУ, *Известия ЦК КПСС*, 1990, N 4, стр.211.

⁵ ЦАМО, оп.7237, донесение Голикова от 16 апреля 1941 г.

⁶ ГРУ, разведывательные сводки по Западу, N 4, 20 апреля 1941 г.

⁷ DGFP, 1918 — 1945, XII, pp. 182 — 3, 195 и 213 — 216, обмен телеграммами между Риббентропом и Шуленбургом, 27 февраля 1941 г.

⁸ АВП, РФ фонд 017а, дневник И.Майского, стр. 106 — 107, 26 апреля 1941 г.

⁹ DGFP, 1918 — 1945, XII, pp. 490 — 491.

¹⁰ *ibid.*, pp. 723 — 725. Сообщение посла Германии в Японии Отта в министерство иностранных дел, 6 мая 1941 г.

¹¹ Неопубликованный дневник Димитрова, 20 апреля 1941 г.

¹² Там же, 21 апреля 1941 г.

¹³ Фирсов, цит. соч., стр. 34 — 35.

¹⁴ Неопубликованный дневник Димитрова, 22 июня 1941 г.

¹⁵ Курсив мой.

¹⁶ Курсив мой. DGFP, 1918 — 1945, XII, p. 537, сообщение Шуленбурга в МИД, 13 апреля 1941. Шуленбург добился желаемого впечатления, о чем свидетельствует переводчик Гитлера в своей книге: P.Schmidt, *Hitler's Interpreter*. London, 1952, p. 232.

¹⁷ E. von Weizsäcker, *Memoirs*. London, 1951, p. 252.

¹⁸ *ibid.*, p. 246.

¹⁹ G.F.Waddington, «Ribbentrop and The Soviet Union, 1937 — 1941», в J.Erickson and D.Dilks (eds.), *Barbarossa: The Axis and the Allies*. Edinburgh, 1994, p. 22.

²⁰ Ribbentrop, *The Ribbentrop Memoirs*. London, 1952, pp. 146 — 148.

²¹ *ibid.*, pp. 150 — 151.

²² M. Thielenhaus. *Zwischen Anpassung und Widerstand. Deutsche Diplomaten 1938 — 1941: Die politischen Aktivitäten der Beamtengruppe um Ernst von Weizsäcker im Auswärtige Amt*. Paderborn, 1984, p. 213 ff., и R.Gibbons. «Opposition gegen Barbarossa im Herbst 1940: Eine Denkschrift aus der deutschen Botschaft in Moskau», *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*. Vol. 23, No. 3, 1975.

²³ *DGFP*, p. 802.

²⁴ Weizsäcker, *Memoirs*, p. 248.

²⁵ L.E.Hill, *Die Weizsäcker-Papiere, 1933 — 1950*. Frankfurt, 1974, fn. 126, pp. 565 — 66.

²⁶ Hilger, *The Incompatible Allies*, p.328. К сожалению этот документ, о котором также упоминают Риббентроп и Вайцзеккер (*DGFP*, 1918 — 1945, XII, fn. 2, p. 661), не найден.

²⁷ Телеграмма от Типпельскирха, 15 апр. 1941 в *DGFP*, 1918 — 1945, XII, pp. 560 — 561.

²⁸ *ibid.*, 15 апр. 1941, pp. 563 — 564.

²⁹ *ibid.*, 25 апр. 1941.

³⁰ *ibid.*, p. 602.

³¹ Fleischhauer, *Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa»*, p. 305.

³² Weizsäcker, *Memoirs*, p. 253 и *Die Weizsäcker-Papiere*, 21 Apr., p. 248. На суде Вайцзеккер заявил: «Я знаю, что меня долгое время считали пораженцем с устарелыми взглядами, которого никто не слушает. Но я хотел, возможно в последний раз в своей карьере, довести мои абсолютно противоположные взгляды до сведения руководства государства». *Die Weizsäcker-Papiere*, fn. 156, p. 570.

³³ *The Ribbentrop Memoirs*, p. 152.

³⁴ *DGFP*, 1918 — 1945, XII, fn. 1, p. 666.

³⁵ Докладная записка напечатана полностью. *ibid.*, pp. 661 — 662. См. также Weizsäcker, *Memoirs*, pp. 247 и 253, и *Die Weizsäcker-Papiere*, 28 and 29 Apr. 1941, pp. 249 — 250.

³⁶ Hilger, *Incompatible Allies*, p. 328.

³⁷ Weizsäcker, *Memoirs*, p. 257.

³⁸ DGFP, 1918 — 1945, XII, pp. 666 — 669. Hilger, *Incompatible Allies*, p. 328.

³⁹ G.Hilger, *The Incompatible Allies*, p. 328.

⁴⁰ DGFP, 1918 — 1945, XII, pp. 691 — 92. Судя по различным признакам, Шуленбург обсуждал с Вайцзеккером возможность использовать пребывание Деканозова в Москве, чтобы найти подход к Советскому правительству. У Вайцзеккера сложилось самое позитивное впечатление о Деканозове, назначенном послом в декабре 1940 г., как о «человеке, с которым можно разговаривать совершенно объективно». Weizsäcker, *Memoirs*, p. 246.

⁴¹ Цитируется по: Куманев Г. «22-го; на рассвете...», *Правда*, 22.6.1989. См. например, публикацию В.В.Соколовым текста беседы в «*Вестнике Министерства иностранных дел СССР*», 1990, N 20, с. 56. Эти слова не подтверждаются ни текстом этой беседы, ни двух последующих. Соколов также ошибается, когда он утверждает, что Деканозов «не осмелился» передать информацию Молотову и Сталину — это ясно из последующего изложения.

⁴² Hilger, *The Incompatible Allies*, p. 331.

⁴³ Чуев Ф., *Сто сорок бесед с Молотовым*. М., 1991, с. 39.

⁴⁴ Доклад Деканозова о встрече с Шуленбургом 5 мая 1941 г. факсимильно воспроизведен в «*Вестнике министерства иностранных дел СССР*», N 20, 1990. См. также Воюшин В.А. и Горлов С.А., «Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты», *Военно-исторический журнал*, N 6, 1991, с. 22 — 23.

⁴⁵ DGFP, 1918 — 1945, XII, p. 446, Сообщение Главнокомандующего вермахта МИДу, 3 апр. и pp. 698 — 99, Сообщение военной разведки военному атташе в Москве 4 мая 1941. См. также: Вышлев О.В. «Почему медлил Сталин в 1941», *Новая и новейшая история*, 1992, № 2, с. 93 — 94.

⁴⁶ H.Teske (ed.), *General Ernst Köstring: Der militärische Mittler zwischen der Deutschen Reich und der Sowjetunion, 1921 — 1941*, Frankfurt, 1965, 24 Apr. 1941, pp. 307 — 308.

⁴⁷ *ibid.*, 3 Apr. 1941, p. 260. Еще до своего возвращения в Москву военно-морской атташе информировал командование ВМФ, что он «предпринимает усилия, чтобы противодействовать слухам, которые являются совершенно абсурдными», *ibid.*, 24 апр. 1941, p. 632.

⁴⁸ *ibid.*, 4 мая, 1941, pp. 698 — 99.

⁴⁹ FO 371 29481 N2418/78/38, Сообщение Криппса в Форин оффис, 15 мая 1941.

⁵⁰ DGFP, 1918 — 1945, XII, p. 730, 7 May 1941.

⁵¹ Как ясно читателю, именно эта идея, в конечном итоге привела к публикации коммюнике ТАСС 13 июня, а не тот хитроумный план, который предполагает Суворов.

⁵² Запись В.Г. Деканозова о его беседе с Шуленбургом 9 мая 1941 г., адресованная «лично т.Молотову» и напечатанная только в 2-х экземплярах, опубликована в «Дипломатическом вестнике», 1993, N 11 — 13, с. 75 — 77. Документы хранились в кремлевском архиве в «особой папке» по внешней политике, а не в архивах МИДа и поэтому оставались неизвестными до 1993 г.

⁵³ DGFP, 1918 — 1945, XII, fn. 1, p. 66.

⁵⁴ *The Ribbentrop Memoirs*, p. 152.

⁵⁵ *Die Weizsäcker-Papiere*, 1 мая, 1941, pp. 252 — 3.

⁵⁶ G.Ciano, *Ciano's Diplomatic Papers*, London, 1948, 15 июня, p. 358. Это подтверждает подобные впечатления Бережкова. См. его мемуары *Так делалась история*, М., 1982, с. 70.

⁵⁷ *Weizsäcker, Memoirs*, pp. 253 — 54 и *Die Weizsäcker-Papiere*, 1 мая, 1941, p. 252.

⁵⁸ См. ниже в этой главе.

⁵⁹ В эти дни в самом разгаре были очень важные переговоры, которые Гитлер вел с маршалом Петэном и адмиралом Дарланом о будущих отношениях между вишистской Францией и Германией. Гитлер стремился обеспечить свой тыл до начала войны с Россией.

⁶⁰ *Die Weizsäcker-Papiere*, 16 февр. 1941, p. 238.

⁶¹ DGFP, 1918 — 1945, XII, 7 мая, pp. 734 — 735.

⁶² Запись беседы опубликована в «Дипломатическом вестнике», N 11 — 12, июнь 1993, с. 77 — 78.

⁶³ Письма были посланы 10 мая с курьером, но прибыли, как сказал Шуленбург Деканозову, ничего не сообщая об их содержании, в день их встречи.

⁶⁴ DGFP, 1918 — 1945, XII, pp. 750 — 751.

⁶⁵ В короткой телеграмме Вайцеккера Шуленбургу была фраза, которая могла побудить последнего сделать такое заключение, но вряд ли она относилась к Гессу. Вайцеккер писал: «В ближайшем будущем снова состоятся встречи важных деятелей, что однако едва ли затронет сферу твоей деятельности». Скорее всего он имел в виду встречу Риббентропа с Муссолини, которая состоялась через 2 дня. DGFP, 1918 — 1945, XII, p. 750. Однако тот факт, что намеки на возможность сепаратного мира делали как Шуленбург, так и Криппс, наверняка встревожил Сталина.

⁶⁶ См. Hilger, *Incompatible Allies*, p. 351.

⁶⁷ *Die Weizsäcker-Papiere*, 2 мая, 1941, p. 253.

⁶⁸ DGFP, 1918 — 1945, XII, pp. 791 — 93.

⁶⁹ *ibid.*, 22 мая, p. 870.

⁷⁰ *ibid.*, 4 мая, pp. 964 — 65.

⁷¹ *General Ernst Köstring*, pp. 308 — 310.

⁷² PREM 3/395/16, письмо Черчилля Идену 22 февраля 1941 г.

⁷³ FO 371 29465 N1725/3/38, 22 апреля 1941 г.

⁷⁴ Сообщение в «Таймс» 10 апреля и комментарий в «Таймс» 20 апреля 1941 г.

⁷⁵ См., например, АВП РФ, ф.017а, дневник И.Майского, стр. 1 — 3, 62 — 5 и 69, 1 января и 31 марта 1941 г.

⁷⁶ Неопубликованный дневник Димитрова, 20 февраля 1941 г.

⁷⁷ АВП РФ, ф.017а, дневник И.Майского, стр. 100 — 101, 15 и 17 апреля 1941 г.

⁷⁸ Там же, стр. 79 — 80, 4 апреля 1941 г.

⁷⁹ Сообщение об этом см.: АВП РФ, ф.059, оп.1, п.351, д.2401, л.1130, телеграмма Майского в Наркоминдел; там же, дневник И.Майского, стр. 83 — 4, 9 апреля 1941 г.

⁸⁰ АВП РФ ф.069, оп.25, п.71, д.6, л.58 — 59, телеграмма Майского в НКВД о встрече с Бренданом Брекеном 30 апреля 1941 г.; ф.017а, дневник И.Майского, стр.111 — 115, 30 апреля 1941.

⁸¹ АВП РФ, ф.059, оп.1, п.361, д.2401, л.133 — 134, телеграмма Майского в Наркоминдел 10 апреля 1941 г.; ф. 017а, дневник И.Майского, стр. 41 — 45 и 85 — 7, 1 марта и 10 апреля 1941 г.

⁸² Там же, стр. 121 — 122, 5 мая 1941 г.

⁸³ См. ниже.

⁸⁴ FO 371 29465 N 1999/3/38, сообщение Галифакса Идену 5 мая 1941 г.

⁸⁵ Я благодарю г-на И.Макдональда за эту информацию.

⁸⁶ АВП РФ, ф.017а, дневник И.Майского, стр. 152 — 153.

⁸⁷ Сообщения о беседе 16 апреля 1941 г. см. FO 371 29465 N 1658/3/38 и АВП РФ, ф.069, оп.25, д.6, п.71, л. 53 — 61.

⁸⁸ FO 371 29465 N 1667/3/38 обмен телеграммами между Криппсом и Иденом 17 и 19 апреля 1941 г. См. также записки Криппса, Дневник Исобель, 28 апреля 41 г.

⁸⁹ FO 371/29480 N 1762/78/38, телеграммы от Криппса за 23 апреля и записи Сарджента и Идена 25 апреля 1941 г.

⁹⁰ FO 371 29465, N 1828 и N 1692/3/38, сообщение Криппса в Форин оффис 18 апреля; АВП РФ, ф.06, оп.3, д.75, п.7, р.12 — 16, письмо Криппса Вышинскому 18 апреля 1941 г. См. также доклад в: State Department, 740.0011 EW39/8919, телеграмма Штейнгардта 7 марта 1941 г. о подобных намеках, ранее делавшихся Криппсом американскому послу, которые вполне могли дойти до ушей представителей советских властей.

⁹¹ PREM 3 395/2 fol.29.

⁹² Сообщение НКГБ в ЦК ВКП(б) и СНК СССР, цит. по:

«Известия ЦК КПСС», 1990, N 4, стр. 206 — 207, 11 марта 1941 г.

⁹³ State Department 740.0011 EW/39/8919, 7 марта 1941 г.

⁹⁴ Я благодарен Морису Шоку за его ценные замечания относительно Криппса и «Блицкрига».

⁹⁵ DGFP, 1918 — 1945, XII, стр. 604 — 605, сообщение министерства иностранных дел Шуленбургу 22 апреля 1941 г.

⁹⁶ FO 371 29465 N 1806/3/38.

⁹⁷ АВП РФ, ф.017а, дневник И.Майского, стр. 102 — 103, 22 и 23 апреля 1941 г.

⁹⁸ ЦАМО, оп. 2419, д.1, л. 452 — 455, Сообщение военного атташе в Бухаресте Голикову 24 марта 1941 г.

⁹⁹ FO 371 29480 N 1725/78/38, телеграмма Криппса 22 апреля 1941 г.; Жилин П.А., *Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз*. (Расчеты и просчеты). Изд. второе, дополненное. М., 1966, стр. 291; Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*, том 1, стр. 355, Whaley, *Barbarossa*, Ch.8.

¹⁰⁰ Встреча, состоявшаяся 25 апреля, описывается в: FO 371 29465 N 1⁸¹/3/38 и в: АВП РФ, ф. 069, оп. 25, д. 6, п. 71, — 66 — 69. О предыдущей встрече 18 апреля см. там же, стр. 62 — 65.

Глава 9

Полет Рудольфа Гесса в Англию

Заговор Гесса

Состоявшийся 10 мая 1941 г. полет Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера, по нацистской партии, с миссией мира в Англию остается одним из наиболее странных эпизодов второй мировой войны. События, связанные с предупреждением Черчилля и угрозами Криппса относительно сепаратного мира, дают тот самый ключ к всепоглощающей озабоченности Сталина делом Гесса, который так долго искали. Эти события проливают новый свет на ошибочную советскую оценку английских и германских намерений накануне 22 июня 1941 г. Сосредоточившись на германо-советском сотрудничестве в 1939 — 1941 гг., историки не обращали внимание на имеющий столь же важное значение страх перед перспективой заключения англо-германского мира. Этот страх, как представляется, серьезно ограничил способность Сталина к анализу информации и способствовал параличу, становившемуся все более очевидным по мере приближения германского нападения.

Гесс в определенной степени стал играть роль козла отпущения за ошибки в оценке намерений Германии, допущенные не только Сталиным, но и рядом политиков и военных. Из-за того, что взаимная подозрительность так и не исчезла на протяжении всей войны, Гесс оказался в опасном амплуа потенциального эмиссара. Все это объясняет настойчивое требование советской стороны держать его в тюрьме в Шпандау до самой смерти, которая наступила много лет спустя после освобождения остальных военных преступников. Впервые гипертрофированные подозрения Сталина проявились осенью 1942 г. Он обвинил Черчилля в том, что тот ведет курс на поражение России в войне, отказываясь открыть второй фронт и прерывая отправку северных конвоев в Россию, а также «по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас...»¹. Криппсу, тогда члену Военного кабинета, было

поручено подготовить самый полный и точный отчет о деле Гесса, который, к сожалению, не успокоил Сталина. Может быть, это произошло потому, что, по настоянию цензора, были сняты упоминания о беседах, которые лорд Саймон и лорд Бивербрук вели с Гессом в 1941 г., хотя Сталину эта информация была хорошо известна².

Сталинская интерпретация дела Гесса проявилась во время визита Черчилля в Москву в октябре 1944 г. После того как поделили Восточную Европу на точно определенные зоны влияния, выпили и поужинали, Сталин поднял вопрос о Гессе. Черчилль изложил эту часть беседы с юмором, но в то же время точно:

Гесс считал, что он мог спасти Англию для Германии. И вот Гесс, которому вообще было запрещено управлять самолетом из-за его безумия, сумел завладеть самолетом и прилететь. Он надеялся при помощи герцога Гамильтона — Главного камергера короля — попасть прямо к королю! Тут Сталин довольно неожиданно предложил тост за британскую разведку, которая заманила Гесса в Англию. Он не смог бы приземлиться, если бы ему не подавали сигналов. За этим делом должна была стоять британская разведка.

Черчилль негодовал, протестовал, но Сталин был категоричен и не изменил своего мнения. Он просто заявил, что британская разведка могла и не сообщить Черчиллю всю правду. Русская разведка, по словам Сталина, «часто не информирует Советское правительство о своих замыслах и докладывает только после того, как дело сделано...»³.

Советские историки и политики, а особенно КГБ, продолжают поддерживать эту версию. Она, кстати, совпадает с похожими теориями о заговорах, получившими признание на Западе. За последние годы распространялись просто фантастические теории, начиная от предположений о том, что в Англию прилетел на самом деле не Гесс, а его «двойник», и кончая обвинениями в том, что Гесс не умер в тюрьме естественной смертью, а был отравлен своими тюремщиками⁴. Показательной в этом жанре стала вышедшая в 1991 г. и немедленно переведенная на русский язык книга американского историка Дж.Костелло «Десять

дней, которые спасли Запад». В книге собраны и увековечены различные теории о заговорах. После выхода книги они были поставлены под сомнение в связи с рассекречиванием летом 1992 г. закрытых британских архивов о деле Гесса.

Костелло пытается доказать, что либо Гесс прибыл в Англию с молчаливого согласия Гитлера, либо это был заговор британской разведки, заманившей его в Шотландию. В основе своей книга состояла из ничем не доказанных утверждений, основанных исключительно на косвенных доказательствах. В этом ключе, например, Костелло утверждал, что массированные бомбежки Лондона и здания парламента в особенности в ту самую ночь, когда Гесс прилетел в Англию, были умышленно скоординированы с временем миссии Гесса. Это предположение уже выдвигалось в прошлом и большинство историков не критически его восприняли. Но ведь после прилета Гесса бомбежки не были прекращены! Точно так же Костелло заявлял, что шестичасовая задержка с представлением доклада герцога Гамильтона была вызвана тем, что «высшие власти уже знали» о состоявшемся или ожидавшемся прибытии Гесса или тем, что «он выполнял секретный приказ»⁵. Слова из драматического послания Черчилля Рузвельту: «Мы находимся в решающем пункте войны; грандиозные процессы застыли, но неизбежно примут четкие очертания», Костелло естественно интерпретировал как сообщение о предстоящем нападении на Россию, которое Черчилль якобы получил от Гесса. На самом же деле они относились к битве за Крит и к положению на Ближнем Востоке⁶.

Однако наиболее пикантным в сюжете с Костелло явилось то, что доказательствами автора снабдил такой источник, как — хотите-верьте, хотите-нет — КГБ. Такой поворот событий поистине захватывает дух. В 1990 году, накануне Дня благодарения, в Нью-Йорке на стол Костелло лег запечатанный синий пакет с документами. В нем оказались фотокопии шифрованных сообщений НКВД, а также докладов о Гессе, готовившихся для Сталина. В этой пачке были также и материалы, переданные советской разведке в Лондоне главой чехословацкой военной разведки полковником Ф. Моравцем. В московской штаб-квартире КГБ были представлены: «Подлинные, переплетенные

дела Гесса и Моравеца», дело Гесса N 20566 (кодовое название — «Черная Берта»). «По оперативным причинам» были закрыты бумажными полосками только с полдюжины абзацев из 400 страниц дела. Костелло стал, сам не подозревая того, орудием воскрешения старых ложных версий о деле Гесса. Одно только непонятно — почему из всего этого богатства Костелло решил использовать только пару документов⁷.

Окончательный вывод советской службы безопасности, который Сталин полностью принял, состоял в том, что Гесса действительно заманила в Англию британская разведка, и, возможно, даже Черчилль об этом заранее не знал. Российская служба безопасности придерживалась этой точки зрения до последнего времени. В 1991 г. ведущий теоретический журнал советских вооруженных сил опубликовал на видном месте статью малоизвестного немецкого историка, повторяющего эти ничем не подкрепленные утверждения. Журнал даже счел необходимым воспроизвести крупным шрифтом заголовок статьи тех дней из одной английской бульварной газеты (как будто простое воспроизведение может доказать достоверность аргументов): «Сообщается о неожиданном захвате Гесса в ловушку, подстроенную английской «Сикрет Сервис». В редакционной статье журнала высказывалось предположение, что целью англичан было вселить в немцев надежду на то, что нарождающееся шотландское революционное движение может быть использовано, как только начнется война против России. Они с гордостью предъявили русским читателям последствия «игры, которую английская разведка затеяла с нацистами»⁸. Теорию о заговоре широко поддерживают в Москве. Делается вывод, что Гесс «держал (англичан) за горло. Он терроризировал английское правительство простой, но по-своему гениальной мыслью: или вы соглашаетесь на союз с нами, или мы заключаем военный союз с Россией и уже в таком качестве продолжим войну против вас»⁹.

КГБ был не единственным, кто стал жертвой этой ошибочной версии. Очевидно, что американский военный атташе в Лондоне был введен в заблуждение таким же образом. Он был столь уверен в себе, что представил своему начальству в Вашингтоне доклад, назвав его под-

робным и (поэтому) точным воспроизведением содержания разговоров, которые англичане вели с Гессом. Составляя доклад, полковник Ли находился под сильным воздействием распространявшихся в Лондоне слухов о надвигающейся войне на Востоке. Поэтому он объединил эти два вопроса. «Гесс», авторитетно писал он в заключении, «прилетел к герцогу [Гамильтону], чтобы сообщить ему, что Германия намеревается воевать с Россией». Затем он приводил слова Гесса, сказавшего своему следователю, что Гамильтон «мог пойти к королю и рассказать ему о наших планах воевать с большевиками, и король мог бы заключить с нами мир». Этот источник, который предположительно подтверждается документами КГБ, был использован Костелло для подтверждения этой не соответствующей действительности интерпретации миссии Гесса¹⁰.

К настоящему времени читателю должно быть известно, что английская разведка абсолютно не верила в неизбежность войны между Россией и Германией. Наоборот. Она прогнозировала германо-советское соглашение, и поэтому приписываемые ей мотивы для заманивания Гесса оказываются несостоятельными. 18 тысяч страниц документов по делу Гесса, рассекреченных летом 1992 г. британской Архивной службой рисуют картину, разительным образом отличающуюся от той, которую представляет жалкая подборка бумаг КГБ, в свое время опубликованных с таким шумом. Новые английские документы разоблачают умышленную кампанию дезинформации, которую проводила британская разведка. Эта кампания дала осечку; в результате чего ошибочное истолкование дела Гесса, создавшееся в то время в России, так и сохраняется до сих пор.

Различные теории о заговорах исходили из того очевидного допущения, что в обширных собраниях документов, хранящихся в закрытых британских архивах, укрывается сенсационная и очень щекотливая информация. Под нажимом ведущих английских историков разведки английское правительство в конце концов полностью раскрыло архивные материалы, связанные с делом Гесса. Вот тогда-то приверженцев теории о заговорах постигло разочарование. Это обширное собрание фактически подтверждает два основных тезиса версии дела Гесса, изло-

женной в мемуарах Черчилля. Он писал, что Гесс «прибыл к нам по своей доброй воле, и, хотя не имел полномочий, он был до некоторой степени посланцем». Его вторая посылка, самая важная для нашего рассказа, состоит в том, что «учитывая, сколь близок был Гесс к Гитлеру, поража-ло, что он не знал (а если знал, то не сообщил нам), о приближавшемся нападении на Россию...»¹¹. Однако в архивных материалах содержится потрясающее открытие, о котором до сих пор можно было только догадываться по отдельным намекам в отрывочных свидетельствах¹². Речь идет о том, что английские Форин оффис и разведка пытались путем манипулирования делом Гесса оказать давление на Россию, чтобы она отдалилась от Германии. Воздействие этих акций на Москву, несомненно, является гораздо более важным, чем те проблемы, которые легли в основу теорий о заговорах.

Миссия

Гесс вылетел в 5.45 вечера 10 мая 1941 г. из Аугсбурга на самолете «Мессершмитт» Bf110, который англичане называли ME110. Для смелого полета и управления самолетом требовалось высокое мастерство пилота. Гесс прыгнул с парашютом в Шотландии, в Иглшеме, после наступления темноты. На нем был мундир капитана германских ВВС. Гесс приземлился в 12 милях от имения герцога Гамильтона. Позже утверждали, что он привез официальные предложения о мире¹³. Однако на самом деле при нем не оказалось вообще никаких документов — лишь фотографии его самого и сына, а также визитная карточка знаменитого геополитика, профессора Карла Хаусхофера. Сын Карла Хаусхофера Альбрехт, скорее всего, и был инициатором этой миссии.

Опубликованные к настоящему времени архивные материалы доказывают, что английские королевские ВВС Гесса не ждали. Не было его умышленного пропуска английскими ПВО. Да и не была ПВО этого района столь мощной, как об этом часто писали. На самом же деле самолет Гесса засекли около 10 часов вечера на высоте 15 тысяч футов. На его преследование пошли два «Спитфайра», патрулировавших в этом районе, но они в конечном итоге потеряли его из виду, так как их скорость была

меньше, чем у самолета Гесса. К тому времени, когда Гесс достиг западного побережья Шотландии, его преследовал еще и ночной истребитель «Дифайэнт». Он уже почти настиг «Мессершмитт», но в этот момент Гесс спрыгнул с парашютом¹⁴.

Если, как утверждают Костелло и другие, Гесса на самом деле ожидали бы люди «Сикрет интеллидженс сервис» — (предшественница МИ-6 — военной контрразведки), то это было бы очевидно из того, какой прием был бы оказан ему в первые же часы после его прибытия. Вспомним, что Гесс приземлился поразительно близко от поместья герцога Гамильтона, и, если бы его ждали, то не «потеряли» бы на несколько часов. Однако его появление вызвало неразбериху и замешательство. Сведения о приземлении Гесса на парашюте поступили в силы местной обороны из полицейского участка в Гиффноке. Полицейских же, в свою очередь, информировали прохожие. Полиции сообщили также, что в 23.12 около Иглшем Хаус разбился какой-то самолет. Захват Гесса абсолютно не координировался. Офицер, который жил неподалеку от места событий, взяв с собой двух солдат-артиллеристов из расположенного рядом военного лагеря, отправился к месту падения самолета. К тому времени Гесса уже схватили и держали в доме работника фермы, в чей двор он опустился на парашюте. Через некоторое время Гесса, назвавшегося Альфредом Горном, отвезли на машине в штаб сил местной обороны. Шло время. Наступила полночь. Тогда командование сил местной обороны обратилось в штаб Аргил-сатерлендского хайлендского полка с просьбой прислать конвоиров для отправки «летчика» в расположение армейской части, чтобы его держали там. Из всего этого совершенно ясно, что Гесса никто не ждал. Ведь дежурный офицер приказал полиции оставить Гесса на ночь в камере полицейского участка Гиффнока, несмотря на возражения, что Горн, вроде бы, «важная птица и военным надо бы им заняться». Служебное расследование, позже проведенное военной разведкой, вскрыло серьезные упущения в обращении с Гессом. Этого не случилось бы, если бы его прибытие в Англию было действительно организовано МИ-6. Так, например, ничего не было сделано, чтобы установить, что пленный, назвавшийся Горном,

является офицером, и поэтому его и допрашивать следует соответствующим образом. Разведка ВВС абсолютно проигнорировала информацию, представленную ей в час ночи 11 мая. А это было заявление пленного, о том что он является важным лицом и желает сделать сообщение¹⁵. В конце концов военные согласились принять пленного, — но только после того, как им сообщили, что у «летчика» есть информация для герцога Гамильтона и что он, т.е. «летчик», готов говорить с компетентными людьми. Инспектор сыскной полиции, который прибыл, чтобы забрать Гесса, удалился — проведя свое собственное расследование и осмотрев вещи Гесса.

Допрос вели с помощью какого-то капитана Дональда, случайно оказавшегося поблизости в момент, когда привезли Гесса. А Дональд прихватил с собой переводчика, который оказался сотрудником польского консульства в Глазго, Романом Батталья. «Просто не верится», раздражается упреками «С» (псевдоним главы британской контрразведки), «что подобное могли допустить». Батталья-то и определил, что летчик как две капли воды похож на Гесса, но тот стал отрицать это. В целом Гесс был спокоен, но немного раздосадован. Причиной его неудовлетворения могла быть странная обстановка «допроса» — в присутствии пятнадцати — а может и двадцати? — ополченцев сил местной обороны. Английский язык Батталья, который вел допрос, был «несколько высокопарным». Несомненно, что при допросе пленного исключительно важной является начальная стадия. Вот как о ней рассказывал Батталья в своих показаниях британской военной разведке. Его поразило то, что: «...не было сделано никакой попытки, насколько ему известно, установить личность задержанного [Гесса] или правдивость его слов; среди пятнадцати или двадцати людей, находившихся в комнате, как казалось, не было ни одного, кто бы официально вел допрос. Из разных углов ему выкрикивали вопросы, некоторые из которых он счел оскорбительными для Гесса и отказался переводить. Не составлялось точного протокола допроса, и во время допроса присутствующие расхаживали по всей комнате, бесцеремонно разглядывая пленного и его вещи».

Тем не менее, до всех этих людей постепенно стало, наконец, доходить, что перед ними не рядовой летчик. Они обратили внимание на то, что его мундир был из очень

хорошей материи и абсолютно неношенный. После этого, с Гессом «стали обращаться несколько повежливее». Около двух часов ночи его отвезли в Мэрихиллские казармы¹⁶.

Как только личность Гесса была установлена, «С» сделал выговор военной разведке за то, сколь плохо она вела это дело. Особенное негодование вызвало то, что Гесса продолжали допрашивать после полуночи, уже после того как он заявил, что у него имеется важное послание. Разведка же очень быстро свалила вину на герцога Гамильтона, заявив, что «можно только предположить, что решение ничего не предпринимать до утра было принято командиром авиационного крыла герцогом Гамильтоном». Этот домысел и привел к необоснованным заявлениям о том, что Гамильтон был вовлечен в махинации «Сикрет интеллидженс сервис». Это предположение могло возникнуть из-за того, что Альбрехт Хаусхофер, известный германский эксперт по геополитике, который, как кажется, был основным вдохновителем миссии Гесса, осенью 1940 г. послал Гамильтону письмо. Оно было перехвачено и прочтено военной разведкой. Вследствие простого совпадения письмо, которое являлось зондажом о мире, пришло к адресату за пару дней до появления Гесса. Пора бы признать, что совпадение не обязательно свидетельствует о заговоре...

Мог бы существовать целый ряд причин, по которым Гамильтон не допросил пленного немедленно, в три часа ночи. Начнем с того, что вполне возможно, — Гамильтону не сообщили по телефону, что у летчика, называющего себя Альфредом Горном, имеется политическое послание. Гесс был не единственным немцем, сбитым тогда. В ту ночь состоялся один из наиболее мощных немецких воздушных налетов. Командиры частей не занимались допросами пленников по ночам. Более того, Гамильтон не лег спать, не проверив список офицеров германских ВВС, с которыми он встречался, когда присутствовал на Олимпийских играх 1936 г. Фамилии Горна среди тех офицеров не числилось. Задержка, таким образом, была, в самом худшем случае, всего лишь проявлением халатности¹⁷.

В этой связи следует рассмотреть еще одну сторону этого эпизода. Если бы Гамильтон и догадался, что летчиком является Гесс, — хотя это совершенно невероятное

допущение — то его реакция была бы абсолютно предсказуемой. Сейчас он, уважаемый командир авиакрыла, пытающийся избавиться от клейма своих прошлых связей со сторонниками политики умиротворения. И он вдруг оказывается лицом к лицу с повергающей его в смятение реальностью — ему адресованы предложения о мире, исходящие от нацистов. Дело Гесса грозило выпустить джинна из бутылки¹⁸. Неудобное положение, в котором оказался Гамильтон, осложнилось после того, как в официальном германском сообщении его имя связали с миссией Гесса. У общественности это создало ни на чем не основанное ощущение его соучастия. Эти настроения присутствуют во взятых наугад письмах, прошедших цензуру. Вот лишь один пример, «Интересно, правда ли, что этот негодяй был тесно связан с герцогом Гамильтоном. Кажется, что уже чересчур много нашей титулованной знати замешано в делах, связанных с нацистами»¹⁹. Щепетильность Гамильтона была столь высокой, что он подал в суд на лидера коммунистов Гарри Поллита, когда тот заявил, что Гамильтон — «друг Гесса». И этим Гамильтон поставил правительство в затруднительное положение. В связи со своими подозрениями коммунисты — возможно, по инструкциям из Москвы, хотя это и не доказано — увидели в этом случае редкую возможность вызвать Гесса в суд, где и допросить его публично²⁰. Действительно, необходимость «снять с герцога Гамильтона те несправедливые и вызванные невежеством подозрения, которые пали на него», была полностью признана²¹. В докладе кабинету по этому делу, представленному в ноябре 1942 г., Криппс приложил значительные усилия, чтобы снять обвинение с Гамильтона, отметив, что «поведение герцога в том, что касалось Рудольфа Гесса, было во всех отношениях благородным и правильным».

Гамильтон встретился с пленным пилотом только в 10 часов утра следующего дня. Гесс открыл ему свое настоящее имя. Гамильтон не помнил, чтобы он встречался с ним во время своего визита в Берлин. И уж точно не имел с ним каких-либо контактов позже. В ходе их разговора с глазу на глаз Гесс передал суть той информации, для сообщения которой он прибыл. Он явился с «гуманной миссией, чтобы сообщить, что фюрер не хотел побеждать Англию и желал

прекратить войну». Подчеркивая близость своих взглядов и взглядов Гитлера, Гесс настаивал в то же время, что миссия была его собственной инициативой²². Это заявление, неоднократно повторяемое в дальнейшем²³, приводит к очень важному предположению о якобы существовавшем молчаливом согласии Гитлера на эту миссию. Майский в своих мемуарах предпочел оставить вопрос открытым: «Кто же такой Гесс? Закамуфлированный посланец Гитлера или психопат-одиночка? Или представитель какой-либо группировки среди нацистской верхушки, обеспечивающей перспективами слишком затянувшейся войны?»²⁴

Введение в свободное обращение британских архивных материалов одним ударом уничтожило дикие спекуляции, которые беспрепятственно циркулировали и разрастались в течение столь многих лет, существенно омрачая англо-советские отношения. Были предприняты кое-какие отчаянные попытки спасти хоть что-нибудь из подобных версий, но все они оказались безуспешными. В своей недавней книге «Рудольф Гесс. Ученик фюрера», Лондон, 1993, П.Пэдфилд использовал многие из идей Костелло. Однако к тому времени, когда книга была готова к печати, британские архивы открылись. Пэдфилду пришлось написать пространный эпилог, в котором он отказывался от большей части своих ранее выдвигавшихся аргументов. Тем не менее, он попытался спасти версию о том, что Гесс прибыл в Англию с молчаливого согласия Гитлера; для ее доказательства он использовал свидетельство, обнаруженное вскоре после войны французским военным корреспондентом, неким Андре Гербером. В газетной статье Гербер заявлял, что «в руинах рейхсканцелярии в конце войны он обнаружил документы, которые доказывают со всей определенностью, что решение о направлении Гесса в Англию было принято самим Гитлером». Гербер утверждал, что на самом деле Гесса снабдили проектом мирного договора, напечатанным на бланке рейхсканцелярии, который был у него конфискован вскоре после его прибытия в Англию. Текст Гербера, включая приводимый им проект договора, состоящий из четырех пунктов, так никогда и не был опубликован. По его собственному признанию, только четвертый пункт существенно отличался от предложений, которые Гесс сделал устно: в этом пункте якобы говори-

лось, что в ходе германо-российской войны Англия должна соблюдать в отношении Германии политику благожелательного нейтралитета²⁵.

После того, как были рассекречены материалы британских архивов, — не содержавшие никаких сенсаций, — прежние версии о заговоре можно поддерживать только, если выступать с совершенно немыслимыми предположениями. Так, Пэдфилд цитирует показания некоего Джона Хауэлла, рассказавшего ему о человеке немецкого происхождения, имя которого нельзя раскрывать. Его и еще двух говорящих по-немецки людей пригласил Айвон Киркпатрик, специалист по Германии в министерстве иностранных дел, чтобы проанализировать условия конкретного предложения о мире, которое Гесс привез с собой из Германии. Они были написаны по-немецки на бланке рейхсканцелярии и снабжены английским переводом. Названная группа, продолжает Пэдфилд свою версию, собиралась в штабе ВВС на Портленд-Плейс, в условиях чрезвычайной конспиративности. Согласно информатору, «на первых двух страницах этих предложений детально излагались цели Гитлера в России, его конкретные планы завоеваний на востоке и уничтожения большевизма»²⁶.

Информатор мог и перепутать документ с тем меморандумом, который Гесс подготовил для встречи с лордом Саймоном, где он изложил свои идеи в письменном виде²⁷.

Утверждается также, что наличие официальных предложений от Гесса поставило Черчилля или разведку в столь неудобное положение, что они просто приказали вычеркнуть их из списка вещей Гесса, составленного после его задержания. В докладе войск местной обороны сказано определенно: «Капитан Барри забрал с собой предметы, изъятые у пленного, перечень которых включен в опись. Экземпляр списка приложен к докладу»²⁸. Непрерывность нумерации страниц в подлинном деле доказывает, что оно не было подделано. Папка дела была с самого начала довольно потрепанной, если ее сравнить с делами Форин оффис. Скорее всего, опись вообще не была приложена к делу.

Те, кто заявляют, что прибытие Гесса в Англию было частью сложного плана, разработанного в Берлине, преисполнены желания и последовательны в своих рассуждени-

ях. Так, недавно было высказано предположение, что 20 апреля Гитлер отправил Гесса в Мадрид, чтобы попытаться установить контакт с английским правительством. Эта версия, естественно, основана на хорошо известном факте — английский посол в Мадриде сэр Сэмюэль Хор был скандально известным сторонником умиротворения и приветствовал бы подобные контакты²⁹. Однако архивными документами эта версия опровергается. Форин оффис запросил у английского посольства в Мадриде информацию относительно «сообщений из Виши, что в Мадрид прилетел Гесс с личным письмом Гитлера к Франко». Слухи касались договоренности о транзите немецких войск через Гибралтар. Эти слухи были опровергнуты второй телеграммой, посланной 25 апреля. Фрэнк Робертс, будущий посол Великобритании в Москве, а в то время сотрудник Европейского департамента Форин оффис, сообщил, что «тревога конца прошлой недели оказалась, по крайней мере, преждевременной». Однако в телеграмме речь шла не о визите Гесса, как предполагает Пэдфилд, а об угрозе Гибралтару, которой англичане в этот момент были озабочены. Характер сообщаемой информации был противоречивым. Визит Гесса в Испанию, если бы он там оказался, неизбежно привел бы к тайным контактам с источниками в английских разведывательных кругах или даже с английским послом сэром Сэмюэлем Хором. Но проблема транзита войск, естественно, подразумевала бы агрессивные действия против Англии. А Фрэнк Робертс в своей информации по запросу военной разведки не только не доверяет слухам (как это предполагает Пэдфилд), а, наоборот, ясно заявляет, что «сообщение о встрече Гесса в Барселоне с германским послом, он, Робертс, подтвердить не может. Если Гесс и находился здесь, то его прибытие сохраняется в такой строжайшей тайне, что об этом даже не появилось слухов». Далее он, замечает, что если бы за этими слухами скрывалось что-то реальное, то Хор «обязательно» сообщил бы о них³⁰.

Архивные материалы, как будет показано далее в этой главе, похоже доказывают, что Гесс прилетел в Англию без разрешения Гитлера и что его не заманивала английская разведка. Более того, никаких официальных предложений он с собой не вез. После того, как англичане в течение года

неоднократно допрашивали Гесса и могли круглыми сутками наблюдать за его поведением, Кадоган сделал совершенно четкий вывод: «К настоящему времени совершенно ясно, что выходка Гесса была его личным безумным предприятием, и германские власти заранее о ней ничего не знали»³¹. Словам Кадогана можно верить: ведь именно ему было поручено координировать контакты с Гессом всех правительственных органов, в том числе и служб безопасности. Сам Гесс признавался в письме к Хаусхоферу: «Несомненно, я потерпел неудачу. Но нельзя отрицать, что я сам вел самолет (подчеркнуто автором). Мне не за что упрекать себя в этом отношении. В любом случае я был за штурвалом»³².

Еще из одного источника исходят сведения, которые, казалось бы, поддерживают версию о том, что Гитлер все знал об отлете Гесса — это интервью, которое после окончания войны одна газета получила у жены Гесса. Но ее свидетельство основано на том, что во время своей последней встречи в Берлине 4 мая Гесс и Гитлер «говорили на повышенных тонах, при этом ссоры между ними не было»³³. Несмотря на отрывочные свидетельства, обширная переписка Гесса с семьей, которую он вел во время войны, не подтверждает версию о том, что Гитлер знал о его планах. В длинном письме к матери Гесс рассказывает о тщательной подготовке к полету, особенно о том, сколь полезными оказались «многие вечера, которые» «он тайно (подчеркнуто автором) проводил за рабочим столом с логарифмической линейкой, среди карт и таблиц».

В другом письме Гесс называл причины, по которым он вылетел не из Берлина: Гитлер запретил ему вылетать, не запрашивая предварительного разрешения. «С таким же успехом», — объяснял он ей, — «я мог бы попросить, чтобы меня тут же арестовали. Но, к счастью, из планов вылета из-под Берлина ничего не получилось. Я не смог бы делать ничего скрытно, и рано или поздно фюреру все стало бы известно. Мой план был бы сорван, и мне осталось бы только укорять самого себя за небрежность»³⁴. Если даже, вдруг, несмотря ни на что, оказалось бы, что миссия Гесса была осуществлена при поддержке официальных кругов Германии, совершенно ясно, что английское правительст-

во ничего об этом не знало. Более того, оно не приняло Гесса за официального эмиссара Гитлера.

Истинным вдохновителем Гесса был, почти наверняка, Хаусхофер. Степень его прямой и непосредственной причастности до сих пор ясна не полностью, но письмо, которое он был вынужден написать в Берхтесгадене в день исчезновения Гесса, является доказательством его влияния на Гесса и на тех лиц, с кем Гесс должен был связаться в Англии³⁵. В недавно вышедшей книге лорда Дуглас-Гамильтона ясно выявлена связующая нить, тянущаяся к Гессу от Хаусхофера. Уже в ходе своей первой встречи с герцогом Гамильтоном Гесс связал свою миссию с Хаусхоферами³⁶. Позже Гесс повторил эту информацию в случайных разговорах, которые он вел со своим врачом³⁷. В первом письме жене из тюрьмы Гесс попросил ее «написать генералу [Хаусхоферу] — о мечтах которого я часто думаю»³⁸. В письме, адресованном Хаусхоферу, ощущается влияние, которое тот оказывал на Гесса: «Вы говорили, что думаете, что я не безумец, а «иногда отважный» человек. Можете поверить мне, — я ни на миг не пожалел ни о своем безумии, ни о своей отваге. Когда-нибудь последняя часть Вашей мечты, которая была столь опасной для моего плана, исполнится, и я снова появлюсь перед Вами»³⁹. Столь же красноречивым было его заявление о том, что его решение созрело в декабре 1940 г. и что он и ранее несколько раз безуспешно пытался вылететь в Англию. Вполне вероятно, что этот замысел возник у него после того, как Гитлер решил напасть на Россию (если только Гессу было известно об этом) и после провала переговоров в Берлине в ноябре 1940 г., в которых он принимал участие. Или же его могла привести в ужас идея Риббентропа об организации Континентального блока, предусматривавшая участие Советского Союза в разделе Британской империи.

После допроса Гесса Гамильтоном в Лондоне возник интерес к этому делу. Кадоган, под личное наблюдение которого будет передано все расследование и в подчинении которого находились «С» и другие службы разведки, узнал о нем 11 мая. Инкогнито Гесса все еще сохранялось: «Немецкий пилот, приземлившись около Глазго, попросил о встрече с герцогом Гамильтоном. Их разговор произвел

на последнего такое впечатление, что он вылетает в Лондон и хочет видеть меня сегодня вечером на Даунинг-стрит, N 10... Еще через полчаса премьер-министр послал людей, чтобы Его светлость встретили на аэродроме и отвезли прямо в Чекерс»⁴⁰.

Заставляя немцев теряться в догадках

Гамильтон прилетел в Лондон вечером 11 мая на своем самолете. Уже ночью его привезли в загородное имение премьер-министра в Дитчли. Черчилль в компании нескольких близких друзей смотрел американскую кинокомедию. Гамильтон, даже не сняв летной куртки, тут же отвел Черчилля в сторону и сообщил ему, кем был на самом деле «летчик». Все имеющиеся сведения об этом моменте свидетельствуют, что для Черчилля это было совершенная новость. Он отнесся к словам Гамильтона так, «как будто тот переутомился из-за трудностей военного времени или страдал галлюцинациями». Затем, в своей характерной манере, Черчилль вошел с Гамильтоном в дом и повел его смотреть кино, заявив: «Ну ладно, Гесс или не Гесс, я намерен посмотреть братьев Маркс». Тем не менее, посмотрев кинокомедию, он всю ночь, почти три часа, расспрашивал Гамильтона, обдумывая вопрос о том, к каким последствиям может привести прилет Гесса в Англию. В целом, появление Гесса в Англии с предложениями о мире стало в этот момент фактором, еще более осложняющим и без того запутанную обстановку. В столь ответственный момент становилось исключительно важным извлечь из миссии Гесса наибольший пропагандистский эффект и в то же время не совершить каких-либо ошибок⁴¹.

Следует подчеркнуть, что Черчилль никогда и в мыслях не держал вести какие-либо переговоры с Гессом. С самого начала он настаивал на том, что Гесс, «как и другие нацистские лидеры, является потенциальным военным преступником,— и он и его сообщники в конце войны вполне могут быть объявлены вне закона». Черчилль был также преисполнен решимости не допустить паломничества к Гессу политических деятелей, которые могли бы лелеять надежды на скорейшее заключение мира. Он поэтому приказал, чтобы Гесс «был помещен в строжайшей изоляции в подходящем доме не очень далеко от

Лондона; «С» — оборудовать дом необходимой аппаратурой; предпринять все усилия, чтобы изучить его склад ума и получить от него всю полезную информацию»⁴². Через несколько дней после прилета Гесса Черчилль отдал приказ перевести «моего пленного», как он теперь называл Гесса, в Лондон. Он потребовал, чтобы «перед любыми посещениями визитеров его, т.е. Черчилля, обязательно информировали» — этот шаг, очевидно, имел целью не допускать никаких визитов сторонников умиротворения. Черчилль отдал указание о содержании Гесса в строжайшей изоляции, а те, кому поручен надзор за ним, должны воздержаться от любых разговоров. Общественность, — предостерегал Черчилль, — «не потерпит каких-либо поблажек этому скандально известному военному преступнику, кроме как с целью получения информации»⁴³. В телеграмме Рузвельту Черчилль обещал не рассматривать предложения Гесса. Он охарактеризовал их так: «нас еще раз пригласили предать всех своих друзей, пообещав, что нам на время оставляют часть нашей шкуры»⁴⁴.

Идену Черчилль сообщил о Гессе утром 12 мая. Иден для надежности отправил в Шотландию на самолете вместе с Гамильтоном Айвона Киркпатрика, эксперта по Германии из Форин оффис, который встречался в Гессом в Берлине. Киркпатрик должен был подтвердить личность Гесса. Прессе о происходящей драме пока ничего не сообщалось. Киркпатрик не только опознал Гесса, но и вошел к нему в доверие. Скорее всего, на какой-то момент у Гесса создалось впечатление, что к его предложению относятся серьезно. Все еще не сознавая, что он делает неверный ход, Гесс подробно охарактеризовал причины, заставившие его совершить полет в Англию. Киркпатрик искусно переводил речь собеседника на темы, интересовавшие английское правительство. Гесс настойчиво утверждал, что «Гитлер не знал о его полете в Англию. Он прибыл для того, чтобы убедить ответственных людей, что, поскольку Англия не может выиграть войну, самым мудрым сейчас было бы заключить мир. Однако он подчеркивал, что давно знаком с Гитлером, и их взгляды тождественны». Гесс затем подробно изложил свой план. В соответствии с ним Англия «предоставила бы Германии свободу действий в Европе, а Германия предоставила бы Англии полную свободу действий в Империи...»

Менее удачны были попытки Киркпатрика узнать позицию Гесса по вопросу о России. Он поставил ловушку, заметив, что у Гитлера не было бы свободы действий в отношении России, если бы она находилась на Азиатском континенте. Гесс ушел от разговора на эту тему, сделав загадочное и уклончивое замечание. Оно являлось свидетельством либо его полной лояльности Гитлеру, если он желал скрыть информацию о плане «Барбаросса», либо, что более вероятно, его неосведомленности об этом плане. Вот слова Гесса: «У Германии есть к России определенные требования, которые должны быть удовлетворены, либо путем переговоров, либо в результате войны». Он счел, однако, уместным добавить что «лишены основания распространяемые сейчас слухи о том что Гитлер обдумывает нападение на Россию в скором времени». В цели Гитлера входит в наибольшей степени использовать Россию, пока она может быть ему полезна, и он выберет момент, чтобы предъявить свои требования. Читатель должен помнить, в связи с имеющими хождение различными теориями о заговорах, что перед ним самые подробные рассуждения о России, когда-либо сделанные Гессом. Что же касалось истинных планов Гитлера, эта реплика скрывала больше, чем открывала. Более того, она усиливала ошибочный анализ обстановки, сделанный английской военной разведкой. Та считала, что Германия склонна не к войне, а к ведению переговоров⁴⁵. Скорее всего, Гессу были неизвестны подробности плана «Барбаросса». Когда он услышал о нападении Германии на СССР, он с изумлением сказал: «Так значит, они все-таки напали»⁴⁶.

Все свидетельства из штаб-квартиры Гитлера весьма красочно описывают изумление и ярость, с которыми была встречена новость об исчезновении Гесса. Переводчик Гитлера Шмидт свидетельствует, что реакция была такая, «как будто в Бергхофе взорвалась бомба». В сходных выражениях описывают реакцию генералы Кейтель и Гальдер, а также Альберт Шпеер. Еще одним характерным показателем является грубое обращение гестапо с адъютантами Гесса Пинчем и Ляйтгеном. Среди рабочих Аугсбургского аэропорта были произведены аресты. Когда позднее установили, что Гесс был связан с астрологами и антропософами, среди них также были проведены массо-

вые аресты, а их организации закрыты. Альбрехта Хаусхофера, который в основном и влиял на Гесса, срочно отвезли в замок и заставили написать подробный отчет о связи с Гессом. Первоначальная надежда англичан на использование замешательства, которое возникнет в Германии, если они сами будут сохранять молчание, не оправдалась. Чтобы опередить англичан, немцы дали первое сообщение по радио в 8 часов вечера 12 мая. Они объявили, что Гесс, «очевидно в припадке безумия», вылетел на самолете и о нем ничего неизвестно. Это сообщение было туманным, так как у немцев не было никакой информации о судьбе Гесса. ВВС Германии, кстати, заверила Гитлера, что у Гесса почти нет шансов долететь до Англии⁴⁷. Но англичане сразу же ответили, и немцы мгновенно отреагировали, выпустив 13 мая подробное коммюнике. За ним последовала публикация содержания письма, которое Гесс оставил для Гитлера, где демонстрировалась его преданность фюреру. В публикации правдивой информации заключалась самая сильная надежда немцев на срыв успеха возможной английской пропагандистской кампании на тему, что полет Гесса говорит о росте разногласий в немецком руководстве⁴⁸.

Черчилль был полон решимости извлечь из эпизода с Гессом наибольшую выгоду. Для этого он был готов сделать драматичное заявление в парламенте, отводя от себя критику и усиливая оптимизм. Народ, — объяснял он, — «это необыкновенное происшествие позабавит и приободрит; наверняка поступок заместителя фюрера, покинувшего в такой момент Германию и своего лидера, приведет в глубокое замешательство и оцепенение все вооруженные силы Германии, нацистскую партию и немецкий народ»⁴⁹. Поэтому Черчилль продиктовал заявление объемом в шесть страниц, которое отредактировал самым тщательным образом. Если бы он произнес эту речь, то удалось бы избежать многих отрицательных длительных последствий этого дела. Но заявление осталось на бумаге. Нет особого смысла разбирать его здесь. Из текста, однако, видно, насколько далеко Черчилль был готов пойти, чтобы раскрыть правду о Гессе и истинном характере его предложений. Среди них было предложение Гесса о разделе сфер влияния. Имелось и создававшее существенный диском-

форт понимание того, что Гесса привела в Англию владевшая им мысль о том, «что в Великобритании сильное движение за мир, движение пораженцев, с которыми он мог бы вести переговоры». Черчилль далее намеревался развеять домыслы, сохранявшиеся вплоть до открытия архивов в 1992 г. В своем заявлении он писал, что Гесс считает себя исполнителем миссии, которую он сам возложил на себя — «спасти британскую нацию от уничтожения». Более того, заявление Черчилля продемонстрировало бы решимость британского правительства отвергнуть переговоры с Гессом, который назывался «сообщником и соучастником герра Гитлера во всех убийствах, предательствах и жестокостях, с помощью которых нацистский режим захватил Германию, как он теперь стремится захватить Европу». Был бы определен статус Гесса как «военного преступника, окончательная судьба которого, как и других руководителей нацистского движения, будет определена решением Союзных наций после Победы». Здесь следует подчеркнуть, что основным соображением для Черчилля было воздействие этих обличений на Германию и на США. В то же время вопрос о реакции России совершенно не учитывался. Типичным для Черчилля было и то, что единственной деталью, которую он «забыл» раскрыть, было условие Гесса об уходе в отставку правительства Черчилля до того, как начнутся переговоры⁵⁰.

Ни то заявление, которое было опубликовано на Даунинг-стрит, 10, ни короткое сообщение по радио общественность не успокоили. Публику оставили в состоянии нетерпеливого ожидания дополнительных сведений. Было обещано, что «как только [Гесс] оправится от своего ранения, его заявление будет тщательно изучено». Черчилль еще более разжег воображение публики, признав, что до сих пор было невозможно «разобраться в выходе Гесса». Он ожидал, что парламент поймет, что «даже когда [объяснение] последует, было бы не в интересах общественности, чтобы я сразу же раскрыл характер дела». Негативные последствия молчания предвидел наиболее близкий советник Черчилля по делам разведки майор Десмонд Мортон: «По моему мнению, было бы очень полезно, если бы официальное заявление и пропагандистский материал были опубликованы сразу же. Чем дольше мы ждем, тем

более отвратительным становится это дело»⁵¹. Однако Кадоган уже склонил Идена на свою сторону. Кадоган считал, что лучше всего будет заставить немцев теряться в догадках и вытянуть больше информации из Гесса, «притворяясь, что мы ведем с ним переговоры и не делаем из него героя»⁵².

Краткость и сдержанность заявления подстегнули любопытство и породили теории о заговоре. Общественность, оставленная в неведении относительно сути заявления Гесса, не понимала ни характера его миссии, ни реакцию правительства на него. Кстати, Дафф Купер заблаговременно советовал Черчиллю, что, поскольку «интерес к делу Рудольфа Гесса стал столь значительным, он считает исключительно важным, чтобы информация об этом деле публиковалась бы, по мере возможности, в виде отдельных выпусков»⁵³.

Жажда новостей была невероятной. Рузвельт умолял Черчилля предоставить ему информацию, так как «отсюда могу Вас заверить, что полет Гесса захватил воображение американцев и интерес к нему надо сохранить подольше — будь это дни или даже недели». То же предлагал Галифакс в своих сообщениях из Вашингтона⁵⁴. Замечания Рузвельта верно передают напряженность, нараставшую в Москве. 14 мая Черчилль вновь заявил о своем намерении выступить в парламенте. Форин оффис, однако, был непреклонен. Там преобладало ощущение тревоги, вызванной сходством между откровениями Гесса перед Киркпатриком и «сравнительно точным объяснением Германией причин», якобы вызвавших полет Гесса в Англию. Выдвигался тот довод, что предполагавшееся заявление «подтвердит сообщение немецкого радио». Тогда, вероятно, немецкий народ «издаст вздох облегчения» и скажет: «Так, значит, это и есть причина, по которой наш дорогой Рудольф покинул нас. Это глупо с его стороны; но он не предатель и нам не надо бояться, что он выдает наши секреты». Заявление Черчилля вступало, далее, в противоречие с намерением Форин оффис начать кампанию дезинформации, упор в которой был бы сделан на воображаемый раскол в рядах высшего нацистского руководства. Поэтому Иден вечером на встрече с Черчиллем сумел разубедить его выступить с заявлением. Было решено «сообщить очень мало инфор-

мации и таким образом заставить немцев теряться в догадках относительно того, что же Гесс может делать — и говорить»⁵⁵.

Иден удалился в убеждении, что он отговорил премьер-министра от его намерения. Однако министерство информации не могло устоять перед соблазном использовать по мере сил представившуюся ему возможность.

Оно продолжало давить на Черчилля, чтобы он лично сделал заявление, и из дела Гесса был бы извлечен наибольший пропагандистский эффект. Вскоре после полуночи Черчилль вызвал на Даунинг-стрит, 10 Даффа Купера, чтобы тот помог ему обойти барьеры, препятствующие выступлению с заявлением. Вдвоем они составили несколько ослабленный вариант первоначального заявления. Черчилль велел разбудить Идена и по телефону прочитал ему текст заявления. Возражения Идена были яростными; он следовал рекомендации Кадогана — заставить немцев теряться в догадках. Он «выполз из постели», составил другой вариант заявления и, тоже по телефону, продиктовал его Черчиллю. Бивербрук принял сторону Идена. Однако и Купер не уступал. Вследствие всего этого Черчилль утратил решительность; в ответ Идену он пробурчал: «Ладно, заявления не будет». «Трубка была брошена»⁵⁶.

На следующее утро, за завтраком Бивербрук проводил брифинг для прессы и — не для публикации — раскрыл, что Черчилль воздержался от публичного заявления, так как «в настоящий момент он хочет, чтобы вокруг Гесса было как можно больше предположений, слухов и дискуссий». И хотя в проекте телеграммы Рузвельту содержалась рекомендация, что «желательно, чтобы пресса не романтизировала ни его [Гесса], ни его приключения», Черчилль приписал от руки: «Мы думаем, что лучше всего будет, если некоторое время пресса беспрепятственно поработает над этим и заставит немцев теряться в догадках»⁵⁷. Ведущие газеты, естественно, занялись сочинением неизвестных им подробностей, особенно после того, как Гесс был переведен из Шотландии в лондонский Тауэр. В этом некоторыми был предусмотрен признак предстоящей встречи с премьер-министром. Эта новая волна слухов превосходно накладывалась на слухи и предположения,

циркулировавшие с середины апреля. Как часто случалось с Черчиллем, он потерял почти весь интерес к Гессу после того, как ему не дали поступить по-своему. Кроме того, он был полностью поглощен ходом военных действий на Крите и грандиозными морскими сражениями, кульминацией которых будет гибель английского линкора «Худ» и немецкого — «Бисмарк». Единственное, что он сделал, это попытался удовлетворить любопытство Рузвельта, отправив ему точное резюме всех бесед с Гессом, проведенных до того момента⁵⁸. Дипломатический корпус в целом склонялся к тому, чтобы отвергнуть идею сепаратного мира. Однако многие сохраняли убежденность, что Гесс координировал свою миссию с Гитлером. В большой мере это было результатом достойной сожаления речи Бевина, которую они были склонны считать представляющей официальную точку зрения, поскольку официального заявления так и не последовало⁵⁹.

Фиктивные переговоры

Вскоре после прибытия Гесса Киркпатрик высказал следующее предложение: «В связи с условием, что Германия не может вести переговоры с нынешним правительством, можно было бы внушить Гессу мысль, что есть шанс устранить нынешнюю администрацию. Если устроить ему встречу с членом консервативной партии, который мог бы произвести на него впечатление, что его соблазняет идея избавиться от нынешнего правительства, тогда, может быть, Гесс раскроется»⁶⁰. За эту идею ухватились, когда увидели, что Гесс впал в депрессию, как только осознал провал своего плана. Он постоянно выражал тревогу из-за того, что «оказался в лапах клики Сикрет сервис» и что с ним обращаются, как с обычным военнопленным. Переписка Кадогана с Черчиллем доказывает без тени сомнения, что Гесс не привез с собой никаких планов из гитлеровской рейхсканцелярии. Одной из задач, поставленных перед Саймоном, было «получить информацию по вопросу о том, был ли Гесс послан в Англию Гитлером для осуществления какого-либо плана мирного наступления»⁶¹.

26 мая Иден попросил Саймона провести беседу с Гессом. Саймон должен был признаться Гессу, что английскому правительству известно о беседе, но в то же время

намекнуть, что у него натянутые отношения с Черчиллем и Иденом. Применявшиеся тактические уловки не предполагали настоящих переговоров. Основа для беседы была четко определена Саймоном, который настаивал на том, что это будет «частью разведывательной» работы, с ясной и ограниченной целью — предоставить Гессу «благоприятную возможность свободно говорить о своей «миссии» и выяснить по ходу того, как он отводит душу, собирается ли он сообщить какую-либо полезную информацию о стратегии и намерениях противника». Как и Гамильтон, Саймон был исключительно чувствителен к новым намекам на свои прошлые связи со сторонниками умиротворения и поэтому попросил гарантий того, что «ни при каких обстоятельствах об этой беседе не станет известно»⁶².

Черчилль через своего помощника майора Десмонда Мортонa, специалиста по делам разведки, передал Саймону пожелание узнать, каковы были причины очевидной озабоченности Гесса международным положением и почему он «столь искренне стремится сейчас к достижению устроенного на скорую руку мира»⁶³. В намерения Форин оффис входило также разговаривать Гесса, в особенности относительно намерений Гитлера по отношению к России⁶⁴. Однако Кадоган и «С» на это слабо надеялись. Киркпатрик, натаскивая Саймона перед его беседой с Гессом, формулировал те вопросы, которые он будет ставить ему. Они совершенно очевидно были составлены под влиянием идеи, доминировавшей в Форин оффис. Саймону посоветовали спровоцировать Гесса, задав ему вопрос о том, какой смысл заключать мир с Англией, если Германия «собиралась подписать его с Россией и принести в Европу русский большевизм. Если Германия была заинтересована только в Европе, ей следует отказаться от своих замыслов против России, поскольку Россия является азиатской державой за пределами сферы влияния Германии». Надежда была на то, что такая постановка вопроса даст возможность узнать от Гесса, действительно ли Германия стремилась к достижению соглашения с Россией или же она готовилась к войне⁶⁵.

И действительно, именно лорд Саймон имел наилучшие шансы получить информацию от Гесса. Поэтому их беседу надо изучать самым тщательным образом. Пока

Саймон не назвал свое имя, Гесс проявлял сильную подозрительность. Он потребовал присутствия двух свидетелей-немцев, а также герцога Гамильтона, который, как он считал, «не входил в политическую клику или в банду Сикрет сервис, которые препятствовали его встречам с людьми, подлинно стремящимися к миру, и с королем. Он вновь повторил, что прибыл в Англию по своей воле, доверившись рыцарству короля»⁶⁶. Через некоторое время Гессу сообщили, что с ним будет вести переговоры лорд Саймон, который как лорд-канцлер обладал определенной свободой действий. Гессу напомнили также, что они с Саймоном встречались в Берлине, когда последний, будучи министром иностранных дел, посетил Гитлера. Гесс был в восторге. «Казалось, перед нами другой человек... Он с удовольствием вспоминал главного участника переговоров»⁶⁷.

Утро Гесс провел плохо. Он отказался от ленча и пожаловался, что завтрак плохо на него подействовал. Его подкрепили стаканом портвейна, дали глюкозы. Вскоре после полудня «С» привез лорда Саймона в Тауэр. Он и Киркпатрик находились там под псевдонимами, соответственно: д-р Гатри и Маккензи. Их беседа с Гессом, принявшим конспиративное имя «Джонатан», длилась три часа. Идя на встречу, Саймон изучил все материалы, представленные Гессом, и хорошо в них разбирался. Майор Шеппард, сотрудник разведки, под охраной которого находился Гесс, докладывал своему начальству, что, когда Гесс прибыл, никаких официальных предложений у него не было. Как только он узнал о предстоящих «переговорах», он начал составлять обширные записки. Их он потом и вручит Саймону в качестве своего официального предложения⁶⁸.

Уже в самом начале беседы Саймон убедился, что заявление, которое Гесс так старательно составлял двое суток в ожидании их встречи, не содержит ничего нового. Написанные от руки его корявым почерком наброски, которые он вручил Саймону, совершенно не соответствовали предположению, высказанному Пэдфилдом и другими, что Гесс привез с собой письменные предложения, содержавшие прямые упоминания операции «Барбаросса» и будущего России⁶⁹. Категорический вывод Саймона,

который он сообщил Черчиллю, состоял в том, что «Гесс прибыл по собственной инициативе. Он не прилетел ни по приказу Гитлера, ни с его разрешения; Гитлер также не знал заранее о его полете. Это его собственная затея. Если бы он добился своей цели и побудил бы нас вести переговоры, имея в виду мир того сорта, который хочет Гитлер, то он бы оправдал себя и хорошо послужил бы фюреру». Саймон, далее, вынес верное впечатление, что Гесс не входил в тот круг политиков, которые вели войну, он мало знал о стратегических планах, так как сферой его деятельности было управление делами партии. План Гесса был в лучшем случае «искренней попыткой скопировать идеи Гитлера, высказанные ему в ходе многочисленных бесед». Изучив эту беседу, специалисты МИ-6 пришли к выводу, что Гесс фактически был неспособен возражать против каких-либо аргументов, особенно политического характера⁷⁰. Это совпадало с впечатлением, которое Гесс произвел на первого заместителя госсекретаря США Самнера Уэллеса в ходе встречи 3 марта. Впечатление это было убийственным. Уэллес ожидал, что Гесс обладает «мощным и определяющим влиянием в делах Германии». Вместо этого тот «просто-напросто повторял то, что ему было велено мне сказать... затрагивавшиеся вопросы он не разбирал. Да и сам не ставил каких-либо вопросов»⁷¹. Эта закончившаяся неудачей попытка получить какую-нибудь информацию окончательно положила конец «полуофициальным переговорам». Кадоган грубовато определил, что Гесс превратился в «патефонную пластинку»⁷².

Таким образом все предположения, что молчание и дезинформация являлись зловещим укрывательством допросов Гесса — все эти домыслы не подтверждаются имеющимися доказательствами. И уже в тот момент, когда немецкие войска пересекли советскую границу, секретная разведывательная служба, закончив тщательное исследование того небольшого материала, который был получен от Гесса, пришла к выводу, что «он высосан подчистую, и с этих костей не соскребеешь больше мяса»⁷³. Ошибки в том, как велось все это дело, возникли из-за разногласий относительно возможностей его использования для ин-

формирования общественности и для пропаганды. Мысли об укрывательстве вообще не возникало ни на одном этапе просто потому, что скрывать было почти нечего. Выражая мнение Черчилля, майор Десмонд Мортон выступал за опубликование официального заявления, где была бы собрана вся полученная информация. Если бы это зависело от него, говорил он Идену, «любому человеку, поставленному руководить информированием по этому вопросу, должен быть предоставлен доступ ко всем документам по нему. Информация не должна ограничиваться всего лишь одним сухим правительственным коммюнике»⁷⁴. Читая обширные записи бесед между «Гатри» и «Джонатаном» (т.е. Саймоном и Гессом — Прим.перев.), Черчилль пришел к выводу, что заявления Гесса были похожи на «разговор умственно отсталого ребенка, совершившего убийство или поджог». Он даже не разделил общее мнение, что Гесс «фактически отражал внутренний мир Гитлера». Его, однако, позабавило, что Гесс дает понять «нам нечто от атмосферы Берхтесгадена, одновременно искусственной и зловонной». К этому времени Черчилль утратил какое-либо желание выступать с публичным заявлением⁷⁵.

Приходится допустить, что последовательность заявлений, делавшихся Гессом на допросах десятки раз, постоянное фиксирование людьми Секретной разведывательной службы его даже самого бессвязного бормотания, — все это является подтверждением его версии событий. Главный психолог британской армии, вызванный для обследования Гесса, проникся «острым ощущением, что его рассказ в общем правдив». Он также заметил, что, поскольку Гесс не говорит свободно по-английски, ему трудно изложить убедительную версию, которая была бы сплошной ложью. Он также высказал подозрение, что психическое состояние Гесса было неустойчивым: «он представляет собой несколько параноидный тип... у него в ненормальной степени отсутствуют интуиция и самокритика. Он также принадлежит к интроспективному и отчасти ипохондрическому типу. Этот человек производит на меня впечатление неуравновешенной, психопатической личности...»⁷⁶

Примечания

¹ Телеграмма Сталина Майскому 19 октября 1942 г. См. в: *Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.*, М., 1983, т.1, стр.294.

² FO 371 30920 C10635/61/18, 2 ноября 1942 г.

³ Prem 3/434/7, записи совещания Черчилля со Сталиным в октябре 1944 г., 10 мая 1945 г. и FO 800/414 fol.21, 18 октября 1944 г.

⁴ H.Thomas, *The Murder of Rudolf Hess, London, 1979.*

⁵ См. описание этого эпизода на стр. 232—233 наст. изд.

⁶ Costello J., *Ten Days to Destiny. The Secret Story of the Hess Peace Initiative and British Efforts to Strike a Deal with Hitler*, New York, 1992, p.3 passim and p.415 and 434.

⁷ Там же, p.XII, and p.434.

⁸ Л.Шварцшильд, «Неожиданный захват Гесса в ловушку, подстроенную английской «Сикрет сервис», *Военно-исторический журнал*, 1991, N 5, стр.37—41. Нет смысла спорить по этому вопросу на этом этапе, поскольку мои открытия, о которых я сообщаю ниже, опровергают необоснованные версии.

⁹ Чукреев В.И., «Загадка 22 июня 1941 года», *Военно-исторический журнал*, , 1989, N 6, стр.39.

¹⁰ National Archives, Washington, RG.319, Box 83, B8026020. Доклад о деле Гесса американского военного атташе в Лондоне Раймонда Ли 10 мая 1941 г. Costello. *Ten Days to Destiny*, p.44.

¹¹ Это один из тех редких случаев, когда рассказ Черчилля точен в своей основе, хотя и не полон. См.: *The Second World War: The Grand Alliance*, pp.43—49.

¹² G.Gorodetsky, «The Hess Mission and Anglo-Soviet Relations on the Eve of «Barbarossa», *English Historical Review*, Vol. Cl, N 399 (April, 1986).

¹³ P.Padfield, *Rudolf Hess. The Fuhrer's Disciple*. London, 1993, p.353. См. ниже, стр. 248—249. Доклад Криппса, подводящий итоги рассмотрения дела см. в FO 371 30920 C10635/61/18, 2 ноября 1942.

¹⁴ Это признал Пэдфилд в своей книге: *Rudolf Hess*, pp. 334-5 и 355-56. Он тщательно изучил соответствующие архивные дела. См. также: J.Douglas-Hamilton, *The Truth about Rudolph Hess*, London, 1993, pp. 140-141, и введение, написанное Роем Коньерсом Несбитом, исключительно тщательно изучившим архивы английских ВВС.

¹⁵ Об этом см.: WO 199/3288, *Scotish Command: The Capture of Hess*, 13 May 1941.

¹⁶ WO 199/3288A, доклад командира 3-го Ренфреширского батальона сил местной обороны 11 мая 1941 г., и FO 1093/11 fols. 152 — 155, допрос Гесса Баттальей и комментарии «С», 10 мая 1941 г.

¹⁷ Hamilton. *The Truth about Rudolf Hess*, pp. 142 — 43, Padfield. Rudolf Hess. Пэдфилд по-прежнему высказывает некоторые сомнения (стр. 354).

¹⁸ WO 199/3288, доклад разведки, 10 мая 1941 г.

¹⁹ См. FO 371 30920 C10635/61/18 DEFE 1/134, подборка писем о Гессе, составленная почтовой цензурой, 23 мая 1941 г.

²⁰ FO 1093/9, h.15, FO: Записи по делу Гамильтона против компартии Великобритании о клевете, 17 июня 1941 г.

²¹ FO 1093/7, fol. 26, S01 Memorandum.

²² FO 1093/1, hh. 18 — 20, беседа лорда Гамильтона с Гессом 11 мая 1941 г.

²³ См. беседы с Гессом, описываемые ниже.

²⁴ Майский И.М. *Воспоминания советского дипломата 1925 — 1945 гг.* М., 1971, стр. 516.

²⁵ Текст газетных статей и протоколы, в которых отрицается их содержание см.: FO 371 46780 C4725/44/18.

²⁶ Padfield, *Rudolf Hess*, pp. 368 — 71.

²⁷ См. наст. изд. с. 248—249.

²⁸ PRO WO 3288/Af.4.

²⁹ Padfield, *Rudolf Hess*, p. 364.

³⁰ FO 371 26945 C40383, C4140, C4147 и C4613/306/41 C4245/306, 20 и 25 апреля 1941 г. Фраза Пэдфилда о том, что «в устах столь тонкого дипломата, как Хор, это вряд ли являлось опровержением», совершенно неубедительна.

³¹ FO 371 1093/14 fol.101, 10 мая 1942 г.

³² FO 1093/3, p.92, письмо профессору Хаусхоферу, 20 июня 1942 г.

³³ «*New Chronicle*», 26 July 1945.

³⁴ FO 1093/3, pp. 33 и 142 — 3: письма Гесса матери от 28 марта и 9 сентября 1942 г.

³⁵ DGFP, 1918 — 1945, XII, pp. 783 — 787, письмо Альбрехта Хаусхофера Гитлеру от 12 мая 1941 г. См. тщательное исследование этого вопроса в: Hamilton, *The Truth about Rudolf Hess*.

³⁶ FO 1093/1, pp. 18 — 20. Допрос Гесса лордом Гамильтоном, 11 мая 1941 г.

³⁷ FO 1093/8, pp. 221 — 2, 22 мая 1941 г.

³⁸ FO 1093/8, p. 206, письмо Гесса жене от 3 июня 1941 г.

³⁹ FO 1093/2 p. 8, 14 Sept. 1941.

⁴⁰ Cadogan, Diary. Запись за 11 мая цитирует Costello, *Ten Days*, pp. 415-16, который сочинил целую историю в попытке доказать, что

Черчилль сильно хотел, чтобы Гамильтон приехал, так как ему уже было известно заранее, что тот везет с собой немецкие предложения.

⁴¹ Hamilton, *The Truth about Rudolf Hess*, pp. 149-150.

⁴² PREM 3 219/7 p.167, письмо Черчилля Идену, 13 мая 1941.

⁴³ PREM 3 219/7 pp. 146 and 165, записи Черчилля, 16 мая 1941.

⁴⁴ FO 1093/10 fols. 54-55, телеграмма Черчилля Рузвельту, 17 мая 1941.

⁴⁵ FO 1093/1 fols.20-30, интервью Киркпатрика, 12 мая 1941.

⁴⁶ FO 1093/11 fol.93.

⁴⁷ В своей книге *The Truth about Hess*, pp. 185-192, Гамильтон проводит достаточно материала, доказывающего огромное потрясение Гитлера, когда ему сообщили о полете Гесса.

⁴⁸ FO 1093/11 fol. 149, 13 мая 1941.

⁴⁹ PREM 3 219/4 fol. 18, произнесенное заявление Черчилля, 12 мая 1941.

⁵⁰ Prem 3 219/4 fols. 14-19, 11 мая 1941.

⁵¹ Morton, FO 1093/10, fols. 82 — 83.

⁵² Cadogan, *The Diaries*, pp. 175 — 80.

⁵³ *Hansard Parliamentary Debates*, V Series, CCCLXXI, p. 1085, 13 мая, и PREM 3 219/4 fols. 3,5 and 23 — 24.

⁵⁴ FO 371 26565 C5301/5188/18, Письмо Галифакса в Форин оффис 17 мая 1941, and PREM 3 219/7 p.147, Телеграмма Рузвельта Черчиллю, 15 мая 1941.

⁵⁵ FO 1093/11 fols. 132 and 140 — 141, записи Форин оффис 14 мая 1941.

⁵⁶ PREM 3/219/7, Дафф Купер — Черчиллю 15 мая 1941, и Hamilton, op. cit. p. 161.

⁵⁷ FO 1093/11 fols. 110 — 115, Письмо Черчилля Кадогану, 16 мая 1941.

⁵⁸ FO 1093/11 fol. 121, Письмо Черчилля Кадогану, 16 мая 1941.

⁵⁹ FO 1093/11 fol. 123, Письмо Батлера — Идену, 16 мая 1941.

⁶⁰ FO 1093/1 fols. 20 — 30, Доклад Киркпатрика, 12 мая 1941.

⁶¹ FO 1093/10 fols. 139 — 41, Сообщение майора Д.Мортонна — «С» и доклад Кадогана о Гессе, 6 июня 1941.

⁶² FO 1093/11 fols. 51 — 54, Сообщение Саймона — Идену, 27 мая 1941; Cadogan Diaries, p.380, 19, May 1941.

⁶³ PREM 3 219/7 pp. 113 — 15, Сообщение майора Мортонна — Черчиллю, 9 июня 1941.

⁶⁴ PREM 3 219/7 pp. 117 — 18, Письмо Кадогана — Черчиллю, 6 июня 1941.

⁶⁵ FO 1093/10 fols. 91 — 94, Записи Киркпатрика, 29 мая 1941.

⁶⁶ FO 1093/10 fol. 170, заявление Гесса, и 11 fol. 85, Доклад СИС N 16, по телефону, 30 мая 1941 г.

⁶⁷ FO 1093/10 fol. 129 и 146, сообщение «С» в Форин оффис, 4 июня и доклад офицера СИС 6 июня 1941 г.

⁶⁸ PREM 3 219/7 pp. 144 — 5, комментарии майора МИ-6 Шеппарда 21 мая 1941 г.

⁶⁹ Письменные предложения см.: FO 1093/1 pp. 154 — 56, 10 июня 1941 г.

⁷⁰ FO 1093/10 fols. 95-6, предварительный доклад «С» Идену, FO 1093/1 fols. 1-13, доклад Саймона о его беседе с Гессом, 9 июня 1941 г., и fols. 70 — 147, стенографический отчет этой беседы, 10 июня 1941 г.

⁷¹ Hamilton, *The Truth about Hess*, p. 135.

⁷² FO 1093/10 fols. 86-90, сообщение Кадогана Идену, 12 июня 1941. См. также дневник Кадогана.

⁷³ FO 1093/7 fols. 19-23, Предание дела Гесса гласности — служебная записка, С.О.1 и докладная Форин оффис 23 июня 1941 г.

⁷⁴ FO 1093/10 fols. 58 — 63 и 82, 13 июня 1941 г.

⁷⁵ PREM 3 219/5 p. 3, Черчилль — Идену, 14 июня 1941 г.

⁷⁶ FO 1093/10 fols. 157 — 160, доклад от 30 июня 1941 г. полковника Дж.Р.Риса, консультанта по медицинской психологии Армии метрополии.

Глава 10

Гесс и Кремль

«В погоне за большевистским зайцем»

Информацию, которая пригодилась бы для проведения пропагандистской кампании, получить от Гесса не удалось. Из-за этого все усилия теперь были брошены на то, чтобы использовать дело Гесса в русском контексте. Однако молчание, сохранявшееся вокруг этого дела англичанами с самого начала, до того как было принято решение использовать Гесса в отношениях с русскими, привело к появлению слухов, которые влияли на Кремль очень долго — даже после того, как свернулось само дело Гесса. Так, даже в октябре 1942 г. сэр Кларк-Керр, английский посол в Москве, сообщал о подозрениях русских, связанных с тем фактом, что их оставили в неведении о деле Гесса. Как бы Вы себя чувствовали, писал он Черчиллю, если бы Риббентроп прилетел в Россию, а Англию заставили теряться в догадках относительно характера его миссии? Кларк-Керр информировал, что в Москве имеют хождение две версии. Первая: Гесс был связан с влиятельными людьми в Англии, «которые дали ему понять, что, если он прибудет со специальной миссией и определенными предложениями, то правительство Его Величества не только заключит мир, но и объединится с немцами в крестовом походе против большевизма». Эти люди были столь могущественны, что Черчилль, хотя и отверг предложения Гесса, не осмелился разоблачить их и предпочел оставить русских «в беде». Согласно другой версии, которую посол считал преобладающей, предполагалось, что Черчилль держит Гесса про запас, на случай если понадобится вести с ним переговоры¹. Размах, который с течением времени приняли связанные с делом Гесса подозрения Сталина, и причины этого проявились осенью следующего, 1942-го года. Лондонская «Таймс» вновь разожгла эти подозрения, перепечатав статью из стокгольмской нацистской газеты «Дагспостен». Сама статья, написанная очевидно по заказу Берлина,

была примером лжи и дезинформации, составленной так, чтобы сыграть на известных подозрениях Сталина в обстановке ухудшения англо-советских отношений. Статья с поразительными подробностями описывала полет Гесса. Утверждалось, что миссия Гесса была не какой-то бессмысленной и самостоятельной выходкой одиночки, а представляла собой часть хорошо продуманной политики Гитлера. Его план якобы имел целью убедить Англию прекратить военные действия и заключить союз с Германией против СССР. Дезавуирование миссии Гитлером было страховкой против возможного провала переговоров. В этих разоблачениях обыгрывалась тактика англичан, которые вели дело, связанное с Гессом, очень скрытно; обращалось особое внимание на то, что Черчилль ни разу не советовался ни с парламентом, ни с кабинетом².

Через несколько дней стокгольмскую статью подробно изложила и прокомментировала лондонская газета — «Дицайтунг». Эта газета немецких эмигрантов в Англии фактически финансировалась английским министерством информации. Однако комментарий, сделанный по поводу статьи о Гессе, был напечатан без предварительных консультаций с министерством. В нем говорилось, что хорошо осведомленные политические наблюдатели в Лондоне «считают, что версия, изложенная в «Дагспостен», является в целом правильной». Газета, далее, связывала это с «целым рядом зондажей, проводимых Берлином уже несколько месяцев, и особенно активно в последнее время, с целью исследовать наличие возможностей компромиссного мира». Кларк-Керр предупредил Идена, что русские обязательно сочтут эту статью «выражением официального мнения правительства Его Величества» и что «они сделают из мухи слона». И действительно, Сталин дал санкцию на публикацию 19 октября в «Правде» злобной статьи, в которой, среди прочего, заявлялось, что отказ англичан предать Гесса суду превращает Англию в убежище для гангстеров. Из-за того, что Сталину в свое время подбросили дезинформацию, он по-прежнему подозревал, что Гесс все еще может быть использован в качестве канала для переговоров, если военные действия примут неблагоприятный оборот. По словам Кларк-Керра, «с тех пор как Гесс прибыл в Шотландию, его дело время от времени

активно обсуждали и в отношении него ощущалось определенное беспокойство. Он был, если можно так выразиться, скелетом в шкафу, однако брэнчание костей этого скелета, раздававшееся эпизодически, не слишком портит настроение публики. И вот теперь Советское правительство сочло необходимым вытащить его и выставить на всеобщее обозрение»³.

Эти подозрения можно оценить в полной мере только, если еще раз вспомнить о решении Идена и Бивербрука, с которым нехотя согласился Черчилль в ночь с 14 на 15 мая 1941 г. Тогда они планировали сыграть на пропагандистской стороне миссии Гесса. Сцена для тонкой игры, в которой Гесса использовали бы для изменения советской политики, была к тому времени уже готова. Как только Гесс приземлился в Англии, Криппс сообщил в Форин оффис об интересе, который его миссия возбудила в Москве. Криппс ошибся, когда посчитал, что его угрозы Молотову были «по всей видимости проигнорированы». Полностью отдавая себе отчет в взрывоопасном характере дела Гесса, он предложил воспользоваться «прекрасным случаем», чтобы или сыграть на советских страхах, или развеять их. Он предложил следующее:

«1. Инцидент с Гессом, несомненно, заинтриговал Советское правительство не меньше, чем кого-либо другого и вполне мог вновь возбудить их старые страхи относительно того, что сделка о мире будет заключена — за их счет.

2. Я, разумеется, не знаю, до чего дойдет откровенность Гесса, если он вообще был готов говорить открыто. Но если предположить, что он готов к откровенности, тогда я очень надеюсь, что вы в срочном порядке рассмотрите возможность использовать то, что он вам скажет, для того, чтобы усилить советское сопротивление перед лицом давления немцев. Это можно сделать либо: (а) усиливая их страх остаться в одиночестве и иметь дело с последствиями этого, либо (б) дать им понять, что трудности не будут столь ужасными, если разрешить их сейчас и не в одиночку. Можно также проводить обе эти линии одновременно и это предпочтительнее, так как они в действительности не являются взаимоисключающими.

3. В пункте (а) я имею в виду: (1) раскрыть тенденции во влиятельных немецких кругах к компромиссному миру с Англией; (2) раскрыть несомненно ведущуюся немцами подготовку либо к прямому нападению на Россию, либо к подрыву нынешнего режима политическими средствами.

4. В пункте (б) я имею в виду раскрытие слабых сторон германской военной машины, особенно в том, что касается прямого столкновения с Россией и, в более общем плане, внутренних политических и экономических трудностей Германии. Также любые конкретные свидетельства существования оппозиции войне против СССР — в народе или в партии; при этом должно быть совершенно ясным, что такая оппозиция, хотя возможно и недостаточно сильна, чтобы не дать немцам напасть на Россию, но будет мешать им после нападения».

В следующей телеграмме он продолжал развивать эту тему: если правильно использовать соответствующую информацию, русские могут перестать рассуждать и убедиться, что сейчас у них еще есть какая-то опора, а позже может и не быть. В этот момент Сарджент, автор концепции, определявшей англо-советские отношения, как представляется, категорически возразил против идеи упоминать о сепаратном англо-германском мире. Эта идея, считал он, могла бы бросить охваченного паникой Сталина в немецкие объятия. Криппсу поэтому пришлось какое-то время терпеливо ожидать, будет ли получена от Гесса какая-нибудь информация⁴.

Через пару дней, когда стало ясно, сколь ограничены оказались перспективы использования Гесса для ведения пропаганды на Германию, Сарджент предложил использовать Гесса в духе предложений, высказывавшихся Криппсом. Поскольку Гесс не сообщал что-либо о немецких намерениях в отношении России, идеи Криппса можно было реализовать только умышленным распространением дезинформации. В материалы дезинформации и предполагалось включить указания на раскол в нацистском руководстве относительно планов, касающихся России. В дезинформации можно было сообщить, что Гесс, в отличие от Геринга и Риббентропа, которых он, казалось, не выносил, оставался «одним из самых фанатичных нацистов». В

своей ипостаси хранителя истинной доктрины нацизма Гесс был, дескать, преисполнен решимости не допустить какого-либо соглашения между Россией и Германией⁵.

Острое желание осуществить замысел, намеченный этими рекомендациями, несмотря на его явную опасность, было тесно связано с выводами английской разведки относительно наращивания немецких войск на русских границах. Следует помнить, что использование дела Гесса против России в большой мере исходило из ошибочного анализа ситуации английской разведкой, которая только в конце мая 1941 г. полностью осознала вероятность германо-советской войны. А до этого разведка по-прежнему твердо придерживалась мнения, что размещение немецких войск на Востоке было прелюдией к переговорам с Советским Союзом. Объединенный комитет по разведке (ОКР) впервые обсудил вопрос вероятности войны лишь 23 мая. Но и тогда он сделал тот же вывод: «наиболее вероятным курсом является сотрудничество... Если несколько недель назад по всей Европе наибольшее распространение получили слухи о надвигающемся нападении Германии на СССР, то сейчас дело обстоит противоположным образом. Есть некоторые признаки, дающие основание предполагать, что новое соглашение между двумя странами, может быть, уже почти готово». Самая последняя информация дает основание предполагать, что «Гитлер и Сталин могли прийти к решению заключить далеко идущее соглашение, — основа которого пока еще не ясна, — о политическом, экономическом и даже военном сотрудничестве». Война возможна только в том случае, если «Советский Союз либо не согласится на германские требования, либо не выполнит какое-либо достигнутое соглашение»⁶. В то же время в подробной межведомственной памятной записке, утвержденной Иденом, делался вывод, что война против России не соответствовала бы экономическим интересам Германии⁷.

Отбрасывались любые факты, противоречившие этой концепции. Например, когда стало известно, что Геринг направил своему близкому другу — шведскому бизнесмену сообщение, которое, как казалось, содержало информацию о том, что около 15 июня Германия нападет на Россию, Иден отменил эту информацию, заметив, «что на 15 июня

намекали столь часто, что это становится подозрительным». Подобные сообщения от Криппса, после его встречи с советским послом в Стокгольме Коллонтай, не были восприняты на том основании, что «отрицание мадам Коллонтай ее осведомленности о политических разговорах еще ничего не значит»⁸.

31 мая оценки были несколько изменены. По-прежнему ожидалось что Германия станет использовать свои недавние военные успехи и укреплять свое положение на Ближнем Востоке. Однако уже не считалось невысказанным, что Германия станет «навязывать свои требования к Советскому Союзу путем угрозы применения силы, которая [могла бы] немедленно перейти в действия»⁹. И даже после того, как была, наконец, окончательно осознана вероятность вторжения, в Форин оффис это истолковали так:

самые последние разведывательные данные о военных передвижениях и т.п. со всей определенностью указывают на окончательные немецкие приготовления для вторжения на советскую территорию; другими словами, они указывают на намерения Германии выдвинуть такие далеко идущие требования к Сталину, что ему придется либо воевать, либо согласиться на «Мюнхен»¹⁰.

Даже 15 июня английский поверенный в делах в Москве расценил сообщение ТАСС, в котором отрицались враждебные намерения Германии, как попытку подготвить общественное мнение к тому потрясению, которым стало бы новое германо-советское соглашение¹¹.

Сарджент настойчиво продолжал свои усилия. Через два дня он представил новый документ, в котором изложил свои взгляды более четко и содержательно. Дезинформация, которую он хотел использовать против России, основывалась на следующих посылах:

Гесс считает себе хранителем истинной и первоначальной нацистской доктрины, фундаментальные положения которой определяют целью нацизма спасение Германии и Европы от большевизма; к настоящему времени оппортунисты, позднее вступившие в партию, и армия убедили

Гитлера попытаться достичь такого урегулирования с Советским Союзом, которое бы даже превратило его в полноправного партнера держав оси; Гесс не мог этого вынести, и в этом причина его прилета в Англию.

Если бы эта версия была результативно подброшена Сталину, он должен был обязательно поверить, что Гитлер заманивает его в орбиту Германии только с целью получить опору в России. А когда Гитлер усилит свои позиции, он затем попытается свергнуть Сталина и таким путем умиротворить наиболее экстремистские элементы в своей партии. Решение о том, продвигать ли эту версию, было англичанами отложено. Однако, это сделали не из-за возможных последствий для русских, а потому, что Кадоган просто-напросто боялся того, что о ней могут узнать немцы — а их он все еще хотел держать в догадках. Меньше энтузиазма проявлял Иден, поскольку он предвидел, что дезинформация действительно могла бы подтолкнуть русских еще энергичнее стремиться к достижению соглашения с немцами, как только они узнали бы, что Гитлер склонен к переговорам.

Изучение материалов допросов Гесса, проведенных к тому моменту, привело Кадогана к безрадостной мысли, что Гесс пока что так и не сообщил никакой ценной информации. И тем не менее правительство, очевидно, не «желало создать впечатление, что он ничего путного не говорит!» Для того, чтобы использовать Гесса против русских путем периодической публикации отрывочных дезинформационных сообщений, исключительно важно было координировать пропагандистскую деятельность. Батлер жаловался, что он проводит другую линию — он последовательно стремился убедить Майского в том, что Англия будет продолжать военные усилия. Сардженту, у которого руки чесались что-то предпринять, пришла в голову мысль, что лучше всего обмануть русских можно было бы, использовав «какой-нибудь подпольный канал». Кадоган с энтузиазмом одобрил эту идею при условии, что «русских не чересчур напугают!» Он, очевидно, имел в виду германо-советский военный союз, которого столь опасались¹³.

Решение ввести русских в заблуждение о миссии Гесса

следует рассматривать в контексте убежденности Форин оффис в том, что германо-советские переговоры вот-вот будут успешно завершены и поэтому их любой ценой необходимо сорвать. 23 мая Форин оффис окончательно утвердил директиву для МИ-6: «использовать инцидент с Гессом через заграничные нелегальные каналы». Директиву одобрили как «ясное предупреждение советскому правительству остерегаться нынешних предложений Гитлера о сотрудничестве и дружбе». Однако в Москве она только усиливает подозрения относительно перспективы англо-германского мира и будет расценена как попытка Англии вбить клин между Россией и Германией. Слухи распространялись каналами, предложенными Сарджентом. Смысл их, в конечном итоге, был тот же, что у предупреждения Черчилля и угроз, с которыми Криппс выступал в Москве. Русских предупреждали, что если они уступят требованиям Германии, то выгоды от соглашения достанутся Гитлеру; в конечном же итоге русским придется воевать в одиночку. Таким образом, указания проводить операцию по использованию инцидента с Гессом в целях дезинформации были отданы, Кавендиш Бентинк, председатель Объединенного комитета по разведке, взял на себя ясное обязательство: «Спецотдел 2, в сотрудничестве со спецотделом 1, предпримут меры к тому, чтобы вышеназванные слухи достигли советских ушей тотчас же... Мы, несомненно, получим возможность, как обычно, ознакомиться с отдельными «шептунами» перед тем, как они начнут действовать».

23 мая директива об использовании дела Гесса была направлена в английские посольства в Стокгольме, Нью-Йорке и Стамбуле; информация была «предназначена только для России; для распространения через каналы, ведущие прямо к советским представителям». Независимо от этого распространялись слухи по другим каналам, при соблюдении координации с основными положениями, определенными в директиве. Сомнения, которые имелись по вопросу результативности подобных мер и возможных отрицательных результатов, к которым они могут привести в Москве, были отмечены, возобладало желание запустить как можно больше «слухов»¹⁴.

Отдел политической разведки Форин оффис также считал, что дело Гесса не используется должным образом

для получения реальных результатов. Он настойчиво предлагал извлечь как можно больше из антибольшевистской настроенности Гесса. Перед Форин оффис встал вопрос, что делать: продолжить только что запущенную кампанию слухов, или по официальным каналам сообщить русским истинную информацию о Гессе. Взяли верх взгляды Идена и Кадогана. Несмотря на попытки Даффа Купера обсудить вопрос на уровне министров, кампания слухов было продолжена¹⁵.

Эта версия распространилась мгновенно. В зале приемов Форин оффис лично Иденом был проведен инструктаж для руководящих представителей английских газет. Он заявил газетчикам: «Гесс был очень откровенен о своей миссии. И эта миссия указывает на то, что в руководстве Германии имеется раскол». Представитель влиятельной газеты «Таймс» после этого инструктажа был убежден, что Гесс пытался «доставить план мира» и был официально уполномочен Гитлером на это. Такие взгляды получили широкое хождение в Лондоне¹⁶. К 10 июня, как раз в те дни, когда Саймон беседовал с Гессом, дезинформация уже не ограничивалась «слухами». Иден ввел в заблуждение Майского, заставив его поверить, что «Гесс бежал из Германии в виду ссоры не с самим Гитлером, а с некоторыми окружающими его высокими персонами, вроде Риббентропа и Гимmlера»¹⁷. Получив такую информацию в Москве, Сталин мог понять ее двояко, причем каждая из версий приводила к катастрофическим последствиям. Если информация была истинной, то его линия на умиротворение с немцами была правильной. Если же англичане пытались втянуть его в войну, то и в этом случае его бдительность была оправданной.

Не успела «кампания слухов» начаться, как Криппс, которого не известили о незначительности информации, полученной от Гесса на допросах, также проявил горячее желание использовать дело Гесса. Будучи блестящим аналитиком и наблюдателем, он не умел выбирать правильную линию поведения, его действия часто были суевливыми и импульсивными. В телеграмме Идену он писал: «Я сохраняю достаточно надежд на то, что Советское правительство не пойдет на такие уступки, которые кардинально повлияют на его подготовленность или пригото-

ления к войне, так как я уверен, что у них нет иллюзий относительно основных намерений Германии в том, что касается их; я уверен, что они преисполнены решимости сопротивляться в тех случаях, когда, по их собственной оценке, они должны сопротивляться или погибнуть». Криппс был убежден, что «из-за очевидного нежелания Советского правительства вести в настоящее время войну с Германией «оно должно испытывать очень большой соблазн» вести дело чересчур тонко». Криппс поэтому считал, что действия Советского правительства в таких случаях будут зависеть от его анализа соотношения сил Англии и Германии. Он выразил надежду на использование полученной от Гесса информации для того, чтобы «оказывать воздействие на решения Советского правительства в критический момент и, что особенно важно, убеждать их не сосредоточивать внимание на внешних факторах, упомянутых выше, другими словами, внушить им, что сейчас у них есть опора, а вот позже ее может и не оказаться»¹⁸.

Хотя Криппсу были даны указания не предпринимать каких-либо действий по своей инициативе, его в полной мере проинформировали о кампании дезинформации, которая, на первый взгляд, казалось соответствовала его рекомендациям:

«Через негласные каналы мы сообщаем, что полет Гесса является показателем растущих расхождений из-за проводимой Гитлером политики сотрудничества с Советским Союзом, и что в случае продолжения этой политики Гитлер будет настаивать на краткосрочных соглашениях, зная, что он будет вынужден отказаться от этого курса и нарушить любые обещания Советскому Союзу, которые он может быть уже дал. Так что в конечном итоге положение Советского Союза окажется хуже, чем было вначале. Окажется, что они потеряли потенциальных друзей, пошли на уступки и в своем ослабленном состоянии остались один на один с Гитлером».

Однако, как и русские, Криппс так и не поверил, что Гесс прибыл в Англию с пустыми руками. Сформулированные им предложения основывались на неверной посылке, что предупреждение будет искренним¹⁹.

Весь май трения между Даффом Купером и Иденом не

прекращались. Иден находился под постоянным давлением Майского, требовавшего борьбы со слухами; он был преисполнен решимости прекратить полуофициальную утечку информации из Форин оффис. 5 июня Иден дал официальное указание хранить молчание в связи с делом Гесса; в то же время Форин оффис сохранил свое право вести тайную пропагандистскую кампанию и «выдумывать и распространять большевистские и другие версии». Угрюмое замечание Кадогана, что «слухи могут быть более безответственными и, если они даже не приносят неудобств, могут оказываться противоречивыми и сбивающими с толку», осталось незамеченным. А попытки Идена сохранять жесткий контроль оказались безуспешными. Вплоть до немецкого вторжения как военная разведка, так и министерство информации усердно пытались изменить решение Идена, которого они все равно не придерживались. Военная разведка считала, что, если главной целью было «заставить немцев теряться в догадках», то «молчание бесполезно и что-нибудь должно появляться». Точно так же Дафф Купер продолжал засыпать Черчилля требованиями выступить с публичным заявлением²¹.

Гесс глазами русских

Характерной и постоянной чертой советской внешней политики в период между войнами была патологическая подозрительность, начало которой было положено интервенцией союзников во время гражданской войны в России. Русские опасались, что Германия и Англия могут объединиться и пойти крестовым походом на Россию. Зимой 1939—1940 гг. в ходе «странной войны» перспектива того, что будет заключен сепаратный мир и германская военная машина направится на Восток, побудила русских начать собственные посреднические усилия для окончания войны. К концу апреля 1941 г. в свете ужасающего военного положения вероятность мира на Западе внезапно стала казаться правдоподобной.

После разгрома Франции русских особенно бесило то, что Черчилль неизменно включал в свой кабинет «мюнхенцев». А они могли бы сыграть решающую роль в заключении мира с Германией. Одно время Криппс постоянно

писал об этих страхах. После того как была разгромлена Франция, Криппс, доведенный до крайности, убеждал Галифакса: Майскому следует внушить, что реакция Англии на зондажи Гитлера о мире будет зависеть от прогресса переговоров между Россией и Англией²². Советская разведка тщательно следила за любыми признаками мира. Она даже доходила до крайностей, высказывая в июле 1940 г. предположения, что «бывший английский король Эдуард вместе с женой Симпсон в данное время находится в Мадриде, откуда поддерживает связь с Гитлером. Эдуард ведет с Гитлером переговоры по вопросу формирования нового английского правительства и заключения мира с Германией при условии создания военного союза против СССР²³».

Новые намеки на сепаратный мир в последнюю неделю апреля 1941 г. вызвали в Москве беспрецедентную тревогу. Русские оказались в этот момент в незавидном положении: они были преисполнены решимости избежать полного разрыва отношений с Англией; в то же время они открыто осуществляли меры по умиротворению Германии. Чтобы не возбудить подозрений у немцев, свои шаги по сближению с Англией они предпринимали в Лондоне, подальше от немецких глаз. Кроме того, они стали еще пристальнее наблюдать за английской политикой, особенно после военных неудач в Греции и на Крите, которые привели к усилению критики и недовольства в Англии. Майскому были отправлены указания бдительно следить за сторонниками умиротворения, входившими в состав правительства²⁴. В ходе своих бурных встреч с Беатрисой Вебб, заместителем министра иностранных дел Р.А. Батлером и будущим министром обороны, сэром Уолтером Монктоном Майский стремился рассеять слухи о мирных зондажах²⁵.

Трудности, с которыми сталкивался Майский при анализе складывавшегося положения и увязывании своих наблюдений с господствовавшими в Москве концепциями, нарастали и обострялись по мере того, как набирали силу слухи о близкой войне. Сравнивая ход парламентских дебатов о войне с событиями мая 1940 г., когда пало правительство Чемберлена, Майский верил, что, несмотря на внешнее сходство, положение изменилось. Черчилль, замечал он сдержанно, пользовался массовой поддержкой

потому, что он продолжал вести войну, «по крайней мере, сейчас», в то время, как сторонники умиротворения «пока» не играли важной роли. Ни на миг он не верил, что стойкое сопротивление Черчилля является делом принципа; Черчилль просто не желал заключать соглашение, которое могло бы увековечить неудачи Англии на поле боя. Майский более не исключал возможности того, что ужасное поражение, нанесшее удар по Британской империи (он, несомненно, имел в виду падение Египта), могло бы привести к «предательству со стороны правящего класса, несколько похожему на предательство Петэна и его клики»²⁶. Положение, как поверял он своему дневнику, было слишком неустойчивым, чтобы русские чувствовали себя спокойно. «И в данный момент, когда английская буржуазия хочет вести войну, Черчилль является для нее большой находкой. Но он может в дальнейшем стать для нее и большим препятствием, если и когда он захочет заключения мира. Однако это пока еще «музыка будущего»». Все это только усиливало сложившееся у русских впечатление, что единственный интерес Черчилля состоял в том, чтобы добиться вовлечения России в войну²⁷. Поэтому огромное внимание обращалось на любой намек на мирное соглашение. Так например, Майский отметил, что на вопрос Ллойд Джорджу, каковы могут быть последствия поражения в Египте, этот опытный политик дал уклончивый ответ. Майский вспомнил, что годом раньше, вскоре после разгрома Франции, Ллойд Джордж, как казалось, был уверен, что военные усилия будут продолжаться без какого-либо ослабления²⁸.

Очевидно, что тайна, которой был окутан полет Гесса, принесла обильный урожай совершенно диких спекуляций, а он был затем усилен умышленной кампанией дезинформации. Еще больше дело усугубила осторожность, которую Майский проявлял в своих оценках и докладах. В своих мемуарах Майский, отчасти в попытке реабилитировать себя, уверенно заявляет: «Но не подлежит сомнению одно. Все основное и существенное о полете Гесса советскому посольству было известно уже тогда, весной 1941 г.»²⁹. На самом деле противоречивость информации из Лондона приведет к неоднозначным толкованиям и усилит страх того, что назревает англо-германское соглашение.

В Кремле Гесса не списывали со счетов, не считали его потерявшим свое место в политической иерархии Германии. Гесс был известен своей помощью Гитлеру в написании антибольшевистских пассажей «Майн кампф», своими проанглийскими настроениями и тем, что у него были связи среди англичан. У Молотова еще свежи были воспоминания об их встречах в ноябре 1940 г., когда Гесс, активный участник переговоров, едва скрывал свою враждебность. У русских совершенно естественно возникли подозрения, когда английское правительство, застигнутое врасплох неожиданным появлением Гесса, сохраняло молчание по этому поводу, упустив из виду, какое воздействие их поведение может оказать на Москву³⁰. Хрущев вспоминал, как он сказал Сталину: «Я думаю, что Гесс на самом деле должен был иметь секретное задание Гитлера провести переговоры с англичанами о том, чтобы прекратить войну на Западе и развязать Гитлеру руки для натиска на Востоке». Сталин выслушал меня и затем сказал: «Да, это так. Вы понимаете правильно»³¹.

Майскому приходилось исключительно трудно. На него легло бремя огромной ответственности. Он должен был проявлять большую осторожность, ибо на основе его оценок в Москве могли принимать судьбоносные решения. Тем временем обстановка, складывавшаяся в течение этого месяца — ультиматумы Криппса в начале апреля, предупреждение Черчилля в конце месяца, — еще более осложнила его положение. Сталин, которому приходилось выбирать из множества версий, читал донесения своих послов выборочно. А послы, и особенно Майский, стали мастерами в поставках требуемого продукта, излагая свои взгляды двусмысленно. Поэтому нет ничего удивительного, что Майский, который до этого момента был столь прилежен в ведении своего дневника, находившегося под постоянным наблюдением, на какое-то время запустил его. Его уклончивые сообщения в Наркоминдел составили поразительно тоненький томик.

И это составляло потрясающий контраст с чрезвычайной активностью Майского, пытавшегося в эти дни докопаться до истины в деле Гесса. Прибытие Гесса в Англию, о чем он узнал только из сообщения по радио, ошеломило Майского. А сейчас все его собеседники только и делали,

что строили предположения. «Но никто толком ничего сказать не может». Рано утром следующего дня он сразу помчался в Уайтхолл; его ввели к Батлеру, но тот был исключительно сдержан. Он проинформировал посла, что «настоящий разговор с Гессом еще не начался» и вероятно начнется через 2-3 дня. Откуда было Майскому знать, что за уклончивостью Батлера скрывалась его собственная неосведомленность. Майского вряд ли могло успокоить предложение Батлера не обращать внимания на сенсационные заголовки в газетах. К этому времени русские придерживались того мнения, что английская пресса превратилась в рупор кабинета. Не добавил Майскому спокойствия и дальнейший ход беседы, когда Батлер начал критиковать предпринимавшиеся незадолго до этого советские попытки достичь умиротворения с немцами; у Майского вызвала самую настоящую тревогу увязка этих двух тем. Никогда раньше Майский, который теперь повсюду ходил в сопровождении Новикова, не приезжал к Батлеру столь часто, как в эти дни³³.

Не добившись какой-либо серьезной информации, Майский ограничился только кратким комментарием по делу Гесса в своем сообщении в Москву от 15 мая. Целью зарисовки было отразить реакцию, ожидавшуюся в Москве, что «во всех разговорах Гесса очень сильно антисоветское настроение. Он резко критикует советско-германский пакт о ненападении». Трудно, однако, было сделать какие-либо полезные выводы из его телеграммы, во второй части которой сообщалось о признании Гесса, что он прилетел по собственной инициативе и что он не выдал англичанам никаких секретов. Как и весь мир, Москва нетерпеливо ждала информации о намерениях Гитлера в отношении России³⁴.

Прошло два дня. По-прежнему никаких признаков информации. Майский под предлогом срочной необходимости обсудить репатриацию советских моряков и кораблей, удерживаемых в английских портах, вновь является к Батлеру. Тот, хотя к тому времени не получил какой-либо официальной информации, высказывает свою личную точку зрения, что Гесс прилетел в Англию по собственной инициативе, а не в качестве эmissара Гитлера. Вслед за этим Батлер начал развивать гипотезу, — позже

она будет использована в кампании по дезинформации. Он-де не может исключить возможности того, что за спиной Гесса стоит мощная группа в высшем эшелоне нацистской партии. Поэтому представляется, что миссия Гесса является признаком того, что поддержка планов Гитлера не является единодушной. Тем не менее Батлер укреплял у Майского мнение, сложившееся еще до миссии Гесса, о следующем:

«Однако решимость правительства вести войну остается в полной силе, не может быть и речи о том, чтобы Англия пошла сейчас на заключение мира. Если у Гесса была странная идея, что он найдет здесь толпы «квислингов», которые только того и ждут, как бы протянуть руку Германии, то он уже убедился или скоро убедится в своей ошибке. Надежда Гесса лишний раз свидетельствует о том, в какой нереальной атмосфере живут руководители современной Германии. Гесс остается в Англии и будет рассматриваться как военнопленный. Ни о каких свиданиях его с Черчиллем не может быть и речи (о таких свиданиях вчера и позавчера говорили некоторые английские газеты)»³⁵.

Через несколько дней Батлер развил свою теоретическую конструкцию, украсив ее дополнительными деталями; по своей инициативе он высказал предположение, что «между Гессом и Гитлером произошла ссора, в результате которой Гесс решил совершить свой полет в Англию в надежде, что здесь ему удастся найти влиятельные круги, готовые к заключению мира с Германией». Восприняв оценки ситуации Батлером, Майский передал в Москву, что, по его мнению, «надежда Гесса, конечно, фантастична». Батлер, кроме того, подтвердил впечатление, сложившееся у Майского, что Черчилль вряд ли отреагирует положительно на прилет Гесса, несмотря на слухи, говорящие об обратном³⁶.

Мы должны помнить, что сообщения Майского не были единственным источником информации, поступавшей в Москву. В Кремле в еще большей мере полагались на доклады НКГБ и военной разведки. И те и другие изучались в обстановке, отмеченной крайним недоверием. 14 мая

НКГБ получил информацию от Анатолия Горского, который руководил кембриджской группой тайных агентов, завербованных НКГБ, что «от Сони [Филби] получена информация, что Гесс при прибытии в Англию заявил, что прежде всего он рассчитывает обратиться к Гамильтону... Гамильтон входит в так называемую Кливденскую клику». Далее сообщалось о первой беседе Киркпатрика с Гессом, но ничего не говорилось о подробностях мирных предложений, с которыми он прибыл. Через несколько часов поступило более точное и деловое сообщение о предложениях Гесса со ссылкой на информацию, полученную Филби в личной беседе со своим другом Томом Дюпри, который был заместителем начальника департамента прессы в Форин оффис:

В ходе своей беседы с офицерами английской военной разведки Гесс заявил, что он прибыл в Англию, чтобы предложить компромиссный мир, целью которого было бы прекратить бедствия двух воюющих сторон и сохранить Британскую Империю как стабилизирующую силу. Гесс объявил, что он по-прежнему лоялен Гитлеру. В разговоре с Киркпатриком Гесс заявил, что война между двумя нордическими нациями является преступной и что он верит, что в Англии имеется мощная античерчиллевская партия, которая хочет мира и которая с его прибытием получит мощный стимул в борьбе за мир.

И тем не менее определенные неточности и неверный анализ окрасили этот доклад в зловещие тона, что имело разрушительное воздействие на Москву. В докладе было заявлено, что «Бивербрук и Иден посетили Гесса, хотя официально это опровергается». Однако это опровержение было сведено на нет общим анализом, который усилил царившие в Москве страхи, особенно когда к середине июня пришло сообщение о том, что с Гессом ведет переговоры лорд Саймон. Филби считал, что «по мере того, как будут разворачиваться военные события, Гесс может превратиться в центр интриг в пользу заключения компромиссного мира и поэтому будет полезным для партии мира в Англии и для Гитлера». Более того, ошибочные сведения, исходившие из различных источников НКВД в Берлине,

давали основание предположить, что миссия Гесса действительно была одобрена Гитлером. Эта дезинформация исходила из немецкого министерства иностранной пропаганды. В соответствии с этой информацией «Гесс был вполне в здравом уме; он вылетел в Англию, имея определенное задание и предложения от германского правительства». Указания были спешно направлены в Берлин, Лондон, Стокгольм, США и Рим «приложить все усилия, чтобы узнать подробности предложений». Казалось исключительно важным установить, являлись ли предложения подлинными и были ли они сделаны с согласия Гитлера³⁷.

Майскому пришлось вникать в это дело еще основательнее из-за сохранявшейся в Москве подозрительности, которую усиливала казавшаяся изощренной кампания слухов о приближении войны. Казалось, что предостережения, которые Криппс делал экспромтом еще в середине апреля, внезапно стали воплощаться в жизнь. 23 мая за обедом в узком кругу у Веббов Майский напомнил о пространном меморандуме Криппса, который, как он сказал, вызвал раздражение у его правительства. Майский таким образом пытался выяснить реакцию своих собеседников на возможность заключения сепаратного мира:

Будет ли Англия держаться — не будет ли мощная группа правящего класса выступать за достижение мира с Гитлером путем переговоров? Он рассказал нам, как он считал, правду о деле Гесса. Гесс был очень откровенен о своей миссии; но он отказался заявить, что она была предпринята с согласия Гитлера³⁸. Он желал убедить английское правительство уступить: в войне за господство в Европе Англия и ее союзники будут разбиты, хотя Германия и будет при этом истощена. Германия должна остаться господствующей силой в Европе; Англия должна сохранять свою империю, сделав несколько небольших уступок в Африке. В этом случае Германия и Англия могут остановить распространение большевизма. А большевизм — это сам дьявол³⁹.

Майского несколько успокоила уверенность Веббов, что общественность возмутится попытками заключения мира и окажет им сопротивление⁴⁰.

К концу мая Майский, как кажется, пришел к выводу, что положительная реакция Черчилля на немецкое предложение мира исключается. Ожесточенный характер дебатов в парламенте после поражения британских войск на Крите позволял сделать вывод, что говорить о росте настроений в народе в пользу мира было бы ошибкой⁴¹. Однако вся атмосфера в целом оставалась чрезвычайно противоречивой, и Майскому трудно выделять «наиболее вероятное из огромной массы историй, докладов, догадок, предположений, слухов и т.п., роившихся вокруг этого странного, почти романтического дела»⁴².

Более того, альтернативные источники, казалось, были менее категоричными и мешали ему направлять в Москву недвусмысленные сообщения. Однажды он, ужиная вдвоем с лордом Бивербруком, влиятельным сторонником Черчилля в военном кабинете, попытался выведать у него о Гессе. «Бивербрук без колебания ответил: — О, конечно, Гесс — эмиссар Гитлера». Затем он пересказал предложения Гесса о мире «с честью», однако исказил их контекст, преувеличив их антисоветский характер. Он заявил, что предложения были представлены как защита цивилизации против большевистского варварства. Бивербрук также вел себя уклончиво при обсуждении перспектив сепаратного мира. Разумеется, данный зондаж он отверг с порога: «Гесс, должно быть, думал, что, как только он изложит свой план, так все эти герцоги побегут к королю, свалят Черчилля и создадут «разумное правительство»... Идиот!» И тем не менее он высказал предположение, что Черчилль действительно верил в то, что Гитлер хочет мира. Он истолковывал миссию Гесса как продолжение усилий, предпринимавшихся Гитлером после падения Франции, когда он при посредничестве Швейцарии пытался достичь соглашения. Бивербрук, как до него Криппс, разыгрывал германскую карту; он сказал в заключение со зловещим подтекстом: «Выйдет ли? Будущее покажет. Британское правительство... пошло бы на мир с Германией на «приличных условиях», но таких условий сейчас нельзя получить». Для русских было бы вполне логичным сделать заключение, что активное продолжение войны Англией зависит не от негибимой воли Черчилля, а скорее от характера немецких предложений⁴³. К началу июня Майский пришел к следующему выводу:

«За кулисами британской политики началась борьба. Черчилль, Иден, Бевин и вообще все лейбористские министры сразу же высказались решительно против каких-либо переговоров... Однако нашлись среди министров люди типа Саймона, которые при поддержке бывших «клевденцев» считали, что следует использовать столь неожиданно представившийся случай для установления контакта или по крайней мере для зондажа о возможных условиях мира»⁴⁴.

В течение первых трех недель июня, до германского нападения на Россию, появлялось все больше разведывательных донесений о наращивании немецких военных приготовлений. Они просачивались в прессу, которая лихорадочно печатала все новые, диаметрально расходящиеся, аналитические оценки обстановки. Они, в свою очередь, совпадали с дезинформацией, которую подсовывали советской разведке; в то же время Саймон предпринимал последнюю попытку допросить Гесса. Майский продолжал метаться между двумя крайними позициями. На основе различных высказываний Идена, с которыми он выступил в начале июня, в Кремле стали беспокоиться, что англичане могут поддасться искушению и подписать сепаратный мир, если они предположат, что Москва ведет переговоры с Германией. 5 июня на встрече с Иденом Майский в ответ на его вопрос «относительно «альянса» Германии и СССР заявил, что между нами нет переговоров ни о каких-либо новых, ни о расширении старых соглашений. Сильное впечатление и недоверие. Иден говорит, что имеет сведения, будто бы между Германией и СССР идут самые серьезные переговоры по вопросам громадного значения».

В тот самый день, когда Гесс беседовал с лордом Саймоном, Майский в коридоре парламента столкнулся с Ллойд Джорджем. Тот, казалось, находился в угнетенном состоянии в связи с ходом военных действий. «Стало быть», признался он Майскому, «надо думать о компромиссном мире. На каких условиях? Ллойд Джордж полагает, что если бы Гитлер согласился бы удовлетвориться, то есть включением в ее состав Данцига, Силезии, Австрии, Эльзас-Лотарингии плюс протекторат над некоторыми частями Европы и Польши, а также кое-какие «модификации»

в Бельгии и Голландии, — то заключение мира стало бы возможным.» Предложения, представленные Гессом, были «абсолютно неприемлемы, — категорически отвечал «Старик» (т.е. Ллойд Джордж) — если Гитлер будет на них настаивать, продолжение войны неизбежно»⁴⁵.

А несколькими часами позже Майский узнал от Идена в Уайтхолле, что никаких переговоров не предвидится. Иден торжественно заявил, что «Гессу придется провести в английской тюрьме некоторое время — до конца войны». И тем не менее через несколько дней Майский, к своему ужасу, вдруг узнал от Беатрисы Вебб, что вести допросы Гесса доверено лорду Саймону, этому апостолу «умиротворения»⁴⁶. Анализ ситуации Майским совпадал с оценкой советской разведки. Рихард Зорге, знаменитый советский разведчик, работавший в Японии, передал сообщение, что полет Гесса был предпринят Гитлером как крайняя мера, последняя попытка провести переговоры о мире⁴⁷. Находящийся в посольстве в Берлине Валентин Бережков сообщает, что как-то, придя в начале мая на Вильгельмштрассе, он с изумлением увидел, что среди литературы, разложенной в приемной министерства, появились выпущенные еще до войны брошюры и журналы, прославляющие «англо-германскую дружбу»⁴⁸.

«Бритиш Пресс Сервис» от 16 июня дала обзор освещения в английской прессе событий за период с 12 мая по 10 июня. В нем ясно отразилась роль полета Гесса в оказавшемся совершенно ложным, но получившем широкое распространение толковании событий. Несомненно, этот обзор должен был совпадать с тем впечатлением, которое создавалось у русских, все это время скрупулезно штудировавших английские газеты. Следует учитывать, что дезинформационные материалы, подбрасывавшиеся Кремлю, сличались с теми выводами, к которым можно было прийти на основе чтения английской прессы и различных сообщений из Лондона. Так, в обзоре «Пресс Сервис» говорится следующее:

Полет Гесса был одним из главных элементов (предполагавшегося «мирного наступления» — *авт.*). Мнение, что Рудольф Гесс бежал от кровавой расправы, сменилось широко распространившейся точкой зрения, что он при-

был с миссией мира. Согласно этой версии, президент (Рузвельт — *авт.*) отложил свою речь из-за этих мирных предложений, которые Англия отвергнет, если Соединенные Штаты вступят в войну, и примет, если Соединенные Штаты не вступят в войну. Уайнант (американский посол в Лондоне, возвращавшийся после консультаций из Вашингтона — *авт.*) привез первый вариант текста соглашения о мире между Гессом и Черчиллем.

Сообщения, что острая нехватка продовольствия в Англии вызвала голод и беспорядки среди английских рабочих, хорошо гармонировали со всеми этими историями. Казалось, что дух англичан слабел. Широкое хождение получили разнообразные спекуляции относительно перспектив политической карьеры и престижа Черчилля, если он потеряет Средиземноморье. В то же время печатались сообщения о возрождении в Англии предвоенных групп сторонников умиротворения. Постоянно цитировались слова леди Астор о том, что Англия проигрывает войну на внутреннем фронте. Циркулировали недвусмысленные намеки на отсутствие единства в английском кабинете. В обзоре печати далее сообщалось, что в Соединенных Штатах широко распространено убеждение, что «миссия Гесса по-прежнему связана с шагами в направлении мира, и страшный гнев, с которым Бевин напал на него, объясняется его боязнью, что эти шаги могут встретить определенное сочувствие»⁴⁹.

Сообщения, поступавшие из английского посольства в Вашингтоне, создавали такое же впечатление. Хотя к середине июня о деле Гесса уже не писали на первых полосах американских газет, заголовки статей, казалось, звучали как какое-то гигантское эхо: «Эмбарго на все сообщения о местонахождении Гесса; решение премьер-министра не выступить с публичным заявлением; секретность окружает визит Уайнанта в Вашингтон; временное прекращение авиационных бомбардировок обеими сторонами⁵⁰ и частный визит Киркпатрика в Ирландию — в представлении публики все это вместе создавало версию о мире путем переговоров». Спекуляции проникали в промышленные круги; им поверили такие люди, как Гувер. В большинстве своем слухи и спекуляции «распространя-

лись только через частных лиц, в то же время за границей несомненно существовало неопределенное, но широко распространенное настроение тревоги и неуверенности, удобрявшее почву для немецкой пропаганды»⁵¹.

Точка зрения, наиболее точно отражавшая истинные взгляды Майского относительно Гесса уже после того, как немцы напали на СССР, состояла в убеждении, что Гитлер стремился заручиться английской поддержкой в войне, изобразив себя спасителем западной цивилизации в крестовом походе против коммунизма. Поэтому целью полета Гесса представлялась подготовка почвы для достижения англо-германского союза накануне войны или на ее начальной стадии. Окончательное мнение, сложившееся в Москве, было такое: Гесс прибыл по приказу Гитлера с мирными предложениями, имевшими отношение к плану «Барбаросса», но ошибся в предположениях о возможной английской реакции. Эту ошибку однако совершали также и русские, придерживаясь этого мнения вплоть до начала войны, — и только речь Чечилля, к великому облегчению русских, избавила их от этой ошибочной оценки. Трагическим образом бдительность Сталина накануне войны была отвлечена от реальной опасности, таившейся за углом⁵².

Примечания

¹ PREM 3 219/6 pp. 32-36, Сообщение Кларка Керра Черчиллю 25 октября 1942 г.

² «The Times», 5 октября 1942 г.

³ FO 371 30941 C9971 и C10433/1299/18, 33036 C5566/5272/38 и PREM 3/219/6 fols, 32-33.

⁴ Cripps Papers, дневник, 13 мая 1941 г.; FO 371 29481 N 2171/78/38, FO Minutes, 14 мая 1941 г.

⁵ FO 371 26565 C5251/5188/18, докладная записка Сарджента 14 мая 1941 г.

⁶ Меморандум Объединенного комитета по разведке, JIC41 218, см. в: WO 208/1761

⁷ FO 371 29481 N 2234/78/38, памятная записка бригадного генерала Скейфа 12 мая 1941 г.

⁸ FO 371 29482 N 2673 и N 2678/78/38, сообщение Мэллета в Форин оффис, и сообщение Криппса в Форин оффис 7 июня, 30 мая 1941 г.

⁹ Цит. в F.H. Hinsley, *British Intelligence in the Second World War*, London, 1979, vol. 1, p. 477.

¹⁰ FO 954/24 Su/41/13, Сарджент о разведке и намерениях Германии, 1 июня 1941 г.

¹¹ FO 371 29483 N 2865/78/38, телеграмма Бэггелли в Форин оффис 15 июня 1941 г. Криппс, находившийся в Лондоне, отверг это толкование.

¹² FO 1093/11 fols. 125-6, протоколы обсуждений в Форин оффис относительно России и пропаганды, 16 мая 1941 г.

¹³ FO 1093/11 fols. 90 и 93, протоколы обсуждений в Форин оффис относительно информации, касающейся России, 22 мая 1941 г.

¹⁴ FO 1093/6 pp. 2-10, инструкции Секретной разведывательной службы. Указания Форин оффис в Стокгольм, Нью-Йорк и Стамбул. Документы Кадогана, 23 мая 1941 г.

¹⁵ FO 1093/11 fols. 24-35, 27 мая 1941 г.

¹⁶ *The Times*, 27 May 1941.

¹⁷ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 352, д. 2402, л. 174.

¹⁸ FO 371 29481 N 2466/78/38, телеграмма Криппса в Форин оффис и записи, 27 мая 1941 г.

¹⁹ FO 371 29482 N 2787/78/38, телеграмма из Форин оффис Криппсу 9 июня 1941 г.

²⁰ FO 1093/10 fols. 142-145, протоколы комитета Форин оффис по германской пропаганде, 5 июня 1941 г., и fols. 133-4, инструкции Форин оффис Военной разведке, 6 июня 1941 г.

²¹ FO 1093/10 fol. 132, письмо из Военной разведки в Форин оффис, и fols. 106-108, письмо майора Д. Мортонна в Форин оффис, 7 июня 1941 г.

²² FO 371 24844 N 6072/30/38, 30 июля 1940 г.

²³ Сообщение НКВД в ГРУ, 9 июля 1940 г. Цит. по: *Известия ЦК КПСС*, 1990, N 4, стр. 199.

²⁴ Bodleian Library (Oxford), Lord Monckton's Papers, Box 5, p. 49.

²⁵ FO 371/29465 N 1801/3/38; Webb Papers, дневник, p. 7079; Monckton Papers, Box 5, p. 49, памятная записка, 28 мая 1941 г. Проницательное толкование событий дает Мартин Китчен. См.: Martin Kitchen, *British Policy towards the Soviet Union during the Second World War*, New York, 1986, p. 52-55. Крайне сомнительно, что С.М. Майнер прав, когда он принижает значение подозрительности советского руководства, желая доказать, что полная приверженность Сталина его «союзу» с Гитлером закрыла ему глаза на нависшую опасность. См.: S.M. Miner. *Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance*. North Carolina, 1988, pp. 130-137.

²⁸ Слова Майского в его разговоре с Веббами — см. их неопубликованный дневник, pp. 6921-2, за 3 июля 1940 г., такие же взгляды он высказывал в беседе с первым лордом Адмиралтейства Александером; см. документы Александера, AVAR 5/4/31, от 28 июня 1940 г.; Halifax Papers, A.7.8.4, дневник, 10 июля 1940 г.; и Dalton Papers, дневник, 26 июля 1940 г.

²⁷ АВП РФ, ф. 017а, дневник И. Майского, стр. 118-19, 2 мая 1941 г.

²⁸ Там же, стр. 123-7, 10 мая 1941 г.

²⁹ Майский И.М., *Воспоминания советского дипломата*, стр. 517.

³⁰ «Англия делает выбор» — так многозначительно В.Г. Трухановский озаглавил раздел о деле Гесса в своей книге *Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939-1945)*. М., 1965. См. также: М. Гус. «Тайная» миссия Гесса», *Военно-исторический журнал*, 1960, N 9.

³¹ Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 137.

³² АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 351, д. 2401, л. 283.

³³ АВП РФ, ф. 069, оп. 25, д. 6, п. 71, л. 72-4, телеграмма Майского Молотову 14 мая 1941 г.

³⁴ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 352, д. 2402, л. 12-14.

³⁵ АВП РФ, ф. 069, оп. 25, д. 6, п. 71, лл. 75-76, телеграмма Майского Молотову 16 мая 1941 г.

³⁶ АВП РФ, ф. 069, оп. 25, д. 6, п. 71, лл. 75-77, телеграммы Майского Молотову от 16 и 21 мая 1941 г.

³⁷ Сообщения «Вадима» из Лондона, «Джуна», «Франкфуртера» и «Экстерна» из Германии в НКВД приводятся в: Costello, *Ten Days to Destiny*, pp. 436-37 и 441-2.

³⁸ Тем самым подразумевается, что он верил именно в это.

³⁹ Webb Papers, diary, pp. 7079-80.

⁴⁰ АВП РФ, ф. 017а, дневник И. Майского, стр. 130-133, 22 мая 1941 г.

⁴¹ Там же, стр. 144-147, 2 июня 1941 г.

⁴² I. Maiski, *Memoirs of Soviet Ambassador*, London, 1967, p. 145.

⁴³ АВП РФ, ф. 017а, дневник И. Майского, стр. 138-140. Это центральное звено доказательств, кажется, отсутствует в архиве Министерства иностранных дел. Майский, обедавший с Бивербруком один на один, мог либо предпочесть не использовать его, либо, что более вероятно, найти другие пути передачи информации в Кремль.

⁴⁴ Майский И.М. *Воспоминания советского дипломата*, стр. 516.

⁴⁵ АВП РФ, ф. 017а, дневник И. Майского, стр. 146-7, 10 июня 1941 г. (запись сделана от руки).

⁴⁶ London School of Economics, Beatrice Webb's Papers, diary, pp. 7103-7, 14 June 1941; *Foreign Relations of the United States*, 1941, Vol. 1, p. 173.

⁴⁷ Волков Ф.Д. «Неудавшийся прыжок Рудольфа Гесса», *Новая и новейшая история*, 1968, N 6, стр. 116.

⁴⁸ Бережков В.М. *Годы дипломатической службы*. М., 1972, стр. 57.

⁴⁹ FO 1093/10 fols. 5-6. Памятная записка Би-Би-Си относительно информации о Гессе от 16 июня 1941 г.

⁵⁰ Отсюда берет начало полностью ложная информация, которую с тех пор историки повторяют с фанатичным постоянством.

⁵¹ ПРЕМ 3 219/1, письмо Кэмпбелла в Министерство информации от 18 июня 1941 г.

⁵² АВП РФ, ф. 059, п. 4115, д. 3727, л. 319; цит.: *Советско-английские отношения в 1941-1945 гг.*; АВП РФ ф. 048 «z», оп. 1 «б», д. 1, N. 11, л. 8. Телеграмма Майского Молотову, 27 июня 1941 г.

Глава 11

«Особо угрожаемый военный период»

Подготовка к войне

Ранней весной 1941 г. внимание Сталина, как и всего мира, было приковано к событиям, разворачивавшимся на Балканах. Дипломатия играла первую скрипку, но вопросы обороны никоим образом не были забыты. Суворов утверждает в своей книге, что в то время как уничтожалась старая линия обороны, не прилагалось серьезных усилий к строительству новых располагавшихся вдоль границы УРов (укрепленных районов)¹.

В течение 1938 года русские реконструировали все имевшиеся у них 13 укрепленных районов; составлявшие их гарнизоны насчитывали 25 пулеметных батальонов, или 18000 человек. В конце этого года и в начале 1939 г. Советский Союз построил еще восемь укрепленных районов в дополнение к существующим до этого. Они должны были служить щитом армий прикрытия и дать возможность провести их перегруппировку в случае нападения немецких войск. Разработка новых стратегических планов в 1940-1941 гг. сопровождалась строительством 20 насыщенных вооружением укрепленных районов вдоль новой границы. Сталин лично принимал решение уничтожить старую линию обороны и снятое вооружение передать на новую линию обороны. В ходе этого строительства, однако, возникали бесконечные технические проблемы в процессе приспособления новых сооружений к старому вооружению. Таким образом начало войны застало старые укрепленные районы разоруженными, а новые — с еще не смонтированным вооружением².

Главный военный совет Красной Армии дважды, в феврале и марте 1941 г., обсуждал пути ускорения строительства новых укрепленных районов. В середине марта Политбюро вновь оказало нажим, пытаясь снять препятствия, которые, казалось, мешали завершению строитель-

ства оборонительных сооружений. Ответственность за их строительство была вместо командования инженерных войск целиком возложена на маршала Шапошникова³. В середине апреля начальник Главного политического управления Красной Армии обследовал состояние укрепленных районов и пришел к печальному выводу о том, что они «в большинстве своем не боеспособны». Он возложил вину на наркомат обороны за то, что укрепленные районы не были вооружены и оборудованы⁴. Генеральный штаб, как полагается, издал 14 апреля директиву о необходимости ускорить строительство, на котором теперь ежедневно работали почти 140 тысяч человек. Директива начиналась словами: *«Несмотря на ряд указаний Генерального штаба Красной Армии, монтаж казематного вооружения в долговременные боевые сооружения и приведение сооружений в боевую готовность производится недопустимо медленными темпами»* (выделено Г.К. Жуковым)⁵.

Правительство выделило 10 млн. рублей — значительная сумма в то время — для ускорения инженерного оборудования новой границы⁶. 4 июня, когда уже было слишком поздно, вмешалось Политбюро, прямо потребовав заканчивать оборудование укрепленных районов⁷. Работы шли полным ходом и были прерваны только немецким вторжением. В архивах полно документов, касающихся вопросов ускорения строительства укрепленных районов на новых границах⁸. Накануне войны инженерные сооружения не были завершены, между укрепленными районами оставались зловещие разрывы, доходившие до 50-60 километров, где дислоцировавшиеся войска прикрытия не имели никакой защиты и поддержки⁹. То, что строительство укрепленных районов не удалось закончить, не было проявлением пренебрежения к обороне из-за чьей-то поглощенности агрессивными замыслами. Причина была куда более прозаическая; в большой мере такое положение дел сложилось из-за нехватки строительных материалов — цемента, леса, колючей проволоки. Нехватило и времени.

Суворов вводит читателя в заблуждение, разворачивая полубезумный сценарий, согласно которому Сталин собирал массы своих войск и развертывал их для того чтобы нанести удар по немцам. Причем все это делалось в таком

революционном порыве, что он совершенно не замечал, что Гитлер делает абсолютно то же самое — только лучше. «Ползучее развертывание», расписанное Суворовым столь тревожными и зловещими красками, на самом деле было прямым следствием проводившихся с июля 1940 г. мероприятий по подготовке к отражению германской угрозы; эти мероприятия проводились на основе ранее разработанных планов и военных игр. Дополнительный стимул принятие этих мер предосторожности получило в середине мая 1941 г., когда поступающие разведывательные данные и политические факторы убедили начальника Генерального штаба, что наступил «особо угрожаемый военный период».

Сталин приказал Жукову, только что занявшему пост начальника Генерального штаба, и Тимошенко разработать план размещения советских войск с учетом уроков проведенных военных игр. В этот оперативный план, после окончания его разработки 11 марта 1941 г. и вплоть до начала войны, вносились в основном небольшие изменения, и поэтому он заслуживает тщательного рассмотрения. Надо иметь в виду, что этот документ стал результатом интенсивной аналитической работы, которая шла с октября 1940 г. до начала февраля 1941 г. при непосредственном активном участии Сталина. План составляли в то время, когда шла активная дипломатическая работа и позиции постоянно менялись, что было характерно для развития войны в Европе на этом этапе и о чем говорилось выше. План 11 марта 1941 г. является самым точным итоговым выражением общепринятых взглядов и наиболее точно отражает персональную позицию Сталина. План существовал в одном экземпляре: он был представлен Сталину в рукописном виде.

В основу документа была положена оборонительная стратегия. Это соответствовало выводам, сделанным после декабрьского совещания высшего командного состава армии и военных игр: «Сложившаяся политическая обстановка в Европе заставляет обратить исключительное внимание на оборону (выделено автором) наших западных границ».

Давая оценку угроз, с которыми сталкивается Россия, Жуков подчеркнул сохранение угрозы войны на два фронта:

«Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке — против Японии, как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, который в любой момент может перейти в открытое столкновение».

Однако приоритетным надо было считать Западный фронт из-за мощи сконцентрированных здесь немецких войск. После анализа масштаба этой концентрации стало ясно, что над Россией нависла угроза, делающая оборону страны труднейшей задачей. Как и в принятом в апреле плане, Жуков ожидал, что основное направление немецкого наступления будет на юго-запад. Однако, вопреки укоренившемуся мнению, следует подчеркнуть, что Жуков не исключал возможность того, что основной удар может быть нанесен от Варшавы на центральный участок оси Рига — Двинск¹⁰.

В течение марта и апреля Генеральный штаб разрабатывал мобилизационные планы и планы развертывания сил прикрытия на западных границах. На основе подробной информации, поступавшей от Голикова каждые две недели, в планы постоянно вносились коррективы, учитывавшие скорость передвижения немецких войск, их численность и дислокацию. В начале мая оперативное планирование было закончено. Для обороны границ предусматривалось развернуть четыре фронта. Из войск Одесского военного округа формировалась 9-я армия. Задачи, поставленные новым подразделениям к середине мая, не оставляют каких-либо сомнений в однозначно оборонительном характере их развертывания. Чтобы предупредить опасность внезапных действий, в пограничных районах вблизи от укрепленных районов размещались дополнительные силы прикрытия: они усиливались моторизованными войсками и авиацией. Предполагалось, что у основных сил будет достаточно времени, чтоб отмобилизоваться и воспользоваться успехами армий прикрытия для перехода в контрнаступление на территорию противника. Длительность начального периода оценивалась в пятнадцать-двадцать дней. Считалось, что обе стороны начнут действия в условиях, когда будет отмобилизована только

часть их сил, и перегруппировки и дальнейшее развертывание будут происходить в ходе начавшихся военных действий¹¹.

Суворов усматривает прямую цепь событий, начиная с речи Сталина перед выпускниками военных академий и занятия им поста главы правительства, ведущих к секретной директиве о войне, которая якобы была направлена в штабы приграничных военных округов. В подтверждение своих доводов он ссылается на Анфилова¹², приводя цитату из директивы, требовавшей от войск «... быть готовыми по указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата важных рубежей». Однако, как мне сообщил сам Анфилов, никакой секретной директивы не существовало. Приводимая же цитата взята из мобилизационной директивы, датированной 14 мая¹³.

Доклад Голикова от 5 мая¹⁴ ясно говорил об опасности. Теперь представлялось, что наличных войск Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов было «недостаточно для отражения удара немецких войск». Поэтому начальник Генерального штаба стал нажимать на Сталина, чтобы «срочно отмотобилизовать несколько армий за счет войск внутренних округов и на всякий случай в начале мая передвинуть их на территорию Прибалтики, Белоруссии и Украины». Вместо того, чтобы, как утверждает Суворов, стать инициатором объявления мобилизации, Сталин пошел на нее после значительных колебаний¹⁵. Это подтверждается Молотовым в его мемуарах: «Напади Гитлер на полгода раньше, это, знаете, в тогдашних наших условиях было очень опасно. И поэтому слишком открыто, так чтобы немецкая разведка явно увидела, что мы планируем большие, серьезные меры, проводить подготовку было невозможно»¹⁶. Чтобы избежать провоцирования немцев, Сталин отдал приказ выполнять «ползучую передислокацию». Специальная директива о мобилизации сопровождалась инструкциями (написанными от руки всего лишь в двух экземплярах) командующему войсками Западного Особого военного округа. В инструкции было ясно определено, что угрожающая дислокация немецких войск «не носит случайного характера». Инструкции включали следующие аспекты:

«а) детальный план обороны государственной границы Литовской ССР от Паланга до иск. Капейямиестис, план

противодесантной обороны побережья Балтийского моря к югу от залива Матсалу и островов Даго и Эзель;

б) детальный план противовоздушной обороны»

В инструкциях описывались мероприятия по отражению различных видов нападения; наземного, воздушного, авиадесантов¹⁷.

13 мая Генеральный штаб издал директиву о выдвижении войск из внутренних округов на запад, что усиливало план прикрытия государственной границы¹⁸. Эта мобилизация была основана на признании реальной опасности, существовавшей на западе. Сталин вмешался лично, отдав приказ о выдвижении из тыла 16-й, 19-й, 21-й и 22-й армий — всего до 800 тысяч солдат стрелковых частей, и 21-й моторизованной дивизии¹⁹. Приказы высшего командования фронтам на случай войны носили строго оборонительный характер: «Не допустить наземное и воздушное нападение противника, прикрыть от мобилизацию и развертывание главных сил жесткой обороной у границы, выявлять мобилизацию и развертывание противника, добиться господства в воздухе и сорвать концентрацию войск противника, прикрывать мобилизацию советских вооруженных сил и концентрацию войск от авиационного нападения противника, препятствовать любым действиям воздушно-десантных и разведывательно-диверсионных групп противника»²⁰.

Все эти шаги были чрезвычайными мерами, а не эффективной дислокацией вооруженных сил для ведения войны. Они проводились заблаговременно, так как армии и вспомогательные рода войск были не полностью укомплектованы и плохо вооружены. В Москве это отлично понимали, и это лишь усиливало решимость Сталина оттянуть войну как можно дольше. В середине мая было похоже на то, что наращивание сил не было должным образом проведено и организовано. Чтобы стало понятно, о чем идет речь, приведу несколько красноречивых примеров. 29 апреля командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал М.П. Кирпонос предупредил Жукова, что мобилизационный план в феврале «полностью не выполнен». Через четыре дня после начала мобилизации начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев сообщил Жукову, что выпол-

нение плана завоза вооружения и боевой техники по плану снабжения идет «крайне медленно». Было похоже, что годовой план выполнен не будет. 6 июня начальник штаба 5-й танковой дивизии Прибалтийского Особого военного округа жаловался, что, несмотря на то, что срок отработки мобилизационного плана 1941 г. и ввода его в действие на исходе, он не получил ни нарядов на приписку, ни списков приписанного личного состава. Поэтому он писал в заключение, что «такая большая задержка в приписке личного состава не дает возможности закончить полностью отработку мобилизационных документов по мобилизационному плану 1941 г.» Еще через неделю заместитель начальника штаба Прибалтийского Особого военного округа информировал Жукова, что незавершенная полностью работа по материальному обеспечению и плохая связь «не дают возможности заполнить все разделы мобдонесений»²¹.

Начальнику Генерального штаба поступало много подобных жалоб. Возникает картина армии, едва ли похожей на изготовившуюся к такому грандиозному предприятию, которое расписывает Суворов. Даже те войска, которые завершили мобилизацию, не были дислоцированы должным образом, чтобы не провоцировать немцев. Из-за опасений провокации только приграничные военные округа были переведены на военное положение; в то же время в соответствии со строжайшими приказами Сталина командиры более низшего оперативного уровня были оставлены вообще без какого-либо тактического руководства. Несмотря на свои разногласия со Сталиным, жесточенность которых росла по мере приближения войны, в своих мемуарах (в последнем, освобожденном от цензурных правок издании) Жуков довольно сдержан в своих суждениях о Сталине. Сталин отнюдь не изображается таким авантюристом, каким бы Суворов хотел, чтобы мы его считали. Советское правительство, свидетельствовал Жуков, «делало все возможное, чтобы не давать какого-либо повода Германии к развязыванию войны. Этим определялось все»²². Сталин пристально следил за тем, как разворачивалась мобилизация, и был в курсе возникавших трудностей. 24 мая он вызвал на совещание в Кремль высший генералитет, включая Тимошенко, Жукова, Ватутину, Кирпоноса, Павлова, Ф.Кузнецова и других. На

совещании были «уточнены задачи с учетом приближающейся агрессии со стороны Германии»²³.

Жуков, далее, оспаривает мнение маршала А.М. Василевского, который в интервью, не публиковавшемся почти 20 лет, заявляет, что Сталин совершил ошибку, не развернув на границах все силы прикрытия и второго эшелона. На первой странице этого документа, хранящегося в Архиве Политбюро ЦК КПСС, Жуков написал: «Объяснение А.М. Василевского не полностью соответствует действительности. Думаю, что Советский Союз был бы скорее разбит, если бы мы все свои силы накануне войны развернули на границе, а немецкие войска имели в виду именно по своим планам в начале войны уничтожить их в районе гос. границы... Тогда бы гитлеровские войска получили возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 г.»²⁴.

Признание того, что война уже на пороге, проявилось в решении Сталина перевести экономику на военные рельсы. До мая он принимал сторону Вознесенского, находившего требования Генерального штаба чрезмерными. В результате давления, оказывавшегося начальником Генерального штаба, Сталин весной дал согласие на значительное увеличение производства для обеспечения войск, дислоцированных в западных областях²⁵. Все совершенно ясно понимали, что танки необходимо заменять на новые, однако к июню 1941 г. на вооружении Красной Армии было только 1225 танков Т-34 и 639 КВ. В танковых дивизиях бронетанковая техника была смешанной, и либо требовала ремонта, либо подлежала списанию²⁶. Планы производства танков, ставшие полностью известными в настоящее время, показывают неуклонное увеличение выпуска и КВ и Т-34. Производство, однако, намечалось довести до максимума в декабре, а не в июле, это также подвергает серьезному сомнению версию о существовании в то время планов наступления²⁷.

Превентивный удар?

По мере того, как набирали оборот немецкие приготовления, росло количество разведывательной информации. Масштаб наращивания немецких войск реально нельзя было уяснить до второй половины апреля, когда он прибли-

зился к максимуму. С середины декабря 1940 г. до марта 1941 г., на начальной стадии, наращивание происходило медленно. С середины марта до середины апреля, во второй фазе — средне; а с конца апреля началось осуществление третьей и четвертой фаз подготовки, когда производились массовые перевозки войск, включая перевод моторизованных соединений, участвовавших в боях в Греции. Подтягивание резервов немцы рассчитывали начать после фактического начала военных действий²⁸.

В мае НКВД представил в правительство обширный доклад о деятельности первого управления НКГБ за период с 1939 по апрель 1941 г. В нем содержались доказательства немецкой подготовки «вооруженного выступления против Советского Союза». Среди наиболее важных сообщений указывалось, что «Герингом отдано распоряжение о переводе русского отдела штаба авиации в активную часть, разрабатывающую и подготавливающую военные операции; в широких масштабах производится изучение важнейших объектов бомбардировок на территории СССР; составляются карты основных промышленных объектов; разрабатывался вопрос об экономическом эффекте оккупации Украины»²⁹.

Голиков, возможно приободренный докладом НКГБ, близким к информации, имевшейся у него, подготовил специальный доклад, который он представил Сталину 5 мая. В докладе описывались в мельчайших подробностях состав и дислокация немецких дивизий у советских границ. Голиков далее упоминал о динамике изменений дислокации войск вермахта, об огромной работе по улучшению железных и шоссейных дорог, расширению аэродромов и строительству новых, активизации разведки на границах, о переброске войск из Югославии на север, после завершения там боевых действий. Подводя итоги, он обратил внимание на то, что за два месяца немцы увеличили численность своих войск на 37 дивизий, с 70 до 107, а число танковых дивизий удвоили — с 6 до 12. Из-за склонности Сталина объяснять концентрацию немецких войск операциями на Балканах следует заметить, что Голиков специально подчеркивает: в этом регионе и на Ближнем Востоке размещено относительно небольшое число войск, и, как кажется, угроза от них идет в направ-

лении Персидского залива. Голиков, как он это делал всегда, высказал предложение, что факты говорят сами за себя, и уклонился от неизбежного и недвусмысленного толкования немецких намерений³⁰.

Не будем забывать об интенсивной кампании дезинформации, проводившейся немцами в это время, так как она совершенно определенно разжигала подозрительность Сталина и способствовала ложному истолкованию им обстановки. Дезинформация сфокусировалась на вопросе о продолжении вермахтом подготовки и концентрации сил для вторжения в Англию. Распространялись сведения, указывающие на то, что Гитлер якобы был твердо намерен завершить захват Англии до того, как начать кампанию против России³¹. Следует также обратить внимание на полученную Сталиным в то же время дезинформацию, говорившую о пораженческих настроениях в немецкой армии и нежелании солдат воевать на востоке. Несомненно, такая дезинформация прекрасно сочеталась с его решимостью в это время избежать войны любой ценой; она могла также объяснить тон его речи перед выпускниками военных академий 5 мая³².

И все же дезинформацию перекрывали разведывательные данные, указывающие на другие факты. Так, 21 мая военная разведка сообщала об угрозе, которую представляла собой дислокацию немецких войск:

«Германское командование усиливает группировку войск в пограничной с СССР полосе, производя массовые переброски войск из глубинных районов Германии, оккупированных стран Западной Европы и с Балкан, это не вызывает никакого сомнения. Однако, наряду с действительным увеличением войск в пограничной полосе, германское командование одновременно занимается и маневрированием, перебрасывая отдельные части в приграничном районе из одного населенного пункта в другой, с тем, чтобы в случае их оценки у нас создалось нужное германскому командованию впечатление»³³.

Речь Сталина 5 мая перед выпускниками военных академий, столь воспламенившая воображение современников, заслуживает рассмотрения в контексте событий,

происходивших как на военной, так и на политической арене. Вокруг этой речи возникло множество теорий заговоров, которые были некритично восприняты историками³⁴. В свое время получили известность три версии речи, что усилило волну слухов о возможном советско-германском столкновении. Немцы считали, что Сталин подчеркивает слабость армии и психологически подготавливает офицерский корпус к важным уступкам, которые он обдумывал. Вторая версия, появившаяся после июня 1941 г., исходила от журналиста Александра Верта. Советские источники сообщили ему, что Сталин предал гласности слабости Красной Армии, чтобы обосновать свое решение выиграть время и подготовиться к войне в 1942 г. В 60-е годы свидетели рассказывали Эриксону, что Сталин настойчиво втолковывал выпускникам: Россия достаточно сильна, чтобы сражаться с «самой современной армией». Такое же впечатление сложилось у Криппса, который получил довольно точное изложение речи³⁵. Каждая из этих версий соответствовала современному ей политическому настроению, но они не подтверждаются доступными в настоящее время архивными источниками.

Как представляется, Сталин выступал перед разными группами выпускников и произнес три речи. Выражение уверенности в своих силах не следует принимать за чистую монету: следует помнить о политической обстановке того периода и растущей напряженности внутри вооруженных сил. Сталин яростно критиковал академии за их устаревшие методики преподавания, за то, что они не чувствовали суть современной войны. Он был преисполнен решимости создать «современную армию», и частое повторение им формулы «современная армия» свидетельствовало о разрыве между желанием и реальностью. Он внушал уверенность, подробно останавливаясь на великих достижениях армии на Халхин-Голе и на уроках военных действий, особенно на Западе и в Финляндии. Он также упомянул о планах мобилизации, которая должна была увеличить армию со 120 до 300 дивизий, причем треть из них должны были быть механизированными. Тем не менее, все это было только намерением, весьма далеким от того, чтобы запустить армию в действие.

Перестройка армии теперь оправдывала использова-

ние военной доктрины, предполагавшей умение применять для осуществления военных планов как оборону, так и наступление. Официальная запись речи, длившейся около 40 минут, довольно короткая; и поэтому исключительно важно составить о ней правильное впечатление. Его можно до некоторой степени проверить по непосредственным впечатлениям, отразившимся в дневнике пронизательного Димитрова. Его записи рисуют гораздо более связную и куда менее зловещую картину: «Наша политика мира и безопасности есть в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне». При этом читатель должен обратить внимание на то, что Сталин несколько раз повторяет слово «наступление», означающее контрудар, т.е. противоположное «нападению», что означало бы войну, начинаемую по собственной инициативе³⁶.

В речи ясно проявляется одна тема, которая дает нам ключ к пониманию позиции Сталина в этот момент. Ее нужно анализировать на фоне усиливающегося конфликта с военным руководством, которое оказывало давление, требуя перехода к более решительным действиям. Говоря о переменах, происшедших в Красной Армии за предыдущие три-четыре года и о причинах поражений, которые потерпели Англия и Франция, Сталин подчеркнул важность надлежащих политических приготовлений перед вступлением в войну. Причина успеха Германии, утверждал он, состоит в том, что она извлекла уроки из опыта своей истории 1870 и 1916-17 гг.: необходимость обзавестись союзниками и любой ценой избегать войны на два фронта. Это подтверждает Молотов, отрицавший существование планов превентивного удара: «Такой план мы не разрабатывали. У нас пятилетки. Союзников у нас не было. Тогда бы они объединились с Германией против нас. Америка — то была против нас, Англия — против, Франция не отстала бы»³⁷. Более того, Сталину казалось, что экспансионистская война снизит моральный дух войск и будет мешать ведению боевых действий. Немцы добивались успехов до тех пор, пока соблюдался пакт Риббентропа-Молотова и целью войны было избавление Германии от наследия Версаля. Переход к экспансионистской войне

означал, по мнению Сталина, что немецкая армия перестала быть непобедимой³⁸. Любопытно, что такие умозаключения непосредственно относятся к тем предварительным условиям, которые, как считал Сталин, необходимы для осуществления успешной войны, начатой по своей инициативе — и ни одно из этих условий в то время в России не существовало. Подразумевалось также и то, что Германия, как ожидалось, должна была снять угрозу второго фронта перед тем, как начать войну против России.

Армию все больше беспокоила осторожность Сталина в вопросе о мобилизации. Армейское руководство не вводило в курс дипломатической игры, и оно действовало, основываясь на чисто военных соображениях. Через день после того, как он передал Сталину законченный мобилизационный план для сил прикрытия на Западном театре военных действий, Жуков подготовил еще один документ, в котором он предлагал нанести превентивный удар³⁹. Суворов утверждает, что Жуков всегда был одержим идеей наступления. Как теперь уже ясно читателю, Суворов смешивает предумышленную агрессию с наступательным маневрированием. Даже не потрудившись поискать какие-либо источники, он утверждает, что, дескать, еще в 1940 г. Жуков предлагал обходные удары по Германии из Белостока и Львова. Он заявляет также что Жуков был уверен, что Гитлер не начнет войну, которая открыла бы второй фронт. И поэтому, мол, Жуков очевидным образом планировал агрессивную войну, наиболее вероятно направленную против Румынии⁴⁰.

Однако Жуков в своих планах исходил не из идеологических предпосылок. Его план имел четко определенную и ограниченную цель: не ставилась задача уничтожения германского государства. Это был поразительный пример оправданного упреждающего удара, и он исходил от военных, а не от Сталина, который немедленно его отверг. Ограниченность целей этого плана Жукова можно уяснить из начальных строк документа:

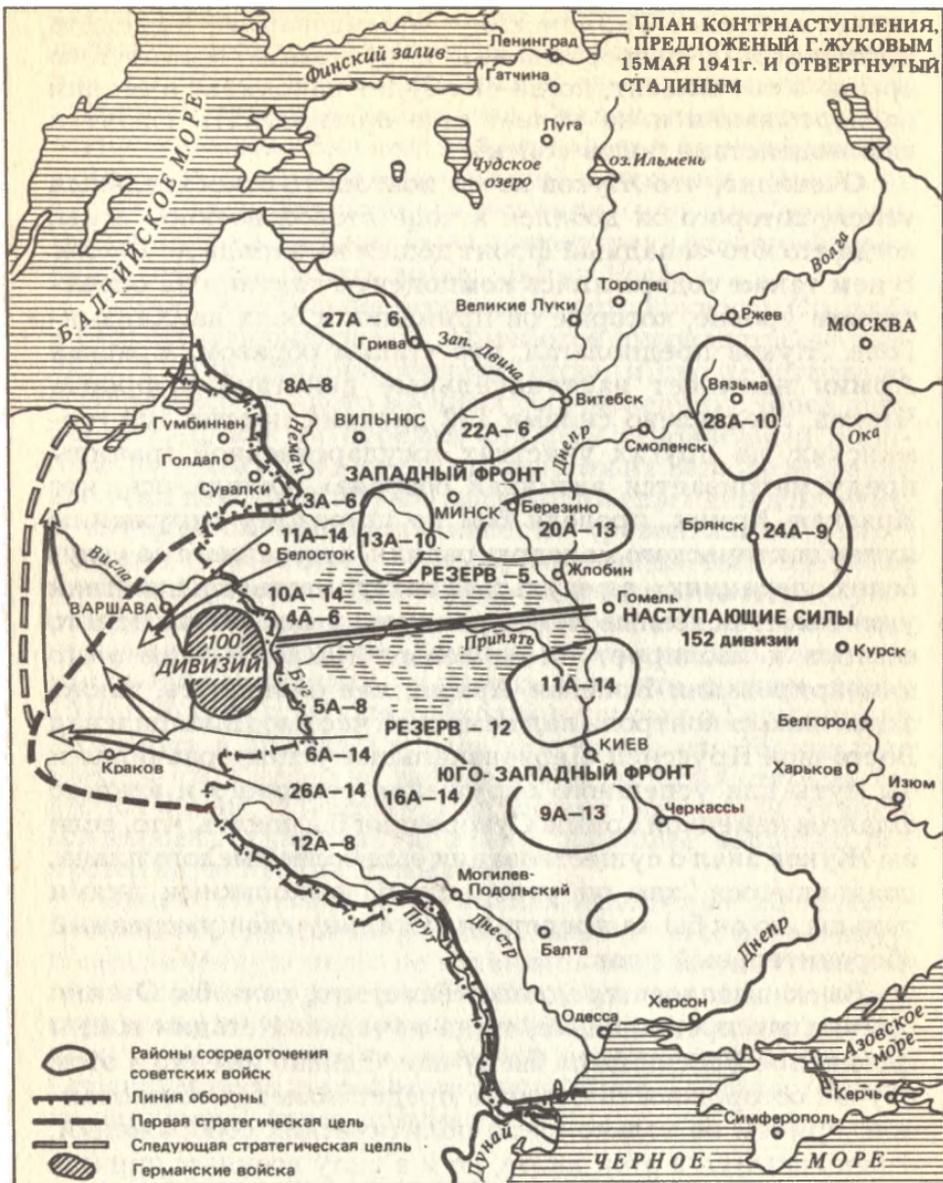
«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не отдавать иници-

ативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находится в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Очевидно, что Жуков хотел повторить относительный успех, которого он добился в ходе второй военной игры, когда его юго-западный фронт дошел на западе до Вислы. В нем также содержались компоненты тактики на оперативном уровне, которые он применил в боях на Халхин-Голе. Жуков предполагал, что «таким образом, Красная Армия начинает наступательные действия с фронта Чижев, Людовлено силами 152 дивизий против 100 германских, на других участках государственной границы предусматривается активная оборона». Ожидалось, что Красная Армия, проведя бои по широкому окружению путем тактического маневрирования, основанного на «глубоких операциях», в результате наступательных действий уничтожит основные немецкие силы в центре западного сектора и изолирует их от левого крыла. В ходе этого маневрирования Красная Армия, как ожидалось, также захватывала контроль над немецкой частью Польши и над Восточной Пруссией. Первоначальные успехи расчищали бы путь для успешного окружения северного и южного флангов немецкой армии. Суворов мог бы понять, что, если бы Жуков знал о существовании еще более смелого плана, появившегося, как он утверждает, несколькими днями раньше, то он бы не представил Сталину свой умеренный оборонительный план.

Высказывалось предположение, что, если бы Сталин принял это предложение, то на начальной стадии войны положение России было бы лучше. Однако именно в этом случае осторожность Сталина представляется обоснованной, причем не только из-за политических соображений, освещавшихся в этой книге, но и в силу военных причин. Оценки Жукова основывались на дислокации немецких войск в середине мая. Жуков не мог бы завершить перемещение своих войск до конца июня, а к этому времени немцы полностью превосходили бы их по численности. Возможно, еще более сильное сдерживающее воздействие оказали

**ПЛАН КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДЛОЖЕННЫЙ Г.ЖУКОВЫМ
15МАЯ 1941г. И ОТВЕРГНУТЫЙ
СТАЛИНЫМ**

уроки военных игр, показавших неподготовленность вооруженных сил России. Когда Анфилов позднее обсуждал это предложение с Жуковым, маршал, рассматривая его в ретроспективе, признал его ужасной ошибкой. Он высказал мнение, что, если бы Красная Армия в то время получила разрешение нанести удар, она была бы немедленно уничтожена⁴¹.

Предложение Жукова вполне сочетается со стилем предшествующего советского стратегического планирования и особенно опытом январских военных игр 1941 г.. Отказ Сталина от этого плана выглядит поистине весьма благоразумным. Сталин был далек от того, чтобы вынашивать мысли о бесшабашных нападениях. Обедая с Жуковым, Тимошенко и другими генералами, он высказал неудовольствие их самодовольством и сказал, что надо «продумать и подработать первоочередные вопросы и внести в правительство для решения. Но при этом следует исходить из наших реальных возможностей и не фантазировать насчет того, что мы пока материально обеспечить не можем»⁴².

Приглушенная тревога

Таким образом, можно вполне обоснованно сказать, что до конца мая 1941 г. по различным разведывательным каналам поступали сбалансированные и достаточно точные доклады о дислокации немецких войск. Однако в конце мая Голиков направил Сталину тщательно разработанную сводку размещения немецких войск, выводы из изучения которой могли быть весьма неоднозначными. Можно предположить, что к тому времени руководство вооруженных сил понимало, что у Сталина вызывало сильное раздражение любой намек на то, что немцы вот-вот начнут военные действия. Из-за этого возрастала напряженность в отношениях между Сталиным и начальником Генерального штаба. Стало трудно различать «надежные разведданные» и то, что Сталин называл «слухами». Но и «слухи», и «надежные разведданные» свидетельствовали об одном и том же. Очевидно двусмысленность подходов разведки проявлялась со всей очевидностью в попытке соблюсти некое равновесие в сообщениях о дислокации немецких

войск на Западе и на Востоке. При тщательном чтении документов разведки можно было заметить, что на концентрацию немецких войск на границах России обращалось большее внимание; однако имевшиеся сведения поддавались неоднозначному толкованию. Молотов несомненно выражает точку зрения Сталина, когда он, размышляя об этом времени, говорит:

«на разведчиков положиться нельзя. Надо их слушать, но надо их и проверять. Разведчики могут толкнуть на такую опасную позицию, что потом не разберешься. Провокаторов там и тут не счесть. Поэтому без самой тщательной, постоянной проверки, перепроверки нельзя на разведчиков положиться»⁴³.

Оценивая численность немецких войск (качество он и не пытался оценивать), Голиков считал, что у Гитлера было 122—126 дивизий на Западе, т.е. против англичан, и примерно такое же количество — 120—122 дивизии — против русских. Полностью баланс не соблюдался, так как 44—48 дивизий Гитлер держал в резерве, поблизости от фронта, и они могли бы быть введены в бой за короткое время. Против России могли быть также использованы дивизии, размещенные в Норвегии. Таким образом, угроза надвигалась на Россию с трех направлений: на северо-западе стояли 18—19 пехотных дивизий, две танковых и три моторизованных дивизии, в центральном секторе 30 дивизий (24—25 пехотных, четыре танковых и одна моторизованная); в Люблинско-Краковском регионе 36—38 дивизий (24—25 пехотных, шесть танковых и пять моторизованных); в Словакии пять горнострелковых дивизий; еще четыре дивизии были размещены в Карпатах на границе с Украиной. Плюс войска немецких союзников.

На этот раз Голиков, как представляется, был исключительно осторожен, хотя он и стремился соразмерять свои выводы с концепциями, которых придерживался Сталин. Он подчеркивал, что немцы усиливают свое правое крыло в южном секторе границы. Довольно странно, однако, что в заключение доклада было прямо сказано, что немцы исчерпали свои усилия на Ближнем Востоке и проводят перегруппировку своих сил во Франции, «имея в

перспективе осуществление главной операции против английских островов». Тем не менее, поскольку вооруженные силы, как считалось, были разделены между двумя фронтами, окончательные выводы могли быть сделаны в виде нескольких различных вариантов. Было лишь сказано, что «перегруппировки немецких войск, проводившиеся после Балканской кампании, в основном завершены». Очевидно, что такие доклады усиливали действие последней волны дезинформации, а также те заблуждения, которые преобладали в Кремле⁴⁴. Однако разведывательные данные, поступившие в начале июня непосредственно из Прибалтийского Особого военного округа, совершенно ясно свидетельствовали, что немцы завершают развертывание наступательной группировки своих войск на границах перед позициями Западного фронта⁴⁵.

Следует иметь в виду, что одной из причин, по которым намерения немцев оставались непонятными для русских, были те разногласия, которые существовали в германском высшем командовании относительно окончательных целей кампании. Гудериан и армия предлагали нанести смертельный удар по Москве, тогда как Гитлер хотел оккупировать Украину и Ленинград. В результате был достигнут компромисс: предусматривалось ведение войны в два этапа. Успех плана зависел от способности вермахта уничтожить войска Красной Армии до того, как она отступит до Днепра и сможет произвести перегруппировку. В целях примирения конфликтующих точек зрения было решено снова вернуться к обсуждению целей кампании позже — после того, как немецкая армия достигнет линии Ленинград — Орша — Днепр. Поэтому первоначально войска были распределены между тремя фронтами более или менее равномерно. Группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба включала танковую группу, 16-ю и 18-ю армии. Задача этой группы состояла в уничтожении советских войск в Прибалтике и захвате Ленинграда. Мощная группа армий «Центр», под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока, имела в своем составе 35 пехотных, девять танковых и шесть моторизованных дивизий. Группе было приказано совершить прорыв по линии Брест — Гродно — Вильнюс — Смоленск и захватить Смоленск. Группа армий «Юг» под

командованием генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, включавшая 32 пехотных, пять танковых и три моторизованных дивизии (а также 13 румынских и венгерских пехотных дивизий) должна была нанести удар на Киев. Изучая вместе со своими советниками характер дислокации немецких вооруженных сил, Сталин, очевидно, мог прийти к самым разным выводам, ни один из которых не приводил бы его однозначно к мысли о необходимости обратить больше внимания на район к северу от Припятских болот. Мало пользы ему было и от сообщений советской разведки, которая, как мы видели, продолжала представлять противоречивую информацию⁴⁶.

Непрекращающиеся пререкания между армией и Кремлем на НКГБ влияли меньше. Ко 2 июня контрразведка представила впечатляющий сводный разведывательный доклад. Сообщение о быстром и возрастающем сосредоточении немецких войск на советских границах сопровождалось зловещей информацией из доверительных источников, что 5—7 мая Гитлер в сопровождении Геринга и адмирала Редера присутствовал на маневрах германского флота в Балтийском море; вслед за этим в середине мая он провел важный инструктаж для высших офицеров на Восточном фронте. После этого было отмечено несколько случаев, когда генералы германской армии производили рекогносцировки вблизи границы. От источника в японском посольстве контрразведке НКГБ СССР стало известно, что на западных границах Советского союза немцы действительно сосредоточили около 150 дивизий. По некоторым слухам, начало немецкого наступления ожидалось 15 или 20 июня. Информация также касалась трудностей, с которыми столкнулся бы Гитлер при открытии второго фронта. Было высказано предположение, что «захватом острова Крит заканчивается очередной этап англо-германской войны. Если действительно Германия начнет войну против СССР, то это, вероятно, будет результатом англо-германского сговора и приведет к немедленному прекращению войны между Германией и Англией. Может быть, это как раз тот вариант мира между Германией и Англией, который привез в Англию Гесс»⁴⁷.

Неразбериху, окружавшая события, приведшие к войне, и маниакальную веру Сталина в свою способность

предотвратить войну, можно увидеть также в сообщениях, поступавших от Деканозова вскоре после его возвращения из Москвы в Берлин. Если раньше он неукоснительно предупреждал Сталина о подстерегающей опасности, то теперь, подобно Голикову, старался быть чрезвычайно осторожным. Он постоянно пишет о двух видах слухов, ходивших в Берлине. Первые указывали на неизбежность войны между Германией и Россией. Другие же предсказывали возрождение старой традиции дружественных отношений между ними. Отношения были бы укреплены в результате нового раздела сфер влияния и обязательства Советского Союза не вмешиваться в европейские дела. Занятие Сталиным поста Председателя Совета Народных Комиссаров, официальное признание СССР правительств стран, оккупированных Германией, все это рассматривалось как подготовительные шаги к возобновлению переговоров. С другой стороны, Деканозов знал о посещении Гитлером Данцига в сопровождении Кейтеля и о переносе его «ставки» на восток. Но в своих окончательных выводах он приписал эту информацию нацеленности «в частности, на поддержание слухов о войне с СССР». Хотя и попытавшись отдать дань известным предубеждениям Сталина, Деканозов не скрывал собственную точку зрения, состоявшую в том что «немецкие власти явно подготавливают страну к войне с Советским Союзом, фиксируя внимание населения на богатствах Украины, распространяя слухи о слабости СССР, и одновременно проверяют, как отнесется к этому немецкий народ». Через неделю он снова вернулся к этому вопросу, нарисовав Сталину мрачную картину усиливающегося сосредоточения немецких войск. Теперь он констатировал, что из общего количества сухопутных войск Германии (270—280 дивизий) на русском фронте находятся 170—180 дивизий⁴⁸.

Очевидно, вследствие яростных возражений Сталина против упреждающего удара, дальнейшей штабной работы в этом направлении не проводилось. Немцы продолжали систематическое наращивание сил, международное положение ухудшалось. В этот момент Сталин более непосредственно подключился к управлению военными делами. Особенную его бдительность вызвало обуревавшее Жукова желание ударить первым. В то же время отноше-

ния с Германией омрачались слухами о надвигающейся войне. Сталин жестко контролировал действия как дипломатов за границей, так и военных⁴⁹. Принятие на себя обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров было, очевидно, связано с этим. Многочисленные, все более расплывчатые, указания вооруженным силам теперь исходили непосредственно из Кремля. Сталин во многом полагался на двух своих давних помощников, Мехлиса и Кулика, — дилетантов в военном деле. В стратегические вопросы стал также непосредственно вмешиваться Жданов — после того, как вскоре после трагических событий в Югославии был образован Комитет обороны⁵⁰.

Применение стратегического отступления и использование пространственной глубины являются неотъемлемой частью военной доктрины, и в любом варианте развития событий предполагалось, что наступление будет организовано после стратегического отступления. Однако Сталин запретил военным академиям заниматься теоретическими изысканиями после чисток в армии. В попытке скрыть банкротство военных теоретиков доктрину фактически подменили простенькими лозунгами. Лишь для простых людей служили они сигналом агрессии. «Малой кровью и на чужой территории!», — сухо заметил Молотов через много лет. — «Это уже агитационный прием. Так что агитация преобладала над натуральной политикой, и это тоже необходимо, тоже нельзя без этого»⁵¹. В последние несколько месяцев перед войной стратегия Сталина не была ни оборонительной, ни наступательной. Это была стратегия пассивности, продиктованная в большой степени уверенностью в том, что проницательной политикой и адекватными приготовлениями можно будет оттянуть военные действия. Когда же реальность войны была осознана, то вместо того, чтобы опереться на военную доктрину или позволить военным сделать это, Сталин, как и было характерно для его стиля руководства, начал, реагируя на меняющиеся обстоятельства, давать путанные указания. Тем самым в результате его действий не существовало благоприятных условий для проведения военного планирования, которое свело бы воедино военную доктрину и стратегические цели. Попытка исправить положение, предпринимавшаяся в период с декабря 1940 по февраль

1941 г., была внезапно прервана по ряду политических причин, о некоторых из них уже говорилось. Неудовлетворительное осуществление дислокации в июне 1941 г. стало причиной того, что действия солдат, оказавшихся на поле боя без четко поставленных задач, были неуправляемыми, чисто инстинктивными⁵². Стоит заметить, что разработка военной доктрины была прервана, но не прекращена. Хотя ее больше не обсуждали и не преподавали в академиях, она продолжала свою жизнь в умах высшего командования и определяла его действия. Реорганизация Красной Армии и реабилитация ее военной доктрины, предпринятая лично Сталиным летом и осенью 1942 г., свидетельствует о преемственности, за исключением разрыва между чистками и Курской битвой. Этот разрыв и стал причиной неспособности связать теории оперативного искусства со стратегическими концепциями.

Таким образом, вследствие проявленной Сталиным осторожности в проведении мероприятий по подготовке к войне план обороны был принят довольно скромный, уделявший основное внимание юго-западному направлению. Цели войны не подвергались пересмотру. 17 мая была издана директива, подписанная Жуковым, Тимошенко и Ждановым, с критикой недостатков, выявленных в ходе инспекторских проверок вооруженных сил в начале 1941 г. Эти недостатки ставят еще больше под сомнение способность Красной Армии осуществить в тот момент упреждающий удар. Уроки, извлеченные из проверок, были рутинными и согласовывались с планом обороны. Они не говорят об особой бдительности, боеготовности, стойкости в обороне или приготовлениях к отражению вторжения танковых сил. Директива, однако, показывает, что острота положения, как кажется, была осознана.

Директива была отчаянной попыткой навести порядок. Инспектирование хода осуществления оборонительных задач выявило, что за зиму удалось сделать очень мало: «В результате поверки хода боевой подготовки, произведенной Наркоматом обороны и округами, установлено, что требования приказа N 30 в зимний период 1941 г. значительным количеством соединений и частей не выполнены». Командиры получили серию новых приказов, которые, как планировалось, должны были быть выполнены в ходе

летних учений. Приказы для стрелковых войск ясно отражают оборонительную направленность обучения войск. Им приказывалось вести обработку таких элементов:

«— постоянной готовности отражать массовые танковые и воздушные атаки противника на походе, в обороне, в исходном положении для наступления и в ходе наступления;

— взаимодействию со штурмовой пикирующей и бомбардировочной авиацией в ходе наступления, особенно когда своя артиллерия меняет позиции;

— ведению наступательного и оборонительного боя совместно с танками, помогая им преодолевать препятствия и совместно с ними отражать атаку танков противника;

— учить и воспитывать пехоту упорству в обороне, дисциплине огня и умению маневрировать огневыми и техническими средствами борьбы».

Приказы для командиров механизированных корпусов показывают еще более четко, что не были освоены самые основные навыки, включая связь и взаимодействие; меткость стрельбы и ведение ночного боя. Программа обучения и здесь отражает нацеленность на оборону:

«— организацию и боевое обеспечение марша в условиях воздействия авиации и механизированных войск противника;

— управление посредством радио моторизованными подразделениями, частями и соединениями во встречном, наступательном и оборонительном боях;

— взаимодействие с танковыми соединениями, авиацией и авиадесантами при действиях в оперативной глубине противника;

— тактику и технику уничтожения парашютных и авиадесантных частей противника, выброшенных в тыл наших войск; при этом особо тщательно отработать вопросы взаимодействия с боевой авиацией наведения.

Группы танковой поддержки пехоты (ТПП) создавать для стрелковых полков дивизии первого эшелона. В руках командира корпуса оставлять общий танковый резерв. Танковый резерв использовать для усиления танков, ведущих бой совместно с пехотой, или при успешном развитии

боя — для атаки артиллерии и ближайших резервов противника.

Необходимо своевременно вскрывать недостатки в боевой подготовке и немедленно принимать меры к их устранению»⁵³.

Задачей задач армии по-прежнему оставалось: убедить Сталина, что война приблизилась; определить вероятный день, когда немцы могут атаковать, и подготовиться к этому дню. Сталинский же стиль управления основывался на разобщении различных органов правительства. Так, командование Красной Армии не информировали о политической ситуации и ее изменениях. Единственным органом, где сливались военные и политические аспекты было, наверное, Политбюро. Но туда Жуков и Тимошенко приглашались редко. На деле положение, как представляется, было таково: война приближалась, а важные сообщения разведки не доводились до командования Вооруженных сил, — вероятно, чтобы оно не требовало принятия действительных мер⁵⁴. Жуков, несомненно, ощущал бессилие из-за того, что он не мог добиться приема у Сталина или изложить ему свою точку зрения. Разрыв между военными и Кремлем расширялся и был четко заметен; когда генерал-полковник Кирпонос, командующий войсками Киевского Особого военного округа, просил разрешения — в начале мая и затем в середине мая — привести войска округа в состояние боевой готовности — ему было в резкой форме отказано.

В конце мая, дня через два после небольшого совещания в Кремле по военным вопросам, Жуков и Тимошенко были вызваны на заседание Политбюро. Они ожидали, что наконец их проинформируют о надвигающейся угрозе. Легко можно представить, сколь ошеломлены они были, когда выяснилось, что Сталин позвал их, чтобы отдать следующее указание:

«К нам обратился посол Германии фон Шуленбург и передал просьбу германского правительства разрешить им произвести розыск могил солдат и офицеров, погибших в первую мировую войну в боях со старой русской армией.

Для розыска могил немцы создали несколько групп, которые придут в пункты согласно вот этой погранкарте. Вам надлежит обеспечить такой контроль, чтобы немцы не распространяли свои розыски глубже и шире отмеченных районов. Прикажите округам установить тесный контакт с нашими пограничниками, которым уже даны указания»⁵⁵.

На этой встрече Жуков и Тимошенко, наконец, высказали свою озабоченность в связи с сосредоточением немецких войск и еще раз заявили о своем желании по крайней мере перехватывать немецкие самолеты, которые все чаще производили глубокие облеты территории России с разведывательными целями. Сталин возразил, приведя объяснение Шуленбурга, что эти случаи объяснялись плохой ориентировкой в воздухе профессионально слабо подготовленных молодых немецких летчиков.

Жуков, который неизбежно знал бы об агрессивных планах Сталина, если бы они у него имелись, выносит довольно снисходительный приговор его действиям. Хотя и возлагая вину на Сталина, он все же добавляет: «Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки. И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов, во всем противоборстве сил, противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент»⁵⁶. Жуков в конечном итоге пришел к выводу, что над Сталиным «тяготела опасность войны с фашистской Германией и все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся... В эти сложных условиях стремление избежать войны превратилось у И.В. Сталина в убежденность, что ему удастся ликвидировать опасность войны мирным путем. Надеясь на свою «мудрость», он перемудрил себя и не разобрался в коварной тактике и планах гитлеровского правительства»⁵⁷.

В начале июня Жуков и Тимошенко подготовили план развертывания для Прибалтийского и Западного Особых военных округов. Он основывался на предположении о том, что немцы закончили сосредоточение своих войск, а главную угрозу предполагал в направлении центра. Задачи, ставившиеся перед командующими войсками военных

округов, ясно отражают характер угрозы и оборонительную дислокацию войск:

«... II. Задачи прикрытия:

а) не допустить вторжения как наземных, так и воздушных сил противника на территорию Прибалтийского Особого Военного Округа;

б) упорной обороной по линии госграницы и рубежу создаваемых укрепленных районов отразить наступление противника и обеспечить от мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск округа;

в) обороной побережья и островов Даге и Эзель совместно с КБФ не допустить высадки морских десантов противника, действиями маневренных групп и авиации ликвидировать воздушные десанты противника, не допуская прорыва морских сил в Ирбенский пролив и устье Финского залива;...»

В том же ключе были выдержаны другие инструкции. В остальной части документа говорилось о дислокации различных частей прикрытия и их взаимодействии с войсками укрепленных районов. Недостатком плана было размещение войск слишком близко к границе, недостаточное использование укрепленных районов и размещение сил прикрытия, особенно в Киевском особом округе, на слишком большом расстоянии от районов, которые они должны были прикрывать. Возможность использования первого эшелона в глубоких операциях не была использована в достаточной степени⁵⁸.

Примечания

¹ Суворов В. *Ледокол. Кто начал вторую мировую войну*. М., 1993, стр. 79-83, 90-96.

² Glantz. *The Military Strategy of the Soviet Union*, p. 75.

³ Решение Политбюро от 8 марта 1941 г., см.: *Известия ЦК КПСС*, 1990, N 2, стр. 202.

⁴ *50 лет Великой Отечественной войны*, стр. 19-20.

⁵ Жуков Г.К., *Воспоминания и размышления*, 1990, том 1, стр. 335.

⁶ *Часовые Советских границ*, 2-е издание, доп., М., 1983, ст. 122.

⁷ Об укрепрайонах. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 4 июня 1941 г. Цит. по: *Известия ЦК КПСС*, 1990, N 2, стр. 207.

⁸ См. прекрасно документированное изложение этого вопроса в: Беляев В.И. «Усиление охраны западной границы СССР накануне Великой Отечественной войны», *Военно-исторический журнал*, 1988, N 5, стр. 61-55. См. также: А.Д. Борщов «Отражение фашистской агрессии: уроки и выводы», *Военная мысль*, 1990, т. 3, стр. 19.

⁹ Жуков Г.К., цит. соч., стр. 333.

¹⁰ Документы Волгогонова, ЦАМО, ф. 16, оп. 2961, д. 241, л.1—15, сообщение Жукова Сталину и Молотову.

¹¹ Борщов А.Д. цит. соч., стр. 15—16.

¹² Анфилов В.А. *Бессмертный подвиг*. М., 1971, стр. 171. Цит. по: Суворов, *Ледокол*, стр. 182.

¹³ Суворов, *Ледокол*, ст. 182.

¹⁴ См. наст. изд. с. 290—291.

¹⁵ Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*, том 1, стр. 344—345. Этого пассажа не было в первом, подвергшемся цензуре, издании его мемуаров.

¹⁶ Чуев. *Сто сорок бесед с Молотовым*, стр. 33.

¹⁷ Указания Жукова и Тимошенко командующему войсками Западного Особого военного округа. 5 мая 1941 г., Цит. по: *50 лет Великой Отечественной войны*, стр. 20—21.

¹⁸ Подробное описание характера, недостатков и размаха этого выдвижения см.: Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*, том 1, стр. 345—349, и Баграмян И.Х. *Так начиналась война*. М., 1971, стр. 61-64.

¹⁹ Волгогонов. «Эту версию уже опровергла история»; J.W. Kipp «Military Theory: Barbarossa, Soviet Covering Forces and the Initial Period of War: Military History and Airland Battle»; *The Journal of Soviet Military Studies* I(2) 1988, pp. 198—199; Павленков Н., Трагедия Красной Армии, «*Московские новости*», 1989, 7 мая.

²⁰ Glanz. *Military Strategy*, p. 96. Суворов совершенно упустил из виду наличие обширных свидетельств некомпетентной дислокации советских войск, которая тем не менее не несла в себе ничего зловещего. См. например: Кирьян М.М., «Начальный период Великой Отечественной войны», *Военно-исторический журнал*, 1988, N 6; Пастуховский Г.П., «Развертывание оперативного тыла в начальный период войны». *Военно-исторический журнал*, 1988, N 6; Перечнев Ю.Г., «О некоторых проблемах подготовки страны и

вооруженных сил к отражению фашистской агрессии», *Военно-исторический журнал*, 1988, N 4.

²¹ Документы приводятся в кн.: *Скрытая правда войны: 1941. Неизвестные документы*. М., 1922, стр. 23—24, 25, 29, 30—33.

²² Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*. Том 1, стр. 324.

²³ Горьков Ю.А. «Накануне 22 июня 1941 г.». *Новая и новейшая история*, 1992, N 6, стр. 6.

²⁴ «Неопубликованное интервью Маршала Советского Союза А.М. Василевского», *Новая и новейшая история*, 1992, N 6, стр. 6.

²⁵ Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*, том 1, стр. 336—337.

²⁶ Язов Д.Т. «Впереди была война», *Военно-исторический журнал*, 1991, N 5, стр. 13.

²⁷ Графики производства см.: *Известия ЦК КПСС*. 1990, N 1, стр. 202—203. См. также: О производстве танков Т-34 в 1941 году. Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) 5 мая 1941 г., там же, стр. 204.

²⁸ Van Grevel, *The Balkan Clue*, p. 150.

²⁹ *Известия ЦК КПСС*, 1990, N 4, стр. 213.

³⁰ Там же, стр. 219—220.

³¹ Инструкции Гитлера по этому вопросу, данные 12 мая 1941 г., см.: *50 лет Великой Отечественной войны*, стр. 21—22.

³² ЦАМО, ф. 32, оп. 306, д. 5, л.140—146.

³³ Письмо разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии в 1 (разведывательное) управление НКГБ СССР. *Известия ЦК КПСС*, 1990, № 4, с. 214.

³⁴ Читатель, несомненно, понимает, что интерпретация Суворова (*Ледокол*, стр. 172—174), является совершенно неправильной.

³⁵ Erickson, *The Road to Stalingrad*, p. 82; FO 371 29481 N 2130378338, телеграмма Криппса в Форин оффис, 8 мая 1941 г.

³⁶ Факсимильное воспроизведение текста речей см. в: L. Bezymenski, «Die Rede Stalins am 5 Mai 1941. Dokumentiert und interpretiert», *Osteuropa*, 1992, N 3, pp. 262—262; неопубликованный дневник Димитрова, 5 мая 1941 г.

³⁷ Чуев. Ф. *Сто сорок бесед с Молотовым*, стр. 45.

³⁸ Bezymenski, «Die Rede Stalins am 5 Mai 1941», pp. 253—257.

³⁹ Автор познакомился с 4-х страничным извлечением из документа «Соображение по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза», который был послан Жуковым Сталину 15 мая 1941 г. и был снабжен номером: ЦАМО, ф. 16 оп. 2951, д. 239. Стоял также номер Генерального штаба: оп. 240, д. 528. Информация также имеется: В. Карпов «Жуков». *Коммунист*

Вооруженных Сил, 1990, N 5, стр. 67–68. Насколько известно автору, оригинал пока что полностью не воспроизводился, хотя самая большая часть его была опубликована. Предполагается, что документ был подписан Жуковым, но Тимошенко тоже поставил подпись. Волкогонов, однако, доказывает, что документ не подписывался. Это, скорее всего, был рабочий вариант, который даже не представлялся Сталину в полном виде; но в любом случае он с ним обсуждался.

⁴⁰ Суворов. *День М. М.*, 1994, стр. 211, 213, 215. 216.

⁴¹ Жуков. *Воспоминания и размышления*, том 1, стр. 342, см. Карпов, цит. соч.,: *Glanz, Military Strategy*; интервью с Анфиловым.

⁴² Жуков. Цит. соч., стр. 326–327.

⁴³ Чуев. Цит. соч., стр. 31–32.

⁴⁴ ЦАМО, оп. 7237, д. 2, л. 114–115². Специальный доклад, подготовленный Голиковым, о дислокации немецких войск 31 мая 1941 г.

⁴⁵ *Скрытая правда войны: 1941 год*, стр. 47–48.

⁴⁶ Erickson. *The Road to Stalingrad*, p. 84.

⁴⁷ *Известия ЦК КПСС*, 1990, N 4, стр. 214–215.

⁴⁸ Телеграмма Деканозова Молотову 14 июня 1941 г., воспроизведена в: В.А. Воюшин и С.А. Горлов. «Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты», *Военно-исторический журнал*, 1991, N 6, стр. 20.

⁴⁹ Об ограничениях, наложенных на Майского, см. наст. изд. с. 212–213.

⁵⁰ Erickson. *The Road to Stalingrad*, p. 81; *Известия ЦК КПСС*, 1990, N 2, стр. 202–203.

⁵¹ Ф. Чуев. *Сто сорок бесед с Молотовым*, стр. 45.

⁵² Г. Иссерсон. «Развитие теории оперативного искусства в 30-е годы». *Военно-исторический журнал*, 1965, N 3, стр. 48–61.

⁵³ Документы Волкогонова: Указания Тимошенко, Жданова и Жукова командующим войсками военных округов (фронта), армий, командирам корпусов и дивизий.

⁵⁴ К сожалению протоколы Политбюро недоступны, что заставляет историков строить различные предположения, а это, в свою очередь, порождает теории о заговорах. См. у Жукова, *Воспоминания и размышления*, том 1, стр. 362–363, сообщения о сокрытии разведывательной информации Сталиным (это признание ранее не печаталось).

⁵⁵ Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*. Том 1, стр. 329–330, ранее не включалось в текст.

⁵⁶ Там же, стр. 350.

⁵⁷ Там же, стр. 352, 353.

⁵⁸ Документы Волкогонова: Тимошенко и Жуков «План прикрытия территории Прибалтийского особого военного округа на период мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа».

Глава 12

Катастрофа

Крипса отзывают в Лондон

Тем временем англичане, в плену своих заблуждений о надвигающемся германо-советском союзе, и не помышляли о России как о своем спасителе. Их энергия расходовалась на безуспешные попытки остановить продвижение Гитлера на Балканах. Надежды строились даже на получение помощи от Турции. Никаких существенных поворотов в стратегии Англии, в частности — в Европе, не предвиделось. И в такой обстановке в какой-то момент вдруг пришло понимание того, что война между Германией и Россией вот-вот разразится. Это случилось буквально за две недели до немецкого нападения. Англичане продолжали считать Ближний Восток и Северную Африку той ареной, на которой Германия может в конечном итоге быть разбита. Поэтому развитие конфликта на границах СССР рассматривалось в рамках периферийной стратегии, имеющей целью сохранение господства на Ближнем Востоке.

Английское правительство было преисполнено решимости предотвратить германо-советское соглашение, которое могло бы повредить его интересам на Ближнем Востоке. Сталин попытался расположить к себе Германию, признав прогерманское правительство Рашида Али, пришедшее к власти в Ираке в результате переворота в начале мая; этот шаг сделал правдоподобной мысль о том, что создается новая советско-германская общность интересов. Батлер сделал Майскому предупреждение. Подобные шаги, заявил он, производят «чрезвычайно неблагоприятное впечатление»². Однако все попытки Идена на встрече с Майским 27 мая получить какую-либо информацию о намерениях Сталина оказались тщетными. Майский, совершенно очевидно связанный жесткими инструкциями, использовал свою обычную тактику жалоб на кампанию в печати, которая способствовала распространению самых различных слухов — от предположений о

якобы происходящих переговорах о германо-советском военном союзе до предупреждений о приближающемся немецком нападении на Украину и Кавказ. Идену такой подход доставил мало удовольствия. Не большее удовольствие получил и Майский, которому Иден сообщил о предстоящей эвакуации английских войск с Крита. Это, совершенно очевидно, делало Англию уязвимой в случае обсуждения возможности мира с Германией³.

Решимость англичан сохранить свое превосходство на Ближнем Востоке продемонстрировала оккупация ими Сирии в начале июня и постоянные требования Черчилля, чтобы генерал Уэйвелл начал операцию «Бэтлэкс» — контрнаступление против Роммеля — в середине июня⁴. Более того, главнокомандующему английскими войсками на Ближнем Востоке было приказано провести подготовку к оккупации Ирака, что позволило бы британским королевским ВВС устроить «самый грандиозный пожар, какой кто-либо когда-либо видел» — на бакинских нефтепромыслах⁵. Однако на дипломатическом фронте тем временем произошли события, внесшие сумятицу в русские дела.

В то время, как Иден предпринимал попытки помешать русским наносить ущерб английским интересам на Ближнем Востоке, Криппс снова предпринял действия, затронувшие чувствительный нерв. Он сообщил Идену, что у Сталина нет «ни прогерманских, ни «про каких-нибудь» чувств, кроме просоветских и просталинских. Он расположен к нам не более дружественно и не более враждебно, чем к Германии; и он всегда будет использовать любую страну, которую сможет, для достижения своих целей. А его целью является остаться в стороне от войны так долго, как он сможет, не подвергая при этом опасности свой режим или Советскую власть». По его мнению, нынешние подходы Сталина основывались на оценке стратегических возможностей нападения на Россию, а также на понимании того, каково будет воздействие любой политики умиротворения на подготовленность России в будущем. Касаясь затем слухов, имевших хождение в тот момент, Криппс давал понять, что ключом к будущим событиям может быть обстановка на Ближнем Востоке⁶.

Наиболее важным делом для Идена было предотвратить достижение германо-советской договоренности, не

вызвав при этом в Москве подозрений, что он попытается втянуть Россию в войну. В связи с этим Иден был преисполнен решимости доказать Майскому, что Англия располагала «силой и решимостью сохранить [свое] положение и интересы на Ближнем Востоке». Ясно поэтому, что внезапно возникшее упоминание Ближнего Востока не вызвало каких-либо эмоций у русских, поскольку они никаких переговоров с немцами и не вели. Мысль о том, чтобы угрожать русским бомбардировкой Баку, что могло бы еще больше запугать русских, была оставлена — но только из-за соображений, связанных с нарушением воздушного пространства Турции и Ирана⁷. Кабинет был также встревожен возможностью того, что Сталин может уступить немецкому нажиму и поставить под угрозу английские интересы, разрешив вермахту «...свободный проход его войск севернее Черного моря и через Кавказ в Ирак или Иран. Таким маневром наши позиции на Ближнем Востоке обходятся с фланга, и если осуществление этого маневра начнется в ближайшем будущем, то мы не сможем принять эффективных мер для противодействия ему»⁸. Бестолковая периферийная стратегия Черчилля на Ближнем и Среднем Востоке, как показали дальнейшие события, имела отрицательные последствия на отношения Англии не только с Россией, но и с таким стойким союзником, как США.

Теперь обе стороны подозревали друг друга, что вело их к неверным оценкам обстановки. Встреча Майского с Иденом 2 июня показала, что из всего комплекса вопросов о положении на Ближнем Востоке его интересовало только одно — понять, намерена ли Англия отступить перед немцами, как это уже произошло в Греции и на Крите. Он проявил куда больший интерес к сделанному Иденом признанию о наличии разногласий в кабинете. Очевидно, теперь Черчилль настаивал, что сосредоточение немецкой армии для наступления на советских границах — не слухи, тому имеются конкретные доказательства. Иден, однако, признал, что, в то время как Черчилль «считает, что это прелюдия к атаке против СССР, сам Иден в этом не так уверен и склонен думать, что данная концентрация является одним из шахматных ходов Гитлера в «войне нервов» по отношению к СССР и Турции». У Майского по-прежнему

му сохранялось впечатление, что шаги по улучшению отношений между Англией и Россией были еще одной попыткой втянуть Россию в войну. Точно выполняя свои инструкции, он вновь, как делал это много раз и раньше, стал опровергать слухи, напомнив Идену, что Красная Армия хорошо вооружена и «ей не придется воевать дубинами, как в прошлом». Иден отметил, что «хотя г-н Майский сделал это заявление очень эмоционально, у меня появилось ощущение, пока он говорил, что он пытается убедить самого себя в истинности своих слов»⁹.

В связи с угрозой, которую гипотетическое германо-советское соглашение создавало для английских интересов на Ближнем Востоке, Криппс был в этот момент внезапно отозван домой для консультаций. Этот его вызов не имел целью, как стали предполагать позже, заложить основы англо-советского союза в связи с приближавшейся войной. Его вызвали для разработки мер, которые могли бы помешать русским пойти на уступки Германии¹⁰. Способ, которым было осуществлено решение отозвать Криппса в Лондон, поистине представляет собой некую загадку. Когда в середине апреля Иден вернулся с Ближнего Востока, в Северном департаменте Форин оффис чуть не возник бунт из-за того, что Криппс «время от времени проявлял нежелание выполнять направлявшиеся ему указания, к чему добавлялась еще его склонность к независимым шагам, о которых он ничего не сообщал в Лондон». Было выдвинуто требование безотлагательно вернуть Криппса домой, причем не только для консультаций, но и, в основном, для «инструктажа». Иден, однако, отверг такой курс действий, на него возможно повлияло то соображение, что Криппс, оказавшись в Лондоне, может «заболеть политической и не захочет возвращаться». Кадоган также высказал слабую озабоченность относительно того, как русские могли бы истолковать отзыв Криппса. Поэтому было решено, что Криппс «не должен покидать свой пост при компрометирующих обстоятельствах и поэтому было бы трудно организовать быстрый вывоз его свинарника»¹¹.

Решение задержать объявление об отзыве Криппса было вызвано соображениями личной безопасности во время его полета в Англию. Однако, когда сообщение об этом попало в печать, реакция Советского Союза не была

принята в расчет. Сообщение было передано 6 июня всеми агентствами новостей и «произвело значительную сенсацию в Лондоне и среди журналистов всех стран; спекуляции о причинах его поездки приняли чрезвычайно активный характер». Спекуляции в общем строились на предположениях о «внезапном ухудшении англо-русских отношений». В конце концов убеждение, что русские активно вовлечены в интенсивные переговоры с немцами, было широко распространенным. Чиновникам Уайтхолла никогда не приходило в голову, что русские и сами могут подозревать, что переговоры такого же рода могут происходить в Лондоне¹².

Майский тут же обратился в Уайтхолл за поддержкой. Вместо этого Иден лишь укрепил его подозрения, небрежно заметив, что «обычно мы стремимся поддерживать контакты с отдаленными посольствами» и что «для всех сторон было бы в высшей степени полезно, если бы [Криппс] мог прибыть домой и получить бы здесь представление о происходящем». Это заявление противоречило информации, полученной Майским из Москвы. В последней попытке помешать русским уступить якобы существовавшим немецким требованиям Криппс перед отъездом еще раз, не имея на то полномочий, сделал Вышинскому угрожающее заявление о том, что, хотя его отзывают для консультаций, он может и не вернуться в Москву. Его отъезд совпал с эвакуацией служащих и членов семей сотрудников посольства в обстановке усиливающихся слухов о приближающемся германо-советском столкновении. Сама леди Криппс полетела вместе с мужем, а их дочь была вывезена через Тегеран¹³. После этого началась эвакуация других посольств из Москвы. Сообщения об этом советская цензура пыталась замолчать¹⁴.

Встревоженный Майский спешно приехал к Монктому, чтобы выяснить причины отъезда Криппса. Значение, приданное делу Гесса в их разговоре, оставляет мало сомнений относительно последствий, которое оно имело для толкования отъезда посла. Более того, в своих разговорах как с Иденом, так и с Монктоном Майский проявил исключительный интерес к английской реакции на немецкое вмешательство в Сирии и Ираке: она стала лакмусовой бумажкой для определения решимости англичан продол-

жать войну. Монктон отметил, что теперь, впервые с сентября 1939 г., Майский «страстно желал», чтобы Англия «вела дело энергично и добилась успеха»¹⁵.

Интерпретация отзыва Криппса косвенно подтверждала предположения, что американцы оказывают нажим на Черчилля, чтобы он рассмотрел предложения о мире и пожертвовал Россией. Почти в тот же день, когда Криппс покинул Москву, вновь назначенный американский посол в Лондоне Джон Уайнант также отбыл в Вашингтон для консультаций. Это придало новую жизнь спекуляциям, появившимся из-за дела Гесса, о том, что идет обсуждение сепаратного мира¹⁶. Эти слухи исходили из достоверных источников, таких как экс-президент Герберт Гувер. Еще более встревожило русских произошедшее вслед за прибытием Уайнанта резкое ухудшение американо-советских отношений: 10 июня двум помощникам военного атташе было приказано покинуть США¹⁷.

Прибытие Криппса в Лондон, при кажущихся странных обстоятельствах, совпало с новой вспышкой интереса к Гессу, с которым в эти дни вел беседы лорд Саймон. Если учесть царившую в Москве исключительную подозрительность, отзыв Криппса, в сочетании с дезинформацией о характере его поездки, распространявшейся Форин оффис, казалось, придавал убедительность версии о том, что в конце концов за кулисами вырабатывалось какое-то соглашение, развязывающее Гитлеру руки на востоке. Всегда существовала отдаленная возможность того, что, даже не отвечая на предложения о мире, Англия могла дать немцам знак о своем желании оставаться невовлеченной в случае войны с Советским Союзом. Более того, немцы могли быть спровоцированы на действия на востоке, если бы они заподозрили, что отзыв Криппса указывал на проведение консультаций о возможном улучшении англо-советских отношений. Все еще жива была память о наказании, постигшем Югославию за ее обращение к России¹⁸. Все это усиливало в Москве ощущение, что Германию поощряют разрешить ее конфликт с Россией при помощи силы. Наконец, это всегда могло означать и то, что англичане продолжали свои попытки добиться вовлечения России в войну.

Коммюнике ТАСС

Суворов рассматривает коммюнике ТАСС от 14 июня, в котором отрицались слухи о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом, в качестве первого выстрела войны, сделанного русским¹⁹. Его утверждение, — абсурдное, как должно быть уже ясно читателю — заключается в том, что к началу июня Сталин якобы понял, что его приготовления к освобождению Европы больше невозможно скрывать. По его мнению, наивное коммюнике Сталина имело целью «секретно» сообщить тысячам своих офицеров (а заодно и германской разведке), что Советский Союз нападет на Германию... в 1942 году». Другими словами, он не мог скрыть свои действия, но мог скрыть дату²⁰.

На самом же деле Сталин уже не мог притворяться, что не видит сосредоточения немецких войск. Исчерпав все средства, имевшиеся в его распоряжении, он выпустил знаменитое коммюнике ТАСС. Цель коммюнике была двоякая: добиться того, чтобы немцы также сделали заявление, отрицающее агрессивные замыслы, и продемонстрировать им, что Россия не сговаривается с англичанами, а в соответствии с желанием Гитлера пресекает слухи о готовящейся войне.

Молотов дал довольно точное объяснение причин, которые заставили Сталина опубликовать это коммюнике:

«Сообщение ТАСС нужно было как последнее средство. Если бы мы на лето оттянули войну, с осени было бы очень трудно ее начать. До сих пор удавалось дипломатически оттянуть войну, а когда это не удастся, никто не мог заранее сказать. А промолчать — значит вызвать нападение»²¹.

Майский в своих мемуарах преувеличивает важность своих предупреждений Сталину. Он умышленно вводит читателя в заблуждение, стараясь заставить поверить в то, что 10 июня он отправил в Москву «шифровку-молнию» с сообщением о тех конкретных разведывательных данных, которые ему сообщил Кадеган. Поэтому, утверждает он, легко представить себе его «крайнее изумление» сталинским ответом в виде коммюнике, опубликованного 14 июня. Но ведь коммюнике было логической кульминацией собственных взглядов Майского, который приписывал слухи

Черчиллю и английскому правительству. Более того, он сам был источником той скомпилированной информации, о которой шла речь в коммюнике. Встреча же с Кадоганом, во время которой появились сомнения в верности его оценок, произошла только 16 июня²².

Майский пару раз повторяет в своих мемуарах, что «стрела в направлении Англии, с которой начинается коммюнике, не оставило места для сомнения, что оно было ответом на предупреждение, сделанное Кадоганом»²³. Его одержимость этим коммюнике резко выделяется на фоне очень поверхностного изложения событий, приведших к войне. Этот перекокс маскирует тот факт, что важная встреча с Кадоганом, на которой Майскому были вручены подробные доказательства сосредоточения немецких войск, произошла не 10 июня, как он утверждает, а лишь 16, после публикации коммюнике. Откровенная фальсификация, к которой прибегнул Майский, связана с его попыткой возложить на Сталина всю вину за ошибочную оценку немецких намерений. Майскому и самому, несомненно, есть за что держать ответ.

Ключ к совершенному им искажению можно найти в общей установке коммюнике и в его исключительно тщательных формулировках. «Стрела», которая якобы так озадачила Майского, заключается в следующих словах:

«Еще до приезда английского посла в СССР г.Криппса в Лондон, особенно же после его приезда (выделено автором)... стали муссироваться слухи о «близости войны» между СССР и Германией... Эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой... сил, заинтересованных в дальнейшем расширении войны».

Криппс прибыл в Лондон только в ночь на 11 июня, и коммюнике имело в виду заголовки в английской печати 12 июня, намекавшие на то, что «заметно определенное обострение германо-советских отношений»²⁴. «Санди Таймс», например, под заголовком «Возвращается сэр С.Криппс. Возможны переговоры с Россией. Надежда на улучшение отношений» писала в своем комментарии, что Россия стремится к улучшению отношений с Англией, чтобы воспрепятствовать германской агрессии²⁵. Составление обзора печати и оценки комментариев английской печати могли исходить только от Майского. И — в разговоре с

И.Макдональдом, политическим корреспондентом «Таймс», который действительно происходит вечером 12 июня, Майский с горечью осудил этот, как он считал, «трюк Форин оффис, проделанный вчера утром со всеми газетами. Такая официальная кампания... несомненно произведет наихудшее возможное впечатление в Москве». Попытки Макдональда доказать свой независимый статус оказались безуспешными. «Посол,— писал в заключение Макдональд,— выглядел немного обиженным, что я пытаюсь толковать ему такую чушь; он явно не верил мне»²⁶.

Майский продолжал приписывать Черчиллю нарастающую волну слухов, вызванных внезапным прибытием Криппса в Лондон. 7 июня Черчилль устроил брифинг для журналистов, высказанные им заявления были такими же, какие он сделает в парламенте 10 июня. В ответ на настойчивые расспросы о ходе войны Черчилль высказал предположение, что лучше всего предоставить дело естественному ходу событий. Столкновение между СССР и Германией неизбежно. Концентрация немецких войск на советской границе идет быстрыми темпами. Надо выждать... Майский считал, что в этот момент Черчилль дал указание министру информации Даффу Куперу организовать кампанию о близости войны²⁷. Отдел печати Форин оффис получил из своих контактов с представителем ТАСС в Лондоне четкое впечатление, что советское посольство подозревало английское правительство в распространении сообщений о надвигающемся столкновении для того, чтобы вовлечь Россию в войну²⁸.

На следующий день, т.е. все еще до выхода коммюнике, Майский высказал Идену свою озабоченность относительно «характера сообщений», которые его правительство вряд ли воспримет как представляющие независимые точки зрения²⁹. Очевидно, в этом предположении содержалась доля правды. Форин оффис — что было неизвестно Криппсу и, может быть, Идену — устроил брифинг для прессы³⁰. О мотивах этого шага можно только догадываться, но Кадоган, по крайней мере, как он пооткровенничал в своем дневнике, питал надежду, что русские не подпишут соглашение на тех переговорах, которые они, как думали англичане, вели с немцами, «поскольку я весьма желал бы, чтобы немцы там бы растратили свою мощь»³¹.

Слухи, действительно, могли навести на подозрения в том, что Англия ставила себе целью поощрять немцев двинуться на восток. Эти слухи, в основном, отражали мнение английской разведки, что блицкриг в России «явится легкой кампанией». Разведка считала, что захват Москвы и окружение советских войск произойдет в течение «трех-шести недель».

Несмотря на свои объявленные цели, коммюнике было предназначено в первую очередь для немцев. В печать оно было отдано 14 июня, а немецкому послу в Москве, Шуленбургу, вручено на день раньше. Его целью было вызвать реакцию Германии на признание Советского Союза, что ему известно о сосредоточении немецких войск. Надежды на это могли быть вызваны запиской, направленной Сталину народным комиссаром Военно-Морского Флота адмиралом Н.Г.Кузнецовым и содержащей информацию советского военно-морского атташе в Берлине о немецких планах вторжения. Кузнецов, однако, полагал, что сведения являлись «ложными и специально направлены по этому руслу, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР»³³.

«Мобилизация — это война!»

Поток разведывательных данных не прекращался, и нарастала напряженность в Москве. В последние десять дней, оставшихся до начала войны, окончательные приготовления немцев скрыть уже было невозможно. В Москве НКВД подготовил весьма убедительно составленную докладную записку с перечнем случаев вопиющего нарушения воздушного пространства России немецкими самолетами за период с октября 1940 г. Было отмечено 185 разведывательных полетов, из них на май — середину июня приходилась половина — 91 полет. Более того, полеты совершались на глубину до 100 км и над теми районами, где были сосредоточены основные силы Красной Армии. Подтверждением немецких приготовлений служил тот факт, что из 2080 человек, нелегально перешедших границу, почти десять процентов оказались агентами разведки. Такие же жалобы в связи с разведывательными полетами приходили Жукову с Северного флота³⁴.

Информация о постоянных и массовых перебросках войск в Польшу дополнялась сообщениями о том, что мобилизация также началась на Балканах и что гражданское население предупреждают о возможных длительных полетах авиации³⁵. Разведывательное управление по-прежнему представляло свои, внушавшие тревогу, хотя и беспристрастные доклады о наращивании немецких войск. Двойственности больше не было; в Кремле полностью осознавали угрозу немецкого нападения³⁶. Колоссальная переброска по железной дороге двух моторизованных дивизий и резервистов с севера вызвала огромную тревогу.

Источник, занимавший высокое положение в немецком Министерстве авиации в Берлине раскрыл, что наконец принято окончательное решение о вторжении в Россию. Сотрудники Геринга получили приказ о переводе своего штаба из Франции в район Познани³⁸.

За день до нападения Германии 1-е (разведывательное) управление НКГБ СССР составило сводку сообщений двух ценных агентов, работающих в Берлине — «Корсиканца» и «Старшины», за период с сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г. Эта сводка показывала постоянство планирования и проведения в жизнь мероприятий по подготовке к войне. Несомненно, доносил «Старшина» 16 июня, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время». Из Швейцарии Шандор Радо, сотрудник советской разведки, стоявший во главе группы «Люци» сообщил в Москву: «Широкомасштабное наступление против Советского Союза начнется на заре в воскресенье 22-го июня»⁴⁰. Также возрос поток сообщений от Зорге. Курьер из Берлина проинформировал немецкого военного атташе в Токио: «он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня»⁴¹.

Буквально накануне начала войны Зорге экстренно сообщил Голикову о том, что германский посол в Токио Отт, сказал ему «что война между Германией и СССР неизбежна». Более того, японский генеральный штаб уже обсуждал вопрос о позиции, которую следует занять в случае войны⁴². 19 июня посол Италии в Москве Аугусто Россо сообщил своему правительству в телеграмме, перехваченной советской контрразведкой, что Шуленбург только

что в строго конфиденциальном порядке открыл ему, что «вооруженный конфликт неизбежен и что он может разразиться через два-три дня, возможно в воскресенье»⁴³. Наконец, Герхард Кегель, сотрудник немецкого посольства в Москве, работавший на ГРУ, информировал о том, что в подвалах посольства сжигают архивные материалы, а сотрудников посольства предупредили о подготовке к эвакуации⁴⁴.

Весь массив информации о близости войны уже не говорил — кричал. Но и немцы теперь еще более увеличили свои усилия по дезинформации, ставшей столь смертоносным оружием в атмосфере взаимных подозрений и неуверенности. Противоречащие друг другу слухи в Москве и Лондоне играли на руку Геббельсу. Запись в его дневнике свидетельствует об этом: «Что касается России, то нам удалось организовать грандиозный поток ложных сообщений. Газетные «утки» не дают за границе возможности разобраться, где правда, а где ложь. Это та атмосфера, которая нам нужна...»⁴⁵.

И.Ф.Филиппов, представитель ТАСС в Германии, а по данным германских служб безопасности — заместитель руководителя советской агентурной сети НКГБ в Берлине, 12 июня получил указание «выяснить, не ведет ли действительно Германия переговоры о мире с Англией и не ожидается ли в дальнейшем попытка достижения компромисса с Соединенными Штатами». Он должен был создавать впечатление, что «мы все уверены, что сможем и дальше проводить нашу политику мира. Еще есть время...»⁴⁶. В отличие от Деканозова, который смягчал свои доклады, но все же предупреждал об опасности, Филиппов передавал такие оценки слухов, которые совпадали с тем, что ожидал Сталин. Он высказывал оговорки в отношении опасности, заявляя: «Мы твердо убеждены, что Гитлер затеял гигантский блеф. Мы не верим, что война может начаться уже завтра. Процесс, по-видимому, будет еще продолжаться. Ясно, что немцы намереваются оказать на нас давление в надежде добиться [каких-то] выгод, которые нужны Гитлеру для продолжения войны...»⁴⁷.

Эти слухи оказались для Гитлера настоящей находкой. С разрешения фюрера Геббельс подготовил длинную статью под названием «Крит как пример». В ней проводился

разбор предполагавшейся подготовки Германии к войне в Средиземном море. Она привлекла большое внимание, ее активно обсуждали. И вдруг ее тираж был изъят из продажи в газетных киосках. Таким способом было создано впечатление, что в статье раскрывались какие-то государственные тайны. На самом деле статья была составлена столь хитро, хвастался Геббельс, что «из нее можно извлечь все, во что противник должен поверить в данный момент». После этого в английской прессе возникла бурная дискуссия, и немцы в максимальной степени использовали ее, публикуя десятки материалов, намекающих на то, что заложены достаточные основания для продолжения переговоров с Москвой. Заявление ТАСС от 14 июня было встречено в Германии молчанием. При этом Геббельс рекомендовал «продолжать непрерывно распространять слухи: мир с Москвой, Сталин приезжает в Берлин, вторжение в Англию предстоит в самое ближайшее время».

Совершенно очевидно, что Сталину поступало огромное количество подобных сообщений, которые сейчас не спешат извлекать из московских архивов; смешиваясь с сообщениями, свидетельствовавшими о подготовке к войне, они запутывали общую картину. Хотя они и не отрицали возможность войны, но разжигали в Кремле надежду на то, что войну все еще возможно оттянуть. Они усиливали впечатление того, что подготовка к войне все еще не закончена. В такой обстановке Сталин просто-напросто отказывался верить разведывательной информации.

Когда, например, нарком государственной безопасности В.Н.Меркулов направил Сталину основанное на информации надежного источника, работавшего в штабе германской авиации, донесение, указывающее, что все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время, Сталин взорвался. Он предложил Меркулову: «Можете послать ваш «источник» из штаба Германской авиации к е... матери. Это не «источник», а дезинформатор. И.Ст.»⁴⁹. Сталин теперь цеплялся за отрывочные и противоречивые сообщения разведки, где говорилось о недостатках в боеготовности вермахта. Он заявлял также, что немцы вряд ли начнут военные дейст-

вия в то время, когда их танковые, авиационные и артиллерийские части все еще дислоцированы далеко от границы⁵⁰. Более того, все время назывались различные даты нападения. Англичанам, например, оперативная информация решающего значения поступила из данных радиоперехвата германских передач всего лишь за три дня до начала военных действий. Такое положение, казалось, оправдывало осторожность Сталина при осуществлении планов развертывания⁵¹.

Из оставленных С.К.Тимошенко фрагментов воспоминаний, а также выпущенных в полном виде мемуаров Жукова встает живая картина Кремля в канун войны. Они не оставляют сомнения, что нарком обороны и начальник Генерального штаба в полной мере понимали нависшую угрозу. И безуспешно предпринимали попытки помешать развертыванию наступательной немецкой группы путем осуществления в полной мере своих планов мобилизации и развертывания. Сталин действовал совсем не как поджигатель войны, каким его изображает Суворов. Он постоянно сдерживал свои вооруженные силы после того, как в середине мая были проведены мероприятия по мобилизации. Он опасался, что ситуация может быстро выйти из-под контроля. В начале июня Тимошенко и Жуков представили Сталину большую подборку данных разведки, разоблачавших намерения немцев. На Сталина они не произвели никакого впечатления. Он перебил их, буркнув: «А у меня есть другие документы», и отбросил от себя разведывательные сводки. Сталин отмахнулся от информации, поступившей от Зорге, «пошутив», что в Японии Зорге «уже обзавелся заводиками и публичными домами и соизволил сообщить даже дату германского нападения — 22 июня. Прикажете и ему верить?»⁵²

13 июня Жуков и Тимошенко, наконец, набрались храбрости и потребовали от Сталина выдвижения войск в соответствии с планом прикрытия границы. Сталин отказал, предложив им читать завтрашние газеты. Когда они на следующее утро добрались до газет, то испытали настоящее потрясение, увидев коммюнике ТАСС, отражавшее тот же уверенный тон, который содержался в речах Сталина перед выпускниками военных академий в Москве за месяц до этого. Жуков описывает эту их встречу

со Сталиным в своих мемуарах в приглушенном тоне, слишком спокойном по сравнению с тем, что происходило на самом деле. Эта встреча является иллюстрацией процесса принятия Сталиным решений, его безжалостного, нетерпеливого и оскорбительного обращения с военными. Тимошенко позже вспоминал, как они с Жуковым прибыли на заседание Политбюро, захватив с собой карты. Жуков, уверенный и хладнокровный, начал доклад. Он говорил о тревоге, охватившей войска; призывал Сталина привести армию «в полную боевую готовность». По мере того, как Жуков говорил, Сталин все более впадал в раздражение, нервно постукивая по столу своей трубкой. Наконец, он взорвался. Он подошел к Жукову и крикнул ему: «Вы что, нас пугать пришли войной или Вы хотите войны, Вам мало наград или званий?» Жуков тут же утратил собранность, оборвал речь и сел. Тем не менее Тимошенко взял слово и заявил, что если оставить войска в той дислокации, в которой они находятся сейчас, то нападение вермахта приведет к катастрофе. При этих словах Сталин разразился целой тирадой, которая не только показывает его жестокость, но и дает нам представление о его внутреннем мире:

«Сталин вернулся к столу и грубо сказал: «Это все Тимошенко делает, он настраивает всех к войне, надо бы его расстрелять, но я его знаю, как хорошего вояку еще с гражданской войны (мы с ним встретились, — сказал маршал, — еще в Царицыне в 1918 году). — Все, — сказал Сталин. — Я ему сказал: что Вы же сказали всем, что война неизбежна, на встрече с выпускниками академий. Вот видите, — сказал Сталин, обращаясь к Политбюро, — Тимошенко здоровый и голова большая, а мозги, видимо, маленькие, — и показал большой палец, — это я сказал для народа, надо их бдительность поднять, а Вам надо понимать, что Германия никогда не пойдет одна воевать с Россией. Это вы должны понимать», — и ушел.

Потом открыл дверь, высунул рябую голову и громко сказал: «Если вы будете там на границе дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда головы полетят, имейте в виду», — и дверь захлопнулась⁵³.

Жуков пишет, что Сталин казался уверенным в том,

что «Германия по уши увязла в войне на Западе, и я» — говорил он — «верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они, вместе взятые». Позиция, которую занимали Тимошенко и Жуков, вызвала у Сталина гневную реплику: «Вы что же, предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?»⁵⁴ Таким же образом, в ночь на 14 июня, после опубликования коммюнике, он не дал разрешения адмиралу Кузнецову, народному комиссару ВМФ, привести Балтийский флот в состояние боевой готовности. Сталин, которому Майский только что сообщил о реакции в Лондоне на отзыв Криппса, не исключал возможности немецкого нападения. Но он был всецело под воздействием навязчивой идеи о том, что Англия вынашивает замысел вовлечь Россию в войну⁵⁵.

Лондон: настал день последнего суда

9 июня английская разведка получила новые сведения, на основе которых она сделала вывод, что «концентрация немецких войск против России ведется с огромной скоростью и энергией». Но даже тогда Иден решил опубликовать эту информацию лишь с целью «способствовать сопротивлению русских», очевидно — против уступок перед лицом немецкого ультиматума⁵⁶. Чтобы англичане не думали, что идут германо-советские переговоры и не ускорили бы собственные переговоры с немцами, Майский сообщил 10 июня Идену, что «между Германией и Россией не существует военного союза и он не планируется. Более того, Советское правительство в настоящее время не ведет переговоров с германским правительством о каком-либо новом соглашении, ни экономическом, ни политическом». Такая информация, однако, поставила серьезную дилемму. Если сосредоточение немецких войск у советских войск означало войну, то англичане могут соблазниться начать собственные усилия по достижению мира или способствовать повороту немцев на Восток⁵⁷. Очевидно, русские надеялись, что их заверения приведут к тому, что англий-

ская пресса оставит эту тему. Вместо этого они столкнулись с обилием спекуляций вокруг приезда Криппса.

Ощущение Майского, что Англия отчаянно пытается вовлечь Россию в войну, казалось, было подтверждено в ходе его бесед с Иденом 13 июня — после возвращения Криппса и непосредственно перед выходом коммюнике ТАСС. На Майского произвела сильное впечатление «кампания в прессе в связи с приездом Криппса...», и он «выразил сожаление, что намерение Идена воспрепятствовать «спекуляциям» газет по этому поводу, о которых, — пишет Майский, — он мне говорил 5 июня, не нашло практического осуществления». Это, очевидно, укрепило его ощущение, что слухи раздуваются Черчиллем. Майский предупредил Идена, еще до публикации коммюнике ТАСС, что «сообщения такого характера, которые появились вчера, не будут поняты в Москве и к ним отнесутся с возмущением». На этот раз, однако, Иден пригласил Майского для того, чтобы сообщить ему о возросшем за предыдущие 48 часов потоке разведывательных данных. Сосредоточение немецких войск, подчеркнул он, «может быть предпринято для ведения войны нервов, а может быть и для нападения на Россию». Иден, как казалось, отчаянно пытался внушить Майскому свою убежденность, что характер этой разведывательной информации показывал действительное намерение немцев совершить нападение. Однако Майский, занятый мыслями о кампании в печати, сразу же отверг предложение Идена о помощи, которое могло быть еще одной попыткой вовлечь Россию в войну. Предложение Идена, заметил он, «предполагает сотрудничество» между двумя странами, которое, как он считал, было «преждевременным». Однако, Иден продолжал настаивать. Он объяснил, что раньше у него было такое же мнение, как сейчас у Майского, однако информация, ставшая известной в самые последние дни, заставила его изменить свои взгляды. Майский, на которого давило тяжелое бремя необходимости правильно оценить характер этой информации, настойчиво потребовал от Идена дальнейших доказательств намерений Германии, причем «как можно раньше, либо сегодня либо в выходные дни». Иден не понял, насколько срочный характер носит просьба Майского о дополнительной информации; он пообещал

проконсультироваться с Черчиллем и Генеральным штабом о передаче разведывательных данных⁵⁸.

Итак, ближе к концу дня 15 июня, за неделю до нападения Германии, Черчилль наконец дал добро на решение расстаться с судьбоносными доказательствами, полученными англичанами через «Энигму». Кадоган получил от Объединенного комитета по разведке доклад о вероятности войны, содержащий самые последние данные; основу доклада составляла подборка всех имевшихся разведывательных данных, включая дешифровки, полученные благодаря «Энигме». Этот жест был исключительно щедрым, так как путем тщательного изучения доклада можно было бы выявить источник разведывательных данных. Разведка также вручила Кадогану карту, на которой была обозначена умеренная оценка позиций противостоящих сил по обе стороны границы. При этом разведчики саркастически заметили, что «сравнение этой карты и замечаний г-на Майского в ходе его последней беседы с заместителем министра является очень забавным». В выходные дни Майского не было в посольстве, и передача информации была задержана до утра следующего дня⁵⁹.

Майский был ошеломлен, когда утром в понедельник он предстал перед Кадоганом в Форин оффис, и тот беспристрастно монотонным голосом начал зачитывать ему «точные и конкретные» факты. Майского встревожило не столько осознание того, как он впоследствии столь ярко заметит в своих мемуарах, что «вся эта дышащая огнем и смертью лавина должна вот-вот обрушиться» на Россию. Скорее, он забеспокоился при мысли об успокаивающем содержании своих предыдущих телеграмм. Поэтому он тут же дал телеграмму в Москву с опровержением своих более ранних оценок⁶⁰. И даже тогда Майскому, как свидетельствуют его мемуары, оценки, господствовавшие в Москве, мешали послать точный доклад:

«Конечно, я не принимал сообщение Кадогана за стопроцентную истину; сведения разведки не всегда точны; англичане были заинтересованы в развязывании войны на Востоке и могли сознательно сгустить краски для произведения большего эффекта на Советское правительство; поэтому с того, что я слышал от Кадогана, мысленно делал

значительную скидку. Но все-таки информация товарища министра была столь серьезна, а сообщенные им сведения столь точны и конкретны, что должны были бы, казалось, заставить Сталина задуматься, срочно проверить их и уж во всяком случае дать строгое указание на нашу западную границу: Будьте начеку!»

Несмотря на цензуру, в телеграмме Майского содержалась довольно точная информация о различных стадиях наращивания немцами численности своих войск у советских границ в мае и июне. В заключение он писал: «Общее количество германских войск, в настоящий момент сконцентрированных на советских границах по сведениям британского генштаба, составляет 80 дивизий в Польше, 30 в Румынии, 5 в Финляндии и Северной Норвегии, всего 115 дивизий, не считая мобилизованной румынской армии»⁶¹.

Русские оказались на тонком льду — они набирали очки против немцев, но их позиции в Англии ослабевали. Это могло бы быть особенно опасно, если бы переговоры о сепаратном англо-германском мире шли полным ходом. Русские совершенно очевидно колебались в своих оценках. Отношение английского правительства к развивающемуся кризису имело центральное значение для собственных оценок Кремля. Несмотря на атмосферу отчаяния, воцарившуюся там, Сталин оставался непоколебим в своей уверенности в провокациях англичан, с одной стороны, и в том, что перед нападением немцы предъявят ультиматум, с другой. Это препятствовало его окружению — разведке и Майскому — формулировать четкие доказательства. Поэтому оценки Майского в дни между 10 и 15 июня сыграли на руку одержимости Сталина провокациями, — отголоски ее мы слышали в знаменитом коммюнике — и усыпили его в отношении реальной военной опасности.

Как очевидно теперь, целью тонко сформулированного коммюнике, опубликованного 14 июня, было разоблачить провокацию. Содержавшееся в нем недвусмысленное утверждение, что советско-английский союз не находился в процессе создания, должно было, как ожидалось, быть подтверждено Лондоном, что привело бы к ликвидации слухов. От Берлина ожидали отрицания враждебных намерений, а то и появления Гитлера за столом переговоров.

Тем не менее, коммюнике даже не стали печатать в немецких газетах. Известно только, как отреагировали круги вермахта, в которых коммюнике было «воспринято весьма иронически»⁶². От Англии же последовал жесткий официальный протест, напоминающий русским, что информация о сосредоточении немецких войск ничего общего не имела с возвращением Криппса и появилась не с «советской стороны границы»⁶³.

Сталин, размышлявший со своими советниками над отсутствием реакции на коммюнике, 16 июня получил телеграмму Майского, изменившего свои оценки после беседы с Кадоганом. Последовала молниеносная реакция. Вечером 16 июня английский поверенный в делах впервые за все время после отъезда Криппса нанес визит вежливости в Кремль. Пытаясь приуменьшить значение коммюнике, Вышинский извинился, сказав, что упоминание о Криппсе не было какой-то мстью лично против него; это была «простая констатация факта, в очень тщательно взвешенных выражениях»⁶⁴. 18 июня, после того, как в Лондоне Криппс предупредил Майского, что на его возвращение в Москву «в очень большой степени» повлияют объяснения советской стороной упоминаний о нем в коммюнике, Майский заверил его «в самом высоком уважении» лично к нему со стороны русских⁶⁵. Не прошло и нескольких часов, как Майский направил Идену послание с извинениями, выдержанное в почти идентичных формулировках с московским примирительным заявлением⁶⁶.

16 июня в военном кабинете состоялось последнее перед началом советско-германской войны обсуждение отношений с Россией. Брендан Брекен информировал Майского о решении кабинета. Как представляется, при обсуждении выявились две позиции. Криппс, как он узнал от него раньше, испытывал опасение, что, в то время как вермахт достиг пика своей мощи, Красной Армии нужно было еще не меньше года, чтобы восстановить свои силы. Криппс проявлял симпатию по отношению к Сталину, поскольку он был за то, чтобы русские еще какое-то время оставались невовлеченными в войну. С другой стороны, Черчилль верил, что Красная Армия может сразиться с Германией, и это могло бы оказаться «большой помощью для Англии». Это подтверждало опасения Майского, что

подход Черчилля по-прежнему во многом окрашивается тем, что он «принимает желаемое за действительное». Майский поэтому до самого кануна войны продолжал, с некоторым основанием, предупреждать Сталина, что кабинет в целом «страстно желал, чтобы СССР принял участие в войне»⁶⁷. Однако Майский все более начинал нервничать в связи с характером своих сообщений; особенно это стало проявляться после его встречи с Кадоганом.

Через два дня после заседания кабинета Майский обедал с Криппсом и его женой Изобел. Их откровенный разговор вышел мрачным. Майский прямо заявил Криппсу, что Англия хочет вовлечь Россию в войну против Германии. Криппс не только отрицал это, но даже заявил Майскому, что единственное, что он хотел бы — это чтобы Россия проявила к Англии 75% такого нейтралитета, как в отношении Германии. Майский информировал Молотова срочной телеграммой, что Криппс, несмотря на его позицию во время обсуждения, состоявшегося на заседании кабинета, теперь «твердо убежден в неизбежности военного столкновения Германии с СССР, и притом не позднее середины июля». Во время беседы с Криппсом Майский пытался сделать вид, что он не растерян. В то же время он, — и это любопытно — придерживался концепции, популярной в Форин оффис: сосредоточение войск — это де просто «один из гитлеровских ходов в «войне нервов»... Но война? Нападение? Атака? Не могу поверить. Это было бы сумасшествием». Майский слабо пытался отрицать доводы Криппса, говоря, что они, мол, «не производят на него большого впечатления». Криппс не клюнул на эти слова. Он привел мощную аргументацию, которая явно вызвала у Майского сильное беспокойство. Он писал в телеграмме: Кадоган «располагает абсолютно достоверной информацией, что именно таковы планы Гитлера. И, если бы ему действительно удалось разбить СССР, вот тогда-то он со всей своей мощью обрушился бы на Англию. Члены бритпра, с которыми Криппс беседовал, считают, что прежде чем атаковать СССР, Гитлер поставит нам определенный ультиматум. Криппс с этим не согласен. Гитлер просто нападет на нас без всякого предупреждения, потому что он заинтересован не в том или ином количестве

продовольствия, сырья и т.п., которое он хотел бы получить от СССР, а в разгроме самой страны, в уничтожении Красной Армии»⁶⁸.

У Криппса сложилось явное представление, что, по сравнению с их встречей буквально несколько дней назад Майский «казался куда менее уверенным в том, что войны не будет». Криппс бесстрастно отметил в заключение, что к концу беседы «из советского посла как будто полностью выкачали воздух, и он казался очень угнетенным»⁶⁹. То же впечатление сложилось у Г.Доусона, редактора «Таймс», который обнаружил, что Майский внезапно стал убежденным в близости немецкого вторжения⁷⁰.

22 июня 1941

Наконец-то русские по-настоящему поняли масштаб кризиса, возникшего у их порога. Новая информация, поступившая после 16 июня, не снимала возможности английской провокации. В то же время она говорила о возрастании вероятности войны совершенно независимо от того, что происходило в Лондоне. Раньше приоритет отдавался попыткам предотвратить провокацию; среди мер такого рода — обеспечение чрезвычайной секретности передвижения войск к границе. Теперь же были отданы указания авиации и наземным войскам принять меры предосторожности. Но это было сделано только 18 и 19 июня. В изменение действовавших до этого распоряжений командующим Балтийским и Северным флотами было приказано перевести их на оперативную готовность N 2. 19 июня генерал-лейтенанту А.И.Еременко было приказано немедленно сдать командование 1-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке и выехать в Москву⁷¹.

Выходные дни были необычайно жаркими. Майский проводил их в Бовингтоне, в доме своего друга, бывшего посла Испанской Республики. В те дни его совершенно не трогало очарование английской природы. На него давил тяжкий, почти невыносимый груз ответственности последних двух месяцев. Факты, открывшиеся из только что состоявшихся бесед с Кадоганом и Криппсом, ставили под сомнение саму суть его постоянных донесений в Москву. Перебирая мысленные слухи, заявления, угрозы и лесть

последнего месяца, Майский, подобно Сталину, все еще не перестал колебаться:

«Но, может быть, это искусственно вздутая английская спекуляция? Может быть, это британское wishful thinking [принятие желаемого за действительное]? Еще одна попытка испортить наши отношения с Германией и втянуть нас в войну на своей стороне? Откровенно говоря, мне не очень верится, чтобы Гитлер напал на нас. Воевать с Россией всегда было тяжело. Нашествия всегда кончались печально для их инициаторов. Достаточно вспомнить поляков (смутное время), Карла XII, Наполеона, Кайзера в 1918 г. ... Российская география еще не совсем отменена. А к тому же — и это особенно важно — мы имеем мощную армию, мы имеем танки, аэропланы, зенитную артиллерию. Мы имеем те же инструменты войны, какие имеет Германия и каких не имела, например, Франция. Мы сумеем постоять за себя. Неужели при таких условиях Гитлер рискнет на нас напасть? Ведь это было бы равносильно самоубийству».

Вскоре после ленча Майского вызвали в Лондон. Здесь Криппс вручил ему дополнительные сведения о предстоящем нападении. Майский незамедлительно направил телеграмму в Москву. Криппс сообщил, что сведения получены из надежного разведывательного источника (источником была «Энигма»), «свидетельствующего как будто бы о приближении момента «действия» со стороны Германии. Так, все немецкие суда, находившиеся в Або и других финских портах, получили предписание немедленно покинуть их». Криппс считал, что Гитлер начнет войну либо завтрашним утром, либо в воскресенье на следующей неделе. Гитлер, объяснил Криппс Майскому, получает некоторое преимущество, нападая на своих противников в воскресенье, когда состояние боеготовности снижено⁷².

В Кремле в эти выходные дни царил давящая атмосфера неопределенности. Сталин 21 июня проявлял встревоженность. «Положение неясное», признался Димитрову удрученный Молотов. «Ведется большая игра. Не все зависит от нас»⁷³. Турецкому послу Молотов также сказал, что положение стало «запутанным и неопределенным».

Жуков вспомнил, что Сталин разрывался между тревогой и страхом перед развязыванием войны, которой он не хотел. Проводившиеся открыто военные предупредительные меры сопровождались отчаянными дипломатическими усилиями в попытке произвести на немцев то впечатление, которое не сумели добиться с помощью коммюнике ТАСС.

В Берлине в субботу 21 июня стояла отличная погода, день был жарким. Многие работники российского посольства отдыхали, купались в красивом парке Потсдама и на озере Ванзее. В посольстве оставалась небольшая группа дипломатов. Внезапно все они были приведены в состояние готовности, и им было приказано начать крайне срочную работу. Должен был быть вручен лично Риббентропу протест в связи с ростом числа немецких разведывательных полетов над советской территорией. Важнее были содержащиеся в депеше указания выразить готовность советской стороны вести переговоры. Но все попытки установить связь с Вильгельмштрассе оставались безуспешными. В конце концов в девять часов вечера 21 июня Молотов пригласил к себе Шуленбурга и сообщил ему содержание советской ноты. Несмотря на свои просьбы, Молотов не смог получить от германского посла какого-либо ответа по вопросу о состоянии германо-советских отношений. Давление на Берлин продолжалось. В 4 часа ночи 22 июня официальная машина германского МИД, предоставленная в распоряжение Деканозова, примчала его на встречу с Риббентропом. Деканозову было заявлено, что «под запечатлением серьезной угрозы политического и военного характера, исходившей от Советской России, Германия с утра сегодняшнего дня предприняла соответствующие контрмеры в военной сфере». Итак, на Россию обрушилась война, которую Сталин столь страстно стремился избежать. Когда Деканозов направился к выходу, Риббентроп поспешил за ним. Он был явно угнетен и, видимо, основательно выпил. Он умолял посла передать в Москву, что он, Риббентроп, безуспешно пытался отговорить Гитлера от развязывания войны. В то же время Шуленбургу, еще более выведенному из душевного равновесия, было предписано сообщить Молотову о решении Гитлера. Ему было специально приказано не втягиваться в дальнейшие дискуссии⁷⁴.

Только после полуночи начальник Генерального штаба, наконец, смог убедить Сталина поднять войска по тревоге. Отданные в последнюю минуту указания командующим 3, 4, 10 армий, хотя по-прежнему и сформулированные очень осторожно, чтобы удовлетворить одержимость Сталина желанием избежать провокации, тем не менее ввели в действие планы обороны. Приказы по обороне не оставляли сомнений, что в Кремле отдавали себе отчет в надвигающейся опасности. Об упреждающем ударе и помину не было. Было острое ощущение катастрофических последствий немецкого удара:

«1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения...

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.06.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.06.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

д) Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»⁷⁵.

Разнообразные отчаянно предпринимавшиеся дипломатические усилия с целью изменить ход событий исчерпали себя. В 7 часов 15 минут утра 22 июня в округа была передана директива N 2 наркома обороны, дававшая зеленый свет осуществлению планов обороны, тщательнейшим образом разработанных в ходе военно-оперативных игр и в последние предвоенные месяцы 1941 года. Директива предусматривала осуществление «глубокой операции», в ходе которой авиация — а она уже подвер-

глась ужасающему удару со стороны немецких ВВС — как предполагалось, должна была уничтожить авиацию противника на глубину германской территории до 100-150 км.⁷⁶ Увы, из-за соотношения сил на поле боя и характера дислокации вооруженных сил, этот приказ так и остался невыполненным.

* * *

В течение нескольких часов утра 22 июня Сталин все еще не исключал возможность того, что Россию запугивают, чтобы добиться от нее покорности в политике. Через неделю после начала войны Молотов признался прилетевшему в Москву Криппсу, что в Кремле не предполагали, что война «начнется без каких-то обсуждений или ультиматума»⁷⁷. Поистине вызывает интерес тот факт, что Сталин был застигнут врасплох зловещими сообщениями с фронтов на рассвете 22 июня. Он жаловался: «немцы напали на нас, не предъявляя никаких претензий; не требуя никаких переговоров; напали подло, как разбойники». Он, казалось, оправдывал свою политику накануне войны, упомянув объяснение нападения, сделанное Шуленбургом, где утверждалось, что Германия «считает себя угрожаемой концентрацией советских войск на восточной границе, предприняла контрмеры»⁷⁸.

Столь же изумило Сталина и то, что Англия не примкнула к крестовому походу против России. До тех пор, пока Сталин верил, что он может избежать войны, вероятность союза с Англией казалась отдаленной. Под парализующим воздействием недавних немецких побед на Балканах, Сталин боялся предпринять малейшие шаги, которые могли бы быть расценены немцами как провокации. Его и без того немалые подозрения в отношении Англии еще больше были усилены делом Гесса и теми угрозами, к которым несколько раз прибегали Криппс и Черчилль. Когда английский временный поверенный в делах рано утром 22 июня нанес визит в Кремль, русские были не только, как можно было ожидать, «чрезвычайно взволнованными», но также и «чрезмерно осторожными»⁷⁹. В этом причина зловещего молчания и сумятицы, которые характеризовали поведение Майского в первые дни войны. Майский

узнал о нападении Германии из передачи утренних новостей Би-Би-Си, и ему даже пришлось отложить встречу с Иденом до тех пор, пока он не узнал о советской реакции, прослушав выступление Молотова по радио⁸⁰. Майский поспешил поставить перед Иденом ряд вопросов, свидетельствовавших о такой же озабоченности: «Может ли он заверить свое правительство, что наша позиция и наша политика остаются неизменными? Он был уверен, что Германия будет стремиться сочетать наступательные действия против России с мирными шагами в отношении западных держав. Может ли Советское правительство быть заверено, что наши военные усилия не будут ослаблены?»

Черчилль с радостью ответил на сдержанный запрос Майского. Он никогда не рассматривал предложения о мире и еще менее будет расположен делать это теперь, когда Германия связана на Восточном фронте. Красноречие его знаменитого выступления по радио в день немецкого вторжения скрывало отсутствие какого-либо существенного сдвига в стратегии. Он затронул проблему, гораздо более тревожившую советское руководство — поразительную веру русских в потворство англичан нападению Германии: «Мы никогда не будем вести переговоры, мы никогда не будем договариваться с Гитлером или кем-либо из его банды. Мы будем драться с ним на суше, мы будем драться с ним на море, мы будем драться с ним в воздухе...»⁸¹. Реакцией Майского на эту речь, как это видно из его дневника, было явное облегчение: «Сильное выступление! Прекрасное выступление... В основном речь Черчилля — боевая, решительная речь. Никаких компромиссов и соглашений! Война до конца. Это как раз то, что сейчас больше всего нужно»⁸².

Политбюро Коммунистической партии Великобритании выступило с заявлением в тот же день, еще не получив ориентировку из Москвы и не успев услышать обязательство Черчилля об оказании помощи; в заявлении утверждалось, что нападение Гитлера было «следствием секретных шагов, предпринимавшихся за кулисами миссии Гесса»⁸³. Советские подозрения в отношении потворства англичан немецкому нападению выразались видными сотрудниками советского посольства в Лондоне, даже

после речи Черчилля. Они настойчиво утверждали, что, если бы Черчилль и Иден были вынуждены уйти в отставку, тогда те, кто занял бы их место, «заключили бы сепаратный мир с Германией за счет России»⁸⁴. Криппс, со своей стороны, также не был особенно удивлен, когда на своей первой встрече со Сталиным после начала войны, нашел, что тот был встревожен возможностью сепаратного мира. В конце концов, откровенно писал он в своем дневнике, ведь мы «стремились в прошлом заставить их [тревожиться], чтобы они не зашли слишком далеко в своих делах с немцами»⁸⁵. «Все», вспоминал через несколько месяцев в Вашингтоне Литвинов, «были уверены, что британский флот на всех парах идет по Балтийскому морю, чтобы совместно с Гитлером напасть на Ленинград и Кронштадт»⁸⁶.

Примечания

¹ WO 193/644, докладная военного министерства о «Возможных последствиях германо-советской войны», 11 июня 1941 г.

² АВП РФ, ф. 069, оп. 25, д. 6, п. 71, л. 72 — 4, телеграмма Майского Молотову о встрече с Батлером 14 мая 1941 г.

³ О встрече 27 мая см.: АВП РФ, ф. 069, оп. 25, д. 6, п. 71, л. 79 — 82. и FO 418/87 N 12.

⁴ M. Gilbert, *Finest Hour: Winston S. Churchill*, London, 1938, ch. 57, и M. Howard, *The Mediterranean Strategy in the Second World War* London, 1968, ch. 2.

⁵ FO 954/24, доклады Уорнера, Стрэнга и Кадогана, 31 мая; CAB 79/86 COS (41) 197, в том числе телеграммы военного министерства главнокомандующему английскими войсками на Ближнем Востоке и в Индии, 31 мая 1941 г.

⁶ FO 954/24 foIs. 304-309, частное письмо Кадогана Идену, 27 мая 1941 г.

⁷ FO 954/24 Su (41) 12 and 13, письмо Сарджента о разведывательных сведениях и намерениях Германии, 31 мая и 1 июня 1941 г.

⁸ WO 208/1761, JIC (41) 234 (1 ct draft), 31 мая 1941 г., and cement by H/14. WO 193/644, записка военного министерства о «Возможных последствиях германо-советской войны», 11 июня 1941 г.

⁹ Сообщение о встрече 2 июня 1941 г. — см.: АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 352, д. 2402, л. 120 — 122, и FO 371 29465 N 2570/2/38.

¹⁰ FO 371/29466 N 257/3/38, телеграмма Идена Криппсу, 2 июня; CAB 65/18 56(41), 2 июня 1941. См. также: A.Eden. *The Reckoning*. London, 1965, p.266.

¹¹ FO 800/279 Su/41/1, записи 26, 29 и 30 апреля 1941.

¹² FO 371 29466 N 2674/3/38, реакция прессы на отзыв Криппса, 9 июня 1941 г.

¹³ FO 371/294 66 N 2628/3/38, телеграмма Идена Криппсу о встрече с Майским, 5 июня 1941 г.

¹⁴ FO 371 29483 N 2982/78/38, Бэггелли в Форин оффис, 20 июня 1941.

¹⁵ Monckton papers, Вох.5, p.96.

¹⁶ J.g. Winant, *A Letter from Grosvenor Square: An Account of a Stewardship* (London, 1947), pp.143-4.

¹⁷ P.Lash, *Roosevelt and Churchill, 1939 — 1941: the Partnership that Saved the West* (Norton, 1976). Harper Papers, H 22. f.21, письмо Харпера Гендерсону 22 июня 1941 г. См. также R.H.Dawson. *The Decision to Aid Russia, 1941; Foreign Policy and Domestic Politics* Chapel Hill, 1959, pp.60-61.

¹⁸ Maisky, *Memoirs*, pp. 148 —165, Намек на связь между угрозами Криппса, эпизодом с Гессом и коммюнике см.: Волков Ф.Д., СССР-Англия 1929 — 1945 гг. М., 1964, стр. 343 — 344. FO 371 29466 N 2628/3/38, письмо Идена Криппсу о встрече с Майским 5 июня, и N 2674/3/38, запись Форин оффис, 9 июня 1941 г.

¹⁹ См. наст. изд. с. 20—21.

²⁰ Суворов, *Ледокол*, стр. 186.

²¹ Чуев, *Сто сорок бесед с Молотовым*, стр. 43.

²² Майский. *Воспоминания советского посла: Война, 1939 — 1943*, стр. 137. Этот эпизод, являющийся центральным для понимания событий накануне войны, снят Майским в последующем издании мемуаров на русском языке: И.М.Майский. *Воспоминания советского дипломата*. М., 1987. Так же вводят в заблуждение его попытки показать, что он постоянно предупреждал Москву перед войной.

²³ Maisky, *Memoirs*, pp. 150 ff.

²⁴ «Cripps Visit Sets erlin Wondering», *News Chronicle*, 9 June 1941.

²⁵ 9 и 8 июня 1941 г.

²⁶ FO 371 29483 N 2862/78/38. О позиции газеты см. также : J.Mc.Donald (ed.). *The History of the Times, Volume V: Struggle in War and Peace: 1939 — 1966* Londonn, 1984, p. 84.

²⁷ АВП РФ, ф.017а, дневник И.Майского, стр. 150 — 153, 12 июня 1941.

²⁸ FO 371 N 2887/78/38, записи Уорнера, 13 июня 1941 г.

²⁹ FO 418/87, телеграмма Бэггелли, 13 июня 1941 г.

³⁰ FO 371/29483 N 2887/78/38, записи Кадогана и Сарджента, 13 и 14 июня; 29315 N 7499/53/50, PIS, 18 июня 1941 г.

³¹ Cadogan, *Diaries*, p.382.

³² WO 208/1761, YIC (41) 234 (1 st draft), и комментарии MJ — 14; окончательный вариант см.: FO 371 29483 N 2906/78/38 и комментарии Кавендиш-Бентинка 15 июня см.: N 3047/78/38; см. также IC (41) 218, 23 мая в: FO 371 29483 N /2893/78/38, 31 мая. Неопределенность позиции разведки видна из: WO 190/843 от 2 июня 1941 г.

³³ Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*, том 1, стр. 365.

³⁴ *50 лет Великой Отечественной войны*, стр. 24 — 27: информация, направленная НКВД в ЦК и СНК; информация адмирала Алафузова Жукову 12 июня 1941 г.

³⁵ ЦАМО, оп. 2419, д.4, л.497, донесение военного атташе в Будапеште Голикову 14 июня 1941 г.

³⁶ Документы Волконогова: доклад разведывательного управления о Западе, 15 июня 1941 г.

³⁷ ЦАМО, оп.2419, донесение военного атташе в Стокгольме Голикову 15 июня 1941 г.

³⁸ Сообщение от 11 июня 1941 г. из Берлина от «Старшины» (немецкого офицера Шульце-Бойзена, работавшего в германском главном командовании на советскую разведку по линии НКГБ). См.: *50 лет Великой Отечественной войны*, стр. 23 — 24.

³⁹ Сообщение разведки НКГБ. См.: *Известия ЦК КПСС*, 1990, N 4, стр. 218. Сообщение датировано 20 июня 1941 г.

См. также информацию 21 июня Г.Кегеля из немецкого посольства в Москве, что нападение начнется на заре 22-го июня в: Milstein, *Intelligence Reports*, p.33; Герхард Кегель. *В бурях нашего века. Записки разведчика-активиста*. М., 1978, стр. 200.

⁴⁰ Milstein, *Intelligence Reports*, pp.32-33.

⁴¹ ЦАМО оп.24127, д.2, л.454, сообщение Зорге Голикову от 15 июня 1941 г.

⁴² Донесение Зорге в разведывательное управление Генштаба Красной Армии. Получено в 17.05. 21 июня 1941 г., см.: *Известия ЦК КПСС*, 1990, N 4, стр. 222.

⁴³ «*Известия ЦК КПСС*», 1990, N 4, стр. 217.

⁴⁴ Milstein, *Intelligence Reports*, pp. 32 — 33, 11 июня 1941 г.

⁴⁵ Вишлев О.В. «Почему же медлил Сталин в 1941 г.? (Из германских архивов) — *Новая и новейшая история*, 1992, N 2, стр.82.

⁴⁶ Там же, стр. 94 — 95.

⁴⁷ Документы опубликованы у О.В.Вишлева, цит. соч., стр. 96.

⁴⁸ Там же, стр. 82 — 85; записи из дневника Геббельса за 11 — 16 июня.

⁴⁹ Сообщение Наркома государственной безопасности В.Н.Меркулова в ЦК ВКП(б) И.Сталину и в СНК СССР 17 июня 1941 г. См.: *Известия ЦК КПСС*, 1990, N 4, стр. 221.

⁵⁰ Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*, том 1, стр. 324.

⁵¹ Там же, стр. 362 — 3.

⁵² Г.Куманев. «22-го, на рассвете...» Правда, 22.6.1989.

⁵³ Я в высшей степени признателен д-ру Льву Безыменскому за предоставление мне сообщения, подписанного генералом Н.Лашенко, которому об этом эпизоде рассказал Тимошенко.

⁵⁴ Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*, том 1, стр. 366 — 7.

⁵⁵ Головкин А.Г. *Вместе с флотом*, М., 1960, стр. 14 — 20; Харламов Н.М. *Трудная миссия*, М., 1983, глава 3; Кузнецов Н.Г. *Накануне*, М., 1966, стр. 324 — 340; Пантелеев Ю.А. *Морской фронт*, М., 1965, стр. 31 — 42; Вайнер Б. *Северный флот в Великой Отечественной войне*, М., 1964, стр. 21 — 5.

⁵⁶ FO 954/24 Su/41/15, 9 июня 1941 г.

⁵⁷ FO 954/24 Su/41/16, телеграмма Идена в Москву Бэггелли о встрече с Майским, 10 июня.

⁵⁸ Сообщения об этой беседе 13 июня 1941 г. см.: АВП РФ, ф. 059, п.1, п.352, д.2402, л.203 — 206 и FO 371 294892 N 279/78/38.

⁵⁹ FO 371 29483 N 3047/78/38, записи сообщения Кадогана и Кавендиш-Бентинка о разведывательных данных, переданных Майскому, от 15 июня 1941 г.

⁶⁰ FO 371/29466 N 3047/78/38, запись Кадогана; *Diaries of Cadogan*, p.388; Майский, *Воспоминания советского посла*, стр. 136 — 37. Версия Майского — это основное свидетельство о предупреждениях, делавшихся русским, привела большинство историков к неправильной и осуждающей интерпретации коммюнике ТАСС; среди таких оказался и в других отношениях безупречный труд Whaley, *Codeword Barbarossa*, pp. 107 — 8, 117.

⁶¹ АВП РФ, ф.055, оп.1, п.352, д.2402, л.214 — 215, телеграмма Майского в НКВД о беседе с Кадоганом 16 июня 1941 г.

⁶² *50 лет Великой Отечественной войны*, стр. 216, донесение «Старшины» в НКГБ, 16 июня 1941 г.

⁶³ FO 371 29483 N 2891/78/38, Иден Майскому, 14 июня 1941 г.

⁶⁴ FO 371 29483 N 2898/78/38, телеграмма Бэггелли в Форин оффис 16 июня 1941 г.

⁶⁵ FO 371 29483 N 2898/78/38.

⁶⁶ FO 371 29466 N 3099/3/38. См. столь же ошибочное английское

истолкование в: FO 371 29482 и 29483 N 2891/78/38, телеграмма от Бэггелли и записи Кадогана 14 и 15 июня 1941 г.

⁶⁷ АВП РФ, ф.0596, оп.1, п.352, д.2402, л.246 — 247, телеграмма Майского в НКВД о встрече с Бренданом Брекеном 20 июня 1941 г.

⁶⁸ АВП РФ, ф.059, оп.1, п.352, д.2402, л.235 — 236, телеграмма Майского в НКВД. ФО 17 а, дневник И.Майского, стр. 153 — 7.

⁶⁹ FO 371 29466 N 3099/3/38, памятная записка Криппса 19 июня 1941 г.

⁷⁰ The Times, archives, письмо Доусона Галифаксу, 22 июня 1941 г. Член апарламента — коммунист Галлахер 24 июня 1941 г. признал, что изменение позиции произошло 19 июня. См.: Parliamentary Debates, House of Commons, vol. 372, col. 968.

⁷¹ Erickson, *The Road to Stalingrad*, p.96.

⁷² АВП РФ, ф.059, оп.1, п.352, д.2402, л.254 — 7, телеграмма Майского в НКВД о беседе с Криппсом 21 июня 1941 г. См. также: FO 371 29484 N 30447/78/38.

⁷³ Бережков В. *Годы дипломатической службы*. М., 1972, стр. 60 — 64; R.J.Sontag and J.S. Beddie, *Nazi-Soviet Relations 1939-1941; Documents from the Archives of the German Foreign Office*. Washington, 1975, pp.353 — 56; Hilger, *Incompatible Allies*, p.336; DGFP, pp.1071 — 1075, телеграмма Шуленбурга в министерство иностранных дел и памятная записка министерства иностранных дел от 21 июня 1941 г.

⁷⁵ Жуков Г.К., цит. соч., том 1, стр. 370-371. См также A.Sella «Barbarossa»: Surprise Attack and Communication», *Journal of Contemporary History*, 1978, N 13(3).

⁷⁶ Директива Тимошенко, Жукова и Маленкова Военным советам нескольких фронтов от 22 июня 1941 г., см. в *50 лет Великой Отечественной войны*, стр. 30.

⁷⁷ FO 371 29466 N 3232/3/38.

⁷⁸ FO 371/29466 N 3018/3/38; Maisky, *Memoirs*, pp. 156 — 57.

⁸⁰ Майский И. *Воспоминания советского дипломата*, М., 1971, стр. 519.

⁸¹ FO 371 2948 N 3212/78/38.

⁸² АВПРФ, ф. 017-а, оп. 1, 9. 8 п. 2, с. 162 (дневник И. Майского)

⁸³ «Daily Express, 23 June 1941.

⁸⁴ FO 371/29466 N 3180 и 3489/3/38 mins. 23 и 28 June 1941.

⁸⁵ Cripps papers, diary 9 July 1941. Об одержимости Молотова см.: советские документы о его первых двух встречах с Криппсом 27 июня 1941 г. в Наркомате иностранных дел в Москве в кн.: *Советско-английские отношения*, М., 1984, том 1, стр. 47 — 50.

⁸⁶The Library of Congress, Ambassador Davies Papers, Box. 11. См. также: Halifax's Papers, York Country Library, A. 7,8,9, дневник, 11 декабря 1941 г. Позже Громыко, находясь за рулем автомобиля, был свидетелем жуткой ссоры в Вашингтоне между Литвиновым и Молотовым, продолжавшим настаивать, что в 1941 г. Англия и Франция толкнули Гитлера на нападение на СССР. См. А.Громыко. Памятное. М., 1990, т.2, ст.423. На переговорах с англичанами в начале войны Сталин не стремился к открытию второго фронта, а лишь настаивал на соглашении, обязывавшем стороны не заключать сепаратного мира.

Глава 13

Заключение

Неготовность Сталина к немецкому нападению в первую очередь объяснялась безнадежностью политических альтернатив для Советского Союза и перед второй мировой войной, и накануне Великой Отечественной войны. Только теперь, задним числом, возможно увидеть те пути, по которым следовало бы идти. Но если бы и была избрана единственно верная альтернатива, самое большее на что можно было бы надеяться — это смягчить силу удара. Избежать его не удалось бы ни в коем случае. Масштаб военной мощи, который продемонстрировала Германия во Франции и на Балканах, не предугадал никто из участников той, по определению Сталина, «Великой игры»¹. Сталин, по словам Молотова, «еще перед войной считал, что только к 1943 году мы сможем встретить немца на равных»². И, наверное, самыми важными причинами катастрофы стали давние подозрительность и недоверие, которые все участники «игры» питали друг к другу. В этом еще раз проявилась первостепенная, хотя часто и не замечаемая, роль восприятия в практике международных отношений.

В книге показано, что способность советского руководства справиться с кризисом была в значительной степени ограничена недостатками, присущими советской политической и военной системе. Сталин и руководство вооруженных сил знали об этих недостатках все, но, возможно, оказались не в состоянии исправить их за то малое время, которое им было отпущено после разгрома Франции. Возможно и то, что немецкий удар мог бы быть в определенной мере смягчен, если бы проводилась какая-то альтернативная политика. Но никто не может быть уверенным, что в условиях 1941 г. такая стратегия смогла бы сдержать немецкую армию. Крайне рискованные альтернативы, предлагаемые военными, в то же время не гарантировали надежного выхода. Таковы были сложившиеся обстоятельства. И в этих условиях Сталин, подобно Чемберлену до него, оказался загипнотизирован немецкой

военной мощью и избрал путь дипломатического решения. Однако он извлек уроки из политики «умиротворения» стран Запада и не оставил полностью без внимания военные вопросы. Тем не менее процесс возрождения армии как средства обороны был прерван войной.

Недостатки подготовки к войне оказались столь многочисленными, что просто невозможно выделить из них какой-то один, наиболее важный. Однако определяющими, вероятно, являются сложные взаимосвязи между политическими и военными проблемами (о них до этого не говорилось достаточно подробно). Прежде всего, на саму способность ответить соответствующим образом на германскую военную угрозу повлияли последствия репрессий в вооруженных силах, которые начались с 1937 и продолжались еще и в 1940 г., хотя и в несколько меньших масштабах. Однако столь же значительный вред принесло стремление к расширению вооруженных сил и их модернизации, которые осуществлялись лихорадочными темпами, но без соответствующей инфраструктуры. Вопреки тому, что утверждает Суворов, к июню 1941 г. ни механизированные войска Красной Армии, ни ее военно-воздушные силы не находились в состоянии готовности. Хотя военная промышленность предпринимала в 1940-1941 гг. огромные усилия, она не смогла поставить достаточное количество современной боевой техники на замену устаревших танков и самолетов³. Более совершенная боевая техника только начинала поступать на вооружение и еще не прошла полностью испытания. Это усугублялось недостатками систем тылового и технического обеспечения⁴.

Не менее сокрушительным оказался эффект внезапного нападения, который застал врасплох практически всю армию. Все мобилизационные планы были нарушены. Оказавшись не на том участке фронта, который был предусмотрен планом, армии попадали в катастрофическое положение из-за неразрешимости проблем тылового обеспечения и связи. Дело страдало и из-за того, что на фронте не были созданы командные пункты для надежной передачи приказов⁵. Реорганизацию Вооруженных Сил подрывала частая смена командного состава высшего звена: так, за последний предвоенный год сменились три начальника Генерального штаба. Наконец, не менее важ-

ным было и то, что военная теория не была усвоена и приспособлена к условиям, сложившимся весной 1941 г. Репрессии привели к тому, что военная теория не была до конца принята на вооружение советской армией. Вопросы военной доктрины не были должным образом разработаны; в значительной мере она оставалась уделом теоретиков, споривших между собой на страницах военных журналов. Вследствие этого, такой важный компонент военной доктрины как «глубокая операция» рассматривался только вскользь. Вопреки утверждениям Суворова, на удалении до 50 км от фронта или ближе были размещены только 42 дивизии, а 128 дивизий, в том числе танковые и моторизованные, находились на расстоянии от 50 до 500 км от фронта, несмотря на то, что почти все они были предназначены для прикрытия границы⁷. Таким образом возникла путаница в размещении сил прикрытия и вспомогательных войск на фронте⁸.

И, наконец, не следует забывать, что деспотичная система управления привела к «субъективизму и монополии И.В. Сталина в выборе средств и способов достижения целей, игнорированию того научного багажа, который был накоплен в 30-е годы»⁹. Постоянное вмешательство Сталина в деятельность Верховного командования мешало его работе, принятию правильных решений по стратегическим вопросам. Тем не менее советскую внешнюю политику в период после заключения пакта Риббентропа — Молотова нельзя убедительно объяснить только капризной тиранией Сталина или экспансионизмом. Политика, скорее, кажется рациональной и уравновешенной — беспринципной *Realpolitik*. Тщательное исследование советской политики 1939-1941 годов подтверждает точку зрения, согласно которой пакт был подписан из-за относительной слабости Советского Союза: Сталин никогда, и особенно после разгрома Франции, не игнорировал вероятности того, что когда-нибудь Советскому Союзу придется столкнуться с Германией на поле боя.

С другой стороны, Сталин никогда не отказывался от своих подозрений о возможности примирения между Англией и Германией. Поэтому в высшей степени сомнительно, что Сталин видел в самом пакте абсолютно надежную гарантию западных границ России. Замечательным успе-

хом своей дипломатии русские считали строгий нейтралитет, а не свои обязательства перед Германией. Однако нейтралитет оставался непрочным на протяжении всего периода 1939-1941 гг. — между началом второй мировой войны и Великой Отечественной войной. Нейтралитет подрывали благожелательное советское отношение к Германии, возможность военных действий западных союзников против России, глубокий гнетущий страх в Кремле перед возможностью примирения между Германией и Англией. Русским поэтому пришлось, особенно после разгрома Франции, исполнять смертельно опасный номер, подобно цирковому канатоходцу. И в конечном итоге Сталин был вынужден проводить до того тонкую двойную дипломатию, что ее смысл зачастую оставался темным как для его партнеров по диалогу на международной сцене, так и для его ближайших коллег в Кремле. Даже Молотов признался: «Сталин считал, Сталин думал...» Будто бы кто-то знал точно, что Сталин думал о войне!»¹⁰ Его маниакальная подозрительность в отношении сепаратного мира помешала ему принимать верные решения. Чем ближе подходила война, тем более сильный паралич воли охватывал его.

Со своей стороны, английское правительство, оставаясь в плену устаревших концепций, так и не сумело оценить значение изменявшейся международной ситуации. Тенденциозная интерпретация английским правительством, особенно Форин оффис, пакта Риббентропа — Молотова усилила фатальную концепцию, исключавшую возможность сотрудничества с Россией в военное время. Считалось аксиомой, что пакт Сталина с Гитлером о нейтралитете в конечном итоге превратится в прочный союз. В придачу к этим предвзятым представлениям втайне вынашивалась надежда, что в ходе войны может представиться возможность избавиться от обоих презренных режимов — нацистского и советского. И таким образом характер отношений, сложившийся после заключения пакта Риббентропа — Молотова, основывался на взаимной подозрительности. Он заставил Советский Союз и Великобританию относиться друг к другу как к потенциальному союзнику и как потенциальному врагу одновременно. Этот

характер отношений не только способствовал недолговечности союза, возникшего после 22 июня, но и сформировал карту послевоенной Европы¹¹.

Примечания

¹ См. наст. изд. стр. 124-130.

² Чуев Ф. *Сто сорок бесед с Молотовым*, стр. 31.

³ Erickson. *The Road to Stalingrad*, pp. 62-63.

⁴ Glantz. *The Military Strategy of the Soviet Union*, p. 59.

⁵ Жуков. Цит. соч., стр. 32.

⁶ Борщев А.Д. «Отражение фашистской агрессии: уроки и выводы.» — *Военная мысль*, 1990, N 3, с. 14.

⁷ Язов Д.Т. «Впереди была война.» — *Военно-исторический журнал*, 1991, N 5, стр. 7.

⁸ Борщев А. Д. Цит. соч., стр. 18.

⁹ Там же., стр. 20.

¹⁰ Чуев Ф. *Сто сорок бесед с Молотовым*, стр. 42.

¹¹ Это хорошо поняли в Форин оффис. См.: FO 371/29484 N 3046/78/38, JIC (41)251 (Final): «Some Effects of German-Soviet Collaboration», 13 June 1941.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава 1. Введение	7
Полемика	7
Невозвращенцы становятся историками.....	13
Кто на кого собирался нападать в июне 1941 года?	16
Россия как агрессор во второй мировой войне.....	19
Бремя доказательства.....	22
Глава 2. Рождение советской внешней политики.	
Идеология и прагматизм	33
Красная дипломатия	33
Революция идет на компромисс	36
Усовершенствованная военная доктрина: продвигая мировую революцию?	40
Глава 3. Коллективная безопасность. Русификация революции.	45
Россия в осаде.....	45
Дилемма	47
Таская из огня каштаны.....	51
Пакт	57
Военная сторона коллективной безопасности	61
Глава 4. Лондон и Москва. «Потенциальные враги».....	74
Краткая передышка	74
На грани войны.....	78
Мировая с Медведем.....	81
Глава 5. Общность судеб или план «Барбаросса»?.....	94
Гитлер и Сталин: идеологи или прагматики?.....	94
Возникновение плана «Барбаросса» — приверженность обязательствам?.....	96
Континентальная альтернатива.....	100
Молотов в Берлине. На распутье.....	102
Цель — Москва.....	111
Германия и превентивная война	115
Глава 6. Красная Армия в состоянии боевой готовности	124
Падение Франции — шоковая терапия для Красной Армии	124

Оперативные планы.....	130
Советская разведка и план «Барбаросса».....	139
Глава 7. Предупреждение Черчилля Сталину.....	150
Британская разведка и план «Барбаросса».....	150
«Тайное» предупреждение.....	157
Югославская интерлюдия.....	162
Несанкционированное вмешательство Криппса.....	169
Постскриптум.....	172
Глава 8. Русское «умиротворение» и сепаратный англо-германский мир.....	179
«Умиротворение».....	179
Новый советско-германский пакт?.....	184
Сталин и «слухи о войне».....	206
Призрак сепаратного мира.....	213
Глава 9. Полет Рудольфа Гесса в Англию.....	224
Заговор Гесса.....	224
Миссия.....	229
Заставляя немцев теряться в догадках.....	239
Фиктивные переговоры.....	246
Глава 10. Гесс и Кремль.....	255
«В погоне за большевистским зайцем».....	255
Гесс глазами русских.....	265
Глава 11. «Особо угрожаемый военный период».....	281
Подготовка к войне.....	281
Превентивный удар?.....	289
Приглушенная тревога.....	297
Глава 12. Катастрофа.....	311
Криппса отзывают в Лондон.....	311
Коммюнике ТАСС.....	317
Мобилизация — это война.....	320
Лондон: настал день последнего суда.....	326
22 июня 1941.....	332
Глава 13. Заключение.....	344

Г. Городецкий

Миф «Ледокола». Накануне войны

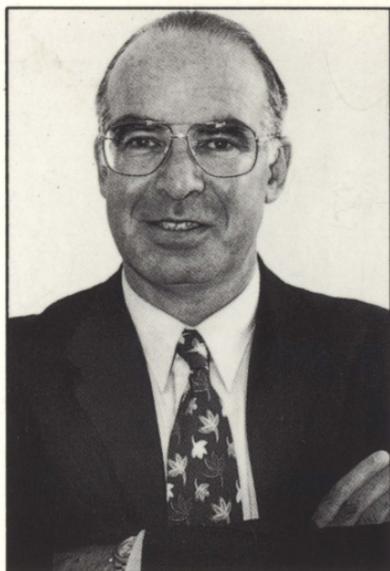
Редактор А. П. Фоменко

Художественный редактор В. К. Кузнецов

Лицензия ЛР № 061704

ТОО «Прогресс-Академия», 121857, Москва, ГСП-2, Бережковская наб., 24

**Printed in Germany
by
ELSNERDRUCK – BERLIN**

Габриэль
Городецкий

МИФ «ЛЕДОКОЛА»

Габриэль Городецкий — профессор истории, директор Каммингсовского Центра по изучению России и Восточной Европы Тель-Авивского университета. В настоящее время приглашенный сотрудник Сент-Антони-Колледжа Оксфордского университета. В 1979-80 гг. работал в Оксфордском университете, а в 1986-87 гг. — в Центре Вильсона в Вашингтоне. В 1986-93 гг. Городецкий был научным советником Штабного колледжа Сил Оборона Израиля. Автор книг: «Хрупкий мир: англо-советские отношения в 1924-27 гг.», «Миссия Криппса в Москве. 1940-1942» (Кембридж Университи Пресс), «Советская внешняя политика с 1917 по 1991 г. Ретроспектива», «Криппс и Черчилль: Дневник и документы британского посла в Москве» (Фрэнк Кэсс), а также многочисленных статей о советской внешней политике и по истории второй мировой войны. В настоящее время работает над трехтомным трудом «Великий Союз во второй мировой войне: пересмотренная история».

«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»